

Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Учебное пособие

Рекомендовано УМО вузов России по социальной работе

2004

УДК
ББК
Я 77

Рецензенты:

Учебное пособие разработано при поддержке
Национального фонда подготовки кадров

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.

Я 77 Социальная антропология: Учеб. пособие. 388 с.

ISBN

В пособии представлены классические и современные теории социальной антропологии, предлагается новая для российской социологии социально-антропологическая перспектива изучения проблем повседневности, здоровья, гендерных отношений, организаций, городской среды. Рассматриваются проблемы прикладной антропологии, методологии качественного исследования. В пособии использованы материалы авторских исследований в стратегии кейс-стади с применением этнографических методов и привлечением сравнительного материала. Курс рассчитан на студентов старших курсов и аспирантов социально-экономических специальностей.

УДК
ББК

ISBN

© Ярская-Смирнова Е.Р.,
Романов П.В.
2004

Введение

Понятие антропологии. Ее место в системе наук и практике. Социальная антропология как наука и учебная дисциплина: объект исследования и предметное поле. Соотношение с другими гуманитарными дисциплинами: философией, социологией, культурологией, социальной психологией; единство и различие понятий цивилизация и культура. Некоторые понятия антропологии: антропогенез; человек, личность, индивидуальность; архетипы культуры; ментальность

Социальная антропология – это наука и учебная дисциплина, объект которой – это человек, культура и общество в многообразных проявлениях. Например, работа, семья, образование, религия важны как для русских, так и для немцев, татар; мужчин и женщин; жителей города и сельчан; юных и пожилых. Однако содержание этих понятий может быть совершенно разным. Именно это может стать причиной непонимания и даже конфликтов между разными людьми, обществами и социальными группами. Социальная антропология и существует именно для того, чтобы помочь людям понять друг друга, избежать или мирно разрешить конфликты и достичь эффективного взаимодействия. Навыки и знания социального антрополога высоко ценятся во всем мире особенно в периоды общественных изменений.

Социальная антропология – это наука, предметным полем которой выступает кросскультурное разнообразие жизненного опыта людей в различных социальных группах, обществах и культурах. Каждая культурная группа по-своему трактует понятия возраста, статуса, здоровья и болезни, пола и сексуальности, женского и мужского, определяя то, каким образом интерпретируются человеческое тело и возможности личности, как в той или иной группе распределяются власть и ресурсы. Все эти образцы культурных практик, социальных взаимодействий и символических средств коммуникации могут существенным образом различаться у культурных групп, оформляясь под влиянием определенной системы культуры и, в свою очередь, изменяя образцы социальных отношений, правил и установлений социального порядка. Культура, власть, идентичность,

гендер, неравенство – ключевые понятия современной социальной антропологии.

Понятие антропологии происходит от двух греческих слов: антропос – человек и логос – учение. Сам термин «антропология» появляется лишь в начале XVI в. в Германии и используется вначале в анатомическом контексте, а позднее – как учение о человеческой душе. Как самостоятельная наука антропология сформировалась в XIX в. Основными ее разделами тогда были: морфология человека, учение об антропогенезе, расоведение. С тех пор антропология развивалась на грани естественного и общественного разделов науки, исследуя происхождение и эволюцию человека как особого социобиологического вида, образование человеческих рас, нормальные вариации физического строения человека внутри этих рас, в том числе в связи с особенностями окружающей людей среды. Постепенно два направления антропологии – физическое и культурное (социальное) выделились в самостоятельные дисциплины, в соответствии с разделением между естественно-научными и гуманитарными областями научного знания.

Термин «*антропогенез*» (антропо – человек + генез – развитие) имеет два смысла – во-первых, это процесс историко-эволюционного формирования физического типа человека, первоначального развития его трудовой деятельности, речи, а также возникновения человеческого общества; а во-вторых, это раздел антропологии – учение о происхождении человека.

В самом широком смысле антропология — это совокупность научных знаний о природе человека и его деятельности. Место социальной антропологии в системе других наук можно рассмотреть в ее соотношении с другими гуманитарными дисциплинами: философией, историей, социологией, культурологией, социальной психологией. Интеллектуальным предшественником современной антропологии был философский антропологизм XVIII–XIX вв., согласно которому, только исходя из человеческой сущности, можно разработать систему представлений о природе, обществе, познании (Л.Фейербах, М.Шелер, Ф.Ницше, Н.Чернышевский и др.). Со второй половины XIX в. понимание антропологии изменилось. Накопление научной информации неизбежно вело к дифференциации гуманитарного знания, к формированию на его стыках все новых дисциплин. В то же время из-за ограниченности источников по истории бесписьменных архаических народов такие отрасли знания, как этнография, физическая антропология (или естественная история человека), археология, не могли существовать одна без другой. Это обусловило не столько их дифференциацию, сколько интеграцию в единый комплекс. В настоящее время антропологическую науку, как правило, подразделяют на два больших направления: физическую и социальную (или иначе — культурную) антропологию. Первая изучает физическое строение человеческого тела и антропогенез (т.е. проблему происхождения и формирования физического типа человека).

Вторая представляет собой блок самостоятельных дисциплин (археология, лингвистика, фольклористика, этнография и, наконец, собственно культурная или социальная антропология), рассматривающих в целостности культуру того или иного народа¹.

Определение границ между дисциплинами всегда было важной проблемой для ученых. Например, Клод Леви-Строс считал, что «фундаментальная разница между историей и этнологией не заключена в различии предмета, цели или метода. Они имеют общий предмет (социальная жизнь), общую цель (развить знание о человеке), фактически, пользуются теми же методами, в которых различаются лишь пропорции применяемых исследовательских техник. Их принципиальное различие состоит в выборе взаимодополняющих перспектив: историки организуют данные в соответствии с осознанными проявлениями социальной жизни, в то время как антропологи анализирует ее бессознательные основания».

Дебаты о предмете и границах дисциплины «социальная антропология» не прекращаются до сих пор. В то же время, плодотворно, когда ученые не столько спорят о границах собственных дисциплин, сколько обмениваются достижениями. Например, довольно часто сегодня исследователи, формально относящиеся к разным научным областям – например, историки или философы, культурологи или психологи, культурные или социальные антропологи - объединяются на конференциях, проводят научные семинары и школы, издают книги и работают над проектами, осуществляя вклад в развитие знания о человеке на микроуровне анализа социальной реальности.

Изначально сферой антропологии была эволюция человека от животных форм, а также распределение людей по расовым группам, своеобразие их анатомических и физиологических признаков. Одновременно наметилось и другое ответвление антропологии, которое занималось изучением обществ, наиболее далеко отстоявших от привычного европейского типа. Но, оказываясь в деревушке латиноамериканских индейцев или африканских пигмеев, антрополог не ограничивался описанием обычаев, одежды и ритуалов в традициях чистой этнографии. Он стремился раскрыть происхождение и развитие нормативно-ценностной базы, регулирующей жизнь данного общества, понять внутреннюю логику и смысл социального поведения его членов. Однако, развиваясь, антропология доказала, что ее методология и инструментарий могут быть применены не только при изучении тотемизма или полигамии, но и при анализе «цивилизованных» обществ².

---

¹ Пархоменко И.Т., Радугин А.А. Культурология в вопросах и ответах. М.:Центр, 2001.

² Володина Т.А. «Старые» оружейники и новые методологии http://www.tounb.tula.net/Tula/bibl_ukaz_Ashurkov_3.htm

В развитии дисциплины большое значение имела дискуссия о единстве и различии понятий «цивилизация» и «культура». В отличие от формационного подхода, предлагающего рассматривать эволюцию обществ на основании истории производственных отношений, отношений собственности, цивилизационный подход связывает различия обществ с особенностями культуры.

Термин «цивилизация» (от лат. *civilis* — гражданский, государственный, политический, достойный гражданина) был введен в научный оборот XVIII в. французскими просветителями для обозначения гражданского общества, в котором царствуют свобода, справедливость, закон. Тем самым подразумевалась некая качественная характеристика общества в смысле уровня развития. Это значение слова «цивилизация» несет в себе нравственную оценку, указывая на то, какое общество может считаться цивилизованным, то есть добродетельным, а какое этого не достойно.

Существует и другая трактовка цивилизации – как высокого уровня духовных, но одновременно и технологических достижений общества, социального и политического развития. Понятие «древние цивилизации» применяется в отношении к конкретному историческому периоду.

Л. Морган и Ф. Энгельс рассматривали цивилизацию как стадию развития общества, наступившую за дикостью и варварством. Становление цивилизации связано с достаточно высоким уровнем разделения труда, формированием классовой структуры общества, образованием государства и иных политических и правовых институтов власти, развитием письменных форм культуры, системы мер и весов, развитой общей религией. Примером таких цивилизаций можно назвать цивилизацию Майя, цивилизацию Древней Греции, цивилизацию Древнего Рима.

В культурологии существует довольно сильное течение, противопоставляющее культуру цивилизации. Начало такому противопоставлению положили русские славянофилы, утверждая тезис о духовности культуры и бездуховности цивилизации как чисто западного явления. Продолжая эту традицию, Н.А. Бердяев писал о цивилизации как «смерти духа культуры». В западной культурологии последовательное противопоставление культуры и цивилизации осуществил О. Шпенглер. В своей книге «Закат Европы» (1918) он описал цивилизацию как конечный момент в развитии культуры, означающий ее «закат» или упадок. Шпенглер считал главными чертами цивилизации «острую холодную рассудочность», интеллектуальный голод, практический рационализм, смену душевного бытия умственным, преклонение перед деньгами, развитие науки, безрелигиозность и тому подобные явления.

Однако в культурологии имеется и противоположный подход, по сути дела отождествляющий культуру и цивилизацию. В концепции К. Ясперса цивилизация интерпретируется как ценность всех культур. Культура составляет стержень цивилизации, но при таком подходе нерешенным остается вопрос о специфике культуры и цивилизации. Понятие цивилизации при такой трактовке указывает на функциональность, технологичность, институциональность. Понятие культуры — не только на технологии, но и на ценности и смысле, она связана с постановкой и реализацией человеческих целей.

Различие культуры и цивилизации, приводящее в определенных социальных системах к их противоречию, носит не абсолютный, а относительный характер ¹.

Главным объектом научного внимания социальных антропологов выступает *человек* в контексте культуры. Наряду с понятием «человек» употребляются термины «личность», «индивид», «индивидуальность». Содержательно эти понятия переплетены между собой. Человек - это родовое понятие, указывающее на отнесенность существа к человеческому роду. В понятии "человек" утверждается генетическая предопределенность развития собственно человеческих признаков и качеств. Индивид - это единичный представитель вида "homo sapiens" . Как индивиды люди отличаются друг от друга не только морфологическими (рост, цвет глаз), но и психологическими особенностями (способностями, темпераментом, эмоциональностью). Индивидуальность - это единство неповторимых личностных свойств конкретного человека, своеобразие его психофизиологической структуры (тип темперамента, физические и психические особенности, интеллект, мировоззрение, жизненный опыт).

Становление личности есть процесс социализации человека, который связан с принятием индивидом выработанных в обществе социальных функций и ролей, принятых в культуре социальных норм и правил поведения, с формированием умений строить отношения с другими людьми. Сформированная личность есть субъект свободного, самостоятельного и ответственного поведения в социуме. Становление индивидуальности - это процесс самоопределения и обособления личности, оформление ее отдельности, уникальности и неповторимости. Понятие «личность» подчеркивает деятельностьную сторону, тогда как понятие «индивидуальность» подразумевает качества самостоятельности, уникальности.

Соотношение личности и культуры – предмет междисциплинарный, занимавший многих известных психологов и антропологов. Например, Карл Густав Юнг развивал теорию *архетипов* как устойчивых форм вос-

¹ Пархоменко И.Т., Радугин А.А. Культурология в вопросах и ответах. М.:Центр, 2001.

приятия. Юнг полагал, что в основе мифологии лежат определенные типические образы и мотивы, с которыми мы постоянно сталкиваемся: повсюду обнаруживаем идею волшебной силы или вещества, духов и их деяний, героев и богов, легенды о них – в великих мировых религиях, в искусстве, в снах и «даже в точных науках в качестве основы некоторых незаменимых вспомогательных понятий, таких как энергия, эфир и атом». «Мы настолько привыкли оперировать общепринятыми и самоочевидными понятиями», – говорит Юнг, – «что мы даже не осознаем, в какой степени они основаны на архетипических формах восприятия». Среди главных архетипических фигур, доминирующих культурных образов – божественные или демонические существа, воплощающие специфические универсальные роли и функции. Наиболее известны из них Великая Богиня-Мать, Ужасная Богиня-Мать, Мудрый Старец, Вечная Юность, Любовники и Обманщик. Мужское бессознательное, согласно Юнгу, хранит обобщенное представление женского принципа, называемого Анима, а двойником Анимы служит Анимус — обобщенное представление мужского принципа в женском бессознательном; в свою очередь Тень – это представление в бессознательном темного, разрушительного аспекта человеческой личности.

Новые исследовательские задачи у антропологов появляются в связи с изменениями методологических ориентиров социальной науки в контексте глобальных и локальных социальных процессов. Среди современных направлений антропологии – медицинское, гендерное, организационное, визуальное, политическое, лингвистическое и когнитивное, прикладное. Многие из них отличает акцент на пересмотре классических доктрин об обществе и критический анализ культуры.

Медицинская антропология, анализируя отношение к здоровью, телу, заболеваниям и лечению в различных социокультурных контекстах, позволяет пересмотреть господствующие в современном обществе медикалистские определения социальных проблем и выработать гуманистический подход к их решению. Антропологический взгляд на культурные универсалии и культурные особенности жизненного опыта позволяет обнаружить глубинные истоки различий между социальным опытом женщин и мужчин. Антропологические исследования продемонстрировали, что пол и сексуальность часто выступают весьма тесно сопряженными понятиями во многих культурах и используются в целях узурпации власти и социального контроля. Современная гендерная антропология охватывает широкий спектр проблем: здесь и теоретические дебаты об универсальных маркерах статуса, работы, брака и родства, власти и угнетения, и связи между телом и гендером, исследования маскулинности и феминности, трансгендерного тела и идентичности.

Социальная антропология организаций, применяющая теоретический аппарат и качественные методы социальной антропологии в исследованиях

управления и работы, динамично развивается как в России, так и за рубежом. Социально-антропологическое исследование управления включает концепции организационной символики, репрезентации, социальной практики. Кросскультурные нюансы социализации, образования, практик воспитания и развития личности различаются в современном и традиционном обществах, в разнообразных субкультурах в рамках одного города. Кроме того, существуют различия в правовых системах разных стран и социальной политике.

Политическая антропология исследует ритуалы и риторику избирательных кампаний, внутреннюю организацию политической деятельности и управления. Новое направление исследований – социальная антропология возраста, в частности, социокультурных процессов старения, учитывает социальные аттитюды к старости в различных обществах и культурах, социальное содержание пожилого возраста, межпоколенческие отношения.

Антропологи исследуют социальные практики и жизненный опыт людей разного пола, возраста, этничности или расы, гражданства в различных обществах и культурах, а также культурные репрезентации этого опыта. Это направление связано с теми открытиями, которые были сделаны благодаря постструктуралистским, постколониальным и постмодернистским исследованиям. Здесь анализируются отношения между культурным пониманием различий, с одной стороны, и распределением власти – с другой. Испытывая влияние лингвистики и социолингвистики, антропологи исследуют взаимосвязи и взаимовлияния пола и языка.

Одним из перспективных направлений сегодняшней исследовательской практики выступает историко-антропологический подход: «историческая антропология» или «история повседневности». Ее главное отличие от событийной или социально-экономической истории заключается в переносе внимания на изучение мотивов и стратегий поведения людей, *ментальности* людей прошлого. Образ мыслей и чувств людей минувших эпох качественно отличается от мировосприятия, свойственного нашему собственному времени, определяется материальными условиями жизни, религией и иными факторами. Для историков, которые восприняли импульс антропологического подхода, важным стало не просто описать действия людей, а раскрыть мотивы этих действий¹.

Упомянутые проблемы предоставляют широкое поле междисциплинарных исследований и профессиональной практики социологам, социальным антропологам, социальным работникам, культурологам, психологам и этнографам. Сейчас во всем мире происходит стремительное изменение объекта этнографического изучения. Традиционная культура модернизируется, народы мира становятся в той или иной мере разновидностями

---

¹ Володина Т.А. «Старые» оружейники и новые методологии http://www.tounb.tula.net/Tula/bibl_ukaz_Ashurkov_3.htm

«современного общества». Это изменение объекта неизбежно сближает этнографию (этнологию, антропологию) и социологию. Она с течением времени будет оказывать все большее влияние на деятельность этнографии.

Структура предлагаемого учебного пособия включает три больших модуля. Первый модуль «Социальная антропология: основные направления и школы» раскрывает истоки и эволюцию дисциплины, рассматривает сходства и различия социальной и культурной антропологии, этнологии и этнографии как предметных областей. Отдельно рассматриваются пять базовых теоретических направлений социальной антропологии: эволюционистское, функционалистское, структуралистское, марксистское и критическое, интерпретативное. Этнография представлена не только как дисциплина, но и как основной метод социальной антропологии и социологии, а также как жанр научного описания.

Второй модуль «Современные направления социально-антропологического знания» содержит пять тем, показывающих историю развития, спектр проблем и роль медицинской, феминистской, организационной, городской и прикладной антропологии. Третий модуль «Антропологическое исследование» рассматривает особенности полевой методологии. Подробно разбираются методы наблюдения, кейс-стади, интервью, анализа документальных источников, нарративного анализа интервью. В число методов входят также партисипаторные и акционистские подходы к исследованию. Отдельно разбираются вопросы этики социальной антропологии.

Каждая тема представленного пособия раскрывается при помощи текста лекций, который сопровождается списками ключевых понятий, вопросов для повторения, заданий для практических занятий и рекомендуемой литературы.

Учебное пособие предназначено для студентов старших курсов факультетов социальной антропологии и социологии, для аспирантов социально-экономических специальностей.

При изучении содержания этого курса важно учитывать его взаимосвязь с курсами «Религиоведение», «История социальной антропологии», «Этнопсихология», «Основы психологического консультирования», «Социология», «Психология», а также другими разделами базового профессионального курса «Социальная антропология».

МОДУЛЬ 1.**СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И
ШКОЛЫ****Тема 1.1. Социальная антропология:
истоки и эволюция**

Особенности социальной и культурной антропологии, этнологии и этнографии. Основные парадигмы и школы социальной антропологии. Эволюционизм. Функционализм. Социокультурный процесс. Марксистская и критическая антропология. Структурализм. Семиотика. Интерпретативная антропология. Перспективы etic и emic. Исследования повседневности.

Особенности социальной и культурной антропологии, этнологии и этнографии

Если посмотреть на названия факультетов в Великобритании и Соединенных Штатах Америки, Франции и России, то мы увидим следующую картину. В Британии интересующие нас знания можно получить на факультетах социальной антропологии, в США – культурной антропологии, во Франции – этнологии, а в России – социальной антропологии и этнографии. Почему существуют такие различия в наименовании?

Для начала вспомним об истоках антропологии как социально-гуманитарной науки. Первым профессором социальной антропологии был сэр Джеймс Дж. Фрэнгер (1854-1941) в университете Ливерпуля в 1907 г. Он назвал ту область, в которой работал, ответвлением социологии, занимающимся изучением примитивных народов.

Термин «primitive» в английском языке имеет значения «примитивный», «первобытный», «простой». Эти понятия в эволюционизме относятся к первой – несовершенной – ступени человеческого общества, которая впоследствии преодолевается более зрелыми формами. В ряде текстов других антропологических традиций «primitive» относится к локальным сообществам, характеризующимся *простой* системой социальной организации.

Начиная с 1920-х гг., социальная антропология стала в большей степени ассоциироваться с вкладом А.Р. Рэдклифф-Брауна (1881-1955). В 1923 г. он сформулировал отличие этой дисциплины как «стремление сформулировать общие законы в основе феномена культуры» от этнологии как «попытки реконструировать историю культуры». При этом к этнологии им были отнесены работы американского исследователя Ф. Боаса (1858-1942) и его последователей, хотя сам Ф. Боас называл свою область научных интересов просто «антропология». Рэдклифф-Браун большое значение придавал созданию типологий, что стало характерным для работ многих социальных антропологов.

Термины «этнография» и «этнология» появились в конце восемнадцатого века. Впервые термин «этнография» упоминается в работе немецкого историка А.Л. Шлезера «Общая Северная история», который использовал это выражение как синоним термину «Völkerkunde», то есть описательное и историческое изучение стран и народов. Немецкий историограф Г. Вермойлен упоминает о связи Шлезера с Императорской Российской академией наук в Санкт-Петербурге в 1760-х гг., где он работал вместе с П.А. Мюллером, И.Э. Фишером и другими немецкими учеными по приглашению российского правительства над отчетом о народах недавно освоенных восточных территорий Российской империи¹.

Первое употребление термина «этнология» тот же Вермойлен относит к работе словацкого историка А.Ф. Коллара 1783 г. Оба термина очень быстро были приняты европейскими учеными, хотя их более широкое распространение в английском и французском стало заметно лишь с 1820-1830-х гг. С тех пор, однако, смыслы слов «этнология» и «этнография» несколько раз существенно менялись теми, кто принимал их на вооружение. Так, британские ученые в меньшей степени учитывали географический и лингвистический аспекты этнографии, предпочитая обращать внимание на расовые корни изучаемых народов. Примером выступает работа Дж. Причарда «Исследование физической истории человечества» 1813 г., где задачей этнологии определяется «поиск истории человеческих племен и рас от древнейших периодов, которые возможно подвергнуть изучению, раскрытие их взаимосвязей, формулирование точных или вероятных выводов в отношении их близости или различий в происхождении»².

Идея Причарда оставалась на повестке дня вплоть до начала двадцатого века, однако, уже с 1860-х термин «этнология» приобрел новый смысл благодаря подъему эволюционистов, в частности Э. Тэйлора и других ученых, для которых единство рода человеческого уже не представляло со-

---

¹Wood P.W. Ethnography and ethnology // The Dictionary of Anthropology. Ed. by Thomas Barfield, Blackwell publishers, 1997. P.157.

²Там же.

мнений, и которых более всего интересовало прогрессивное развитие человеческого общества. Тогда же развиваются классификационные схемы расовых различий. И хотя слово «антропология» принималось всеми как наиболее общий термин для обозначения дисциплины, «этнология» некоторое время считалась более научным, теоретическим ее крылом.

«Этнография» (гр. *ethnos* – народ) с момента проникновения этого термина в англоязычную среду была понята в двух смыслах. Во-первых, так называлось наблюдение – от разрозненных заметок до крупномасштабных штудий племен, наций и народов, – осуществляемое кем-либо, кто записывает увиденное или услышанное подобно Геродоту, Марко Поло или миссионерам, солдатам и другим разнообразным путешественникам. Во-вторых, этнография означала систематический сбор данных в соответствии с принятыми процедурами – фактов о языках, обычаях, искусстве, достижениях. Этнограф в этом смысле приобретал репутацию педанта – за стремление к точности, обширные познания, въедливость, внимательность и трудолюбие. Этнография стала рассматриваться как база для антропологии, как основа для теоретических выводов и аргументации. С появлением фотографии, кино, звукозаписи и других средств архивации этнография приобрела еще одно значение: она стала не только тем, что описывает культуру (в основном посредством языка), но и тем, что ее представляет посредством артефактов, образов, музыки и так далее. При этом собственно этнический фактор здесь выступает на равных с другими культурными различиями, поэтому этнография в такой трактовке является определенным методологическим *подходом* в социологии и социальной антропологии.

Понятие «социальная антропология» доминировало в британской антропологии, соответствуя тому акценту в исследованиях, который делали ученые на понятиях общества, социальной структуры и социальной организации. Преобладание «социального» связано с интеллектуальным вкладом в антропологию таких представителей структурного функционализма, как А.Р. Рэдклифф-Браун и М. Фортес (1906-1983), которые наряду с другими британскими антропологами того времени во многом основывались в их изысканиях на теории социальных фактов, созданной Э. Дюркгеймом (1858-1917), и трактовали социальное как нечто автономное от культуры.

В североамериканской антропологии того же периода наблюдалось одновременное развитие понятия «культура», которое концептуально противопоставлялось британскому «социальному детерминизму». Последователи Ф. Боаса – К. Уисслер (1870-1947), А. Кребер (1876-1960), Р. Лоуи (1883-1957), П. Рэдин (1883-1939), Э. Сэпир (1884-1939) – добавили прилагательное «культурная» к развиваемой ими дисциплине, поскольку посчитали необходимым отмежеваться от физической антропологии, археологии и лингвистики. Вместе с тем, многие из них продолжали употреблять в

своих работах и лекциях сочетание «социальная антропология»: «нас интересует социальная жизнь человека, а не его анатомия, физиология и психология. Иногда мы говорим об этой социальной жизни как о цивилизации, но в социальной антропологии предпочтителен термин «культура», который, используемый в его техническом смысле, включает все групповые виды деятельности или конвенциональные привычки племени или общества»¹.

Термин «культурная антропология» прижился лишь к концу 1930-х гг., однако, и по сей день он понимается двояко: в широком смысле включает археологию, физическую антропологию и лингвистическую антропологию, а также изучение культур различных обществ, тогда как в узком смысле предполагает изучение какой-либо конкретной культуры и сравнительно-исторический анализ культур.

Долгое время американские и британские антропологи продолжали критиковать друг друга за игнорирование социальных отношений и социальной структуры, с одной стороны, или недооценку истории и психологии, с другой стороны. Современные антропологи понимают, что стремление искусственным образом изолировать «культуру» от «общества» в качестве предмета исследования ведет к заблуждениям. Однако, названия «социальная» или «культурная» антропология остались. Культурная антропология продолжает доминировать в США, а социальная антропология – в Великобритании и странах Содружества. Конечно, нельзя сказать, что границы этих двух традиций в точности соответствуют границам указанных стран. Так, труды британского антрополога Э. Тэйлора (1832-1917) являются ключевыми источниками культурной антропологии, тогда как американский антрополог Л.Г. Морган (1818-1881) стал центральной фигурой британской социальной антропологии.

Более того, происхождение этих традиций лишь отчасти отражает специфику соответствующих стран. Социальная антропология возникла благодаря таким британским теоретикам XIX века, как Г.С. Мэйн (1822-1888), У.Р. Смит (1846-1894), однако почерпнула немало из трудов известных ученых других европейских государств: швейцарца Ж. Баховена (1815-1887), датчанина К. Старке (1858-1926), финна Э. Вестермарка (1862-1939), голландца А. ван Геннепа (1873-1957) и, конечно, более всего, французского мыслителя Э. Дюркгейма и таких французских этнологов, входящих в группу «Анналы социологии», как М. Мосс (1872-1950) и Р. Гертц (1882-1915). Культурная антропология в начале двадцатого столетия обращалась к традиции немецких исторических географов К. Риттера (1779-1858) и А. Бастиана (1826-1905), а также к трудам Л.Г. Моргана и

---

¹Wood P.W. Ethnography and ethnology // The Dictionary of Anthropology. Ed. by Thomas Barfield, Blackwell publishers, 1997. P.157.

Г. Скулкрафта (1793-1864), к коллекции полевых исследований Бюро американской этнологии под руководством Дж.У. Пауэлла (1834-1902)¹.

И хотя культурная и социальная антропология некоторыми считаются как совершенно разные традиции социальной мысли, многие современные авторы, в то же время, предпочитают применять термин «социокультурная система» или «социокультурная антропология», чтобы избежать недостатков социального либо культурного детерминизма². В США существуют кафедры и факультеты социокультурной антропологии.

Интересно, что, согласно А. Рэдклифф-Брауну и Э.Эванс-Причарду (1902-1973), интеллектуальные источники социальной антропологии – это не Гоббс и Локк с их теоретическими умозаключениями о фундаментальных условиях общества, а Монтескье (1689-1755) и мыслители шотландского Просвещения, включая А. Фергюсона (1723-1816) и А. Смита (1723-1790), которые попытались сформулировать общие принципы структурных взаимосвязей в обществе из анализа частных явлений.

Связь антропологии с этическими и политэкономическими учениями девятнадцатого века лучше всего объясняет отличительную особенность интеллектуального проекта социальной антропологии: стремление раскрыть природу социальных образований на всех уровнях, вплоть до общества в целом, изучить институты, посредством которых социальные образования воспроизводятся, разнообразятся и влияют на создание всего общественного порядка.

Корни культурной антропологии находятся в немецкой исторической философии и американском прагматизме. В связи с этим эта наука стремилась раскрыть разнообразие человеческого опыта в исторических, психологических, экологических и других сравнительных аспектах. Можно сказать, что культурная антропология продолжает интеллектуальный импульс, данный путешественниками и авторами естественной истории, начиная с эпохи Возрождения, которые стремились описать мир таким, каким он предстает перед ними. Боас считал, что нужно разрабатывать рациональные гипотезы, но не предлагать систематические теории. Он скептически относился к способности наблюдателя определить с уверенностью, какие факты имеют научную значимость, и потому забрасывал сеть своего научного поиска как можно шире. Его предпосылкой выступало убеждение в том, что наблюдение первично по отношению к теории, поэтому

---

¹*Wood P.W.* Anthropology, cultural and social // The Dictionary of Anthropology. Ed. by Thomas Barfield, Blackwell publishers, 1997. P.17.

²*Seymour-Smith Ch.* Cultural Anthropology, Social Anthropology // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.61, 259; *Wood P.W.* Anthropology, cultural and social // The Dictionary of Anthropology. Ed. by Thomas Barfield, Blackwell publishers, 1997. P.17-21.

необходимо уделять внимание этнографическим деталям, открыто подходить к новым идеям¹.

Основные школы социальной антропологии

Эволюционизм

Эволюционизм – это одно из наиболее ранних направлений в исследовании общества и культуры, важная теоретическая школа социальной и культурной антропологии. В этом направлении сформулирована теоретическая модель необратимых культурных изменений, называемая эволюцией, или развитием, применение которой позволяет оценить рассматриваемую культуру или культурную черту в соответствии с принятыми критериями. Г. Спенсер предложил трактовать эволюцию как особый тип последовательности необратимых изменений культурных феноменов от относительно неопределенной бессвязной однородности к относительно более определенной согласованной гетерогенности, происходящих благодаря постепенной дифференциации и интеграции².

Базу социокультурного классического эволюционизма заложили такие мыслители, как Г. Спенсер, Э. Тэйлор, Л.Г. Морган. Они определили и основные принципы изучения общества и культуры. Во-первых, была основана возможность социальной науки. Основоположники эволюционизма считали возможным сделать культуру человечества объектом объяснения в терминах научных оснований и законов, полагая, что она порождена естественными причинами, и ее динамика закономерна. Это отличало их от предшественников, считавших историю человечества последовательностью уникальных событий, не поддающихся объединению в регулярные последовательности.

Во-вторых, они определили источники данных, на которых до сих пор базируется реконструкция эволюции: археологические данные, письменные исторические источники, непосредственные наблюдения «примитивных» обществ. Правда, подобного рода источники использовались в то время произвольно, не в равной мере, не систематически. В-третьих, к этому времени в исследовании эволюции общества и культуры утвердился сравнительный метод. К моменту появления антропологии он уже существовал в биологии и филологии. И хотя в рамках эволюционизма в этот период он не был систематическим образом сформулирован, в исследовательской практике сравнения использовались постоянно.

Общими исходными допущениями классического эволюционизма были следующие: психическое единство человека; направленность движе-

---

¹Wood P.W. Anthropology, cultural and social // The Dictionary of Anthropology. Ed. by Thomas Barfield, Blackwell publishers, 1997. P.19.

²См.: Культурология: XX век: Словарь. С.-Пб: Университетская книга, 1997.

ния человеческого общества и культуры от простого к сложному; закономерность культурного развития; эволюционная форма культурной динамики – последовательное усложнение социокультурной жизни, сопровождающееся повышением уровня ее организации. В эволюционизме устойчиво сохраняется интерес к понятию «адаптация». Человеческая культура в этих теоретических рамках рассматривается как совокупность процессов адаптации людей, организованных в общества, к их природному окружению.

После широкого распространения эволюционистских идей в конце XIX – начале XX вв. это направление представлялось чуть ли не единственной, универсальной теорией для объяснения социокультурных явлений и процессов. Однако, уже в начале XX в. накапливаются многочисленные факты, не поддающиеся эволюционистской интерпретации. По мере развития исследований общества и культуры их становилось все больше. Эволюционизм начал утрачивать научный авторитет и постепенно был вытеснен функционалистскими идеями.

Интерес к идеям эволюционизма начал возрождаться в 50-е годы XX в. Все шире распространяются работы, посвященные установлению аналогий и связей между биологией и культурной эволюцией. Этот поворот был обозначен термином [«неоэволюционизм»](#), который включает весь спектр теоретических ориентаций, связанных с изучением необходимых изменений в отношениях человека с окружением, имеющих форму развития.

В культурной антропологии эволюционистские идеи до сих пор составляют сильную парадигму научного изучения культуры. По мере расширения круга диффузионистских и функционалистских идей, возникших как противопоставляемые эволюционному, все более явным становилось их родство. Соответственно, возвращение к осмыслению классических оснований эволюционизма в 50-х годах и развитие этого направления, особенно интенсивное в 60-х годах, было вполне логичным¹.

Так, американская антропологическая школа второй половины XX в. характеризуется мирным сосуществованием и взаимным обогащением различных методологических подходов (диффузионизм, эволюционизм, структурализм, функционализм), а также использованием наследия предшественников. Так, опыт полевых исследований Л.Г. Моргана и стремление к классификации отдельных элементов культуры воспроизводился в традициях школы Ф. Боаса, которая выявила все возможности изучения культурной совокупности в рамках ограниченной культурной территории. Л. Уайт, получивший образование в рамках той же традиции, воспроизведя положительный опыт эмпиризма исторической школы, вернул концепцию эволюции культуры в науку и, таким образом, расширил возможности интерпретации культуры, не отказываясь и от использования структурно-

¹Культурология: XX век: Словарь. С.-Пб: Университетская книга, 1997.

функционального подхода при описании взаимодействия элементов культурной системы. Дж. Стюард в концепции мультилинейной эволюции обобщил взгляды Моргана и Уайта и рассмотрел параллелизмы в развитии отдельных замкнутых (исторически и географически) ареалов, используя опыт Кребера, разработал теорию культурно-исторических типов. Экологический подход Стюарда, концепция энергетического развития цивилизации и взгляд на культуру как адаптивную систему Уайта стали основой для развития культурно-эволюционного и культурно-экологического направлений в современной американской антропологии¹.

Функционализм

Термин «функционализм» понимается в нескольких значениях: (1) крупная школа антропологии, известная как «британская социальная антропология»; (2) этнографическая методология, выделяющаяся среди других методов социальных и гуманитарных наук; (3) модель объяснения социальных отношений в социологии, антропологии и психологии; (4) направление англо-американской социальной философии². В этом разделе мы рассмотрим термин в его первом значении.

Функционализм – одна из наиболее влиятельных теоретических школ социальной антропологии, которая объясняет социальные и культурные институты, отношения и поведения в терминах функций, выполняемых ими в социокультурных системах. Функционалистская теория в антропологии имеет длительную историю и может быть прослежена, начиная, по крайней мере, с Г. Спенсера, кто был одним из первых авторов социальной теории, применившим органицистские аналогии к интерпретации социокультурной эволюции. Во Франции основы функционалистской теории в социальных науках были заложены Э. Дюркгеймом, который разработал целый ряд ключевых понятий и идей, оказавших сильное влияние, в частности, на британскую структурно-функционалистскую школу.

Функционализм – один из основных методологических подходов в социальной антропологии, заключающийся в рассмотрении общества как системы, состоящей из структурных элементов, функционально связанных друг с другом и выполняющих определенные функции по отношению к обществу как целому. Различные социальные феномены (действия, отношения, институты), согласно этому подходу, должны объясняться через функции, выполняемые ими в социокультурной системе вообще или в тех или иных социальных или культурных общностях, в которых они имеют место.

¹Культурология XX век: Энциклопедия. Т.1. С.-Пб: Университетская книга, 1998.

²*Fischer M. Functionalism // The Dictionary of Anthropology, ed. by Thomas Barfield. Oxford: Blackwell, 1997. P.209.*

Функционалистское исследование ставит вопросы, каким образом те или иные конкретные институты или убеждения взаимодействуют с другими институтами и как они вносят вклад в сохранение социокультурной системы как целого или ее отдельных частей. Близкие направления представлены теорией систем и экологическим подходом: изменяя элемент системы, мы изменяем ее всю целиком. Функционализм возник в 1920-х гг., и это был резкий методологический прорыв, шаг вперед от внеконтекстных сравнений, характерных для эволюционистов XIX века: музейные коллекции, организованные как линейные последовательности прогресса (ранее подвергнутые резкой критике Э.Б. Тэйлора); диффузионистские карты культурных следов или ограниченных культурных комплексов; а также гранд-нарративы, т.е. крупномасштабные описания на макроуровне, иллюстрирующие прогресс разума (например, труд Дж. Фрезера «Золотая ветвь») (1890).

Функционализм вынес на повестку дня более научный сравнительный метод, в фокусе которого были понятия институтов, функций, убеждений, связей и взаимодействий. Изучение социальных взаимосвязей требовало сравнительных данных о разных обществах, фокусирующихся, например, на отношениях между матрилинейной системой родства, изменениями способа обработки земли, колдовством и высоким уровнем разводов. Функционалисты стремились показать, как род или религия структурировали экономические институты, как система ритуалов стимулировала экономическое производство и организовывала политику, а также как мифы (ранее недооцениваемые как выдумки) служили матрицами кодов и регулирующих социальных отношений¹.

Ранний функционализм британской социальной антропологии развивался под влиянием социологической теории Э. Дюркгейма, в частности, идеи о том, что социальное – это уровень организации, не сводимый к мотивам и интенциям индивидов, но формируемый посредством «коллективных представлений» или «коллективного сознания». Э. Дюркгейм провел различие между причинным объяснением и функциональным объяснением: функциональный анализ рассматривался как необходимый компонент социологического исследования и должен был отвечать на вопрос о роли, которую то или иное социальное явление играет в установлении «общей гармонии» (социальной солидарности). Дюркгейм активно использовал функциональные объяснения в своих исследованиях о разделении труда, самоубийстве и религиозных верованиях. Идеи Дюркгейма получили развитие в английской социальной антропологии, главным образом, благодаря деятельности А. Рэдклифф-Брауна и Б. Малиновского, которые развили далее понимание общества как саморегулирующейся системы, состоя-

---

¹*Fischer M. Functionalism // The Dictionary of Anthropology, ed. by Thomas Barfield. Oxford: Blackwell, 1997. P.210.*

щей из тесно взаимосвязанных и взаимозависимых частей, выполняющих функции по поддержанию и сохранению целостности и жизнеспособности системы.

По определению Э. Дюркгейма, «слово функция употребляется в двух довольно различных значениях. То оно означает систему жизненных движений – отвлекаясь от их последствий, – то выражает отношение соответствия, существующего между этими движениями и потребностями организма. ...Спрашивать, какова функция разделения труда, это значит исследовать, какой потребности оно соответствует...» Уже это раннее определение содержит в себе проблематику всего последующего функционализма: если в обществе имеет место нечто, отвечающее его потребности, то является ли это следствием надындивидуального осознания или удовлетворения потребности или же здесь иного (и какого именно) рода зависимость?

Эту линию продолжили Бронислав Малиновский и Альфред Рэдклифф-Браун. У Рэдклиффа-Брауна преимущество отдается социальному целому, а роль тех или иных явлений в его поддержании называется функцией. Малиновский полагает, что существование любого обычая, социального института или социальных отношений должно интерпретироваться в терминах его функции: иными словами, в аспекте его вклада в удовлетворение «потребностей» (как базовых физиологических и эмоциональных, так и вторичных социальных). Функциональный подход относительно составных частей социального целого предполагает отыскание их функции внутри этого целого.

Функционализм, таким образом, с одной стороны, отвержен холизму, то есть, изучению явления в контексте, а также стремится к проблемно-ориентированным сравнениям. С другой стороны, функционализм уделяет

внимание убеждениям и мотивам индивидов (впоследствии именно в этом направлении стала развиваться интерпретативная антропология), но при этом настаивает на том, что «социальные факты» не могут быть сведены к индивидуальной воле, желанию или мышлению (отсюда выросла перспектива структурализма и постструктурализма).

Термин «холизм» применяется для описания доктрин или тенденций, которые делают акцент на том, что любые социальные или исторические явления должны быть поняты и интерпретированы в полном, целостном контексте, в котором они находятся. Холизм противопоставляется методологическому индивидуализму, в соответствии с которым объяснения социальных феноменов должны быть сведены к индивидуальному поведению¹.

Если теоретики XIX века, включая Спенсера, применяли аналогии общества и живого организма в сочетании с эволюционистскими теориями социального развития, то современная функционалистская теория в антропологии связана в первую очередь с именем Б.Малиновского, который отверг эволюционистские догадки ранних авторов и предложил взамен функционалистскую теорию², которая, впрочем, часто критикуется как внеисторическая.

В отличие от предшественников, британские антропологи-функционалисты были склонны к антиисторизму: тяготая к эмпиризму, они резко выступили против эволюционистских спекуляций и отвергли возможность использования исторических свидетельств в антропологической науке. Важна их работа по освобождению функционалистской методологии от биологизаторских аналогий, велик вклад в разработку понятийного аппарата функционального анализа (понятия «социальная структура», «функция», «социальная организация», «интеграция»). Они рассматривали общество как живую действующую систему и впервые применили системный подход к изучению архаических обществ.

Структурный функционализм как школа антропологического анализа в первую очередь связана с британской социально-антропологической традицией и с теоретическим влиянием А.Р. Рэдклифф-Брауна. Рэдклифф-Браун считал культуру каждого народа системой институтов (норм, обычаев, верований), призванных выполнить «необходимые общественные функции». Непосредственное влияние на Рэдклифф-Брауна оказал Дюркгейм, который подвел итог разработке проблемы, начатой в классической социологии Конта. Конт указывал на необходимость изучать два основных

¹*Seymour-Smith Ch. Holism // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.138.*

² См.: Малиновский Б. Научная теория культуры. Предисловие А. Байбурина. Пер. с англ. И. Утехина. М.: ОГИ, 1999. - 208 с.

типа социальных законов – социальную статику (условия существования общества и его институтов) и социальную динамику (условия и ход исторических изменений общества). Дюркгейм развил этот тезис в его «Методологии социологии» следующим образом: «Если собираются объяснить социальное явление, то должны исследовать отдельно производящую его причину и выполняемую им функцию». Дюркгейм подчеркивал необходимость рассматривать диахронные причинно-следственные связи отдельно от синхронно-функциональных связей, но не противопоставлять их. Рэдклифф-Браун, в свою очередь, провел между этими видами анализа резкую грань, абсолютизируя значение синхронно-функционального анализа, считая его единственно научным методом.

Все попытки изучения конкретных явлений путем исследования их происхождения и эволюции на основе изолированных фактов, поступивших из вторых рук, Рэдклифф-Браун считал псевдонаучными. Не отрицая самого процесса эволюции, ученый скептически относился к возможности получить достоверный и системно связанный фактический материал, позволяющий делать обоснованные выводы об эволюции общества и культуры на протяжении истории человечества, особенно на самых ранних ее этапах. Центральной гипотезой его теории является идея функционального единства социальной системы, все элементы которой функционально необходимы. Эта гипотеза, по мысли антрополога, поддается систематической проверке фактами. Рэдклифф-Браун признавал, что по отношению к социальной структуре все явления либо функционально необходимы, либо дисфункциональны, но конфликт между ними всегда разрешается в пользу «нормального» функционирования социальной структуры, хотя и не без изменения ее типа.

Сущность структурного анализа конкретного общества, по Рэдклифф-Брауну, заключается в выявлении в нем «структурных принципов». Структурные принципы данного общества – это инвариантные особенности поведения людей в различных общественных отношениях. В его концепции под структурой в первую очередь понимается социальная структура, или сеть социальных отношений и институтов, которые конституируют рамки общества. При этом функция понимается как тот способ, которым эти социальные отношения и институты вносят вклад в стабильное и гармоничное функционирование общества, являющееся самодвижущимся целым.

Рэдклифф-Браун рассматривал социальную структуру как совокупность поведенческих отношений между ее единицами – индивидами. Основная аналитическая модель структурного анализа – пара индивидов, взаимоотношения между которыми определяются тем или иным обычаем. Научно-теоретическое значение выведенных структурных принципов, по мнению Рэдклифф-Брауна, тем явственнее, чем в большем количестве конкретных обществ они действуют.

Функциональный анализ для исследователя был полностью подчинен его структуралистским идеям. Два основных вопроса в этом случае были такими: в чем заключается функция данного явления (т.е. какова его роль в функционировании социальной структуры, частью которого оно является), и как выполняется эта функция. Ответ на первый вопрос заключается в указании роли того или иного явления в механизме социальной интеграции. Причем логическое предпочтение в анализе отдается тем явлениям, которые способствуют укреплению связи в социальной структуре. Сведение Рэдклифф-Брауном задач функционального анализа к изучению лишь интегративных функций социальных явлений сужает его познавательные возможности, но отнюдь не является принципиальным методологическим пороком¹.

Других британских социальных антропологов, в частности, Малиновского, Фортеса, Эванс-Причарда, Фирта и Глакмана, тоже обычно относят к структурным функционалистам, хотя их работы представляют значительное разнообразие теоретических позиций, которые так или иначе отличаются от подхода Рэдклифф-Брауна.

В 20-е годы XX в. влияние функционализма в британской антропологии достигло высокого уровня: плеяда выдающихся антропологов использовала функциональный подход в антропологических исследованиях (Э. Эванс-Причард, М. Фортес, Р. Ферт, М. Глакмен). Однако, несмотря на высокую эвристическую ценность, функционализм был подвергнут критике, в особенности в связи с его ориентацией на теорию равновесия, исключительным интересом к стабильности систем и принципом универсальной функциональности. Такой подход оставлял вне рассмотрения некоторые важные аспекты общественной жизни (конфликт, изменение).

Дальнейшее развитие функциональный подход нашел в США, в рамках структурного функционализма (Т. Парсонс, Р. Мертон, М. Леви, К. Дэвис), ставшего в 50-х годах главенствующей теоретической парадигмой в американской социологии. Р. Мертон сформулировал «основную теорему функционализма», согласно которой один и тот же элемент системы может выполнять множество функций, а одна и та же функция может выполняться различными элементами («функциональными эквивалентами»). Антропологи М. Глакмен и П. Ллойд предприняли попытку соединения функционализма с теорией конфликта; идея Глакмена о функциональности восстаний развивает постулат универсальной функциональности. Парсонс в социологии, а Ферт в антропологии соединили функциональный подход с теорией действий М. Вебера².

---

¹Никишенков А.А. Структурно-функциональные методы А.Р. Рэдклифф-Брауна // Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2001. С.267-273.

²Культурология XX век: Энциклопедия. Т.1. С.-Пб: Университетская книга, 1998.

Под *теорией действия* понимают как изучение всего общества в целом, так и анализ политических систем, которые фокусируются на индивидуальных акторах и их стратегиях в конкретном социально-политическом контексте¹. Теоретические идеи связаны с транзакционным анализом, системным анализом и теорией игр. В антропологии теория действия помещает индивида в рамки социальной организации и затем анализирует политическое действие и взаимодействие. В политической антропологии теория действия отличается ее вниманием к таким политическим процессам и формациям, как фракции, группы интересов и так далее, а также методами полевых исследований, которые концентрируются на интеракциях «лицом-к-лицу» в рамках заданного социально-политического контекста. В частности, теория действия является реакцией на тенденцию структурного функционализма упростить политические структуры и концентрироваться на корпоративных группах и морально-юридическом измерении политических систем. Теория действия делает акцент на таких динамических модулях политического поведения, как стратегия, принятие решения и максимизация. Основы теории действия как подхода к антропологии были заложены в работах Мэйра, Фирта и Лича. В течение 1950-х – 1960-х годов теория действия разрабатывалась Бэйли, Бартом, Тернером, Буссевэйном, Коэном и другими.

Ученые, работающие в направлении структурного функционализма, прибегают к понятию *«социокультурного процесса»*.

Любой социальный процесс вызван к жизни стремлением людей удовлетворять свои жизненные потребности, будь то личного, группового или общественного масштаба. Любая принятая в данной культуре парадигма взаимодействия людей, если придать ей динамичность, выступает как социокультурный процесс. Аналитической единицей такого процесса является социальное действие, в теорию которого внес вклад Т. Парсонс. В общественном целом он видит три главных компонента: личность, культуру и социальную систему. Любое социальное действие содержит в себе культурные атрибуты. Любой поведенческий и деятельностный акт человека оснащен регулятивами и смыслами. Знание, ценности и нормы, ролевой алгоритм, законы, символы и знаковые обозначения, речь как главная семиотическая система, социальные образцы — все это входит в арсенал действий современного человека. Эти элементы культуры преобразуют биопсихофизическое основание действия в социокультурное явление с ясной конфигурацией, обозначенными целями и принятыми в данной культуре мотивами и ориентацией. Именно с

¹*Seymour-Smith Ch. Action Theory // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.3-4.*

таким культурным оснащением одиночное или групповое действие может включаться в поток социокультурных процессов. Девиантное поведение лишь подтверждает общее правило, норму, диктуемую культурой. Следовательно, когда мы ведем речь о социокультурном исследовании (культурантропологическом исследовании), надо иметь в виду, что основной его задачей является определение степени оснащённости элементами культуры конкретного социального (а также политического, экономического, межличностного, семейного) процесса. Устанавливая меру такой оснащённости, социолог может посредством накопления количественных данных прийти к выводам о стабильности или нестабильности социальной системы, ожидаемых напряжениях и будущих парадигмах взаимодействия¹.

Если в британской социальной антропологии функционализм в основном связан с внеисторизмом Малиновского и структурно-функционалистской школой Рэдклифф-Брауна, Фортеса и других, то в американской культурной антропологии функционалистские и «неофункционалистские» теории связывались с эволюционной и экологической антропологией. Вместе с тем, теоретические проблемы сочетания функционалистских моделей, которым свойственно предположение об эквilibриуме, и эволюционных или процессуальных моделей пока еще нельзя считать успешно выполненными, и функционалистские теории продолжают подвергаться критике за тавтологичность, телеологичность или тривиальность.

Эти модели тавтологичны или циркулярны в том смысле, что делают акцент на систематической взаимосвязанности социокультурных элементов, которые показаны таким образом, что один объясняет другой, один выводится из другого. Функционалистские теории телеологичны (объясняют причину ее следствием): например, они объясняют явление через его вклад в стабильность целостной системы или в терминах ее «потребностей», игнорируя непосредственные причины и мотивы, необходимые для возникновения явления. И, наконец, они тривиальны, так как аналитик, зная недостатки тавтологии и телеологии, создает так много подкатегорий и окружает анализ таким большим количеством наблюдений, что фактически ничего не объясняет.

Отметим, что свойственное структурному функционализму Рэдклифф-Брауна понимание статичной и внеисторичной природы структуры и функции, не способное распознать ни характер внутренних конфликтов в рамках отдельных систем, ни причины социальных изменений всего общества, не устраивало его последователей².

---

¹ Минюшев Ф.И. Социальная антропология. Курс лекций. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления; «Братья Карич», 1997

Итак, критика функционализма состоит в том, что ему не удается принять в расчет феномен конфликта и дезинтегрирующие социальные силы в обществе, поскольку он постоянно стремится утверждать гармоничное функционирование целого. Поэтому теория действия и марксистская антропология, среди прочих, противостоят функционалистской перспективе, выступая за изучение индивидуальных, групповых и классовых конфликтов и соревнования как факторов социальных и исторических изменений.

В настоящее время сторонники функционального подхода предпочитают оценивать функционализм не как теорию, а как общенаучный метод исследования¹. Благодаря функционализму антропология делает большой упор на этнографическом описании взаимосвязей между разными институциональными и дискурсивными сферами общества². Это можно увидеть в таких новых направлениях исследований, как антропология науки. Такие проекты уже не ограничивают себя наблюдениями в стенах лаборатории, но развивают этнометодологию академической процедуры, дебатов и жанров коммуникации. Другая заслуга функционализма в современной антропологии заключается в приверженности дисциплины к социологическому контекстуальному кросскультурному сравнению и отказу применять непроверенные универсальные параметры. И хотя подходы к сравнению в конце XX века значительно отличаются от тех, что были известны в начале столетия, этот дизайн исследования продолжает оставаться ключевым для функционализма. Метод включенного (участвующего) наблюдения, основанный в антропологии Малиновским, тоже часто ассоциируется с функционалистской теорией, хотя очевидной и необходимой связи между этим методом и всеми предпосылками функционализма и не существует.

Марксистская и критическая антропология

Карл Маркс, будучи ученым, социалистом и революционером, в большей степени, чем его предшественники, основывал свои политические убеждения на изучении общества и механизмов социальных изменений. Маркс многое почерпнул из антропологических исследований, особенно влияние уже к концу его жизни на него оказали работы Л. Моргана³. То, что планировал Маркс по развитию идей Моргана, завершил уже после его смерти Ф. Энгельс в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В этой книге содержалась весьма радикальная для

---

²*Seymour-Smith Ch. Functionalism // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.126.*

¹Культурология XX век: Энциклопедия. Т.1. С.-Пб: Университетская книга, 1998.

²*Seymour-Smith Ch. Functionalism // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.126.*

³*Seymour-Smith Ch. Marxist Anthropology // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.182-183.*

того времени идея: то, что считалось частным – семья, моральные правила относительно сексуальности или различия между мужчиной и женщиной – на самом деле было связано с политико-экономической системой общества, и даже с особенностями государства и его наличием. Энгельс, принимая во внимания идеи многих антропологов, пришел к выводу, что человечество проходит через несколько стадий развития, в частности, в этой теории говорилось о первобытном коммунизме, рабовладельческом строе, феодализме, капитализме и коммунизме, и переход от одной стадии к другой является систематической трансформацией множества факторов.

Во многом принятие точки зрения о конкретных стадиях **эволюционного** развития было довольно проблематичным, и имело последствия, в частности, в СССР, где антропологические, или этнографические исследования были втиснуты в такую схему¹. Вместе с тем, целый ряд марксистов отказались признавать теорию пяти стадий, указывая, в частности, на то, что в более ранних работах Маркс говорил о других стадиях или способах производства. В частности, Маркс говорил об Азиатском способе производства, объясняя отсутствие капитализма в Индии и Китае. Таким образом, последовательной версии марксистской антропологии не могло существовать, скорее, эта область всегда была проникнута теоретическими контроверзами.

Начиная с 1960-х, в марксистской антропологии стали развиваться два весьма различных подхода. Первый базируется на работах Л.Альтюссера, повлиявшего на многих антропологов, включая Е. Террэй (1972), а также на работах М. Годелье (1977), который сочетал идеи Маркса с идеями Леви-Строса, создав то, что иногда называют «структуральным марксизмом». Обе школы разделяют несколько общих фундаментальных идей, поскольку они в большей или меньшей степени отрицают специфическую эволюционную схему Маркса, скорее, стремясь использовать для изучения некапиталистических обществ те методы анализа, которые Маркс применял к капиталистическому обществу. Эти авторы уделяют особое внимание понятию «способ производства», которое использовалось Марксом для изучения взаимосвязанного социального целого, организующего производство и воспроизводство в обществе. Следуя Марксу, упомянутые авторы сделали акцент на том, как путем эксплуатации одного класса другим организован труд. Это возможно посредством системы собственности, политической системы, системы родства и религиозной системы. Это не исследование в терминах технологического детерминизма. В терминах способа производства здесь изучается, каким образом различные факторы позволяют системе воспроизводиться и при каких условиях эта система рушится.

---

¹*Seymour-Smith Ch. Marxist Anthropology // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.182-183.*

Вторая тенденция также происходит из идей Альтюссера и связана с артикуляцией способа производства. «Артикуляция» относится к тому, каким образом различные способы производства, например, капиталистический и коммунальный в мексиканской деревне, взаимодействуют между собой и воспроизводят себя. Здесь возникает вопрос о результатах политического и экономического доминирования одной группы людей над другой, часто принимая формы колониализма и империализма. Еще одна, более новая тенденция в марксистской антропологии происходит из пересмотра идеи Маркса об отчуждении и идеологии.

В направлении «критическая антропология» представлен сплав дисциплин, в котором ученые разных теоретических позиций осуществляют анализ способа жизни конкретного народа и влияния на него политико-экономической деятельности государств-наций и других «систем контроля»¹. Критическая антропология происходит из марксизма, литературной критики и постструктуралистской философии, а также из антропологии и соединяет аспекты названных школ с теми или иными традиционными антропологическими специальностями. Черты, общие для критической антропологии, включают этнографию данного народа, выполненную на протяжении длительного времени; продолжающийся анализ и мониторинг национального государства и мировой системы в их влиянии на данный народ; знание мировой этнологии и способность сопротивляться этнологическим обобщениям при помощи постоянно обновляющихся этнографических данных; желание выходить на различные литературные и политические арены от имени данного народа, борющегося за автономию или более удовлетворительные экологические, экономические, политические, социальные или культурные условия жизни.

Критическая антропология принимает, признает, уважает и стремится осветить внутреннюю интегрированность культурной системы – структуры – не полагая, что такая система должна быть гомогенной, функциональной, сохранением прошлого, результатом маргинальности или создания доминантной системы. Она отрицает использование терминов, предполагающих расистский, сексистский или другие смыслы принижения статуса («примитивная» культура, «примитивное» общество, «дикари»), и поддерживает развитие чувствительности к образам меньшинств и мнениям о них. Например, эта дисциплина распознает тенденции таких обобщений, как «у индейцев племенная культура», «примитивы суеверны», «паранойя – это культурная черта Бонго-Бонго» и тому подобное, и стремится продемонстрировать те способы, которыми антропология может постоянно предоставлять своим читателям образ дикарей, бледнеющих перед лицом

---

¹*Seymour-Smith Ch. Critical Anthropology // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.57-58.*

«высшей цивилизации». Она направлена как вовнутрь, на проблемы самой дисциплины, так и вовне, на человеческие проблемы.

Критическая антропология признает культурное, этническое и индивидуальное разнообразие как основу человеческой природы. Она стремится ставить новые вопросы об обществе и культуре, отвечая на них так, чтобы развивать понимание разнообразных народов мира, вносить вклад в живую и трансформирующуюся гуманитарную и естественно-научную область антропологии, преодолевать несправедливость и стереотипы, существующие в государствах-нациях, промышленности и других доминирующих политико-экономических формациях, поддерживать общую целостность в сохранении достоинства тех культур, которые становятся предметом ее исследования.

Структурализм

Структурализм – это интеллектуальное движение, которое возникло в лингвистике и проникло в антропологию, философию и литературную критику. Термин «структурализм» понимается в нескольких значениях: это, во-первых, применение структурного анализа к изучению проблем культуры; во-вторых, направление в социальной мысли (прежде всего французской антропологии), к которому также принято относить тартуско-московскую школу, разрабатывавшее проблемы структурного анализа в различных областях наук о человеке. Несмотря на то, что представители данного направления не стремились к самоидентификации как структуралисты (таким называл себя только Леви-Строс), на основании сходства теоретико-методологических положений к структуралистам принято также относить М. Фуко, Ж. Лакана, Р. Барта, Ж. Деррида, У. Эко, Л. Гольдмана¹.

Возникновение структурализма как направления в антропологии относится к рубежу 50-60-х годов. Основой для структурализма послужила методология структурного анализа, применявшаяся с 20-х годов к разработке проблем лингвистики (структурная лингвистика – построение структурных грамматических и синтаксических моделей для естественных языков) и литературоведения (структурный анализ лексического и синтаксического материала поэзии, сказок (В. Пропп), малой прозы) как средство выявления инвариантных структур языковой деятельности. Другим источником структурализма стал психоанализ З. Фрейда и особенно К. Юнга, структурализм заимствовал из него понятие бессознательного как универсального внерефлективного регулятора человеческого поведения. Можно отметить также влияние неопозитивизма и раннего постпозитивизма на формирование структурализма (разработка логических проблем научного знания и метаязыка науки).

---

¹Культурология XX век: Энциклопедия. Т.2. С.-Пб: Университетская книга, 1998.

Пионерные структуралистские работы по лингвистике Ф. де Соссюра и Якобсона произвели настоящую революцию, поставив вопрос об анализе языка в качестве системы знаков и фокусируясь на изучении его глубинных структур или структурных принципов. Применение структурного анализа к социальным явлениям, явлениям культуры находит широкое распространение к середине 1960-х годов в работах таких французских исследователей, как К. Леви-Строс, Ж. Лакан, Р. Барт, Фуко, Ж. Деррида, которые изучают этнографические, историко-научные, историко-культурные, эстетические образования как совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, смысл которых определяется не их собственным содержанием или внешними связями, но местом в социальной системе. Структурализм как общеметодологическое течение исходит из представления о преобладании, преимуществе структурного измерения в любых явлениях окружающего мира и, следовательно, из примата структурного анализа как метода познания природы и общества. В социальных феноменах структурализм пытается отыскать нечто объективное, не подверженное субъективным влияниям и изменениям. Такую объективность можно найти в структурах: они не зависят от сознания, воплощают устойчивый момент действительности и создают тем самым возможность научного исследования. Структурный анализ в социальных науках – это поиск аналогий со строением языка во всех сферах культуры и социума. Метод структурного анализа связан с методами структурной лингвистики, семиотики и описывающими их некоторыми разделами математики.

Семиотика

Выявление коллективно-бессознательных структур первобытного мифологического мышления, лежащих в основе исследуемых культур, позволяет перейти к анализу знаковых систем современного общества. К знаковым системам относятся естественные языки, языки программирования, денежная система, язык жестов и многие другие. При коммуникации знаковые системы могут взаимодействовать. В процессе речевого общения обычно используется не только язык, но и жесты, и мимика, причем знаки разных знаковых систем определенным образом коррелируют между собой. Культура тоже понимается как знаковая система, являющаяся посредником между человеком и окружающим миром, выполняющая функцию отбора и структурирования информации о внешнем мире.

Семиотика – это наука о знаковых системах, изучающая человеческую коммуникацию, общение животных, информационные и социальные процессы, функционирование и развитие культуры, все виды искусства (включая художественную литературу). Основателем семиотики считается американский логик, философ и естествоиспытатель Ч.Пирс (1839–1914), который и предложил ее название, дал определение знака, первоначальную

классификацию знаков (индексы, иконы, символы), установил задачи и рамки новой науки. Несколько позднее швейцарский лингвист Ф. де Соссюр (1857–1913) сформулировал основы семиологии, или науки о знаках. В 1923 немецкий философ Э.Кассирер опубликовал трехтомный труд, посвященный философии символических форм.

Ю.М.Лотман – русский литературовед, семиотик, культуролог, создатель широко известной Тартуской семиотической школы и основатель целого направления в литературоведении в университете Тарту в Эстонии. Рассматривая символ как наиболее значимый для культурологии тип знака, Лотман в основном занимался именно символами (меньше – индексами и иконическими знаками) и показывает сохранность символов при смене культурологических парадигм. К началу 1960-х годов в Москве сформировалась группа исследователей, пришедших к семиотике разными путями: от структурной лингвистики и автоматического перевода, от компаративистики, общего языкознания: широко известны труды В.Н.Топорова и В.В.Иванова. В частности, было реконструировано особое ментальное пространство древнего человека, характеризовавшееся неразличением художественного, исторического и интеллектуального. Такой способ видения мира был назван Вяч. Вс. Ивановым и В.Н.Топоровым «мифопоэтическим».

Знак – это основное понятие семиотики. Вслед за Соссюром материальный носитель называется означающим, а то, что он представляет, – означаемым знака. К знакам относятся, например, слова, дорожные знаки, деньги, награды, знаки различия, сигналы, жесты и многое другое. Синонимом «означающего» являются термины «форма» и «план выражения», а в качестве синонимов «означаемого» используются также термины «содержание», «план содержания», «значение» и иногда «смысл». Отправитель сообщения выбирает среду (или канал связи), по которой будет передаваться сообщение, и код, который задает соответствие означаемых и означающих, т.е. набор знаков. Код должен быть выбран таким образом, чтобы с помощью соответствующих означающих можно было составить требуемое сообщение. Должны так же подходить друг к другу среда и означающие кода. Кроме того, код должен быть известен получателю (адресату), а среда и означающие доступны его восприятию. Воспринимая означающие, посланные отправителем, получатель с помощью кода переводит их в означаемые и тем самым принимает сообщение.

В соответствии с классическим подходом Ч.С.Пирса, принято разбиение знаков на три группы: иконы, индексы и символы. Эта классификация основана на типологии соотношения формы и содержания. Так, иконическими знаками называются знаки, чья форма и содержание сходны качественно или структурно. Например, баталь-

ное полотно или план сражения являются знаками-иконами, если считать их содержанием само сражение. Иконическим знаком может быть не только слово. Так, по замечанию Р.О.Якобсона, иконическим является порядок слов во фразе «Пришел, увидел, победил», поскольку линейный порядок слов повторяет последовательность соответствующих действий. *Индексами* (или индексальными знаками) называются знаки, чья форма и содержание смежны в пространстве или во времени. Следы на песке, позволяющие предположить о том, что ранее в этом месте кто-то прошел, дым, предполагающий наличие огня, симптомы болезни, предполагающие саму болезнь, – все это индексальные знаки. К индексальным языковым знакам традиционно относят личные и указательные местоимения и некоторые другие местоименные слова (я, ты, это, здесь, сейчас). Делается это по аналогии с жестами, хотя едва ли здесь уместно говорить о смежности или причинно-следственных связях. Наконец, *символами* (или символическими знаками) называются знаки, для которых связь между формой и содержанием устанавливается произвольно, по соглашению, касающемуся именно данного знака. Среди языковых знаков подавляющее большинство относится к символам. Это и позволило Ф. де Соссюру говорить о произвольности языкового знака.

Семиотика разделяется на три основных области: синтактику (или синтаксис), семантику и прагматику. Синтактика изучает отношения между знаками и их составляющими (речь идет в первую очередь об означающих). Семантика изучает отношение между означающим и означаемым. Прагматика изучает отношение между знаком и его пользователями. Отношения, которые существуют между знаками в знаковой системе, называются парадигматическими. Среди важнейших парадигматических отношений – синонимия, омонимия и др. Наряду с парадигматическими отношениями между знаками существует и другой тип отношений – синтагматические. Синтагматическими называются отношения между знаками, возникающие в процессе их комбинирования. Именно синтагматические отношения обеспечивают существование текста – результата действия знаковой системы в процессе коммуникации.

Как метод семиотика используется практически во всех исследованиях человеческой деятельности. Так, существуют исследования семиотики городской дороги, семиотики гадания, семиотики театрального пространства, семиотики жестов, семиотики туризма, семиотики масок, семиотики часов и зеркал и др. Рассматриваемая как наука, семиотика сопоставима практически со всеми науками о человеке. Например, широко представлены исследования на тему

«семиотика и психоанализ», «семиотика и народная культура», «семиотика и исследования литературных текстов», «семиотика и прагматика», «семиотика и лингвистика», «семиотика и теория катастроф», «семиотика и теория прототипов»¹.

Наиболее выдающимся структуралистом из нелингвистов, несомненно, является К. Леви-Строс, создавший школу структурной антропологии. Леви-Строс применил модель структурной лингвистики как основу понимания культуры и сознания человека. Он предложил понимать культуру как поверхностное выражение универсальной человеческой тенденции упорядочивать и классифицировать явления и опыт. И хотя поверхностные выражения различаются между собой, базовые принципы остаются теми же. В своей пионерной статье 1945 г. «Структурный анализ в лингвистике и антропологии» он утверждал, по примеру лингвистики, что различные объекты и поведение должны трактоваться как проявление бессознательных систем, определяющих их форму и значение. В исследовании систем родства и брачных правил «Элементарные структуры родства» (1949) им была предложена «грамматика» брачных правил и ограничений в различных обществах.

От анализа систем родства и брака, столь характерных для антропологии, Леви-Строс продвинулся к анализу мифа и символа как тех областей, в которых можно анализировать работу сознания, в частности, в работах по тотемизму и книге «Первобытное мышление», а также в других ключевых трудах Леви-Строс рассматривал индивидуальное поведение людей, ритуальные практики и обычаи как элементы некоего «языка», понятийной системы, через посредство которой люди упорядочивают мир. Тотемы – это логические операторы, конкретные знаки, которые могут быть поняты только в системе. Принадлежащее перу Леви-Строса четырехтомное исследование мифологии индейцев Северной и Южной Америки «Мифологии» (1964–1971) представляет систему мифологического мышления и базовые операции человеческого разума.

Ключевыми для структурализма являются утверждения о том, что (1) социальные и культурные явления не имеют сущностной природы, а определяются своей внутренней структурой (отношениями между их частями) и своими отношениями с другими явлениями в соответствующих социальных и культурных системах, (2) эти системы суть системы знаков, так что социальные и культурные явле-

¹ Энциклопедия «Кругосвет». Некоммерческий фонд "Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий", 2000 <http://www.krugosvet.ru/articles/66/1006652/1006652a1.htm>

ния – это не просто объекты и явления, но объекты и явления, наделенные значением. Подобно тому, как лингвист-фонолог интересуется выявлением звуковых различий, коррелирующих с различиями в значениях, структуралист, изучающий одежду, выделяет те признаки, которые значимы в той или иной культуре. Многие из физических признаков, важные для того, кто носит данный предмет одежды, могут не иметь никакого социального значения: длина юбок в какой-нибудь культуре может быть значимой, тогда как материал, из которого они сделаны, – нет, или же значимым может быть противопоставление светлых и темных тонов, тогда как различие между двумя темными тонами может не нести никакого значения. Определяя признаки, превращающие предметы одежды в знаки, структуралист будет пытаться выявить систему неявных договоренностей (конвенций), влияющих на поведение людей, принадлежащих данной культуре. В идеале структурный анализ должен вести к созданию «грамматики» рассматриваемого явления – системы правил, задающих возможные комбинации и конфигурации и демонстрирующих отношение ненаблюдаемого к наблюдаемому.

Структурализм объясняет, каким образом социальные институты, системы договоренностей, которые только путем структурного анализа и могут быть выявлены, делают возможным человеческий опыт. Скрытые системы правил позволяют вступать в брак, забивать гол, писать поэму, быть невежливым. Структурные объяснения не отслеживают предшествующие состояния и не выстраивают их в причинную цепочку, а объясняют, почему конкретный объект или действие обладают значением, соотнося их с системой скрытых норм и категорий. Описанием галстуков будет не попытка доискаться до их происхождения, предположительно несущественного с точки зрения их современного значения, а определение их места в структуре некоторой системы.

Как и в случае со структурной лингвистикой, большой важностью для структурной антропологии обладает принцип бинарных оппозиций. Считается, что мышление и культура функционируют по закону контрастов, в связи с чем ни одно из понятий не может быть понято в изоляции, но как часть контрастирующей системы, построенной на элементарных, или бинарных оппозициях. Типичные бинарные оппозиции рассматривались Леви-Стросом как универсальные элементы в культурном лексиконе, например: левое-правое, сырое-вареное, природа-культура, периферия-центр, женщина-мужчина. Он не проводит резкой границы между поведенческими системами (социальные институты, ритуалы) и знаковыми (миф, символ).

Структуралистское объяснение характеризуется следующими тремя главными чертами. Во-первых, причины, вызывающие данное явление в некоторый конкретный момент времени, менее интересны структуралисту по сравнению с теми условиями, которые делают это явление уместным и значимым. Во-вторых, структуралистские объяснения опираются на понятие бессознательного. Это можно продемонстрировать на примере языка: индивид знает некоторый язык в том смысле, что может производить и понимать новые высказывания, но он не знает, что он знает, поскольку сложная грамматическая система, которой он пользуется, по большей части недоступна для него и все еще не описана полностью лингвистами. Их задача – описать бессознательную систему, функционирование которой определяет языковое поведение индивида. В-третьих, поскольку структурализм объясняет значение, ссылаясь на системы, не осознаваемые субъектом, он тяготеет к тому, чтобы трактовать сознательные решения скорее как следствия, нежели как причины. Человеческое «я», субъект, таким образом, – это продукт социальной и культурной систем.

Леви-Строс, анализируя культурные порядки традиционных обществ (тотемизм, ритуальные действия, мифологические представления, терминологию родственных отношений) как языки культуры, стремился выявить в них повторяющиеся элементы («медиаторы», «бинарные оппозиции», устойчивые схемы преобразования и замещения одних позиций другими), в которых он усматривал элементы скрытой логики.

Главной задачей Леви-Строса было показать, что все многообразные явления нашего мира есть модификации некоей исходной единой модели, ее раскрытие, и поэтому все они могут быть строгим образом систематизированы и классифицированы, между ними могут быть установлены связи и соответствия, показывающие их положение и друг по отношению к другу, и по отношению к перводе модели. Путь, которым, согласно Леви-Стросу, должна пройти наука, таков: прежде всего, необходимо составить максимально полный перечень отдельных частных фактов, затем установить взаимосвязи между ними, выявить их взаимоотношения и сгруппировать их; после этого все факты следует синтезировать в единое целое, составить систему элементов, соответствующих друг другу, создавая тем самым единый тотальный объект исследования. По мнению Леви-Строса, цель работы этнолога «заключается в том, чтобы обнаружить за осознаваемыми и всеми различаемыми образами, посредством которых люди понимают историческое становление, инвентарь бессознательных, всегда ограниченных по числу возможностей»¹.

Первоначально Леви-Строс исходит из модели языковых взаимосвязей, затем устанавливает соответствующую структуру родственных связей,

---

¹Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1985. С.30.

затем создает теорию мышления, от нее переходит к теории мифов и, наконец, к созданию теории общества в целом. В этих исследованиях утверждался «сверхрационализм» – идея гармонии чувств и рационального начала, – универсального для человека любой культуры, однако утраченного человеком современным.

Таким образом, структурализм можно назвать рациональной теорией общества, утверждающей, что разнообразные культурные формы, встречающиеся в реальности, отражают ряд когнитивных оппозиций (возможных вариантов проявления первоформы), моделирующих (в более фундаментальном плане) структуру человеческого ума.

Структурализм оказал чрезвычайно сильное влияние на анализ родства и брака, мифа и символа. Однако, в таких областях, как политическая антропология или экономическая антропология, применение структурализма было не столь заметным. Критика структуралистской теории обращает внимание на ее статичность и внеисторизм, предлагая принимать в расчет не только активную роль индивида в создании социокультурных систем, но также историческую и динамическую природу таких систем. Многие антропологи не используют полностью концепцию структуры, разработанную Леви-Стросом, а включают элементы структуралистской методологии в анализ внутренней логики коммуникативных или символических систем.

Мэри Дуглас (1921-) (Даглас) – британский социальный антрополог. Изучала социальную антропологию в Оксфорде вместе с Максом Глюкманом, а также неюджоркгеймианцами (Эванс-Причард), кто побудил ее исследовать культурные аномалии. Изучала образцы брачных обменов в Конго. Дуглас – одна из британских антропологов, испытавших сильное влияние Леви-Строса. Широкое признание получила в 1966 г. благодаря публикации «Чистота и опасность: анализ понятий загрязнения и табу». Здесь она применила ее собственную структуралистскую идею «matter out of place» – грязь. Проанализировав целый ряд этнографических источников, она показала, что грязь – универсальный моральный символ, помечающий границы между социальными категориями. Она также показала, что беспокойство по поводу загрязнения и потери контроля за телом наиболее вероятно в обществах, где социальные категории являются жесткими. Вслед за Виктором Тэрнером она придерживается идеи, что двусмысленность и власть неразрывно связаны.

В своих поздних работах Мэри Дуглас занимается проблемами социологии восприятия, инвайронментальной регуляции, религии, социальной справедливости, СПИДа, общества потребления, тела как культурного артефакта, символизма еды, эстетического вкуса. Ее

подход остается социологическим и структурным, связанным прежде всего с обнаружением и сравнением неявных предпосылок культурных и этических систем. Она применяет тот же диагноз к «нам» и к «ним».

60-е годы XX в. можно считать периодом расцвета структурализма; во Франции это совпало с подъемом леворадикального молодежного движения и преобладанием радикалистских тенденций в культуре (литературный модернизм, «новая волна» в киноискусстве, кружок «новых философов»). Это движение горячо приветствовало структурализм как идеологию радикальной критики современности. Однако в своем развитии уже к концу десятилетия структурализм, несмотря на значительные успехи в работе с конкретными культурными текстами, оказался перед проблемой неразрешимости своей главной задачи – познания объективно-научным путем глубинных структур человеческой психики¹.

Однако высокая эвристичность применения структурного анализа и методов структурного моделирования к локальным проблемам символической организации культуры несомненна, как несомненно и огромное влияние, оказанное структурализмом на развитие проблематики, связанной с семантическими и семиотическими аспектами культуры, систематизацией культурных текстов. Именно структурализм способствовал выделению культурной семантики в самостоятельную область наук о культуре, оказал значительное влияние на современные культурно-антропологические исследования, герменевтику, психоанализ².

Постструктурализм – критическое направление и идейное течение в культурной жизни Запада. Благодаря течению постструктурализма возникает практика анализа художественного текста – «деконструкция». Деконструкция заключается в выявлении внутренней противоречивости текста, в обнаружении в нем скрытых и незамечаемых не только неискушенным читателем, но ускользающих от самого автора «остаточных смыслов», доставшихся в наследие от речевых, дискурсивных практик прошлого, закрепленных в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов, которые в свою очередь столь же бессознательно и независимо от автора текста трансформируются под воздействием языковых клише его эпохи. Все это приводит к возникновению в тексте так называемых «неразрешимостей», т.е. внутренних логических тупиков, как бы изначально присутствующих природе языкового текста, когда его автор думает, что отстаивает одно, а на деле получается нечто совсем другое. Выявить эти «неразрешимости», сделать их предметом тщательного исследования и является задачей деконструктивистского критика.

¹Культурология XX век: Энциклопедия. Т.2. С.-Пб: Университетская книга, 1998.

²Там же.

Здесь отрицается возможность единственно правильной интерпретации литературного текста, утверждается неизбежная ошибочность любого прочтения. Язык критического исследования приближается к языку литературы, становясь неизбежно художественным, функционирующим всегда по законам риторики и метафоры. Используется принцип методологического сомнения по отношению ко всем позитивным истинам, установкам и убеждениям, существовавшим и существующим в западном обществе и применяющимся для его самооправдания и легитимации. В самом общем плане теория постструктурализма – это выражение философского релятивизма и скептицизма, «эпистемологического сомнения», являющегося по своей сути теоретической реакцией на позитивистские представления о природе человеческого знания.

М. Фуко исследует дискурсивные формации в психиатрии, медицине, гуманитарных науках, т.е. изучает способы восприятия, классификации, распределения «здоровья», «знания» в социальном пространстве. Любое разграничение здоровья – болезни, нормы-патологии, истины-лжи зависит, по Фуко, от распределения «символической собственности» или иначе – от права различных социальных групп говорить, называть, высказываться о чем-то. Именно эти возможности высказывания, сосредоточенные в различных «очагах власти», лежат в основе всякой теории и всякой практики – всего, что воспринимается и осознается в данный исторический период. Концепция речи (дискурса) как того общего, на чем основываются отношения между языком, социальной реальностью и опытом, определяет собой творчество Фуко 60-х годов. В более поздних работах, посвященных истории пенитенциарных систем и сексуальности в Европе, на первый план выходят отношения власти и знания.

Именно в рамках постструктурализма развивается качественная методология социально-антропологического и социологического исследования, основанная на анализе текстов глубинных интервью – нарративов, биографий, устных историй. Надо отметить все же, что в развитии качественной методологии, в том числе методологии нарративного анализа велика роль более ранних работ, – в частности, немецкого психолога конца XIX – начала XX вв. Вильгельма Дильтея, который впервые применил *verstehen* (нем. – понимать) в значении, вдохновившем Макса Вебера на развитие понимающей социологии. Идеи Дильтея об эмпатийном понимании как методе социальных наук и важности психологического понимания культурных явлений поместили в фокус гуманитарных и социальных наук герменевтику и различные варианты качественных методов, в частности, метод интерпретативной биографии.

На теоретические и методологические основания концепции нарративного анализа, кроме того, оказали влияние работы Э. Гуссерля, А. Шютца, П. Рикера и М. Мерло-Понти, символический интеракционизм

(Дж.Г. Мид, Г. Блумер) и этнометодология (Г. Гарфинкель, А. Сикурель). Сам термин «нарратив» в переводе с английского значит рассказ, повествование, он достаточно прочно вошел в научную лексику западных лингвистов, литературных и кинокритиков, искусствоведов, социологов и, как всякий модный и популярный термин, имеет разноречивую интерпретацию.

Применение этнографического подхода к текстуре ритуальных практик вкупе с лингвистическими средствами анализа текста и языка позволили осуществить семантическую автономизацию текста (письма или социального действия) от рассказчика, от слушателя, наконец, от конкретных условий продуцирования дискурса. Став автономным объектом, текст располагается именно на стыке понимания и объяснения, а не на линии их разграничения, при этом необходимым является признание многообразия интерпретаций. Текст, как говорит Поль Рикер, всегда есть нечто большее, чем линейная последовательность фраз; он представляет собой структурированную целостность, которая всегда может быть образована несколькими различными способами. В этом смысле множественность интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком или пороком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации¹.

Интерпретативная антропология

Понятие «культура» Леви-Строс считал «основополагающим в этнологии». При этом, благодаря структурализму, культура стала пониматься как система значений, воплощенных в символической форме, включающих действия, слова, любые значимые объекты, все то, посредством чего индивиды вступают друг с другом в коммуникацию. Интерпретативная антропология одновременно представляет описания других культур изнутри и анализирует истоки и принципы таких описаний. Этот подход был обоснован в Чикагской антропологической школе в 1960-70-е годы, причем особое влияние на становление этого направления оказала символическая антропология Клиффорда Гиртца. Гиртц стал одним из создателей нового направления, которое впитало традиции герменевтики, социологии и аналитической философии.

Клиффорд Гиртц (1926-) – современный наиболее известный и часто цитируемый и интеллектуально влиятельный культурный антрополог США. Глава и основатель очень престижной Школы социальных наук в Принстоне. Он обучался антропологии в Гарварде, где познакомился с Т.Парсонсом, который в то время создавал новую систематическую социологию на основе концепций Вебера и

¹Рикер П. Герменевтика и метод социальных наук // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: КАМІ, 1995. С.7-9.

Дюркгейма. Гиртц увлекся подходом Вебера, в особенности понятием *verstehen*, пониманием точки зрения другого. Приветствуя подход Вебера, Гиртц подверг критике функционалистскую парадигму, которая доминировала в американской антропологии 1950-х. Он настаивал, что задачей антропологии было не обнаружение законов, паттернов и норм, но скорее интерпретация того, что он назвал культурно специфическими паутинами значений, которые люди сами ткут, а затем в них же и попадают, запутываются. Эти символические сети Гиртц считает сущностью социальной жизни человека. Они легитимировали властные структуры и канализировали неуправляемые человеческие желания, предоставляя людям ощущение цели и агентства в упорядоченном и осмысленном мире. Такое понимание может быть достигнуто в «толстом описании» другой культуры – написании насыщенных и убедительных этнографических портретов. «Религия Явы» (1960), «Интерпретация культур» (1973), «Местное знание» (1983).

Усилия расшифровать культуру как систему значений, смыслов оформили интерес к процессам интерпретации. Исследователи здесь делают акцент на различных конфликтующих между собой объяснениях одного и того же явления внутри одной культуры, а саму этнографию тоже рассматривают как процесс интерпретации. Метафора культуры как текста, ставшая популярной благодаря К. Гиртцу, первоначально означала, что антропологи читают значения в культуре так, как это делают туземные акторы, а также, по мысли П. Рикера, что социальные действия оставляют следы, которые могут быть прочитаны как тексты.

Культурный анализ в американской антропологии 70-х – 80-х годов, хотя и имел свои истоки в структурализме, но отличался от него радикальным образом. В структуралистском видении культура предельно едина, это глобальная система знаков, внутри которой каждое общество есть лишь вариация. Между тем для Гиртца культура существовала и могла быть изучена только во взаимодействиях социальной жизни. Он, как и Франц Боас, подчеркивал множественность культурных миров. Он стремился избежать и редукции культуры в сторону индивидуального познания норм и типологии (как это делает этнонаука) и ее определения в качестве автономной системы, независимой от человеческого действия (как это делает структурализм). Гиртц определял себя самого как «понимающего», который совмещает в себе и социально действующее лицо и социального теоретика.

Символы для Гиртца – это «не таинственные, ненаблюдаемые образования, находящиеся вне человеческих голов, а, скорее, ткань каждодневной коммуникации». Хотя антрополог не может знать, как сформировался иной опыт мироздания, он может наблюдать, как выражают себя другие

люди, как они проявляют посредством коммуникации свой опыт. Даже символы, связанные с тем, что принято называть «наиболее внутренними», «глубинными» мотивами, в конечном счете, проявляют себя в общественной жизни.

Гиртц предложил рассматривать культуру как «текст» и соответствующим образом его интерпретировать. В одной из своих ключевых работ «Интерпретация культур» он пытается заново пересмотреть весь предшествующий опыт осмысления теории культуры и направленности культурной антропологии как таковой, выдвигая семиотическую концепцию культуры. Гиртц использует термин «культура» в нескольких разных значениях: как «исторически устойчивый образ значений, воплощенный в символах» и как «систему контрольных механизмов – планов, средств, правил, инструкций как программу – для контроля за поведением». Согласно второму определению, культура более похожа на схему организации социальных и психологических процессов, которая необходима, утверждает Гиртц, потому что человеческое поведение «предельно пластично».

В своей работе «Интерпретация культур» в 1973 г. Гиртц обосновал понятия насыщенного («толстого») и ненасыщенного («тонкого») описания. По мнению Гиртца, специфика антропологии – это не только установка контакта, выбор информанта, запись текстов, установление родственных связей, ведение дневника. Ее специфика состоит в своего рода интеллектуальном усилии, которое необходимо приложить, чтобы создать «насыщенное описание»¹. В связи с этим, предмет исследования интерпретативной антропологии – это стратифицированная иерархия наполненных смыслом структур, в контексте которых возможно восприятие и интерпретация символических форм: слов, образов, институтов, поступков.

В процессе изучения отдаленной исторической эпохи или чужой культуры интерпретация даже элементарных поступков, сигналов или жестов становится проблематичной и крайне неопределенной. Исследователю трудно сделать какие-либо теоретические выводы, основываясь на лишенном деталей, «ненасыщенном» описании. Значение действия или любого иного элемента культуры должно быть предварительно выяснено посредством отсылок к господствующим нормам, культурному коду, реальным обстоятельствам взаимодействия. Таким образом, результатом антропологического исследования является не «просто теория», а помещенное в более полный контекст «насыщенное» описание². Любое «ненасыщенное» описание нуждается в проясняющих суть происходящего «насыщенных»

---

¹Гиртц К. Насыщенное описание: о природе понимания в культурной антропологии // Антология исследований культуры. Т.1. С.-Пб: Университетская книга, 1997. С.174.

²Девятко И. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: «На Воробьевых», 1996. С.57.

описаниях.

По Гиртцу, насыщенное описание подразумевает следующий маневр: «посмотреть на вещи с точки зрения действующего лица», т.е. применить «понимающий» подход. Описания должны быть выполнены с тех самых позиций, с которых люди – туземцы, аборигены, инсайдеры – сами интерпретируют свой опыт. Гиртц делает акцент на восхождении от понимания опыта к созданию теории: «Мы начинаем с нашей интерпретации того, что имеют в виду наши информанты или того, что они думают, будто имеют в виду, и потом это систематизируем»¹. При этом, антропологические работы представляют собой интерпретации второго и третьего порядка, поскольку лишь носитель культуры может создать интерпретацию первого порядка.

Гиртц отделяет «близкие опыту» понятия (*experience-near concepts*) от понятий, «отдаленных от опыта» (*experience-distant concepts*), объясняя значение первых в местном контексте и вторых – в логике исследователя, и отдавая явное предпочтение первым. Антропологическое описание представляет интерес не способностью ученого набрать фактов в дальних странах и различных областях культуры, но его умением прояснить, что же там происходит, – раскрыть загадку, которую естественным образом порождают диковинные факты, выхваченные из контекста. Степень убедительности антропологических экспликаций измеряется не объемом сырого, не прошедшего интерпретацию материала, описаний, оставшихся «ненасыщенными», а силой научного воображения, открывающего нам чужую культуру. Хорошая интерпретация чего угодно – стихотворения, человека, истории, ритуала, института – ведет нас к самой сути того, что интерпретируется. Антропологическая интерпретация дает возможность проследить траекторию и содержание социального дискурса, сделать его доступным для изучения.

Гиртц указывает на три особенности антропологического описания: оно носит интерпретативный характер; оно интерпретирует социальный дискурс; интерпретация состоит в попытке выделить «сказанное» из исчезающего потока происходящего и зафиксировать его в читаемой форме; оно микроскопично. Это вовсе не означает, что нет крупномасштабных антропологических интерпретаций обществ в целом, цивилизаций или событий. Именно расширение антропологического анализа, применение его к более широкому контексту, наряду с теоретическими достижениями привлекает к нему всеобщее внимание. Отсюда следует, что антрополог, как правило, выходит к более широким интерпретациям и абстрактному анализу через этап очень подробного изучения чрезвычайно мелких явлений.

---

¹Гиртц К. Насыщенное описание: о природе понимания в культурной антропологии // Антология исследований культуры. Т.1. С.-Пб: Университетская книга, 1997. С.184.

Отметим, что работу на этом этапе нельзя рассматривать как строго локализованные исследования, поскольку место исследования не есть предмет исследования. Антропологи не изучают деревни (племена, города и т.д.); они там проводят свои исследования¹.

Сверхзадача антропологов – обнажить концептуальные структуры, несущие информацию для действий наших объектов наблюдения, т.е. «сказанное» в социальном дискурсе, и создать систему анализа, которая поможет вычлени из других детерминант поведения человека то, что является неотъемлемым свойством данных структур. Предназначение интерпретативной антропологии – не в том, чтобы ответить на самые сокровенные наши вопросы, но в том, чтобы сделать для нас доступными ответы других, и тем самым включить эти ответы в доступную нам летопись человечества². Эти идеи К.Гиртца показывают, насколько важна для интерпретативной антропологии так называемая *емическая* перспектива.

В исследовательской стратегии социальной антропологии есть две перспективы: *emic* (от суффикса термина phonemic) и *etic* (от суффикса термина phonetic). «Емический», или «эмический» подход заключается в анализе культуры посредством когнитивных процессов, протекающих внутри самой культуры. Напротив, в «етическом» («этическом») подходе культурные феномены анализируются с позиции «объективных» научных предпосылок. «Емический» подход фокусируется на содержании и внутренних значениях, как их переживает носитель культуры, тогда как «етический» подход более концентрируется на общих структурных моделях, которые можно выделить в культуре.

Параллельно с развитием символической антропологии произошли серьезные изменения и в методологии исследований. Интерпретация (или культурный анализ – как часто называли этот метод приверженцы символической антропологии) – особый подход к антропологии, приписывающий решающее значение роли исследователя как посредника, участника, а не внешнего наблюдателя культурного опыта. Интерес к интерпретации возрос в результате осознания недостатков использовавшихся до того этнографических методов или предубеждений по отношению к ним. И если интерпретация всегда была элементом этнологических и этнографических исследований, как своего рода мастерство, или искусство, осмысления и изложения эмпирического материала, то, начиная приблизительно с 60-х годов, она стала теоретической альтернативой антропологии, составив противовес традиции эмпирических исследований, которая вела свое происхождение из естественных наук. Символизм способствовал превращению ин-

---

¹Гиртц К. Насыщенное описание: о природе понимания в культурной антропологии // Антология исследований культуры. Т.1. С.-Пб: Университетская книга, 1997. С.187-191.

²Там же. С.199.

терпретационного метода в доминирующий метод культурной антропологии.

Культурный анализ – это «объяснение, путем интерпретации, значений, воплощенных в символических формах. Анализ культурных феноменов – деятельность, совершенно отличная от той, которую предполагает описательный подход, с характерной для него опорой на научный анализ и классификацию, отражающую эволюционные изменения и характер взаимозависимостей. Изучение культуры скорее подобно интерпретации текста, чем классификации флоры и фауны. Представления, формируемые в результате интерпретации, являются как бы «компромиссом между объективной реальностью и субъективными воззрениями на нее». Таким образом, для этнологов 70-х – 80-х годов «антропологические познания являются скорее плодом интерпретаций и герменевтических истолкований, чем позитивных исследований – опытных или основанных на умозаключениях». Интерпретативный метод подразумевал «особый подход к этнографии, приписывающий решающее значение роли этнографа в качестве посредника».

Включенное наблюдение стало замещаться наблюдающим участием. Применяя метод включенного наблюдения, этнограф стремится и эмоционально контактировать с членами культуры, и бесстрастно наблюдать за их жизнью. При наблюдающем участии этнограф «переживает и наблюдает соучастие себя и других в этнографическом процессе». Смена методологии повлекла за собой и изменение характера изображения материала: «вместо писания этнографических мемуаров, где этнограф сам был главным действующим лицом, или стандартных монографий, где объектом рассмотрения были Другие, внутри единой повествовательной этнографии, сосредотачивающей свое внимание на характере и процессе этнографического диалога, Я и Другой неразрывны».

Интерпретативная антропология осуществила критику функционалистских представлений о существовании объективных значений, показав, что эти значения были оформлены собственными культурными предубеждениями исследователей. Структурализм также подвергся критике со стороны интерпретативной антропологии за его слишком большую дистанцию от опыта социальных акторов. Интерпретативную антропологию, в свою очередь, упрекали за то, что исследователи везде и всегда усматривали мнения и стремились к интерпретациям интерпретаций, а не к объективности.

Образцом интерпретативной антропологии является драматургический подход И. Гофмана. Любое социальное взаимодействие включает элементы драмы, так как люди, общаясь друг с другом, выполняют роли, которые могут подходить в одной ситуации и быть неуместными в другой. Чем убедительнее сыграна роль, тем успешнее будет коммуникация. Прак-

тически всегда, хотим мы этого или нет, добросовестное выполнение нами профессиональных обязанностей носит те же черты. И. Гофман в своей классической работе о повседневной коммуникации прибегает к метафоре театрализации, говоря о том, что наша деятельность имеет смысл для других людей только в том случае, если она выразительна: «в присутствии других индивид, как правило, сопровождает свои действия знаками, которые живо изображают и высвечивают подкрепляющие его образ факты», которые иначе остались бы незамеченными¹.

Таким образом, социальные статусы индивида находят обязательное выражение в театральном воплощении, причем некоторые роли словно созданы для сценической игры, а некоторые, так сказать, «невидимы», поэтому их исполнителям приходится создавать особые практики или привносить в свою деятельность специальные атрибуты, зримо подчеркивающие значимость самого актера. Все проявления активности индивида за время его непрерывного присутствия перед каким-то конкретным множеством зрителей, у Гофмана называются «исполнением». Например, наблюдая исполнительские элементы профессий, мы можем дать этнографическое описание основным особенностям воплощения на практике определенных идеологических схем, принятых в рамках профессионального «цеха» и интерпретируемых окружающими.

Представители профессий воплощают в своей деятельности особенности своего социального статуса, причем на переднем плане сцены ими постоянно применяется «стандартный набор выразительных приемов и инструментов, намеренно или невольно выработанных индивидом в ходе исполнения»². Среди этих стандартных составляющих – обстановка, включая мебель, декорацию, физическое расположение участников и другие элементы сценического и постановочного реквизита, необходимого в качестве фона для протекания обычной человеческой деятельности и активно участвующего в процессе коммуникации.

Рабочее место относится к одному из атрибутов, необходимых для исполнения роли работающего, роли профессионала. Более того, «это обусловленная социальными причинами позиция индивида в системе распределения труда» в организации, которая опосредует «включенность работника в трудовой процесс»³. Рабочее место еще и символически воплощает в себе характер властных отношений в иерархии должностей, профессий и

---

¹Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С.63.

²Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С.54.

³Романов П.В. Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С.65.

приписанных статусов, кодируя особенности формальных и неформальных взаимодействий в организации.

По Гофману, к выразительным средствам, наиболее тесно связанным с самим исполнителем, а не только с реквизитом, относится «личный передний план»: отличительные знаки официального положения или ранга, умение одеваться, пол, возраст и расовые характеристики, другие знаковые сигналы, включая внешний вид и манеры актера¹.

Повседневный план профессии, или рутинные исполнения деятельности, содержит указание на некоторые распространенные нормы, стереотипные ожидания, узнаваемые другими участниками коммуникации. Тем самым самопрезентация становится коллективным представлением.

По словам И. Гофмана, «в жизни достаточно часто встречаются исполнители, активно насаждающие впечатление, что в прошлом у них были какие-то идеальные мотивы для принятия роли, в которой они теперь выступают, что они идеально подходят для этой роли по своим качествам и квалификации»² и что им не пришлось игнорировать массу неудобств, с которыми связана новая профессия. Напротив, эти неудобства представляют собой дополнительный ресурс идентификации. И хотя такое общее впечатление «избранности» своего занятия и «священной гармонии между человеком и его работой чаще всего стараются создать у других работники «высоких» профессий, похожее поведение», пишет Гофман, «встречается и в менее престижных профессиях».

При изучении различных социальных образований Гофман советует обратить внимание на преобладающие нормы приличия. Эти нормы сами являются информантами. Исследователи склонны принимать их как должное, не размышляя над своим поведением, пока не случится какой-нибудь сбой, или разразится кризис, или сложатся особые обстоятельства. Одна из внешних форм приличия, известная в общественных учреждениях, – это

---

¹Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С.56.

²Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С.79.

умение «изображать работу», поскольку работникам надо не только выполнять определенный объем работы за определенное время, но и быть готовым, когда понадобится, создавать впечатление усердной работы в данный момент¹.

Другой аспект – уникальность знания. У представителей профессий возникает дискурс хранителей особого знания, защищенного от непосвященных, трепетное отношение к тому, что по Гофману можно назвать «закулисьем». Эти практики «бережливости» по отношению к информации достаточно типичны для любых специалистов, охраняющих свой мир от непосвященных, но такая охрана границ имеет особое значение в условиях выстраивания особой идентичности в окружении отчужденных специалистов и инстанций.

Исследования повседневности

Социология повседневности задает теоретическую рамку социальной антропологии современного общества. Основателем социологии повседневности является Альфред Шюц, а философскую базу составляют труды Эдмунда Гуссерля, Поля Рикера, Мориса Мерло-Понти, Макса Шелера и других ученых, изучавших способы возникновения и функционирования знания, разрабатывавших феноменологическую философию. Социологическую основу анализа повседневности представляют классические труды М.Вебера о понимающей социологии, а также более поздние работы П.Бергера и Т.Лукмана², Г.Гарфинкеля, А.Шюца. Феноменология является методом, противоположным позитивизму, который не устраивает исследователей овеществлением социальных явлений. Социология повседневности стремится теоретически осмыслить социальный мир в его сугубо человеческом бытии, в соотношении с представлениями, идеями, целями и мотивами практически действующих социальных индивидов. Исследователи повседневности пытаются обнаружить формальные структуры общения, ускользающие от внимания ученых при объективистском подходе.

Мир повседневности – это обычная, привычная, типичная, рутинная, естественная среда человеческого существования, контрастирующая со средой, созданной исследователем при проведении психологических экспериментов и опросов. Люди ведут себя по-другому, когда знают, что их изучают, особенно, когда исследователь явно и сильно манипулирует средой. Теоретические основания исследования повседневной жизни представлены феноменологической социологией Альфреда Шюца.

---

¹Там же. С. 145.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Перевод Е. Руткевич. М.: «Медиум», 1995

Повседневность – это сфера человеческого опыта, характеризующаяся особой формой восприятия и переживания мира, возникающей на основе трудовой деятельности. Для нее характерно напряженно-бодрствующее состояние сознания, целостность личностного участия в мире, представляющем собой совокупность не вызывающих сомнения в объективности своего существования форм объектов, явлений, личностей и социальных взаимодействий.

Ключевыми понятиями социологии повседневности выступают «жизненный мир» (Lebenswelt) по Э.Гуссерлю, или «мир опыта» по У.Джемсу, или «конечная смысловая сфера» по А.Шюцу. Это некоторая совокупность данных нашего опыта, если все они демонстрируют определенный когнитивный стиль и являются - по отношению к этому стилю - в себе непротиворечивыми и совместимыми друг с другом. Иными словами, это совокупность всех возможных или действительных горизонтов опыта человеческой жизни, как совокупность intersubjectively разделяемого опыта повседневной жизни, в том числе, восприятие природных объектов, других людей, материальных и символических продуктов человеческой деятельности. Каждый из «жизненных миров» (например, мир религии, мир науки, мир работы, сна, фантазий, душевной болезни и так далее) внутренне непротиворечив, так как обладает собственной «логикой», собственным стилем восприятия и мышления.

В рамках социологии повседневности основной целью исследователя является изучение формальных и неформальных правил взаимодействия в определенном сообществе или организации. Наблюдая взаимодействие участников практического действия, исследователь выявляет механизмы конструирования изучаемой реальности, открывает формальные свойства повседневных, практических, основанных на здравом смысле действия¹. Для исследователя важно понять, что в ходе каждодневных взаимодействий вырабатывается повседневное знание, которое люди разделяют друг с другом в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни.

Социальное взаимодействие в рамках таких миров, или сфер основывается на механизме повседневной типизации, который необходим для понимания друг друга партнерами по интеракции, а переход из одной сферы в другую требует особых усилий. Механизмы повседневной типизации представляют особый интерес для социального антрополога. Взаимодействие в повседневной ситуации возможно благодаря двум условностям: во-первых, партнеры предполагают, что от перемены их мест характеристики мира не изменяются (постулат взаимозаменяемости точек зрения); во-вторых, существует возможность незаинтересованности во многих сторонах

¹Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978; Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990.

партнера по взаимодействию, партнер редуцирован к *типу* (постулат совпадения систем релевантностей). Оба этих постулата – средство типизации явлений и объектов, принадлежащих к общей для взаимодействующих индивидов среде. Партнеры лишаются уникальных черт, приобретают черты универсальности и безличности, черты социальности.

Метод проведения исследований связан с проблематизацией повседневности: чтобы открыть правила повседневного взаимодействия, «увидеть» их, необходимо стать чужаком в отношении обычного характера повседневных сцен, то есть отстраниться. Повседневная ситуация случается «здесь-и-теперь»: в данный момент времени и именно в том месте, где сейчас находится исследователь. В аспекте методологии понятие «здесь-и-теперь» относится к двум моментам: во-первых, когда исследователь начинает процесс определения и уточнения вопросов и проблем; во-вторых, когда исследователь принимает участие в повседневной жизни группы. Если исследовательская проблема возникла из абстрактных теоретизаций или обусловлена личным опытом, совпадением или случайностью, ее уточнение должно осуществляться с учетом опыта людей в повседневной ситуации. При этом исследователь, становящийся участником, должен стремиться не нарушать естественный ход событий, не вмешиваться в процессы, происходящие в жизни сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Культурная и социальная антропология
Этнология
Этнография
Функционализм
Структурализм
Марксистский подход
Критический подход
Интерпретативная антропология
Символическая антропология
Драматургический подход
Повседневность

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Чем отличаются социальная и культурная антропология? Каковы их теоретические истоки?
2. Раскройте истоки и смысл понятий этнологии и этнографии.
3. Расскажите об основных идеях эволюционистского направления в антропологии.

4. Как понимается термин «функционализм» в социальной антропологии? Расскажите об основных представителях функционализма и их идеях.
5. В чем состоят сильные и слабые стороны функционализма?
6. Расскажите о марксистском подходе к антропологическим исследованиям.
7. В чем состоит критическая перспектива социальной антропологии?
8. Что такое структурализм? Каково его применение в антропологии?
9. Расскажите об интерпретативной антропологии.
10. Как изучается повседневность в социальной антропологии?

ЛИТЕРАТУРА

1. Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I. 1999. №1.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Перевод Е. Руткевич. М.: «Медиум», 1995
3. Бочаров В.В. Антропологическая наука и общество // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. III. 2000. № 1.
4. Бувье А. Знание и наука // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Спец. вып. 1999. С.242-251.
5. Гиртц К. Насыщенное описание: о природе понимания в культурной антропологии // Антология исследований культуры. Т.1. С.-Пб: Университетская книга, 1997.
6. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
7. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996
8. Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2001.
9. Малиновский Б. Научная теория культуры. Предисловие А. Байбурина. Пер. с англ. И. Утехина. М.: ОГИ, 1999. - 208 с.
10. Мосс М. Общества, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1996.
11. Ривьер К. Социоантропология современности // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Спец. вып. 1999.
12. Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001.
13. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2001.
14. Сонгинайте Н.С. Социальная антропология Бронислава Малиновского // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I. 1998. № 2.
15. Фуко М. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002.

16. Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2003.

17. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3.

Тема 1.2. Этнография как метод исследований

Понятие «этнографии». Развитие этнографического подхода в социальных науках. «Журнал современной этнографии». Развитие социально-антропологического подхода в современной России

Понятие «этнографии»

Понятие «этнографии» в мировом контексте социальных исследований весьма многозначно. В отечественной науке до сих пор ведутся споры о том, что такое этнография¹. Понятие «этнографии» можно трактовать в трех смыслах: как дисциплину, жанр и метод. Выше говорилось об этнографии как научной дисциплине. Остановимся на ее особенностях как метода и жанра. Жанр этнографии, скорее, характеризует детальный описательный характер научной репрезентации (представления полученных материалов в отчетах, статьях, монографиях). В таком смысле указанный термин можно встретить как в зарубежных трудах по антропологии, так и в социологических работах. Вместе с тем, в социологии к настоящему времени сложилось особое понимание этнографии как непозитивистской, или «качественной», методологии.

Когда речь идет об *этнографических методах*, социологи прежде всего вспоминают о включенном наблюдении как исследовательской практике, характеризующей классический этнографический инструментарий. Особенности познавательного аппарата этнографии оказались привлекательными при изучении социальных явлений развитых индустриальных обществ и постепенно оформились в самостоятельную социологическую традицию, имеющую фокусом аналитического интереса проблемы го-

¹См., напр.: Козенко А.В., Моногарова Л.Ф. Эпистемология этнологии // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С.7; Семенов Ю.И. Этнология и гносеология // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С.18; Соколовский С.В. Этнографические исследования: идеал и действительность // Этнологическое обозрение. 1993. № 2,3; Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1; Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Crede experto (Отечественная этнология сегодня и завтра) // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С.3-11.

родской жизни, механизмы социальной стратификации, функционирования социальных институтов, трудовых отношений и культурных процессов в организациях.

Понятие этнографии часто применяется в качестве синонима этнографического *метода*, то есть определенного способа познания, с особой методологией, теоретическими и этическими предпосылками научной деятельности. Иными словами, этнография понимается как особый способ анализа культуры. Здесь культура относится к способу существования и символическим кодам любой группы людей, объединенных общими условиями жизни, труда, интересами или трудностями. Особенно часто в фокус этнографического исследования попадает какая-либо организация, социальная целостность, например, больница, школа, или даже один из школьных классов, фабрика, полицейский участок, магазин. В другом случае исследуются социокультурные особенности той или иной профессиональной, возрастной, гендерной (половой) или субкультурной группы, например, этнография пожилых людей, рокеров, угонщиков автомобилей, стюардесс и пожарных, обитателей городских трущоб, студентов медицинского колледжа¹.

В мировой науке применение этнографического метода считается чрезвычайно важным не только в исследовании традиционных культур и «простых» обществ, но и при изучении современных культур и «сложных» обществ². Очевидно, что методологические и познавательные основания такой этнографии существенно меняются по сравнению с тем, что составляет фундамент теорий эволюционизма с его идеями «культурного уровня» и «прогресса».

Методология этнографии зиждется на понимающей социологии³ Макса Вебера (1864-1920) и таких последующих ее версиях, как социальная феноменология Альфреда Шюца (1899-1959), социальный конструкционизм Питера Бергера (1929-) и Томаса Лукмана. Здесь применяется социологический подход к культуре как идеям, в совокупности составляющим основное, главное определение жизненной ситуации людей, а этнография представляется как задача «понимающего» описания определенной культуры.

Развитие познавательных возможностей этнографического подхода в социальной науке происходило в контексте изменений общественной ситуации. Главные этнографические методы – включенное наблюдение и глу-

---

¹См.: *Spradley J.P., McCurdy D.W. The Cultural Experience: Ethnography in a Complex Society. Chicago: Science Research Associate, 1972. P.3.*

²Имеются в виду общества, применяющие простые или сложные технологии.

³Метод М. Вебера называется по-немецки *verstehen* – понимать, английское название этого направления – *interpretative sociology* – интерпретативная, или понимающая, социология.

бинное интервью, входили изначально в арсенал средств антропологов и этнографов, для изучения «примитивных обществ», а затем их использовали социальные работники, посещая клиентов на дому и проводя с ними беседы. Позднее и социологи начали применять эти подходы к сообществам «гражданской инаковости» (civil otherhood), удаленным в культурном смысле. Таинственный мир социальных проблем открывался современному социальному антропологу и социологу так же, как экзотическая культура племен – антропологу прошлых лет¹. В фокусе исследовательского внимания оказался мир трущоб, городских окраин, детской преступности, наркотиков, психических расстройств, самоубийств. Эволюция предмета, метода и развитие теории в русле этнографических исследований привели к существенному изменению палитры социологии и социальной антропологии.

И если первоначальные описания «других» культур отличал акцент на странном, необычном; описания образа жизни отдаленных обществ перестрели вымыслами; то сегодня стало ясно, что ценность этнографического описания, так же, как и ценность культурных контактов, не связана лишь с экзотикой. Впрочем, и сейчас существуют подобные представления других культур, поощряемые индустрией туризма: многочисленные иллюстрированные журналы привлекают путешественников в неизведанные края, показывая красоты природы, экзотику внешнего вида «туземцев», их традиций, обихода, кулинарных изысков или уникальность созданного человеком окружения – памятников, архитектуры гражданских и культовых сооружений.

С другой стороны, важно помнить, что уже в развитии классической этнографии (антропологии) с ее акцентом на экзотике произошло открытие европейским человеком «культурного другого» как важного инструмента собственного самоопределения и познания собственной культуры. В самом деле, как человеку удавалось понять себя, как не через противопоставление другим? Как люди смогли признать и осмыслить то, что живем мы в мире своей культуры, как не через знакомство с культурой иной?

И все же именно произошедший в начале XX в. отказ от эволюционистского направления в пользу функционализма усилил интерес этнографов к процессам, порожденным вмешательством европейской цивилизации. Главным образом здесь высветились те явления, что возникают при столкновении культур в колониях.

В литературе по социальным наукам понятие этнографии используется в двух смыслах. Во-первых, это изложение результатов социального исследования в описательном духе, исторический обзор и подробное изложение социальных процессов. Например, можно прочитать о том, что в книге

---

¹См.: Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995. С.18.

собраны этнографии предприятий малого бизнеса, этнография приватизации завода, этнография среднего уровня управления в общественной организации. Иными словами, *жанр* этнографии скорее характеризуется вне-теоретическим способом описания народов и культур. «Этнография» так и понималась до недавнего времени в западной традиции: как форма научной репрезентации, имеющая детальный описательный характер.

В меньшей степени это понятие относится к теоретическим обобщениям в социальных науках. В таком смысле указанный термин можно встретить как в трудах по антропологии, так и в социологических работах. Однако, если для Тэйлора, Моргана или Фрэзера этнография выступала совокупностью фактов и деталей, объясняемых их теориями, то для современных антропологов более характерным является употребление слова «этнография» во множественном числе, подразумевающее работы различной степени теоретического обобщения и глубины анализа¹.

Во-вторых, это совокупность «этнографических», т.е. качественных методов сбора данных (долговременное включенное наблюдение, глубинные интервью, сбор документов), применяемых к изучению организации. Имея в виду это, говорят, например, так: «структуры повседневной жизни, выявляемые с помощью этнографии», «мы смогли понять культуру данной организации, лишь осуществив этнографическое исследование»).

Упомянув сочетание «*этнографический метод*», чаще всего имеют в виду методы включенного наблюдения, т.е. исследовательской практики, характеризующей классический этнографический инструментарий. Этнография представляет собой по преимуществу кейс-стади и обладает типичными для этого типа исследования методологическими допущениями, связанными, в первую очередь, с особенностями отбора объектов анализа, построения научного вывода, логикой интерпретации.

Кейс-стади – это исследование на одном объекте, которым может выступать некое сообщество, отдельно взятое социальное явление, класс действий или область деятельности, даже биография отдельного человека.

В кейс-стади выработаны свой специфический терминологический аппарат, методический инструментарий, способы обоснования выбора объекта, валидации исследовательского инструмента и проверки качества собираемой информации. Этнографическая научная работа отличается более долговременным характером исследования, вживанием в субкультурный контекст, применением, главным образом, качественных мето-

¹Wood P.W. Ethnography and ethnology // The Dictionary of Anthropology. Ed. by Thomas Barfield, Blackwell publishers, 1997. P.159-160.

дов, но главное – особым этическим подходом к анализу данных и предмету исследования.

Социальный антрополог, вооруженный специальной техникой полевого исследования и собственной моделью истолкования данных, может оказать большую помощь в «раскодировании» повседневной жизни сообщества, образцом которого является, например, организация. Важным ресурсом позитивных изменений для исследователя является поиск общего языка для всех участников организационных взаимодействий, критический анализ существующих проблем, решение и предупреждение конфликтных ситуаций, конструирование «мостиков» между различными сосуществующими в организации субкультурами, предоставление права голоса тем, кто обычно «молчит и замалчивается», – тем социальным группам, которые занимают самые нижние слои иерархий.

Медицинская, феминистская и экономическая антропология, а также антропология организаций и города, как и многие другие направления современной антропологии, обладают всеми чертами интерпретативного подхода, который рассматривается как определенная практика истолкования результатов исследования. Ученые, придерживающиеся такого подхода, рассматривают социальное исследование как попытку проникновения в чужую культуру и рациональность. Задачей ученого является скорее истолкование заключенных в иной культуре представлений, смыслов, значений, чем формулирование окончательного диагноза, создание фиксированной теории, выведение социальных законов.

Развитие этнографического подхода в социальных науках

Работы Чикагской социологической школы, относящиеся к 1920-м годам, занимают совершенно особое место в периодизации социальной науки. Этнографический подход в социологии часто связывают с направлением, восходящим именно к этой научной традиции. Взамен наблюдателя, находящегося вне объекта исследования, чья деятельность направлена на описание социального поведения в терминах внешней по отношению к индивиду причинности, Чикагская школа подчеркнула роль «включения» социального исследователя в жизнь объекта, тем самым усилив роль этнографического метода в социологическом исследовании.

Здесь был рожден жанр, который, фокусируясь на событиях современной городской жизни, тем не менее по своей природе относился к этнографическому описанию. П. Аткинсон¹ отмечает, что при знакомстве с такими работами этого направления, как «Общество на углу улицы» У. Уайта², читатель невольно вовлекается в сложный процесс конструирования и ре-

¹Atkinson P. The Ethnographic Imagination. London: Routledge, 1994. P.2.

²Whyte W.F. Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum, Chicago, University of Chicago Press, 3rd edition. 1981.

конструирования реальности. Этнографическая монография У. Уайта, несмотря на сугубо реалистическое описание социальной жизни итало-американских уличных группировок и множество тщательным образом собранных деталей, оказалась настоящим произведением искусства. Повествование и описание, примеры, характеристики и поясняющие комментарии складываются в искусный и искусственный продукт, и мир, в который мы входим как читатели, конечно, не является для нас непосредственным переживанием опыта «общества на углу улицы».

Рассматривая чикагскую исследовательскую традицию, обратим внимание на особенности научного повествования. Между художественной литературой и социальной наукой сложились четкие стилевые и жанровые разграничения. Однако в Чикагской школе с ее акцентом на таких подходах к этнографическим материалам, как *life stories* (жизненные истории) и *slices-of-life* (срезы жизни), происходит сближение этнографии с романом. Идея такого подхода, как указывает П. Кло¹, – создание текстов, в которых, во-первых, автор-исследователь, кроме изложения фактов, полученных в ходе полевой работы, представляет свой субъективный взгляд. Во-вторых, вместе с этим, несмотря на очевидное авторское присутствие, изложение ведется простым языком, часто от лица обычных людей, предполагая социальный реализм и научную достоверность.

Итак, именно в Чикаго впервые состоялось применение этнографического метода в том виде, в каком он получил свое дальнейшее развитие в социологии и социальной антропологии. Повествовательный характер научного описания, акцент на субъективных переживаниях участников исследования (информантов и ученого), обязательно присутствующий в тексте индивидуальный опыт исследователя, и, наконец, практика включенного наблюдения – все это стало признаками этнографической работы. Поэтому в социологической литературе понятия этнографического метода и этнографии, примененные в связи с полевой работой социолога, стали отождествляться с «качественными» методами (особенно с включенным наблюдением) и «качественными» исследованиями. Однако отнести этнографический метод лишь к качественным означало бы слишком упростить и ограничить наше рассуждение. Представители Чикагской школы, прославившие и утвердившие этнографический подход к исследованию современного города, применяли и статистические данные.

«Понимающие» подходы в социологии (символический интеракционизм, этнометодология, феноменология, критическая теория, феминизм) привлекали все большее внимание социологов. В наиболее известных работах этого периода содержалось убеждение, что социальная практика «качественных» исследователей важна с точки зрения представления голосов

---

¹*Clough P.T. The End(s) of Ethnography: From Realism to Social Criticism. Newbury Park, CA: Sage, 1992. P.21-22.*

«других» – людей, исключенных из нормальных социальных отношений, замалчиваемых и заклеяемых стереотипами в средствах массовой информации и общественном сознании. Исследования социальных отношений внутри различных групп, субкультур, общественных движений, таких организаций, как индустриальные предприятия, школы, больницы, тюрьмы, интернаты для людей с умственной отсталостью, дома престарелых, получали устойчивое название *этнографий*, а их познавательная природа характеризовалась как антипозитивизм.

Канонический текст этого времени – «Мальчики в белом»¹ Г. Беккера с соавторами. Тесно увязанная с социальным временем пятидесятых годов и методологическими дискуссиями в социологии этого периода, эта работа о студентах медицинского колледжа стала попыткой придать «качественному» исследованию такую же строгость, какой обладают количественные. Эта работа соединяла многие методы: полуоткрытые и полуструктурированные интервью здесь сочетались с включенным наблюдением и осторожным анализом этих материалов в стандартизированной, статистической форме. В своей классической методологической статье Беккер даже вводит понятие *квазистатистики*:

«включенный наблюдатель должен пользоваться возможностью собирать данные так, чтобы их можно было преобразовать в легитимные статистические. Однако обстоятельства полевой работы обычно препятствуют этому... Поэтому то, что получает наблюдатель, лучше назвать квазистатистикой. Его выводы, хотя и неявно числовые, не требуют точных подсчетов»².

В анализе данных, отмечает Г. Беккер, «качественный» исследователь явно уступает своим коллегам-статистикам и потому нуждается в дополнительных ресурсах для утверждения своих выводов. Сегодня для нас ясно, что этнографический подход в социологии, «качественное» направление социологических исследований является самостоятельным направлением, хотя при желании исследователя может применяться в сочетании с «количественными», или статистическими подходами.

Так называемый модернистский период развития этнографического подхода в социологии (1950-1970 гг.) завершился «Открытием обоснованной теории» Б.Г. Глэзера и А.Л. Страусса. Все это время этнография, или качественная социология, неизбежно романтична. Со всей возможной гуманистической энергией ученые показывали аутсайдеров, тех, кто находится «на краю» или «на дне» общества, как героев общественного внима-

¹Becker H.S., Geer B., Hughes E.C., Strauss A.L. Boys in White. Chicago: University of Chicago Press, 1961.

²Becker H.S. Problems of interference and proof in participant observation // Becker H.S. Sociological Work. Chicago: Aldine, 1970. P.21.

ния. Экзистенциалистское убеждение в естественно присущей каждому человеку свободе перед лицом смерти, исследование маргинальной личности, поведения человека в пограничной ситуации нашли отражение в работах этого периода.

В период 1970-1986 гг., который называют временем «размытых жанров» (blurred genres), продолжается оформление теоретических концепций, методов и стратегий исследований. Прикладные «качественные» исследования все больше оказывались в фокусе возросшего интереса ученых, политиков и средств массовой информации. В этот период этнографические стратегии применяются в социологических, исторических, биографических, организационных и клинических исследованиях. Получают дальнейшее развитие различные виды сбора и анализа эмпирического материала: этнографическое интервью (полуоткрытое или полуструктурированное), наблюдение, анализ документов, продуктов визуальной культуры (реклама, кинофильм, живопись, скульптура) и личного опыта. В исследовательскую практику вводятся компьютеры, которые в последующие десятилетия (конец 1980-х-1990-е гг.) получают еще более широкое применение для качественного анализа исторических, литературных и биографических документов, расшифровок интервью и наблюдений, видео- и фотоматериалов как «текстов» культуры¹.

Две книги К. Гиртца² начали и закончили период «размытых жанров». В этих работах автор доказывал, что прежние функционалистские, позитивистские подходы в науках о человеке уступили дорогу более открытым, мягким, «понимающим» подходам. Отправная точка этих новых подходов – понятие смысла культурных репрезентаций. Называя описание определенного события, ритуала и обычая «thick» («насыщенным»), К. Гиртц полагает, что все антропологические работы были и остаются интерпретациями интерпретаций. Наблюдатель не имеет привилегированного голоса в истолковании того, что было описано. Центральной задачей исследователя является воссоздание ощущения данной ситуации:

«Задача уловить те понятия, которые для другого народа являются близкими-к-опыту, и при всем том ухитриться связать эти понятия с проясняющими их далекими-от-опыта понятиями, которыми предпочитают пользоваться теоретики,

---

¹Процесс включенности индивидуального исследователя в анализ данных, формулирование и переформулирование задач их обработки, принципиально изменился. Для анализа материалов качественных интервью особое значение приобрело создание специализированного программного обеспечения, таких пакетов программ, как NUD-IST, ETHNOGRAPHER и т.д. В России специализированные средства количественного анализа текстов известны с 1996 г. (пакет КОНТЕНТ-АНАЛИЗ 1.6), а для качественного анализа пока только разрабатываются.

²Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973; Geertz C. Local Knowledge. New York: Basic Books, 1983.

чтобы зафиксировать общие черты социальной жизни, вне всякого сомнения может быть названа задачей столь же деликатной – пусть и требующей чуть меньше навыков волшебства, – как взлезание в чью-либо шкуру... Все это, конечно, сейчас демонстрирует знакомую траекторию того, что Дильтей назвал герменевтическим кругом, и вся моя аргументация здесь попросту обосновывает, что последний занимает в этнографической интерпретации столь же центральное положение, какое он занимает и в литературной, исторической, филологической, психоаналитической или библейской интерпретации, или, если уж на то пошло, в той неформальной аннотации повседневного опыта, которую мы именуем здравым смыслом»¹.

Кроме того, К. Гиртц полагает, что границы между социальными и гуманитарными науками стали зыбкими. Социальные ученые начали применять гуманитарные модели, теории и методы анализа (например, семиотического, герменевтического). Научные тексты стали все больше напоминать художественные повествования (нарративы)², по мнению Гиртца, эссе, подобное произведению искусства, заменило научную статью³. Золотая эра четко отделенных друг от друга, стабильных и порядком догматичных социальных наук закончилась, и научный язык принял иной характер: истолкование документального фильма как художественного произведения (Майлер), притчевое изложение, подобное этнографии (Кастанеда), теоретические трактаты, напоминающие книги о путешествиях (Леви-Строс). В то же время возникли и совершенно новые подходы, например, постструктурализм, неомарксизм, деконструктивизм, этнометодология.

Еще один важный этап относится к середине 1980-х годов; это мощный познавательный поворот – *кризис репрезентации* (представления информации в научном тексте). Он отражен в целом ряде работ по социальной и культурной антропологии и социологии культуры⁴. Эти работы характеризуются высокой степенью осмысления методов, процесса сбора, обработки и анализа результатов самими исследователями. Всегда ли знание исследователя объективно и независимо от ценностей той социальной группы, к которой он принадлежит? Влияет ли пол ученого на выводы

¹Гиртц К. С точки зрения туземца // Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С.92,106.

²См.: Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С.38-61.

³Geertz C. Works and Lives: The Anthropologist as Author. Stanford, CA: Stanford University Press, 1988.

⁴Marcus G., Fisher M. Anthropology as Culture Critique. Chicago: University of Chicago Press, 1986; Turner V., Bruner E. The Anthropology of Experience. Urbana: The University of Illinois Press, 1986; Clifford J., Marcus G.E. Writing Culture. Berkeley: The University of California Press, 1986.

научного исследования, если оно касается, например, насилия в семье, сексуальных преследований на работе? Может ли представитель этнического или расового большинства претендовать на истинное представление жизненной ситуации меньшинств? Работы этого периода сосредоточены на социальных проблемах пола, класса и расы. Само создание текста, его написание представляется здесь методом исследования, который продвигается через последовательные стадии осознания происходящего, рефлексии. Так «качественные» исследования стали развиваться в новом, критическом направлении. На наш взгляд, усиление внимания к точке зрения и жизненному миру респондентов, учет социокультурных факторов, воздействующих на мнение исследователя, очень важны для современных отечественных социологов, ибо позволяют приблизиться к пониманию той сложной, постоянно меняющейся социальной ситуации, в которой мы сегодня оказались и в которой мы начинаем себя осознавать.

«Журнал современной этнографии»

Что же происходит с этнографическим методом в социологии сегодня? Возьмем в качестве иллюстрации содержание нескольких выпусков периодического международного издания – «Журнала современной этнографии», выходящего на английском языке. Специальный выпуск этого журнала вышел в апреле 1996 г. под названием «С этнографией в XXI век». Статьи, по замыслу редакторов, должны были отражать новейшие тенденции развития этнографической методологии. То, как выразили это редакторы журнала К. Эллис и А. Бочнер во вступительной статье этого выпуска, вероятно, поможет нам лучше понять задачи и особенности современных этнографов. Авторы убеждены, что сегодня необходимы такие способы выражения мысли, которые приглашают аудиторию к активному взаимодействию с горизонтами человеческого бытия, где жизненные ситуации оказываются комичными, трагичными или абсурдными, где существует бесконечное множество возможностей творить и проживать реальность. Формы и способы написания, а не только исследовательский инструментарий, становятся неотъемлемой частью того, что называется риторикой этнографического метода, то есть способами аргументации и представления результатов научной работы.

Научное творчество современных этнографов предполагает помещение автора в центр повествования, но при этом усиливается стремление ощущать присутствие читателя. Цель этнографа – не только знать, но и чувствовать, ощущать этнографическую «истину» и потому становиться как можно более причастным и вовлеченным – в моральном, эстетическом, эмоциональном и интеллектуальном смысле. Истории, написанные этнографами сегодня, завтра будут пересказываться, анализироваться, «пробуждать субъектность и эмоциональную реакцию читателей. Своими кон-

кретными интимными деталями они составят компанию одиночеству абстрактных фактов»¹. Особое внимание, как видим, уделяется жанровой и стилевой специфике этнографических работ.

О чем пишут западные этнографы в своем журнале? Рассмотрим несколько примеров статей спецвыпуска. Статья «Разве не глубока могила» рассказывает об исследовании жизни одиноких людей, больных СПИДом, – тех, которые обычно молчат, а переживаемый ими опыт замалчивается обществом. Статья «Зеркала на лицах мужчин» – это исследование общественного движения, цель которого – возрождение традиционного образа мужественности в современном обществе. «Рассказывать сказки, писать истории: постмодернистское видение и реалистические образы в этнографическом описании» – диалог двух авторов об этнографии как жанре, о современных способах и принципах написания «этнографических» текстов.

Приведем несколько примеров публикаций в последующих выпусках журнала за 1996-1997 гг.: статья «Опасность, община и слежение за преступностью: анализ представлений афро-американских и белых участников» – исследование волонтерского движения, противостоящего росту преступности в районе; статья ««На равных». Сохранение достоинства волонтерами приюта для бездомных»; статья «Все еще мужской мир: мужчины, которые выполняют женскую работу» – об опыте мужчин, занятых в традиционно женской сфере (воспитатели, учителя); статья «Обучение роли естествоиспытателя: препарация животных в средней школе».

Еще одна интересная работа – «Водитель: адаптации и идентичности в городских мирах работников по доставке пиццы». Часто в развозчики пиццы, водители такси или общественного транспорта нанимаются иммигранты, и, пожалуй, в этом исследовании очень важен именно этнический фактор. Другие статьи, обзоры исследований и рецензии касаются таких тем, как этнография инвалидности, умственной отсталости; жизненный выбор женщин, которые страдают от насилия в семье; мнения мужчин-военных и их жен о реформах в американской армии, связанных с расширением возможностей военной карьеры для женщин; этнографические исследования образования.

Благодаря современным «этнографиям», мы часто обнаруживаем, что существуют такие черты знакомых нам мест, групп, условий, о которых нам, оказывается, мало что было известно, но знание которых может тонко, а подчас существенно изменить наши представления. Исследования в области истории выполняют, пожалуй, ту же функцию, представляя документы о происхождении современных явлений, существование которых мы принимаем само собой разумеющимся, как нечто естественное, а не

---

¹*Ellys C., Bochner A.P. Introduction // Journal of Contemporary Ethnography. Vol.25. № 1. April 1996. P.3-5.*

продукт истории. Большая часть современных «этнографических» работ в социологии связана именно с таким подходом: «*делать знакомое неизвестным*», как называет его М. Хаммерсли¹.

Если мы определим, как применять этнографию в социологическом исследовании, то объектом исследования могут стать любые группы людей. Приоритетом остается смысл их деятельности, и, по мнению Д. Альтхайде, в этом случае даже продукты социального взаимодействия могут изучаться этнографическим методом. Этот автор разрабатывает «этнографический» подход к анализу средств массовой информации (этнографический контент-анализ)².

То, что читательская аудитория получает в результате знакомства с «этнографическими» работами на самые различные темы, – не заключение, вывод или доказательство. Этнография *интерактивная* (направленная на взаимодействие исследователя, носителей изучаемой культуры и читателя) и *рефлексивная* (понимающая, осмысливающая факты в контексте такого культурного взаимодействия) никогда не закрывает и не ограничивает возможную дискуссию. Этнография лишь улучшает понимание, способность тонкого, но не поверхностного, а глубокого общения с темой и субъектами исследования. Важнейшее испытание, через которое «этнография» проходит сегодня ради своего будущего развития, – это переход от описания мира к взаимодействию с ним. При этом исследователи становятся частью того мира, который они изучают, изменяют и конструируют.

Развитие социально-антропологического подхода в современной России

Изменения в отечественной науке об обществе в 1980-х годах характеризуются повышенным вниманием к антропологическим исследовательским приемам, объектам, способам интерпретации и подачи результатов исследования. Масштабность этих тенденций отражает тот факт, что они почти одновременно и подчас автономно проявились в смежных, но довольно самостоятельных дисциплинах – истории, социальной психологии, этнографии, социологии. Представляется, что, несмотря на все различия, эти исследования демонстрируют положительный эффект от преодоления дисциплинарных границ в ходе изучения субъектности и культуры, с применением метода кейс-стади.

К настоящему времени демаркационная линия между социальной антропологией, классической социологией и историей лежит не столько в разделении на кафедры и факультеты, сколько в различиях исследователь-

---

¹*Hammersley M.* What's wrong with ethnography? London and New York: Routledge, 1992. P.33.

²*Altheide D.L.* Qualitative media analysis. Qualitative research methods series. Vol.38. A Sage university paper. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage. 1996.

ских предпочтений по выбору изучаемой проблемы, интерпретационных стратегий и методов. В антропологических исследованиях организационной культуры, например, в центре внимания оказались производственные и трудовые отношения. «Этнографический» подход здесь – орудие социальной критики, позволяющее представить взгляд «снизу-вверх» и переосмыслить управленческую рациональность с использованием прямой речи, текстов интервью и голосов субкультур.

Причины растущего влияния антропологии на социологию и историю в странах Западной Европы и России различаются, хотя есть и сходство. Например, Ван Дюльмен высказал убежденность в том, что интерес к микроистории (здесь он использовал понятие, впервые введенное итальянским историком Гиндзбургом) в Германии был продиктован расширением контактов между учеными разных стран, переводами и использованием в ходе исследований идей таких ученых, как М. Вебер, Н. Элиас, П. Бурдьё¹. Нигде эффект от международного сотрудничества – зарубежных стажировок, участия в совместных проектах и получения международных грантов – не оказал столь значительное влияние на появление новых междисциплинарных проектов, как в России, однако такое сотрудничество стало лишь одним из факторов выработки субъектно-ориентированных подходов и преодоления междисциплинарных границ.

Более существенным является то обстоятельство, что интерпретативный потенциал социально-антропологической традиции, в фокусе которой оказался микроуровень социальных процессов и институтов, показал свою перспективность в тех особых социальных условиях 1990-х годов, когда в обществе сложилась новая ситуация, характеризующаяся плюрализацией социальных практик, жизненных стилей, культур. Кроме того, можно согласиться с утверждением Ж.Т. Тощенко о том, что интерес к изучению субъективности связан с осознанием человека как активного социального субъекта². Одним из следствий этого процесса стала растущая потребность в новых аналитических подходах и методах исследования этой социальной реальности. Речь идет о новой традиции, которая, без сомнения, уже обрела свои контуры в мировой социологии и утверждается в России, что обнаруживается в увеличении числа исследовательских проектов, переводов, периодических изданий, монографий, конференций, докторских и кандидатских диссертаций.

Сейчас появилась реальная возможность установления нового типа взаимодействия между обществом и социологами: отказываясь от статуса «дворцовых советников» и идеологических «охранников» существующего

---

¹См.: Дюльмен Р. Ван. Историческая антропология в немецкой социальной историографии // THESIS. 1993. № 3. С.222.

²Тощенко Ж.Т. Социология: пути научной реформации // Социологические исследования. 1999. № 9. С.5.

порядка, ученые осваивают роль социальных критиков. Новая роль требует не только постоянной рефлексии аналитических установок в пользу мультипарадигмальности и междисциплинарности, но также непрерывного поиска новых тем, какими становятся социальные проблемы, неравенство, нетерпимость, исключение, разобщенность, неожиданные ракурсы привычного, «узнаваемые чужаки» и «неизвестные знакомцы». Вряд ли можно согласиться с И.А. Бутенко в том, что повышенный интерес к таким замалчиваемым ранее группам, как беспризорные, зависимые, правонарушители и наркоманы, продиктован исключительно научной модой и новизной сюжета¹. В современных условиях нельзя обойтись без внимательного обсуждения этих сторон общественной жизни, влияющего на выработку решений в сфере социальной политики.

В социальной науке интерес к микроуровню анализа, к единичному случаю как объекту исследования возник первоначально в Англии, Франции, Италии, США, чуть позже – в Германии и России. На Западе он связан с такими именами, как М. Вовель, К. Гиндзбург, Э. Гренди, Э.П. Томпсон, П. Берк, Н. Дэвис, Г. Медик, К. Липп, а в России – Ю. Бессмертный, Н. Козлова. Рассматривая эпистемологические причины развития такой тенденции в историческом познании, Ю. Бессмертный называет в первую очередь кризис того типа социальной истории, который предлагался французской школой Анналов. Ссылаясь на М. Вовеля, он пишет о назревшей внутри этого научного направления необходимости перехода к «использованию микроскопа в истории». Обосновывая фокус исследовательского внимания на межличностные отношения, итальянский историк Э. Гренди делает вывод о том, что «именно здесь использование приемов социальной антропологии могло бы быть наиболее продуктивным»². Дальнейшее применение таких приемов доказало преимущества междисциплинарного взаимодействия, особенно в тех исторических исследованиях, которые своим предметом делают не структуры, а социальный контекст. Дело в том, что социальные отношения не могут быть объяснены с помощью универсальных категорий, т.к. существуют исключительно в социальном контексте³. В результате в фокусе исторических исследований появились проблемы молодежи, рабочего класса, семьи, быта, народной культуры и женской проблематики. Настоящий прорыв в таких исследованиях в России следует отнести во многом к заслугам исторической науки с

---

¹Бутенко И.А. Постмодернизм как реальность, данная нам в ощущениях // Социологические исследования. 2000. № 4. С.5-6.

²Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус: индивидуальное и уникальное в истории / Под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. С.293.

³Дюльмен Р. Ван. Историческая антропология в немецкой социальной историографии // THESIS. 1993. № 3. С.222.

ее стремлением преодолеть ограниченность собственных методов с помощью использования подходов социологии и социальной антропологии на микроуровне: примером могут служить новые периодические издания – это альманах «Казус» и ежегодник «Социальная история», выдержавшие уже несколько выпусков¹.

Идеи американского социального антрополога К. Гиртца, в частности, те, которые относятся к «насыщенному описанию» как методологии интерпретации данных², оказываются востребованными в исследованиях современного индустриального общества, в результате чего получают дальнейшее развитие социологическое изучение семьи³, антропология труда⁴, организаций⁵, инвалидности⁶. Вообще, разделение предмета социологии и социальной антропологии сложилось в силу институциональной организации самой науки, ее «департаментализации», по выражению Л. Ионина⁷, – т.е. традиционной классификации специальностей в системе образования, специализации диссертационных советов, «разделения труда» на соответствующих кафедрах. Так, в России кафедры и отделения этнографии обосновались на исторических факультетах университетов, а в некоторых западных университетах – на социологических факультетах⁸. Возможно, поэтому отечественная этнография была всегда по предмету ближе к истории, а англоязычная социальная (или культурная) антропология – к социологии. Особенности познавательного аппарата социальной антропологии оказались привлекательными для социологов и постепенно оформились в самостоятельную социологическую традицию, которая применяет антропологические, этнографические методы в исследованиях городской жизни и организаций.

Несмотря на то, что различия между антропологией и социологией достаточно размыты, говоря об антропологических исследованиях современного общества – исследованиях организаций, профессий, религиозных групп, местных сообществ, – речь ведут, прежде всего, о социальных ис-

---

¹Социальная история. Ежегодник. М.: РОССПЭН. Выпуски 1998-2000 гг.

²Гиртц К. Насыщенное описание: о природе понимания в культурной антропологии // Антология исследований культуры. Т.1. С.-Пб: Университетская книга, 1997.

³Биографический метод в социологии: история, методология и практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семенов. М.: Ин-т социологии РАН, 1994.

⁴Буравой М. Углубленное кейс-стади // Рубеж. 1997. № 10-11.

⁵Романов П.В. Методологическая эволюция социально-антропологических исследований организаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 4.

⁶См.: Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С.38-45.

⁷Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996. С.15.

⁸Куропятник А.И. Традиции антропологического образования // Социологическое образование в России: итоги, проблемы и перспективы. С.-Пб: СПбГУ, 1998.

следованиях неявных социальных взаимодействий, неформальных отношений, культурных практик, скрытых от глаз внешних наблюдателей.

За редким исключением до начала 1990-х годов отечественные социологи избегали применять этнографические, «качественные» методы в исследованиях возрастных, профессиональных и иных социальных групп. Что касается отечественных этнографов, – многие противопоставляют свою специальность социологии. Согласно мнению сегодняшних экспертов, одна из причин кризиса отечественной этнографии – «увлечение социологией (в ущерб собственно этнографии)», при этом под социологически понимаются строго формализованные методы сбора эмпирической информации¹. Известный этнолог Ю.В. Бромлей предупреждал, «чтобы этносоциология ни в коем случае не сводилась к изучению просто социальных параметров наций (без корреляции с этническими факторами), это будет уже просто конкретная социология»².

Особенностью институциональной организации отечественной этнографии было размещение преподавания на университетских факультетах истории. Это также послужило препятствием проникновению «этнографического» взгляда на социальный объект в социологии. Различия в трактовке предметной области советской и западной этнографии весьма показательны. Советская традиция сосредоточивается на исследовании материальной и духовной культуры народов. Выбор в качестве предмета исследования культурной группы (в таком случае сюда можно отнести и социально-профессиональные совокупности современного урбанизированного общества), на наш взгляд, отличает западную этнографию от отечественной, с ее акцентом на изучении этнических и историко-этнографических общностей.

Вряд ли является случайным то, что, несмотря на общемировое признание этнографии как *изучения культур*, у нас принято определение этнографии лишь как *науки о культуре народов*. В России и сейчас распространено мнение, что задачи этнографии включают поиск и описание культур, удаленных от исследователя во времени или пространстве. Согласно этой точке зрения, «изучаемое общество не сводится к совокупности взглядов туземцев, ... оно представляет собой социальную реальность, которая частично существует совершенно независимо от сознания людей, частично же в значительной степени независимо от него. И представления людей об этой социальной реальности во многом носят не адекватный, а иллюзорный характер. В большинстве изучаемых этнографами обществ науки не существует, нет научного представления ни о своем, ни о других обще-

---

¹Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. *Crede experto* (Отечественная этнология сегодня и завтра) // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С.3-11.

²Бромлей Ю.В. *Этносоциальные процессы: теория, история и современность*. М.: Наука, 1987. С.162.

ствах. Есть просто обыденные представления. Конечно, туземные понятия нужно знать, но никакая их совокупность не может дать научной картины этого общества»¹.

Очевидно, эта трактовка относится к иной научной традиции, отличной от той, что представлена работами по этнографии академического сообщества, например, медицинского колледжа.

Воспользуемся известным антропологическим приемом и зайдем в предметное поле советской этнографии «с черного хода». Для этого посмотрим, каким этнокультурным общностям было отказано во внимании советскими этнографами. Мы придем к выводу, что это – русский урбанизированный современный этнос, расселенный в крупных индустриальных центрах. Из авторитетного учебного пособия того времени узнаем, что этнографические изыскания должны быть посвящены малым этническим группам или «традиционным культурам»². Последние изучались на материале как малых народов, так и русских, но представленных сельским населением или горожанами, сохраняющими традиционный уклад. Сравнение современных культурных форм городской жизни на предмет выяснения роли этнического фактора осуществлялось в рамках этносоциологии, использующей позитивистские модели анализа на основе выборочных исследований с применением формализованного интервью.

Исследования русского этноса в условиях современного индустриального русского города вплоть до 1990-х годов за редким исключением были выведены за рамки классического этнографического анализа. Основной причиной этого, на наш взгляд, является следующее. Научные исследования выступают в любом обществе как инструмент социального контроля и управления. В этом смысле некоторые общности (например, интеллигенция, рабочие, русские) вряд ли могли стать объектом этнографического изучения, поскольку представляли самих исследователей или, вообще, рациональное, наиболее развитое большинство, агентов индустриализации и носителей политически оправданного профессионализма. Возможно, поэтому русские-горожане до недавнего времени практически не привлекали внимание этнографов; ведь у них как бы отсутствовала этническая культура. Это подтверждала и программа «Оптимизации социально-культурных условий развития и сближения советских наций», согласно которой процессы индустриализации и урбанизации создают основу для «общности в образе жизни и культуре народов, в процессе трансформации которой национальные особенности тем дальше, чем больше перемещаются из сферы материальной в духовную, социально-психологическую»³. Таким образом в фокусе этнографического, да и этносоциологического ис-

¹Семенов Ю.И. Этнология и гносеология // Этнографическое обозрение. 1993. № 6.

²См.: Этнография: Учеб. для студ. истор. спец. вузов / Под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. М.: Высш. шк., 1982.

следования, как правило, оказывались лишь те русские, которые были «антропологически чуждыми» исследователю – удаленные исторически; географически; носители традиционных укладов – сельские жители; «русские издалика» - мигранты из ближнего зарубежья.

Сегодня в отечественной социологии, с отставанием в добрых шестьдесят лет по сравнению с западной наукой, происходит поворот к изучению современной жизни этнографическим способом¹. Одним из первых в этом направлении стало исследование крестьянского труда в рамках проекта, возглавляемого Т. Шаниным и В. Даниловым. Социологи широко применили здесь этнографический подход – глубинные интервью и открытое включенное наблюдение². Новые подходы в отечественных «этнографических» исследованиях индустриального труда были открыты социологами российско-британского проекта под руководством С. Кларка «Перестройка управления и производственных отношений на предприятиях России», объединившего научные коллективы четырех регионов – Кемерово, Москвы, Самары, Сыктывкара – в работе над множественным кейс-стади³ промышленных организаций⁴.

Какое приращение возможностей может дать современному социологу этнографический метод в исследовании современного общества? На наш взгляд, этнография в этом контексте служит надежным аналитическим инструментом в изучении действительности. Полевой исследователь, вступая на «территорию», хорошо известную ему в силу собственного культурного опыта (иными словами, где все принимается как должное) – будь то автобусный парк, торговая фирма или цех крупного предприятия, – подобен первооткрывателю, вступающему в новый непознанный мир. Его успех в интерпретации этого мира будет зависеть от определенных установок и способностей к *этнографическому воображению*. Так метафорично

---

³Историко-культурные аспекты этнографических исследований (Советская литература 1970-80-х гг.). М., 1988. С.109.

¹Россияне – столичные жители / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: ИЭА РАН, 1994; Русские – этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1992; Сидоренко-Стивенсон С.А. Московские бездомные // Человек. 1996. № 2. С. 116-125.

²Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия. Сост. Т. Шанин. М.: Прогресс, 1992. 431 с.; Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М.: Аспект Пресс, 1996. 413 с.; Виноградский В.Г. Экономика крестьянской повседневности // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., «Российская политическая энциклопедия», 2002.

³Множественное кейс-стади – исследование нескольких объектов с применением на каждом из них включенного наблюдения, интервью и анализа документов.

⁴Предприятия и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период (опыт монографических исследований 1989-1995 гг.) / Под ред. В.И. Кабалиной. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. С.6-29.

можно обозначить умение исследователя общаться с людьми, слушать и видеть, то есть именно то, что является залогом успеха этнографа.

По словам М. Хаммерсли и П. Аткинсона, даже если «включенный» наблюдатель изучает знакомую группу или обстановку, он должен относиться к ним как к антропологически чуждым, и для этого потребуются особые усилия, чтобы обнаружить то, что им как представителем этой культуры не замечается или принимается само собой разумеющимся¹. Важно научиться воспринимать окружающий мир отстраненно, чтобы избежать искуса передать в дальнейшем мнения и ценности представителей лишь одной из сторон, а вместе с тем, – уметь сопереживать участникам событий для того, чтобы лучше понять смыслы, которые они придают тем или иным предметам-символам, поведению. Важно быть готовым к восприятию исследуемого объекта подобно чужаку, иностранцу, стремясь освободиться от предубеждений и стереотипов, которые весьма сильны, особенно тогда, когда исследование проходит там, где вам все знакомо. Но не менее важно учитывать свое собственное пред-знание, социальный опыт, без которого любой чужак-иностранец беспомощен и неспособен понять «очевидные» вещи.

Именно благодаря использованию этнографической оптики в отечественной социологии появились исследования таких проблем, как повседневность бездомных жителей столицы², жизнь петербургских уличных торговцев³, субкультура российской армии⁴ и подростковых группировок⁵, внутренняя жизнь и неформальные практики в современных организациях⁶. Увеличение числа социологических исследований, в которых пред-

---

¹*Hammersley M., Atkinson P. Ethnography: Principles in practice. London and New York: Routledge, 1996. P.9.*

²*Сидоренко-Стивенсон С.А. Московские бездомные // Человек. 1996. № 2. С.116-125.*

³*Ивлева И. Уличный рынок: среда петербургских торговцев // Невидимые грани социальной реальности / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. С.-Пб: Центр независимых социологических исследований, 2001; Бредникова О., Кутафьева З. Старая вещь как персонаж блошиного рынка // Неприкосновенный запас. 2004. №34. www.nz-online.ru*

⁴*Банников К.Л. Армия глазами антрополога. К исследованию экстремальных групп // Мир России. 2000. № 4. С.125-134.*

⁵*Кулешов Е.В. Репрезентация маскулинности в современной подростковой субкультуре (на материале полевых исследований в г. Тихвине) // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. С.-Пб: Алетейя, 2001. С.260-271.*

⁶*Алашеев С.Ю. Неформальные отношения в процессе производства: взгляд изнутри // Социологические исследования. 1995. № 2. С.12-19; Чирикова А. Женщина во главе фирмы. М.: Ин-т социологии РАН, 1998; Романов П.В. Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000.*

ставлены этнографические методы⁷, позволяет говорить об успешном поиске такого методологического инструментария, более адекватного меняющимся контурам социальной жизни, способного распознать, нащупать «невидимые грани социальной реальности».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Этнография
Количественные и качественные исследования
Этнографический метод
Этнографическое описание
Кейс-стади

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Раскройте суть этнографии как метода исследований, дисциплины.
2. Как шло развитие этнографического подхода в социальных науках? Приведите примеры исследований, характеризующих различные этапы этого развития.
3. Что такое «кризис репрезентации»?
4. Расскажите о «Журнале современной этнографии».
5. Расскажите о применении социально-антропологического подхода в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995.
2. Гиртц К. Насыщенное описание: о природе понимания в культурной антропологии // Антология исследований культуры. Т.1. С.-Пб: Университетская книга, 1997.
3. Гиртц К.С точки зрения туземца // Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.
4. Дюльмен Р. Ван. Историческая антропология в немецкой социальной историографии // THESIS. 1993. № 3.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996.
6. Клакхон К.К.М. Зеркало для человека. Введение в антропологию. С.-Пб: Евразия, 1998.

---

⁷ См. работы сотрудников Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге www.indepsocres.spb.ru

7. Куропятник А.И. Традиции антропологического образования // Социологическое образование в России: итоги, проблемы и перспективы. С.-Пб: СПбГУ, 1998.
8. Мендра А. Основы социологии. М.: NOTA BENE, 1998.
9. Мосс М. Общества, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1996.
10. Романов П.В. Методологическая эволюция социально-антропологических исследований организаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 4.
11. Романов П.В. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии» // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С.138-149.
12. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002.
13. Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2003.

МОДУЛЬ 2.**СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ****Тема 2.1. Медицинская антропология**

Основные направления медицинской антропологии: этномедицинское, биомедицинское, экологическое, критическое, прикладное. Разнообразие представлений о болезни. Антропологическая критика медиализации социальных проблем

Основные направления медицинской антропологии

Медицинскую антропологию называют еще антропологией здоровья. Взрыв популярности антропологических исследований здоровья в 1960-1980-е годы на Западе был связан не только с возрастанием роли теоретического объяснения болезни в этой науке, но и с растущей открытостью медиков и чиновников в сфере здравоохранения, их интересом к социальным факторам болезни и лечения. Кроме того, именно этот интерес и признание социальных, культурных и психологических факторов здоровья способствовали распространению альтернативных практик терапии и стратегий здравоохранения. Отметим, что очень многие ранние этнографии – еще до выделения медицинской антропологии в самостоятельное научное направление – были написаны именно с акцентом на социальных и символических аспектах заболевания. Более поздние исследования внесли вклад в концептуализацию социальных и культурных особенностей болезни и целительства.

Многие авторы этого направления различают «заболевание» и «недуг» как медицинское и культурное понимание явления (*disease* и *illness*). Медицинское определение касается патологических состояний организма, независимо от того, признается ли оно в данной культуре или самим индивидом. Культурное понимание к болезни относит культурно и социально определяемые или принятые восприятия и опыт недуга, включая те, что могут быть определены в медицинских терминах, а также те, которые не соответствуют существующим медицинским классификациям. Под

влиянием символизма и герменевтической традиции *антропология недугов* фокусируется на когнитивных и символических измерениях явления. Гуд, например, развивает понятие «семантической сети недуга» как «сети слов, ситуаций, симптомов и ощущений, которые связаны с недомоганием и придают ей смысл в представлениях страдающего». Кляйнман (1980) упоминает «объяснительные модели недуга», которые одновременно являются моделями реальности и моделями целенаправленного действия¹.

В свою очередь, антропология болезней фокусируется на социальных отношениях, которые «продуцируют формы и распределение заболеваний в обществе». Этот подход концентрируется не на опыте болезни, а на социальных системах, структурах власти, социальном значении и социальных последствиях заболевания. Каждое общество обладает собственным набором правил для перевода знаков в симптомы, отсюда различаются и определения заболеваний и образцы лечения. Социальные факторы не только влияют на диагноз, но также обуславливают доступность различных способов лечения и собственно врачей для разных сегментов общества. В то же время медицинская практика – это и идеологическая практика, и как отмечает Янг, «символы целительства одновременно – это символы власти»².

Нельзя сказать, что для медицинской антропологии характерна какая-либо единственная теоретическая парадигма. Различают медицинскую антропологию, цель которой – повысить эффективность клинической практики, и медицинскую антропологию, связанную с анализом социальных отношений власти и производством медицинского знания. В первом случае медицинская антропология привносит в медицинскую практику кросскультурную чувствительность и поощряет врачей на применение знаний присущей пациенту когнитивно-символической организации опыта болезни и лечения. Во втором случае антропологи вскрывают, как медицинская система функционирует в качестве идеологической и властной структуры общества, подвергая критике эту часть аппарата социальной стратификации.

В медицинской антропологии идут интенсивные интеллектуальные дебаты, например, между клиническими прикладными медицинскими антропологами (цель которых – сделать культурное знание полезным для медиков) и критическими медицинскими антропологами (которые разрабатывают феноменологию и политэкономия биомедицины). В целом можно выделить пять основных направлений медицинской антропологии: биоме-

---

¹Цит. по: *Seymour-Smith Ch. Medical Anthropology // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.188.*

²*Seymour-Smith Ch. Medical Anthropology // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986.*

дицинское, этномедицинское, экологическое, критическое и прикладное. Все эти направления основаны на трех главных положениях.

Болезнь и лечение являются фундаментальными компонентами человеческого опыта, и лучше всего их понимать в целом, в контексте человеческой биологии и культурного разнообразия. Болезнь – это еще и аспект среды, испытывающей влияние человеческого поведения и требующей от человека биокультурной адаптации. Культура как составляющая систем здравоохранения имеет важные практические последствия в аспектах приемлемости, эффективности и улучшения здравоохранения, особенно в мультикультурных обществах, где представления о болезнях и способах их предотвращения и лечения могут различаться у представителей разных культурных групп населения.

Этномедицинские аспекты. Во всех обществах существуют медицинские системы, которые представляют теории этиологии заболеваний, методы диагностики болезни, предписания и практику излечения, терапии. Первоначально развитие медицинской антропологии происходит из антропологического интереса в различных легендах и верованиях о заболеваниях и целительских практиках. Ранние этномедицинские исследования сводились к изучению немедицинских обществ и экзотических культур и, по большей части, относились к сравнительному религиоведению. Идеи относительно заболеваний и терапевтических ритуалов можно интерпретировать как окно в мир космологических представлений и культурных ценностей. Позднее ученые осознали, что существует теснейшая взаимосвязь между понятиями здоровья и социальной организации, и этномедицина стала общим фокусом этнографических исследований. Антропологи определяют этот подход как «изучение того, что представители разных культур думают о заболеваниях и организуют себя в отношении медицинского лечения, и социальной организации самого лечения». Типичные этномедицинские исследования фокусируются на классификации и культурном смысле заболеваний (как соматических, так и психических), поведении заболевших людей, стремящихся восстановить здоровье, на теориях, обучении и практике целителей.

Среди ключевых задач современной этномедицинской антропологии – изучение болеющего тела как пространства, на котором пересекаются соревнующиеся и возникают новые системы ценностей, новые идеологии. Эти идеологии создаются посредством медико-религиозных практик и институтов, которые руководят производством знания. Этномедицинские исследования имеют практическую применимость. Понятие объяснительной модели заболевания, используемое в клинической практике, привлекает внимание к индивидуальной интерпретации причины, процесса и лечения эпизодов болезни. Этномедицинское понимание (например, холодная или горячая теория болезни у латиноамериканцев или гипо-гипертони-

ческие классификации у афро-американцев) является существенными для понимания того, как культурные убеждения влияют на поведение, связанное со здоровьем¹.

Этномедицинская проблематика является традиционной для отечественной этнографии², и современные российские антропологи и этнографы продолжают проводить в этой области свои изыскания³. В отечественной этнографической традиции также есть интересные примеры этнофармакологических исследований⁴.

Биомедицинские подходы. Хотя это и не всегда признается, многие исследования в биологической антропологии, использующие стандартную эпистемологию естественных наук и фокусирующиеся на биологии человека, последствиях различных стрессов для здоровья, являются частью медицинской антропологии. Например, давно было признано, что заболевание действует как важный агент естественной селекции в генетике и культурной эволюции. Биомедицинские антропологи использовали иммунологические исследования, чтобы проследить причины и ход развития эпидемий. Биологические антропологи изучали физиологическую адаптацию человека к широкому спектру стрессов, включая высоту (в горах), холод, голодание, инфекционные заболевания. Здесь применяются лабораторные научные методы (например, биохимический анализ этнофармакологических составляющих) для исследований биохимического и физиологического функционирования этномедицинских практик. Такой тип анализа сыграл важную роль, например, в открытии вакцины от гепатита.

Экологический подход в медицинской антропологии фокусируется на том, как человеческие культурные и поведенческие паттерны оформляют комплекс взаимодействий патогена, среды, человека, как они продуцируют инфекционные и неинфекционные заболевания. В последние годы экологические исследования здоровья и болезни выходят за пределы локальных социоэкономических факторов, влияющих на уровень заболеваемости, делая акцент на более широких политических и экономических воздействиях, которые ограничивают поведенческий выбор популяций.

Как экологическая антропология, так и политическая экология исследуют, как культурные, физические и политико-экономические факторы оформляют распределение заболеваний и смертности. Паттерны заболева-

¹См., напр.: Сухарев С.Т. Этнофункциональный подход к проблеме возникновения психических расстройств // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С.31-37.

²Томилов Н.А., Кадырова Л.М. Народные способы лечения у сибирских татар // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С.122-131; Сухарев С.Т. Этнофункциональный подход к проблеме возникновения психических расстройств // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С.31-37.

³Родиной, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001.

⁴Криничная Н.А. Народные представления русских о свойствах растений // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С.48-62.

ний характеризуются эпидемиологическими методами (в отношении времени, места и индивида) и часто отражают культурные практики, ассоциируемые с диетой, образом деятельности, сексуальностью. Кроме того, культурным образом определяемые групповые практики (например, введение ирригационного сельского хозяйства) может трансформировать экологический баланс заболевания в пользу патогена (например, малярии) и принести вред здоровью. Экологический анализ в медицинской антропологии демонстрирует не только негативные последствия социальных и культурных изменений, но и то, как эти трансформации улучшают здоровье некоторых групп.

Критическая медицинская антропология. Критическая медицинская антропология – это термин, применяемый к двум различным интеллектуальным движениям, повлиявшим на эту научную область в 80-е и 90-е годы. Одно делало акцент на марксистских подходах к пониманию того, как макросоциологические политико-экономические силы влияли на здоровье и структурировали системы здравоохранения. Второе движение – в большей степени связано с эпистемологией¹, оно ставит под вопрос интеллектуальные основы современной биомедицинской теории и практики.

Этот подход испытал влияние постмодернистских мыслителей, прежде всего, М. Фуко, который показал социально-конструкционистский характер реальности и социальную власть, присущую таким гегемоническим институтам, как биомедицина. Общим для этих движений является то, что они требуют фундаментального пересмотра предпосылок и задач медицинской антропологии.

Политико-экономическая ориентация критической медицинской антропологии рассматривает здоровье в свете более широких политических и экономических сил, которые оформляют человеческие отношения, социальное поведение и обуславливают коллективный опыт. Такие макроуровневые процессы, как мировой капитализм, рассматриваются как доминантные силы, определяющие клиническую практику, и влияют на распределение заболеваний. Медицина воспринимается не только как набор процедур лечения, но как особый комплекс социальных отношений и идеология, которая их легитимирует. Признание центральности политико-экономических измерений болезни и лечения, неравные социальные отношения между целителями и пациентами – ключевые отличительные черты этого подхода.

Второе направление критической медицинской антропологии подвергает сомнению сами основы и ту универсальность положений, которые находятся в основе теории и практики западной медицины и которые были конвенциональным образом исключены из сферы культурного анализа в медицинской антропологии. В рамках этого подхода, собственно, и было вве-

¹Эпистемология – от греч. «эпистема», знание – теория познания.

дено понятие «биомедицина». Медицинские антропологи этого направления выступают за деконструкцию того, как концептуализируются разум и тело, то есть развивают понимание того, каким образом в западных обществах планируется и реализуется здравоохранение. Сепарация духа и тела в биомедицине настолько влиятельна, что нужен особый лексикон, чтобы говорить об интеракциях духа, тела и общества.

Отметим, что некоторые представители критического направления социальной теории отрицают сам термин «медицинская антропология», так как в нем содержится смысл причастности этой дисциплины к «медицинской модели» объяснения здоровья и заболевания, характерной для западной профессиональной, или биомедицины. Между тем, как утверждают эти оппоненты, одной из важнейших функций антропологии является именно критика конвенционального, устоявшегося медицинского взгляда на мир. Взамен предлагается применять термин «этномедицина». И хотя он становится все более популярным, сочетание «медицинская антропология» является чрезвычайно устойчивым и распространенным¹.

Примером критической медицинской антропологии является этнографическое исследование И.Гоффмана, которое было осуществлено им в психиатрической больнице в 1950-х гг. и позднее опубликовано в книге «Приюты»². И. Гофман в ней использует понятие «ритуал мортификации» – умерщвление индивидуальности, осуществляемое для того, чтобы образ человека, находящегося в закрытом учреждении длительного пребывания, был чем-то меньшим, чем полноценная личность. Пациенты стандартизируются и происходит дальнейшее «умерщвление Я»: им выдают больничную одежду и подвергают многочисленным актам неуважения человеческого достоинства. Те, кто проявляет несогласие к сотрудничеству, бывают наказаны помещением в менее комфортные условия. Пациенты могут преуспеть в учреждении путем правильного поведения, что принимается психиатрами за улучшение психического здоровья. Пациентам предлагаются «привилегии» за хорошее поведение, что не менее унижает, чем другие способы умерщвления себя. Обе фазы жизни в тотальной институции демонстрируют ее узникам, что они представляют собой нечто меньшее, чем сами о себе привыкли думать. Работа Гоффмана оказала сильное влияние на развитие медицинской антропологии, социологии медицины.

---

¹*Seymour-Smith Ch. Medical Anthropology // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.187.*

²*Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Hospital and other Inmates. New York: Doubleday Anchor, 1961*

Рассмотрим работу британского исследователя Д.Ричмана¹, которая основана на этнографических наблюдениях, осуществленных в 1988 г. в отделении специализированной психиатрической лечебницы. Благодаря этому исследованию был подвергнут пересмотру ряд понятий социальной теории и профессионального медицинского дискурса («социальный порядок», «девиация», «душевная болезнь», «нормальность», «целостный подход», «терапевтическое сообщество»), а также критически рассматриваются возможности и ограничения этнографического подхода в социологии медицины. Как пишет сам Ричман, в его статье «рассмотрению читателей представляется нечто, относящееся к повседневной жизни психопатов: их собственные статусные иерархии, межличностные стратегии улаживания проблем (например, игры доверия), а также практикуемые пациентами собственные способы морализирования, бросающие вызов господству профессионального медицинского дискурса и позволяющие им использовать психиатрическое отделение в собственных целях».

В самом общем виде методологию исследования Ричмана можно обрисовать следующим образом: пациенты добровольно составляли для него собственные жизнеописания, с их согласия он получил полный доступ к медицинской документации каждого, в том числе к тем материалам, которые использовались в судебных делах. С пациентами обсуждались также все догадки и рабочие гипотезы исследователя относительно их поведения в отделении. Ричман также посещал различные собрания медицинского персонала. Исследование Ричмана касалось одного отделения психиатрической больницы, которое называлось Форстер. С формальной точки зрения, Форстер был обычным больничным отделением, подчиняющимся общим правилам: неизбежности запираания внешних дверей отделения, распорядку дня с фиксированным временем пробуждения и приема пищи, труда и отдыха. Однако действительность была иной, в частности, медперсонал именовал Форстер подразделением или терапевтическим сообществом. Многие больничные правила были существенно ослаблены, безопасность сведена к уровню того, что официально обозначают как отделение средней степени надзора. Отдельные палаты обыскивались с минимальной частотой (когда медсестры все же проводили обыски, их называли полицейской бригадой по борьбе с наркотиками); изоляция (т.е. помещение в индивидуальный бокс, или тюрягу) использовалась лишь в самых крайних случаях; в комнаты пациентов представители медперсонала обычно входили, предварительно постучав. Пациенты накапливали большое количество личных вещей, которые в других отделениях аналогичного режима положено было бы хранить под надзором медперсонала. Часть медбра-

---

¹ Ричман Д. Социальный порядок палаты для психопатов (Пер. с англ. И. Ф. Девятко) // Социологический форум . Т. 2. N 1. Январь 1999 <http://ecsocman.edu.ru/db/msg/13153>

тьев и медсестер считала, что отделение подрывает больничную дисциплину. Другие интерпретировали идеалы Форстера как потакание пациентам и принуждение медперсонала к немедленному удовлетворению любых их прихотей.

Обряды и ритуалы отделения

Отделение - это стратегическое поле встречи профессионального дискурса и дискурса пациентов, с разнообразными поведенческими последствиями. Большая часть поведения принимает ритуальную форму, задействуя различные правила и процедуры. В частности, пациенты и средний медперсонал сознают, что любая встреча в любой момент может превратиться в ситуацию морального вызова, укрепляющего идентичность участников либо наоборот. По этой причине некоторые медбратья и медсестры всячески избегают втягивания в дебаты, удушающие дебри сложных логических выводов и долгих споров. Однако такие невидимые или тихие медбратья и медсестры получают низкий статус среди пациентов и рассматриваются как неподходящие для своей работы. Резкая в других случаях граница между личными помещениями медперсонала и общими помещениями в Форстере размыта: пациенты вторгаются в святилище служебной столовой, заглядывают на кухню и т.д. В отделениях постоянного надзора последнее начисто исключено, так как на кухне могут быть найдены ножи или вилки, потенциально смертельное оружие. Персонал Форстера, таким образом, имеет меньше возможностей для ухода.

Пациенты Форстера придавали существенное значение личностным качествам персонала. Их иерархия оценок не всегда совпадала с оценками медиков. Медбратья и медсестры ценились за открытость, чувство юмора, непредвзятое отношение (т.е. отказ от использования сведений о преступлениях, совершенных пациентами, для обоснования отказов в их просьбах), умение рассказывать истории, физическую отвагу, честность и подлинную заинтересованность в пациентах.

Взаимоотношения медбратьев и пациентов имели многие характеристики суррогатной семьи, напоминавшие отношения в парах отец/сын, старший/младший брат. Однако не все пациенты и медбратья формировали очевидные привязанности.

Поведение в отделении проникнуто *ритуалами*. Как показывает Белл, трактовка понятия ритуал остается спорной. Однако в своем основании ритуал может рассматриваться в качестве драматизации, связывающей событие, деятельность и веру. Традиция, идущая от Дюркгейма, рассматривает ритуал как подтверждение коллектив-

ных верований. Кроме того, ритуал может увязывать конфликт и социальное упорядочение и даже отображать особые интересы, одновременно поддерживая коллективно значимые аспекты.

Один очень влиятельный пациент вернул свой пропуск во двор медбрату. Этот драматический жест немедленно стал достоянием гласности. Пропуск - это официальный документ, выдаваемый в качестве награды за хорошее поведение и гарантирующий право на передвижение, в определенных пределах, во дворе больницы и в помещениях других отделений. Персонал забеспокоился, так как этот пациент теперь разорвал важную связь с отделением и больницей - с этого момента он стал непредсказуемым. Пациенты также участвовали в ритуалах доверия - например, возвращали в комнату персонала потерявшуюся ложку (пригодную для превращения в заточку), исчезновения которой никто из медбратьев не заметил. При этом подчеркивалось, что при попадании ложки в не те руки, персонал столкнулся бы с крупной неприятностью.

Выводы

Разрыв между официальной (профессиональной) версией отделения как имеющего четко определенные лечебный режим и философию, версией, жестко привязанной к судебномедицинскому дискурсу, и версией, опосредованной пациентами, очевиден. Подпольный дискурс пациентов, особенно в том, что касается поведения медбратьев и медсестер, властвует в повседневной жизни до такой степени, что некоторые медбратья и медсестры склонны рассматривать самих себя как зрителей отделения! Пациенты демонстрируют способность эффективно эксплуатировать двусмысленности в официальном определении психопатии для собственного морального оправдания. Общепринятое мнение о том, что у психопатов в повседневной жизни отсутствует способность к моральному суждению, оказывается заблуждением. Пациенты-психопаты успешно оспаривают и корректируют любые нарушения со стороны персонала - следует ли считать это игрой, лишенной искренности, определить едва ли возможно. Отделения по самой своей структуре являются искусственными сущностями, или симуляциями.

Свойственные профессиональной медицинской риторике утверждения о том, что коллективистское социальное давление пациентов друг на друга укрепляет социальные связи в отделении, следует признать сомнительными. В Форстере имеются авторитетные и влиятельные пациенты, оказывающие такого рода давление. По другим критериям пациенты внутренне дифференцированы. Однако существует и значительное коллективистское взаимопонимание, позволя-

ющее, в частности, добиться общего согласия относительно того, кого *не следует* допускать в отделение.

Медбратьям приходилось завоевывать уважение пациентов, профессиональных притязаний как таковых было недостаточно. Пациенты, ощущавшие недостаток клинического внимания, находили действенные рецепты для его усиления. Многие пациенты проявляли себя отличными переговорщиками, полностью задействовавшими каркас правил, на котором держалась жизнь отделения и больницы в целом и, таким образом, укреплявшими уважение к себе и собственную идентичность. Блом-Купер рекомендовал больнице смену ее организационной культуры на терапевтическую, не задаваясь, однако, вопросом, о том, может ли какая-нибудь терапия (и до какой степени) излечивать психопатические расстройства личности. За пределами внимания официального отчета осталось то, как сами пациенты определяют терапию. Исследовавшиеся нами пациенты приветствовали проявления маскулинности со стороны медперсонала, тогда как отчет Блома-Купера рассматривал эту характеристику как реакционную. И снова официальный отчет игнорировал реальную сложность этой культурной ценности¹.

В приведенном примере исследование носит прикладной характер. Ричман сформулировал целый ряд рекомендаций для улучшения отношений в отделении и работы клиники в целом. Его статья привела к изменению профессиональных и социальных отношений к людям с психиатрическим диагнозом.

Прикладные аспекты медицинской антропологии. Интерес к прикладным аспектам медицинской антропологии существовал с самого начала существования этой дисциплины. Существует две отрасли прикладной медицинской антропологии – клиническая антропология и антропология сферы здравоохранения. Клиническая отрасль медицинской антропологии известна благодаря тому, что она использует объяснительные модели, чтобы проанализировать концептуальные различия между восприятием болезни и заболевания у врачей и пациентов. Клинические прикладные антропологи работают в биомедицинских учреждениях с медицинскими работниками и услугами, они также принимают участие в подготовке будущих медиков. Здесь нет какой-либо одной-единственной теоретической позиции, но этот подход можно интерпретировать как антропологическую теорию и методы, посвященные вопросам здоровья, болезни и здравоохранения.

---

¹ Ричман Д. Социальный порядок палаты для психопатов (Пер. с англ. И. Ф. Девятко) // Социологический форум . Т. 2. N 1. (Январь 1999) <http://ecsocman.edu.ru/db/msg/13153>

Клинические медико-антропологические исследования очень разнообразны, включая микроуровневый анализ выбора медицинских услуг или услуг здравоохранения, верования и убеждения, связанные с болезнями, такие события жизненного цикла, как рождение ребенка, менопауза, влияние культурных установок, ценностей и практик на стремление выздороветь, сохранить или восстановить здоровье, статистика заболеваемости и здоровья, опыт заболевания (например, исследование опыта перенесения боли), интеракции целителя и пациента. Антропологи могут работать в госпиталях и клиниках как культурные медиаторы и интерпретаторы, особенно, когда речь идет о мультикультурном контексте. Примеры макроуровневых исследований связаны с изучением систем здравоохранения, их политических и экономических условий.

Прикладная медицинская антропология в сфере здравоохранения в последние годы приобретает все большую важность¹. Все больше медицинских антропологов работают в международных проектах здравоохранения, особенно там, где делается акцент на детском здравоохранении, осуществляется вмешательство в практики питания и лечения, требующее участия общины или местного сообщества. Антропологи работают над всеми аспектами таких проектов, включая идентификацию и анализ проблем, практическую интервенцию (вмешательство), оценивание специфических проблем, связанных со здоровьем, и эффекты новых медицинских технологий, внедряемых в традиционные культурные условия.

Предметом отечественных исследований выступают проблемы общественного здоровья, в связи с чем антропологи включают в орбиту своего внимания такие вопросы, как экология, болезни и человеческое поведение, проводятся исследования стрессов и заболеваний в различных культурах. Интерес вызывают исследования употребления психоактивных веществ, практик манипуляций с собственным телом, диет и систем питания², практик голодания.

Джулия Вуд видит в Anorexia Nervosa лишь один из пяти возможных случаев современной патологизации нормального женского тела. По ее мнению, по той же дискриминационной логике разворачиваются современные заявления о ненормальности пременструального синдрома, менопаузы, волосатости ног и размерах женской груди. Однако Вуд связывает эти эксцессы не столько с заинтересованностью медиков в укреплении своей власти над женскими телами,

¹См.: *Brown P., Timajchy K.H., Hu J. Medical Anthropology // The Dictionary of Anthropology*, ed. by Thomas Barfield. Oxford: Blackwell, 1997.

²Кулясова А., Кулясов И., Тысячнюк М. Альтернативные практики питания в объединениях «экологической этики» // Экологическое движение в России / Под ред. Е. Здравомысловой, М. Тысячнюк. С.-Пб: Труды ЦНСИ, 1999. Вып.6. С.87-107.

сколько с ролью современных масс-медиа, культивирующих достаточно неоднозначные репрезентации женского образа и прибегающих к медикалистской риторике. Тот факт, что анорексия — это преимущественно женское заболевание, побудил феминистских авторов сделать резонный вывод о том, что женский организм уязвим не столько для психопатологий и расстройств, связанных с питанием, сколько для гендерного давления, оказываемого на женщину современной культурой. Сюзан Бордо говорит, что медицинская модель совершенно недостаточна для рассуждений об анорексии.

Anorexia Nervosa как пример озабоченности стройным телом может быть рассмотрена в более широкой исторической перспективе. В частности, нам хотелось бы здесь обратить внимание на связь между феноменом анорексии и практиками контроля, известными в Западной традиции. Начнем с того, что в работах доктора Хильды Брук было явно указано на то, что для больных анорексией их упорное желание голодать и терять свой вес рассматривалось как позитивное самими пациентками. Так, одна из них высказывалась по поводу собственной склонности к голоданию следующим образом: «Вы делаете ваше тело вашим собственным королевством, где вы — тиран и абсолютный диктатор». Следуя этим суждениям, мы видим, что для аноректика, то есть человека, которого считают больным анорексией, его диета воспринимается как образ жизни, над которой может быть установлен полный контроль. Он не беспокоится из-за своего голода. Наоборот, он проявляет волнение в связи с появлением у него излишнего аппетита.

На протяжении многих веков Западной истории практики регуляции своего питания — диететика и пост — были важнейшими элементами культуры привилегированных классов. Их целью в той или иной форме было учреждение самоконтроля над желаниями, аппетитом и удовольствиями. В свою очередь, это стремление к самоконтролю удачно коррелировало с традицией греко-христианского дуализма души и тела, берущего начало от Платона и Августина.

Современное стремление управлять весом собственного тела за счет произвольного голодания в значительной степени совпадает с традициями самоконтроля. Но существуют и некоторые различия. Объектом самоконтроля в прежние эпохи были желания души. В современном мире этим объектом непременно становится тело и его количественные параметры. Новейшие ритуалы заботы о себе стали технологичными. К традиционной диететике и воздержанности в питании добавились изощренные физические упражнения (шейпинг, бодибилдинг), применяется фармакология и косметическая хирургия. Здесь же следует сказать и о распространившихся в рамках

консумеристской культуры различных испытаниях на прочность, типа марафонских забегов, сверхдальних заплывов, триатлона и т.п. Конечно, может показаться, что между голоданием аноректика и наращиванием мышц бодибилдера существует огромная разница. Тем не менее, и та, и другая практика исходят из идеи достижения полного контроля над своими возможностями. Прежде всего, контроля над параметрами тела.

Консумеристская культура ценит, прежде всего, молоджавое и ухоженное тело. Это значит, что она благосклонна и к анорексийному телу, телу без дряблостей, без живота, телу, находящемуся под суровым контролем. Если речь идет о женщине, то это, пожалуй, уже не тело Мерелин Монро, а одно из тел топ-моделей, а если о мужчине — то это тело атлета, может быть, супермена. В любом случае, это тело, чей вес всячески рассчитан, чьи объемы измерены. Нам кажется, что желание контролировать вес тела через диету можно рассматривать в качестве ответа на его зависимость от внешних факторов. *Anorexia Nervosa* — это своего рода эффект стремления к неуязвимости.

В свое время Мэри Дуглас, рассматривая тело как систему естественных символов, показала, что традиционные общества были озабочены тем, чтобы всячески сохранять неизменность телесных границ: обращалось внимание на все выделения тела, слюну, экскременты, менструальную кровь. Эта внимательность к телу была вызвана тем, что нестабильности природных явлений можно было противопоставить лишь одно: контроль над телом. Современные общества давно уже перестали быть природными. Нестабильность нашего существования сегодня в значительной степени зависит не от капризов природы, а от явлений социального порядка. В этом смысле понятно, что современную одержимость телом также можно считать попыткой адаптироваться к происходящим вокруг нас изменениям. По словам Энтони Гидденса, «диета связывает физическую внешность и самоидентичность с сексуальностью с контексте социальных изменений, с которыми индивиды пытаются справиться. Похудевшие тела сегодня уже не свидетельствуют об экстатической преданности, а скорее об интенсивности этой жизненной борьбы»¹.

Пол, раса, класс, возраст и другие статусные параметры признаются в медицинской антропологии как важнейшие факторы здоровья. Учет гендерных аспектов, или различий по признаку пола – важная отличительная черта социальной антропологии вообще и медицинской антропологии, в

¹ *Михель Д.В.* *Anorexia Nervosa: Контроль над весом тела // Культура. Власть. Идентичность.* Саратов: Волжский сад, 1999.

частности¹. Здесь решаются проблемы репродуктивного здоровья, репродуктивного поведения и гендерной политики в фокусе медицинской антропологии. Примеры исследований, проводимых отечественными учеными: государственная политика и репродуктивные права², анализ дискурсов о материнстве³, этнография родов и материнства⁴, проблемы проституции, медицинское нормирование женского тела⁵. Проведение сравнительных социологических и социально-антропологических исследований позволяет начать разговор о здоровье социальных групп в урбанистической среде⁶, о стратегиях политики и жизненном опыте инвалидности⁷, о профессионализации «традиционной» медицины в большом городе⁸.

Британские исследователи М. Сакс, Дж. Олсоп подходят к медицине с точки зрения социологии профессий. При этом они применяют подход М. Фуко и неовеберианскую перспективу. Сакс и Олсоп рассматривают медицину в Великобритании с точки зрения государственного и рыночного влияния. Особое внимание они уделяют соотношению интересов врачей и широкой общественности.

Исследования М. Фуко, основанные на археологии знания, внесли свой вклад в критический подход к профессиональным группам. Он оставил под сомнение рациональность научного прогресса, которого достигли профессии, особенно в сфере здравоохранения и социального обеспечения. Для этого он предпринял попытку раскрыть дисциплинарный характер различных социальных институтов, таких, как школа, тюрьма и больница. В дальнейшем В. Арни и С.Неттлетен по аналогичной схеме проанализировали акушерство и стоматологию. Профессии

¹Гендерный подход в антропологических дисциплинах. С.-Пб: Алетейя, 2001.

²Мерненко И. Конструирование понятия аборта: дискуссия от разрешения к запрету (СССР, 1920-1936 годы) // Гендерные исследования. 1999. № 3. С.151-165.

³Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С.47-59.

⁴Щепанская Т.Б. К этнокультуре эмоций: испуг (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С.236-265.

⁵Михель Д.В. Воплощенный человек: западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Научная книга, 2000.

⁶Браун Дж., Русинова Н.Л. Социальные неравенства и здоровье // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.2. № 1 (5). С.103-114.

⁷Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С.38-45.

⁸Паченков О. Рациональное «заколдовывание мира»: современные российские «маги» // Невидимые грани социальной реальности / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. СПб.: Труды ЦНСИ, 2001. Вып. 9. С.96-109.

вплелись в самую ткань современного государства, так как профессиональная экспертиза стала институционализированной и внутренне присущей самому процессу управления.

Неовеберианский подход с методологической точки зрения обладает наибольшими аналитическими преимуществами для макросоциологического изучения профессиональных групп в сфере медицины и социального обеспечения. Медицина является классическим (paradigmatic) примером профессионализации. Сама медицинская сфера является крайне специфичной, так как специализированное знание целителя направлено на решение личностных проблем пациента, связанных с вопросами жизни и смерти. В Великобритании врачи профессионализировались раньше других групп и послужили моделью для других профессий, в том числе и для вспомогательных родов деятельности в сфере медицины и социального обеспечения. Профессионализация стала своего рода механизмом, который позволил врачам отгородиться от влияния развивающегося национального государства и организованного капитала. В последнее время с возникновением более тесных взаимосвязей врачебной профессии с государством положение группы стало изменяться.

В капиталистических странах организация различных родов занятости в юридически оформленные профессиональные ассоциации стала одним из способов ответа практикующих специалистов на требования рынка. В то же время профессионалам посредством членства в этих социальных организациях удалось защитить себя от рыночной конкуренции, а также гарантировать то, что их специализированное знание будет передаваться ученикам и поддерживаться на должном уровне за счет контроля ассоциации.

«Регулятивное соглашение» между государством и профессиями имеет преимущества для обеих сторон. Наилучшей стратегией для большинства родов занятости является стремление к самостоятельному регулированию профессиональной деятельности, которое обеспечивает группе большую автономию и защищенный рынок. С точки зрения личной заинтересованности профессионалов саморегуляция приводит к увеличению коллективных и индивидуальных статусных вознаграждений, не говоря уже о более высоком доходе и власти. С другой стороны, государство заинтересовано в компетентности групп, практикующих в сфере медицины и социального обеспечения. Кроме того, государственное регулирование профессиональной деятельности требует высоких финансовых и временных затрат. Если профессиональная группа готова самостоятельно регулировать практику членов группы, а те,

в свою очередь, готовы покрывать требующиеся для этого финансовые расходы, государство может переключиться на достижение других целей. Так, если профессиональная группа в состоянии убедить государство в том, что она достойна подобной схемы управления, то обычно государство выдает ей лицензию на саморегулирование.

Однако профессиональная группа вынуждена платить определенную «дань» за приобретение права автономии, санкционированного государством. Профессионалы должны быть подотчетны общественности. Справедливо утверждает Моран: «Современное капиталистическое государство одновременно является и сторонником интервенции, и сторонником демократии. Последнее находит отражение в том, что государство управляется конституционной идеологией, которая требует отчетности государственной власти перед общественностью. Когда профессионалы «заимствуют» авторитет у демократического государства, они должны суметь выстроить взаимодействие подобное государственному, чтобы одновременно приобрести авторитет в глазах общественности, но не попасть под ее контроль». Сейчас во многих странах подобный баланс проходит испытание на прочность, так как постоянно растут ожидания населения, потребители услуг становятся все более образованными и их беспокоит эффективность собственных финансовых вложений и качество получаемой помощи. Все эти процессы подрывают «регулятивное соглашение», существующее между государством и профессиональными группами, в том числе и врачебной профессией в Великобритании¹.

Организация здравоохранения и социально-медицинской помощи – это актуальная тема исследований в современной России, где трансформируется организационная структура медицинского и социально-медицинского обслуживания. Медицинская, организационная антропология и антропология профессий в этом случае объединены парадигмой социальной критики. Важный акцент в исследованиях делается на этике медицинской антропологии, особенно в связи с новыми проблемами, которые выносятся на повестку дня мировым сообществом². В обществе массового потребления нельзя игнорировать такие процессы, как глобализация и

¹ *Сакс М., Олсон Дж.* Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании (пер.с англ.О.В.Лукша) // Экономика, социология, менеджмент. Федеральный образовательный портал. <http://ecsocman.edu.ru/db/msg/30074>

² *Микиртичан Г.Л., Суворова Р.В.* Отношение студентов-медиков к эвтаназии // Социологический журнал. 1996. № 1-2. С.190-193.

консумеризация медицины, что неразрывно связано с проблемой доступа к медицинскому обслуживанию и социальной политикой в области здравоохранения. Интерес биоэтики к проблемам болезни, смерти и культурным последствиям новых медицинских технологий открывает возможность для подпитки отечественной социальной антропологии ее идеями.

Антропологическая критика медикализации социальных проблем

Важной задачей исследователей, работающих в русле медицинской антропологии, выступает критика медикализации социальных проблем. Медикализацией называется объяснение социальных явлений и процессов с сугубо медицинских позиций, подход к социальным проблемам как к болезням, что выражается не только в терминологии научных публикаций и учебных пособий, но и в социальной политике и практике работы специалистов. Объектами медикалистских объяснений становятся дети и пожилые люди, женщины и мужчины, которые в силу разных (отнюдь не всегда медицинских) причин испытывают проблемы наркозависимости, вовлекаются в секс-работу, исключаются из обычной общественной жизни.

Идея «социальной медицины» восходит к «медицинской полиции» восемнадцатого века – времени, когда отношение к человеку как к предмету рациональной регуляции воплотилось в разнообразных практиках контроля, в том числе в таких сферах, как тюрьмы, фабрики, клиники, сексуальность и психиатрия. Общим принципом управления в них выступает способ контроля, который М.Фуко называет *власть-знание*. Человек здесь становится объектом рациональной регуляции и анализа, подобно тому, как наше тело оказывается объектом, открытым для наблюдения при медицинском обследовании.

Для медикалистского подхода к социальным проблемам характерен термин «социопатия», под которым понимается «все негативное, имеющее истоки и корни в нашей реальности и прямое отношение к общественному здоровью», как «всякого рода расстройства поведения, изменение образа жизни, рода деятельности, семейного положения»¹. Отметим, что при таком определении существует вероятность, что весьма многие из читателей смогут примерить на себя ярлык «социопата». Считается, что право диагностировать и принимать решение о «лечении», прежде всего, принадлежит психиатрам и психологам.

Социальная медицина, скорее, должна сегодня осуществлять критику медикалистского подхода и способствовать гуманизации медицинских практик, но ни в коем случае не означать медикализацию всей социальной жизни, как двести лет назад. По мысли Фуко, медицинская политика во-

---

¹ Черношвитов Е.В. Социальная медицина. Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. С.6.

семнадцатого века заключалась в тотальной медикализации населения. Этот процесс связан с созданием системы «медицинской полиции», которая наряду с экономической регуляцией и охраной правопорядка должна была обеспечивать здоровье и благополучие населения, ставшее в тот период объектом наблюдения, анализа, интервенции и модификации. Уже тогда фиксируется необходимость создания более тонких и адекватных механизмов власти и контроля над этим самым населением, которое понимается в качестве реального или потенциального трудового ресурса.

Биологические характеристики населения, понимаемые не только как различия между богатыми и бедными, здоровыми и больными, но и с позиций большей или меньшей пригодности для работы и обучения, перспективой выжить, умереть или заболеть, – становились важнейшими факторами экономики и государственного управления. Относительно общества, здоровья, болезней, условий жизни, жилища и привычек стало формироваться «медико-административное» знание, которое обеспечило фундамент социальной политики девятнадцатого века и во многих отношениях остающееся авторитетным и в дальнейшем.

По мысли И.С.Кона¹, несмотря на то, что Всемирная организация здравоохранения выражает позицию мировой медицины, что гомосексуальность не является болезнью и не подлежит «лечению», многие отечественные психиатры и сексопатологи, отчасти по невежеству, а отчасти продолжая традиции советской репрессивной психиатрии, которая патологизировала любые индивидуальные особенности, не вписывавшиеся в официальный канон «советского человека», продолжают считать гомосексуальность опасным «половым извращением», нагнетая в общественном сознании страх и нетерпимость.

Пристальное внимание к телу индивида и всего социального организма было традиционным для профессиональных интересов врача, который в восемнадцатом веке стал великим советником, экспертом благодаря власти медицинского знания. При этом именно функция гигиениста, а не престиж терапевта, сделала его позицию настолько политически важной, чтобы в девятнадцатом столетии он смог аккумулировать экономические и социальные привилегии².

Дискуссия о социальной медицине как науке, учебной дисциплине и сфере профессиональной деятельности пока только разворачивается на постсоветском пространстве, вытесняя социальную гигиену и претендуя на предметную область социальной психологии, социальной работы, социальной педагогики. Слышны голоса, обосновывающие учреждение новой син-

¹ Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополрой любви. М.: Олимп, 1998

² Foucault M. The Politics of Health in the Eighteenth Century // Power/Knowledge: Selected Interviews and other writings 1972-1977 by Michel Foucault / Ed.by C.Gordon. New York: Pantheon Books, 1980. P.177.

тетической науки – «здравологии»¹. Представляется бесспорным одно – такие дискуссии, развитие образовательных программ, посвященных социальному контексту здоровья и болезни должны обсуждаться только с позиций соблюдения прав человека, уважения к личности, в рамках демократических подходов к смягчению социальных проблем. В противном случае мы имеем дело с претензиями медицинских профессионалов на тотальный контроль, идущий рука об руку с тотальностью политической, хорошо нам знакомой по недавней истории.

Сфера сексуального, по мысли М.Фуко, в особенности за последние двести лет, постоянно подравнивалась под четко определенную норму развития от детства и до старости и благодаря имеющемуся тщательному описанию всех возможных девиаций, организации педагогического контроля и медицинского лечения. И вокруг всего этого моралисты, а особенно медики создали целый тезаурус отвращений, мотивированные «одной основной заботой: обеспечить рост населения, воспроизвести рабочую силу, увековечить форму социальных отношений; короче, конституировать сексуальность, которая была бы экономически полезной и политически выгодной?»². Тем самым управление социальным порядком оказывается насыщенным авторитарными практиками медицинской интервенции и контроля, относящимися не только к заболеванию, но и общим формам существования и поведения, в том числе, сексуальности.

Итак, мы рассмотрели основные направления и исследовательские задачи медицинской антропологии. Медицинская антропология – это одна из наиболее развитых, традиционных и признанных отраслей антропологического знания и прикладных исследований. Эта отрасль занимается изучением проблем здоровья человека и целительских, медицинских систем в широком социальном и культурном контексте. Медицинские антропологи участвуют как в фундаментальных исследованиях здоровья и целительских систем, так и прикладных исследованиях, нацеленных на улучшение практик лечения в клиниках, поликлиниках и центрах здоровья, профилактики и контроля заболеваемости. Основываясь на биологических и социальных науках, как и на изучении процессов и проблем клинической практики, медицинские антропологи внесли значительный вклад в понимание проблем и улучшение здоровья и здравоохранения во всем мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Медицинская антропология

---

¹ Тогунов И.А. К вопросу о современном названии науки, изучающей социальные проблемы медицины // Русский медицинский сервер (20.08.2002) <http://www.rusmed-serv.com/zdrav/socium.htm>

² Foucault M. The History of Sexuality. Vol.1. An Introduction. Penguin Books. 1990. P.36-37. p.36-37

Здоровье
Социальная медицина
Этномедицина
Биомедицина
Медикализация социальных проблем
Клиническая, критическая, прикладная медицинская антропология

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Объясните основные предпосылки, задачи медицинской антропологии и обоснуйте необходимость ее развития в России.
2. Раскройте основные задачи и особенности отдельных направлений и разделов медицинской антропологии.
3. Приведите примеры тем исследований в области медицинской антропологии.
4. Для чего нужна антропологическая критика медикализации социальных проблем?

КЕЙСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

1. Сравните представления о здоровье, болезни и лечении с позиций биомедицины и этномедицины: по роману Флоринды Доннер «Шабано». <http://lib.ru/KASTANEDA/donner3.txt>
2. Объясните различия представлений о здоровье и медицинских систем на материалах новеллы Урсулы ле Гуин «Изменить взгляд». <http://lib.ru/LEGUIN/eyealter.txt>
3. Объясните, как происходит профессионализация народной медицины в обществе массового потребления на материале статьи Олега Паченкова «Рациональное «заколдовывание мира»: современные российские маги». http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik9/9_patch.htm
4. Проведите микроисследование распространения практики курения в зависимости от пола и возраста студентов, практик поведения курильщиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Браун Дж., Русинова Н.Л. Социальные неравенства и здоровье // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.2. № 1 (5). С.103-114.
2. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. С.-Пб: Алетейя, 2001.
3. Геннеп А. Ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2002.

4. Гудков Л.Д., Юдин Б.Г. Медицинская этика и право на информацию // Социологический журнал. 1995. № 4. С.127-132.
5. Гуин Урсула Ле. Изменить взгляд / Пер. А. Думеш. «Миры Урсулы Ле Гуин». М.: Полярис, 1997.
6. Доннер Ф. Шабоно. Истинное приключение в магической глуши южноамериканских джунглей. Пер. с англ.—Киев: София, Ltd., 1994.- 320 с.
7. Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001.
8. Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М.: Олимп, 1998.
9. Криничная Н.А. Народные представления русских о свойствах растений // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С.48-62.
10. Криничная Н.А. Травное зелье, дивни коренья ... (из мифологических представлений о растительных атрибутах ведунов) // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С.51-62.
11. Кулясова А., Кулясов И., Тысячнюк М. Альтернативные практики питания в объединениях «экологической этики» // Экологическое движение в России: Труды ЦНСИ, вып.6 / Под ред. Е. Здравомысловой, М. Тысячнюк. С.-Пб, 1999. С.87-107.
12. Мерненко И. Конструирование понятия аборта: дискуссия от разрешения к запрету (СССР, 1920-1936 годы) // Гендерные исследования. 1999. № 3. С.151-165.
13. Микиртичан Г.Л., Суворова Р.В. Отношение студентов-медиков к эвтаназии // Социологический журнал. 1996. № 1-2. С.190-193.
14. Михель Д.В. Воплощенный человек: западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Научная книга, 2000.
15. Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: Научная книга, 2000.
16. Паченков О. Рациональное «заколдовывание мира»: современные российские «маги» // Невидимые грани социальной реальности: Труды ЦНСИ, вып. 9 / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. С.-Пб, 2001. С.96-109.
17. Пушкарева Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С.47-59.
18. Ричман Д. Социальный порядок палаты для психопатов // Социологические исследования. 1999. № 6. С.113-122.
19. Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001.
20. Сафонова Т., Мазалова Н. «Состав человеческий»: человек в традиционных соматических представлениях русских. С.-Пб: Петербургское Востоковедение, 2001.

21. Степухович С.В. Медицина как институт социального контроля // Культура. Власть. Идентичность. Саратов: Волжский сад, 1999.
22. Томилов Н.А., Кадырова Л.М. Народные способы лечения у сибирских татар // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С.122-131.
23. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.
24. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.
25. Штайнкамп Г. Смерть, болезнь и социальное неравенство // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.2. № 1 (5). С.115-154.
26. Щепанская Т.Б. К этнокультуре эмоций: испуг (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С.236-265.
27. Эрцлиш К. Болезнь и здоровье как объекты социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.2. Спецвыпуск. С.191-198.
28. Ярская-Смирнова Е.Р. Мужество инвалидности // Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы. М.: ИНИОН РАН, 2000.
29. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С.38-45.

Тема 2.2. Феминистская антропология

История феминистской антропологии. Основные направления современной феминистской антропологии. Социокультурный анализ гендерной стратификации. Репрезентация гендера в культуре. Феминистская этнография. Феминистский анализ труда

История феминистской антропологии

Феминизм – это направление научного анализа и общественная практика, направленные на объяснение и изменение существующих властных отношений в обществе. Отношения между полами представляются одной из форм властных отношений, которые структурируют все сферы человеческой жизни (семью, образование, мир работы и мир политики, культуру и досуг), определяют нашу идентичность. Основной предпосылкой феминистской антропологии выступает идея, согласно которой исследование женских ролей, убеждений и практик в обществе является необходимым, чтобы понять особенности и возможности социальной жизни людей. Хотя феминистская антропология в основном фокусируется на женщинах и женских социальных ролях, целью выступает развитие понимания общества в

целом. Большинство феминистских антропологов уверены, что открытия, сделанные ими в западном или *не*-западном контекстах, должны использоваться для улучшения жизни людей во всем мире.

Понятие «гендер» обычно используется для указания на те смыслы и роли, которые общество приписывает половым различиям. Гендер – это то, во что общество превращает физические, анатомические и психологические различия людей. Понятия мужского и женского поведения, маскулинных и феминных манер, действий, речи суть гендерные конструкты, поскольку воплощают в себе социальные ожидания относительно характеристик «настоящего мужчины» или «настоящей женщины». Это не биологические факты, а культурно-специфические убеждения, которые организуют социальную практику именно так, а не иначе. В самом деле, феминистские антропологи продемонстрировали, что универсальных гендерных ролей для мужчин или женщин просто не существует.

История феминистской антропологии может быть разделена на три временных периода. **Первый период (1850–1920)** – первая волна феминизма (суфражизм). До этого момента этнографические исследования в основном проводились мужчинами и для мужчин. И хотя сама дисциплина была традиционно более эгалитарной в смысле гендера, чем другие социальные науки, тем не менее, она долгое время находилась под влиянием доминирующих направлений мысли и определенно выражала андроцентрическое мышление, в котором ее и обвинили ранние феминистские антропологи. Ранние феминистские антропологи обратили внимание на существенные пробелы в корпусе антропологической литературы как результат мужских предрассудков. В частности, они внесли вклад в опровержение представлений о том, что биологический пол определяет индивидуальные роли в обществе.

По словам Элизабет Повинелли, антропология, как и другие академические дисциплины, первоначально была андроцентричной, с глубоко укорененной ориентацией на мужчин¹. Наряду с тем, что важность роли женщин в жизни общества и каждого человека признавалась, в качестве обобщенной точки зрения на социальную группу антропологи скорее представляли именно мужскую позицию. Например, когда антропологи желали изучать ритуальные верования австралийских аборигенов, они собирали информацию только о мужских ритуальных практиках этой группы, ошибочно признавая их наиболее социологически важными. Б.Малиновскому принадлежит выражение: «*Антропология – это изучение человека (man), включая женщину*». Мужские роли были не только в центре анализа, к ним также относились как к образцам, представляющим верования и жизненный опыт всей общины.

---

¹*Povinelli E. Feminist Anthropology // Thomas Barfield (Ed) The Dictionary of Anthropology. Oxford: Blackwell, 1997. P.1.*

Задачей феминизма первой волны было включить в этнографию женские голоса, представить женский взгляд на события. Это открыло новую перспективу исследований, поскольку мужчины-этнографы нередко имели доступ лишь к мужским ритуалам, и потому могли наблюдать только их и получали опосредованные описания женщин и женских практик. Как правило, все этнографические данные о женщинах передавались от мужчин-туземцев мужчинам-антропологам. Одна из основательниц этого движения в антропологии была Э.К. Парсонс, которая защитила диссертацию по социологии в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Ранние работы феминистских антропологов вскрыли недостатки указанных предпосылок, продемонстрировав, насколько важно для антропологического исследования уделять внимание женщинам, их социальным и культурным ролям.

В следующий период (1920-1980) представительницы второй волны феминизма начали рассматривать пол и гендер, которые на предыдущем этапе считались синонимами, – как различные категории. Пол определялся как определяемый биологически и в свою очередь влияющий на биологию человека, а гендер считался культурно оформленным. Категория «женщина» использовалась в объединяющем смысле и относилась ко всем женщинам. Антропологи рассуждали о женщинах так, как если бы те имели одинаковый опыт и одни и те же проблемы. Исследования относились к изучению женщин и женских ролей в эволюции человеческого общества, в контексте рода и семьи, а также в условиях глобального капитализма.

Известная последовательница Ф. Боаса Рут Бенедикт (1887-1948) была очень влиятельным ученым; получила она свою степень в Колумбийском университете в 1923 г. Ее полевая работа с американскими индейцами и другими группами привела ее к созданию «конфигурационного подхода» к культуре, который рассматривает культурные системы, работающие таким образом, чтобы поощрять развитие определенных типов личности в различных обществах (Buckner 1997: 34). Наряду с Маргарет Мид она является одной из наиболее известных женщин-антропологов первой половины двадцатого столетия.

Маргарет Мид (1901-1978) была ученицей Ф. Боаса и Р. Бенедикт. Ее теории находились под влиянием идей гештальт-психологии, которая анализирует личность как взаимосвязанный психологический паттерн, а не набор отдельных элементов. В ее работах о разнообразных культурах осуществился прорыв в направлении развенчания предрассудков о том, что различия между мужчинами и женщинами являются естественными и универсальными. Она убедительно показала важность культуры в развитии людей и их представлений о различиях. Одна из крупных последовательниц Ф. Боаса, М. Мид внесла существенный вклад в гендерную проблематику антропологии: в ее работах анализировалось воздействие культуры на социальное развитие человека. Это работы: «Взросление на Самоа» (1928) и

«Пол и темперамент» (1950). Маргарет Мид на основании своих наблюдений, проведенных в экспедициях, утверждала, что «хотя каждая культура в какой-то степени институционализовала роли женщин и мужчин, характер, который мы считаем присущим тому или иному полу, может быть просто одним из вариантов человеческого характера, которому с большим или меньшим успехом можно обучить или приучить разных индивидов»¹. Влияние М. Мид простиралось далеко за пределы антропологии, ее работы приобрели большую популярность.

В это же время на феминистскую антропологию повлияли еще два автора: французский философ-экзистенциалист Симона де Бовуар и психолог и одна из организаторов американской Национальной организации женщин Бетти Фридан. Книга Бовуар «Второй пол» (1952) показала, что феномен зависимости внедрен на уровень индивидуальной психологии и индивидуального бессознательного. Отсюда возникает и зависимый статус женского в культуре. Функция воспроизводства обрекает женщину играть пассивную роль в обществе, более того, женщина добровольно принимает на себя роль жертвы, так как только в таком случае ей легче избежать болезненного опыта экзистенциальной свободы и ответственности. Книга Б. Фридан «Загадка женственности» (1963) рассмотрела гендерные роли в семье и современных женщин в традиционных ролях.

Вторую половину этого периода часто называют «антропологией женщин» или «новой женской антропологией». В начале 1970-х годов Люси Слокам и другие женщины-ученые доказали, что антропологи имели андроцентричные и евроцентричные предрассудки в своих исследованиях. Этот тезис был проверен археологами и приматологами, которые более внимательно рассмотрели сложившиеся в науке представления о мужчине-охотнике; их работа поставила под сомнение предположения о видах деятельности и ролях, выбираемых женщинами и мужчинами на основании биологических различий скелетов человеческого тела. К этому периоду относятся, в частности, этноисторические исследования иннуитов, осуществленные Элеанор Ликок. Она остановилась на социальных и гендерных отношениях, пересматривая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. Она также поставила под вопрос выводы Джулиана Стюарда в его исследованиях охоты, применив метод «антропология на земле»: она беседовала с информантами, владеющими английским, стремясь узнать, на кого, когда и где они охотились, после чего вывела паттерн (образец), не довольствуясь сверхобщением, предложенным информантами.

В 1974 г. **Мишель Розальдо** и **Луис Лэмфери** издали сборник «Женщина, культура и общество», который стал еще одним шагом в развитии феминистской антропологии. К этому моменту эти авторы уже имели опыт преподавания одноименного со сборником курса в престижном Стэнфорд-

¹*Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. London: Routledge, 1935.*

ском университете, что говорит о признании и распространении феминистских идей в академическом сообществе.

В этом направлении исследований применяются понятия «патриархат» и «патриархатная структура общества».

Патриархат – это тип отношений, при котором интересы женщин подчинены интересам мужчин в процессах разделения труда и других форм социальной организации. Патриархатная власть основывается на тех социальных значениях, которыми общество наделяет существующее биологическое различие между женщинами и мужчинами. В соответствии с патриархатным взглядом, женщина, исходя из ее биологических функций, должна выполнять и другие соответствующие им социальные задачи. Отсюда многие социальные институты (образование, занятость, социальное обеспечение) организованы так, что все роли женщины связаны с ее ролями матери и жены. Патриархатные отношения структурны – они укоренены в институтах и социальных практиках нашего общества и не могут быть объяснены субъективными намерениями, системой выборов или предпочтений конкретных индивидов¹.

В 1970-е годы феминистские антропологи были заинтересованы в развитии моделей для объяснения подчинения женщин, которое казалось универсальным и кросскультурным. М. Розальдо и Ш. Ортнер предложили интегрированный набор объяснений причин универсальности подчинения женщин на разных уровнях. Эти объяснения осуществляются в терминах социальной структуры, культуры и социализации. М. Розальдо утверждала, что в каждом обществе женщины рожают и воспитывают детей, и что роль женщины как матери, определенная социально и культурно, создает основу для их подчинения. Ш. Ортнер создала объяснительную модель гендерной асимметрии, основанную на представлении о том, что подчинение женщин – это универсальное, т.е. кросскультурное явление. Природа подчиняется мужчинам, следовательно, женщины подчиняются мужчинам. Во многом это перекликается с работой Ф. Энгельса «О происхождении семьи, частной собственности и государства», где он утверждает, что подчинение женщин – это результат недостатка их доступа к сфере производства.

Марксистская теория была привлекательной для феминистских антропологов 1970-х годов, так как, по словам Г. Рубин, не было «иной теории, которая бы объясняла угнетение женщин – в его бесконечной и монотонной схожести, кросскультурно и через всю историю, – с такой же объяснительной силой марксистской теории классового угнетения». Марксистская модель объясняет, что подчинение женщин в капиталистических обще-

¹См.: Теория и практика феминизма. Харьков: ХЦГИ, Ф-Пресс, 1996.

ствах, как в терминах репродуктивных ролей – «репродукция труда», так и их ценность как неоплачиваемого или недооплачиваемого труда, вырастает из исторических тенденций, предшествующих капитализму.

В марксистской теории угнетение женщин осуществляется мужчинами в поддержку капиталистической системы. В рамках этого подхода высказывались следующие мысли: женщины при капитализме являются резервной рабочей силой; заработная плата женщин, которая, как правило, является низкой, обеспечивает прибавочный продукт работодателю-капиталисту; женщины, управляя потреблением в семье, тем самым служат целям капиталистического потребления. В некоторых работах была представлена и более смелая задача: связать угнетение женщин с принципом динамики капитализма, указав на связь между домашней работой и воспроизводством труда. Выполнить эту задачу – значит учесть женщин в самом определении капитализма, то есть в процессе, при котором капитал формируется путем присвоения прибавочной стоимости, производимой в процессе труда.

Объяснительная модель угнетения женщин основывалась, кроме марксистского, еще и на структуралистском подходе. Поэтому в антропологии того периода использовались дихотомии публичный-приватный, продукция-репродукция и натура-культура (соответственно) для объяснения универсального подчинения женщин. Ортнер применяет свои дихотомии, опираясь на выводы Леви-Строса о том, что существует бинарная оппозиция между природой и культурой, и настаивает, что кросскультурно, т.е. во всех культурах женщины представлены как более близкие к природе в связи с их ролью в репродукции. В статье «Относится ли женское к мужскому так же, как природа к культуре?» (1974) Ортнер применяет структуралистский подход к вопросу гендерного неравенства. Она утверждает, что репродуктивная роль женщин делает их природными создательницами, тогда как мужчины являются культурными творцами. Репродуктивные функции женщин и мужчин исторически вели к ассоциации женщин с низким статусом, но относительно более безопасными занятиями в домашней сфере, деревне или других местах. В то же время, роль мужчин в репродукции позволяла им (или принуждала их) действовать вне «безопасных» пространственных ареалов. Эти дихотомические ориентации позволили пережить средовое давление, которое, в свою очередь, ускорило их усвоение.

Как марксистская, так и структуралистская модели отрицали понимание того, что угнетение женщин ассоциируется с чем-то врожденным и биологическим в человеческом виде. Половой диморфизм (неодинаковость анатомии) людей – это биологическая черта, но она служит только для облегчения возможного угнетения женщин, а не в качестве мандата или программы такого поведения у людей. Этнографические исследования М.Мид, например, обнаружили культуры, где мужское и женское поведе-

ние не соответствовало западной концепции рациональных мужчин и эмоциональных женщин. Кроме того, исследования приматов демонстрируют широко варьирующиеся формы интеракции между мужскими и женскими особями обезьян.

Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» пытался объяснить истоки эти исторических тенденций, и его мысль о том, что «отношения между полами» можно и нужно отличать от «отношений производства», являлась весьма важным открытием. Он приписывал угнетение женщин смене способа производства во время неолитической революции. По Энгельсу, как только у мужчин появилась собственность (земля или скот), они пожелали передавать ее по наследству своим потомкам по патрилинейной схеме наследования. Это сопровождалось исключением матрилинейного наследования и привело к «мировому историческому поражению женского пола».

Э. Фридл и Л. Ламфери полагали, что, хотя женщины подчинены универсально, они не лишены индивидуальной власти. Эти две исследовательницы делали акцент на домашней власти женщин, которая, в соответствии с данной теорией, «проявляется в индивидуально согласованных отношениях, основанных на домашней сфере, но влияющих и даже определяющих мужскую ответственность в публичной сфере».

Гэйл Рубин в своей работе «Обмен женщинами» (1975) ввела понятие «пологендерная система», отделив биологию от поведения. Г.Рубин показала недостатки концепций капитализма и «патриархата» для объяснения гендерных проблем ряда обществ.

Поскольку именно женщины обычно выполняют работу по дому, как раз через воспроизводство рабочей силы женщины становятся одним из звеньев в цепи производства прибавочной стоимости. Поскольку за работу по дому не выплачивается никакой заработной платы, труд женщин по дому является вкладом в конечную величину прибавочной стоимости, которую капиталист обращает в деньги. Но объяснить полезность женщины для капитализма – это одно, а доказать, что эта полезность является причиной угнетения женщин – совсем другое. Именно на данном этапе рассуждения анализ капитализма перестает служить объяснением каких-либо вопросов, относящихся к положению женщин, и вопроса об угнетении женщин, в частности. Никакой анализ воспроизводства рабочей силы при капитализме не может объяснить бинтование ног, пояс невинности или какое-нибудь сходное византийское приспособление, а также ритуальные оскорбления, не говоря уже о банальных бытовых оскорблениях, которым подвергались женщины в разных странах и в разные времена. Анализ

воспроизводства рабочей силы даже не объясняет, почему именно женщины, а не мужчины выполняют домашнюю работу.

Термин «патриархат» был введен, чтобы отличать силы, поддерживающие сексизм, от других социальных сил, таких, как капитализм. Но использование этого термина затеняет другие различия. Его применение аналогично применению термина «капитализм» для указания на все способы производства, тогда как полезность термина «капитализм» состоит именно в том, чтобы проводить различие между разными системами, которые организуют общества и обеспечивают их существование. Любое общество имеет некую систему «политической экономии». Подобная система может быть эгалитарной или социалистической. Она может быть стратифицирована по классовому принципу, тогда угнетенный класс состоит из слуг, крепостных или рабов. И только в том случае, когда угнетенный класс состоит из наемных работников, корректно будет называть систему «капиталистической». Объяснительная сила этого термина основана на предположении, что действительно, существуют альтернативы капиталистической системе.

Аналогичным образом любое общество располагает определенной системой, связанной с полом, гендером и детьми. Подобная система может быть эгалитарной в отношении полов – по крайней мере, в теории, – или же «гендерно стратифицированной», что, по-видимому, имеет место в большинстве, если не во всех известных случаях. Но даже перед лицом печальной истории человечества важно различать присущую человеку способность и необходимость создавать мир отношений между полами, с одной стороны, и реально существующие репрессивные способы организации этих миров, с другой. Термин «патриархат» включает оба эти значения, тогда как система «пол/гендер» – это нейтральный термин, который обозначает данную область и указывает, что угнетение не является неизбежным, а представляет собой продукт специфических социальных отношений, которые ее организуют.

Наконец, существуют гендерно стратифицированные системы, описание которых как патриархатных не является адекватным. Во многих обществах Новой Гвинеи, таких как энганцы, маринги, бенабена, хули, мелпа, кума, гауку-гама, форе, маринд-аним ... женщины подвергаются жестокому угнетению. Но власть мужчин в этих обществах основывается не на их ролях отцов и патриархов, а на коллективной маскулинности зрелых мужчин, воплощенной в тайных культах, мужских домах, войнах, ритуальных знаниях, различных обрядах инициации и социальных сетях отношений обмена. Патриархат представляет собой специфическую форму мужского господства,

поэтому данный термин следует применять только по отношению к ветхозаветным овцеводам-кочевникам (откуда и происходит данный термин), либо по отношению к подобным им сообществам. Авраам был патриархом – старцем, чья абсолютная власть над женами, детьми, стадами и подчиненными ему людьми являлась одним из аспектов института отцовства, характерного для данной социальной группы.

Гэйл Рубин «Обмен женщинами»

К британской традиции феминистской антропологии относятся исследования Ширли Арднер, которая работала над понятием женского статуса как «немой группы» (а «muted group»). Пэт Каплан и Дженет Буджура – входили в группу лондонских женщин-антропологов (the London Women's Anthropology group), анализировавших женскую солидарность и проверявших марксистскую теорию в исследованиях женщин, репродукции и производства.

В конце 1970-х годов многие феминистские антропологи начали сомневаться в понятии универсальной женской субординации и полезности моделей, основанных на дихотомиях. Некоторые антропологи доказывали, что существовали общества, где мужчины и женщины имели хотя и дополнительные, но равные роли. Одним из примеров является работа, проведенная Э. Шлигал и Дж. Бриггс в племенных сообществах. К. Сэкс провела анализ способов производства, чтобы показать, что «охотники-собиратели имели коммунальную политическую экономику, в которой сестры, жены, братья и мужья имели одинаковое отношение к средствам производства и ресурсам». Другие исследовательницы выступили против использования дихотомий как западных категорий. Дихотомии, следовательно, не были применимы к кросскультурному анализу.

Важный вклад феминистской антропологии этого периода – развитие понимание женщин как в терминах этнографического описания, так и теории антропологии. Этот акцент позволил усомниться в целом ряде убеждений, например, относительно теории происхождения человека, в которой модель «мужчина-охотник» считается движителем человеческой эволюции, игнорируя продуктивную и репродуктивную роль женщин в эволюции *Homo sapiens*.

Третий период (1980-по настоящее время). Антропологи третьей волны феминизма стремились отойти от биологического детерминизма, который утверждает, что гендер был прямой причиной и одновременно следствием из физиологических различий. Феминистские антропологи считают, что эти вопросы не могут быть сведены к причинно-следственной зависимости и предлагают пересмотреть принятое ранее разделение биологии и культуры, поскольку социальные ожидания людей основываются на

физическом теле. Проводимая в этот период исследовательская работа в эндокринологии и физиологии позволила получить дополнительные аргументы о том, насколько затруднительно провести четкую грань между культурными и биологическими факторами. Этот период не только в феминизме, но в социальных науках в целом характеризуется пересмотром целого ряда постулатов и принципов социальной теории, в частности, противопоставления тела и разума.

Для антропологов тело (в основном, первоначально – тело экзотических Других, близких к природе туземцев) представлялось традиционным объектом изучения – как классификационная система, пространство социальных маркировок, объект ритуальных трансформаций, источник ограничений и возможностей. А вот многие другие социальные ученые до недавнего времени энергично отрицали важность генетических, физических и индивидуально-психологических факторов в социальной жизни людей, тем самым укрепляя традиционную для Запада оппозицию природы и культуры¹. Даже если тело здесь концептуализировалось, то не как предмет самостоятельного социологического анализа, но как внешнее по отношению к актору, как то, что должно управляться и что следует преодолевать.

Именно феминистская критика во многом сыграла роль в отходе от дуализма «разум-тело», подвергнув сомнению представления о незначительности и ненужности исследований тела и телесности в социальных и гуманитарных науках. Причем именно проблематизация пола была шагом в этом направлении.

Как показали феминистские авторы, один из наиболее сильных механизмов, с помощью которых оперирует патриархат, – это контроль над телом². Культура часто представляет женщин «более телесными», чем мужчины, в некотором смысле представляющими само тело. А если опыт и ценность женщины заключается в рамки сексуальности и репродукции, то ничего не стоит оправдать исключение в институтах занятости, образовании и общественной жизни в целом. Патриархатная власть основывается на социальных представлениях о биологических различиях между полами, в соответствии с которыми, исходя из своих биологических функций, женщина должна выполнять особые социальные задачи.

Следуя такой патриархатной идеологии, медицина, религия, брак и многие другие социальные институты осуществляют контроль над женщинами, контролируя их тела. Начиная с XIX в., всякая иная телесность, кроме материнской, как пишет Д. Михель, «изначально была обречена на пребывание в области *анормального*», причем именно медицина внесла наибо-

¹Тернер Б. Современные направления развития теории тела // THESIS. 1994. № 6. С.143, 140-141.

²Walby S. Theorizing patriarchy. Oxford: Blackwell, 1990.

лее существенный вклад в формирование этих воззрений как в девятнадцатом, так и в двадцатом веке¹. Кроме того, в культуре женские тела представляются как преуменьшенные и в некотором смысле патологические, по сравнению с мужской нормой: мягкие, слабые, неопределенные, незначительные по сравнению с твердыми, сильными, определенными, содержательными телами мужчин. Получается, что женщины заключены в набор дихотомий, в которых они представлены как обесцененные, незамеченные, молчаливые категории природы, тела, эмоций, по контрасту с культурой, мышлением, разумом².

Благодаря пересмотру сверхрациональной, контролируемой и ограниченной картины мира родились новые направления – социология эмоций, сексуальности и тела. На развитие социологии тела наибольшее влияние оказали, конечно, работы М. Фуко, которые открыли археологический поиск различных видов телесных практик – реализации, интенсификации и распределения власти (психиатризации, сексуальности, медикализации, дисциплинирования и наказания) – как социально установленных способов, традиций, правил познания другого. При этом поворот социальной науки к телу позволил открыть новые возможности изучения не только женской, но и мужской телесности³. Полезные идеи Фуко в отношении критики институтов репрессивной власти применяются в феминистской теории и практике социальной работы⁴, психиатрии⁵, семейного консультирования.

Наряду с исключением тела и телесности из классической методологии социальных наук делался особый акцент на теории и было противопоставление теории и практики. Абстрактное теоретизирование в отрыве от практик конкретных людей занимает привилегированные позиции в социологии (и философии), и до сих пор во многих социологических работах

---

¹Михель Д. «Ужасные» отражения материнского тела: примеры гендерных политик на Западе в современную эпоху // Гендерные исследования. 2000. ¹ 4(1). С.204.

²Jordanova L. Sexual visions: images of gender in science and medicine between the Eighteen and Twentieth Centuries. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1989. Цит. по: Twigg J. Social Policy and the Body // Rethinking Social policy. London, Thousand Oaks, New Dehli: Sage, 2000. P.129.

³Connel R.W. Masculinities. Cambridge: Polity Press, 1995.

⁴См. об этом: Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002.

⁵Ali A. The convergence of Foucault and feminist psychiatry: exploring emancipatory knowledge-building // Journal of Gender Studies. Vol.11. № 3. November 2002. P.233-242.

современное теоретизирование продолжает оставаться на дистанции от объекта исследования (который на самом деле является его субъектом), представляя человеческий опыт бесплотным, неэмоциональным, бестелесным.

Напротив, тесная связь теории и практики основывалась целым рядом исследователей на отрицании теории как абстрактных форм. Взамен предлагались теории, основанные на понимании жизненного опыта, на признании субъектности изучаемых людей. Большое значение в этом производстве теории нового типа сыграло в 1960-70-е годы формирование Б.Г. Глэзером и А.Л. Страуссом¹ качественной методологии *grounded theory*, распространение принципов акционистского и партисипаторного исследования².

Более прочной связи теории с практикой способствовала и критическая педагогика феминизма, в которой, как и в научной деятельности в русле женских и гендерных исследований, «была интенция на непринятие дуалистического подхода к телу и сознанию»³. Критическая педагогика базируется на представлении о критическом знании по Ю. Хабермасу и включает, в частности, партисипаторные методы преподавания. Партисипаторный подход предоставляет целый ряд приемов для развития демократических процессов и децентрализации контроля не только в образовании, но и в исследованиях, непосредственно связанных с социальной политикой и социальной работой. Что касается преподавателей, приверженных данному методу, – они включают учащихся в разработку учебного плана или программы курса, а также применяют в своей педагогической деятельности такие приемы, которые позволяют повысить участие студентов в поиске, производстве и рефлексии знания по предмету.

В частности, сегодня все больше стран переходят в своих учреждениях среднего и высшего образования к модели проблемно-ориентированного обучения. В этой модели преподаватель играет роль инструктора, дающего стимульный материал и задание, а студенты самостоятельно распределяют функции внутри своей группы, управляют процессом поиска, обобщения и представления информации. Преподаватель вмешивается очень

---

¹Glaser B.G., Strauss A.L. The Discovery of Grounded Theory: Strategies of Qualitative Research. Chicago: Aldine and Atherton, 1968; Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники. М.: УРСС, 2001.

²См., напр.: Hall B.L. Participatory Research, Popular Knowledge and Power: A Personal Reflection // *Convergence*, Vol.XIV. № 3. 1981. P.6-19; Young K. Planning Development with Women: Making a World of Difference. London: Macmillan, 1993.

³Хукс Б. Наука трансгрессировать. Образование как практика свободы // Гендерные исследования. 1999. № 2(1). С.244.

редко – лишь в тех случаях, когда студентам требуется консультация или когда происходит сбой в процессах самоуправления ввиду неопытности учащихся. Данный метод с особым успехом используется на занятиях по социальным и гуманитарным предметам, где требуется развитие независимого, критического мышления, навыков индивидуальной и коллективной работы, ответственности и интереса к новому знанию, где так важен опыт самостоятельных открытий, отстаивания и пересмотра своего мнения.

Дихотомии, внедренные в объяснительную модель феминистками второй волны, со временем себя уже не оправдывали не только в отношении оппозиции «природа-культура», но и в аспекте противопоставления мужчин и женщин, частного и публичного, классовых различий и многих других.

В этот же период развиваются так называемые постколониальные исследования. Работа Э. Саида «Ориентализм», а также постмодернистский анализ репрезентаций позволили привнести в дискуссию феминистских антропологов голоса Других – не-белых, не-среднего класса. Феминизм начал работу по исследованиям репрезентаций, признавая, что теории находятся под влиянием исторических, политических, социальных и культурных контекстов. Проблемы этики в отношениях исследователя и информанта прозвучали в этот период с особенной остротой.

Многие российские социологи сегодня вовлечены в дебаты о количественной и качественной методологии, а ведь в основе этих дебатов лежит все та же дихотомия разум/тело, или культура/природа, на которой основаны аргументы о научности или ненаучности гибких методов, позволяющих озвучить замалчиваемые темы, признать ценность ранее дискредитированных понятий и раскрыть отретушированные страницы реальности. Именно с помощью гибких методов можно распознать глубинный смысл внешне наблюдаемых явлений, выявить или сформулировать социальную проблему так, как она рефлексится или конструируется людьми в реальности.

Понимание оказывается в этой традиции интерсубъективным, эмоциональным процессом. Социолог, таким образом, уже не может претендовать на единственно правильную интерпретацию социального факта. Респондент, ученый, читатель научной статьи уравниваются в праве на конструирование истины нарратива. Напомним, что тенденция противопоставления социолога и информанта в субъект-объектной проекции критикуется, в частности, в постпозитивистских концепциях анализа текста как аксиологически неверная перспектива, дискриминирующая респондентов, навязывающая им роль подопытных, «дикарей», накидывающая на их рассказы железную сетку логики интерпретатора.

Не только в рамках исследований, но и в сфере практической помощи людям проявляются возможности качественной методологии, в частности,

нарративного интервью¹. Социальные работники, психотерапевты, представители социальных движений помогают людям говорить о своих травмах, объединяют, связывают переживших экстремальные события, вовлекают в социальное действие по позитивному изменению жизненной ситуации. Нарративный анализ выступает в этом случае мощным инструментом коммуникации, активизирующим взаимное участие субъектов и рассмотрение различных точек зрения в процессе исследования важных жизненных проблем, социальной терапии и реабилитации.

Кроме того, методы нарративного и дискурсивного анализа могут играть положительную роль в формировании рефлексивного практика. В частности, критическое прочтение дискурса социальной политики, языка социальных работников может пролить свет на идеологию отношений между государством, учреждением и клиентами. Анализ языка учреждения позволяет подвергнуть деконструкции идеологию профессии, те ее черты, которые обычно воспринимаются как должное и не обсуждаются. Кроме того, термины, в которых описываются социальные проблемы, являются не только продуктом социальных отношений, но и инструментом их конструирования. Поэтому в последние годы во многих странах клиенты и профессионалы стали бороться против дискриминирующего языка дефектологии, психиатрии, социальной работы. Эти усилия не напрасны и не случайны, они связаны с развитием социальной работы в направлении гуманизации философии сервисов и демократического управления.

Кроме того, категория «женщина» была подвергнута критике как универсальное клише, за которым не видны важные различия статусов и ролей, которыми обладают женщины в зависимости от их социально-экономического положения, религиозной ориентации, этничности, возраста, гражданства и многих других факторов. Все эти характеристики делают категорию женщин чрезвычайно разнообразной, что означает, что женщины не имеют одних и тех же универсальных потребностей и опыта.

Основные направления современной феминистской антропологии

Современные феминистские антропологи уже не фокусируются исключительно на вопросах гендерной асимметрии. Антропология гендера стала изучать различия между мужчинами, различия между женщинами, выясняя, как культурные определения гендера (мужского, женского, трансгендерного) влияют на судьбы конкретных людей, относящихся к тому или иному возрасту, социальному классу, этнической группе.

Современные феминистские антропологи убеждены, что антропология только тогда может считать себя наукой о кросскультурном разнообра-

---

¹См.: Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С.38-61.

зии жизненного опыта людей, когда она будет исследовать как женщин, так и мужчин в их различных возрастных группах, обществах и культурах.

Такие аналитические понятия, как половые различия, гендер и сексуальность, остаются принципиальными для всех методов и теорий, применяемых в феминистской антропологии¹. Смысл этих терминов менялся на протяжении последних ста лет, а сегодня претерпевает очередной пересмотр. В основном понятие половых различий относится к биологическим и анатомическим различиям, существующим между мужским и женским полами. Интересно, что сегодня это понятие более привилегированно по сравнению с понятием «сходство полов», хотя всем известно о существовании гермафродитов (людей, чьи половые органы включают компоненты как мужской, так и женской физиологии), а в истории известен период, когда считалось, что мужчины и женщины относятся к одному полу².

Современные феминистские антропологи постструктуралистского направления и другие исследователи гендерных отношений приходят к выводу, что в той же мере, как культура конструирует гендер, происходит социальное конструирование пола³. Иными словами, все общества, как утверждают эти авторы, по-разному относятся к телу, выбирая, какие именно анатомические различия будут считаться половыми различиями, а какие – нет. Например, пышные формы тела считались признаком женственности у русских крестьянок, но вряд ли относились к критериям феминности у европейских аристократок начала XX века. Более того, пол так же доступен культурным манипуляциям и изменениям, как и гендер, особенно в странах с высокоразвитой технологией. В связи с этим необходимо остановиться на традиции исследований сексуальности⁴.

Термин «сексуальность» относится к тому, как общество и индивиды организуют, понимают, репрезентируют эротические и репродуктивные действия и что предпринимают по поводу этих действий. Антропологи, исследующие сексуальность, испытали влияние современного психоанализа и психологии, а также английской культурологической традиции (cultural studies). В фокусе их внимания как институционализированные, так и неинституционализированные формы гетеро- и гомосексуальности. Сего-

---

¹Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках. Харьков: ХЦГИ, 1998; Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999.

²*Laquer T.* Making sex: body and gender from the Greeks to Freud. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

³*Butler J.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York: Routledge, 1990.

⁴*Кон И.С.* Перемелется – мука будет // Семья и школа. 1997. № 9. С.17-19; *Кон И.С.* Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997.

дняшние антропологи продемонстрировали, что пол, гендер и сексуальность часто выступают весьма тесно сопряженными понятиями во многих культурах и используются в целях социального контроля. Например, общество может пытаться контролировать сексуальные практики какой-либо одной возрастной или гендерной группы, но ничего не предпринимать в отношении контроля над другими группами. Более того, общества часто представляют сексуальность мужчины и женщины по-разному: в первом случае сексуальность активная, сильная и продуктивная, а во втором – опасная, загрязняющая или социально-проблемная.

Общества и культуры также различаются и по тому отношению, которое складывается к гомосексуальным союзам: в одних случаях партнеры одного пола испытывают политическую и экономическую дискриминацию, тогда как в других сексуальность такого рода является жизнеспособной эротической практикой, компонентом религиозных церемоний, родовых, брачных и иных союзов¹. Под влиянием работ Мишеля Фуко современные теоретики культуры и сексуальности усомнились в том, что западные представления о гетеро- и гомосексуальности можно применять к незападным культурам.

Современная феминистская антропология подразумевает широкое разнообразие теоретических перспектив, большую географию своих интересов и множество методологических подходов. При этом в феминистской антропологии есть четыре классических предметно-дисциплинарных направления: социокультурное, лингвистическое, физическое и археологическое. Например, феминистские антропологи социокультурного направления исследуют в различных обществах и культурах относящиеся к женщинам социальные практики и жизненный опыт, а также культурные репрезентации и смыслы. Исследования рода, семьи, брака подверглись пересмотру с тех пор, как этнографы пришли к пониманию роли женщин в устройстве сватовства и свадьбы, манипуляции родственными связями для экономической и политической выгоды, как сексуальных агентов, а не пассивных объектов мужского желания. Подобным образом был пересмотрен традиционный антропологический анализ религии, политических систем и экономики, обогащенный этнографическими материалами, которые учитывали жизненный опыт и взгляды женщин².

Феминистские антропологи также рассматривают отношения пола и языка. Испытывая влияние лингвистики и социолингвистики, антропологи

---

¹Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви. М.: Олимп, 1998.

²Povinelli E. Feminist Anthropology // Thomas Barfield (Ed) The Dictionary of Anthropology. Oxford: Blackwell, 1997. P.182.

исследуют, чем речь женщин отличается от речи мужчин, почему женская речь считается менее престижной во многих обществах, почему многие языки имеют сексистскую структуру (например, почему по-английски «человечество» будет *mankind*, а не *humankind*). Современные работы лингвистических антропологов анализируют, как протекает разговор мужчин и женщин, как структура и способы использования языка ставят женщин в положение, подчиненное мужчине¹.

Современную феминистскую антропологию можно условно разделить на два крупных направления. Первое анализирует отношения между культурным пониманием гендера и сексуальности, с одной стороны, и распределением власти – с другой. Второе связано с теми открытиями, которые были сделаны благодаря постструктуралистским, постколониальным и постмодернистским исследованиям. В связи с этими открытиями антропологи подвергают сомнению важность акцента именно на женщинах. Новый фокус анализа – как женщины различных социальных, этнических и сексуальных ориентаций не только были угнетаемы и игнорируемы андроцентричными, патриархатными институциями, но и угнетали и игнорировали женщин других классов, этничностей и сексуальных предпочтений².

Направление социокультурного, или культурного анализа, культурной критики (*cultural analysis, cultural studies, cultural critique*) утвердилось в феминистской мысли как необходимый компонент гендерных исследований. Его главное отличие от традиционной социологии – суммирование методов и подходов разных гуманитарных дисциплин к анализу культурных стереотипов патриархатного сознания. Методология включает в том числе деконструкцию и психоанализ в его сочетании с постструктурализмом, а объектом исследования выступают культура, язык, гендер³. Среди множества направлений, признающих и изучающих влияние культуры на гендер, имеет смысл упомянуть три. Прежде всего, это *антропология, или кросскультурные исследования пола*. Во-вторых, это *символический интеракционизм*, который исследует то, каким образом культурные ценности внедряются в индивидов (интериоризируются), почему большинство из нас принимают гендерные идентичности, одобряемые нашей культурой, откуда мы берем представление о гендерных ролях и идеалах. Несколько слов следует сказать о третьем направлении, *теории позициональности (stan-*

---

¹Горошко Е. Пол, гендер, язык // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С.98-110.

²Povinelli E. Feminist Anthropology // Thomas Barfeld (Ed). The Dictionary of Anthropology. Oxford: Blackwell, 1997. P.181-183.

³Синельников А. В ожидании референта: маскулинность, феминность и политики гендерных репрезентаций // Женщина, гендер, культура. М.: МЦГИ, 1999. С.84.

point theory)¹, которая основывается на антропологии и символическом интеракционизме, объясняя то, каким образом та позиция, которую занимает человек в культуре и обществе, угол зрения, оформляет его или ее жизнь. Теория позициональности рассматривает влияние пола, расы и класса на жизнь людей, на их статусную позицию и особенности жизненного опыта. К утверждению символического интеракционизма о том, что мы социализируемся в социальный мир, теория позициональности добавляет, что этот социальный мир состоит из весьма разных позиций внутри социальных иерархий. Мы можем признавать, что культура определяет и оценивает людей по их классу, этничности и полу, однако каждый из нас может иметь только какую-либо одну точку зрения, перспективу собственной социальной группы, которая и определяет наше понимание социальной жизни, поведение и чувства.

Эта теория восходит к немецкому философу Гегелю, который в начале XIX века отметил, что хотя общество в целом признавало существование рабства, природа этого института воспринималась достаточно неоднородно хозяевами и рабами. Отсюда Гегель сделал заключение, что в любом обществе, где существуют отношения власти, не может быть единой точки зрения, одного «правильного» понимания социальной жизни внутри стратифицированной культуры. Важное следствие из этих рассуждений касается того, что хотя все точки зрения ограничены, некоторые ограничены в большей степени.

Теория позициональности ставит под вопрос идею материнского инстинкта, а также некоторые результаты биологических исследований. Так, в исследовании зависимости агрессивного поведения от уровня тестостерона у мужчин испытуемыми в основном были представители социальных слоев с низким уровнем доходов и образования. Возможно, насилие и агрессия здесь приняты в большей степени, чем в других социальных слоях, где даже в случае высокого содержания гормона мужчины сдерживаются, поскольку здесь считается неприличным вести себя агрессивно.

Итак, в социокультурном анализе гендера важны три взаимосвязанных исследовательских направления. Антропология позволяет нам понять неоднозначность и вариативность гендера, предлагая разнообразные определения пола во многих культурах. Теория символического интеракционизма предлагает понимание культуры в целом и ключевой роли коммуникации в том, как социализируются новые члены сообщества, приобретая

---

¹*Collins P.H.* Learning from the outsiders within // *Social Problems*. 1986. № 33. P.514-532; *Harding S.* Whose Science? Whose knowledge? Thinking from women's lives. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991.

понимание и признавая ценности социального мира. Теория точки зрения доказывает, что индивидуальные позиции людей в обществе влияют на то, как они видят социальную жизнь, как определяют свои роли, деятельность, предпочтения и чувства. Это особенно важно, поскольку наша культура стратифицирована по полу, мужчины и женщины занимают разные места в социальной иерархии, в связи с чем они по-разному понимают и ведут себя в мире, а также по-разному определяют друг друга и самих себя.

Вряд ли можно говорить о том, что одна теория верна, а другая нет. Скорее, каждая из них вносит свой вклад в понимание той или иной стороны гендера. Переплетая вместе разные теории индивидуальных, интерперсональных и культурных влияний, мы приобретаем знание о разнообразных источниках гендерной идентичности. Социокультурная перспектива является наиболее широкой, поскольку она не просто учитывает биологические и интерперсональные теории, но идет дальше, показывая, что гендер является социальным и культурным конструктом, а те смыслы, которые культурой предписаны мужественности и женственности, выражаются и поддерживаются посредством коммуникации. Мы рождаемся с некоторыми качествами, но что они означают для нас или какие последствия это имеет для нашего участия в социальной жизни, – вопрос социальных договоренностей. Разные контексты приписывают разный смысл маскулинности и феминности в зависимости от того общества, в котором живет человек, и от той социальной позиции, которую он или она занимает.

В социокультурном анализе гендера мы не только признаем социальную реальность, разделяемую на мужскую и женскую, но и видим в ней как иерархию в сфере биологического воспроизводства, так и неравенство культурного и социального производства и воспроизводства. Социокультурный анализ гендера возможен как на микроуровне, то есть на уровне непосредственных человеческих взаимодействий, так и на уровне трансформаций глобальных социальных структур¹. Здравый смысл во многом покоится на биологическом объяснении половых различий, выводя из них неколебимость и естественность социального и культурного неравенства. *Теория социального конструирования* ставит под сомнение, деконструирует, то есть подвергает критике здравый смысл, заявляя, что все в социальном мире, в том числе и гендер, является продуктом человеческих договоренностей. Эта теория помогает поверить в реальность социальных изменений, позволяет понять, что если гендер имеет конвенциональную природу, значит, можно изменить качество гендерных отношений, добившись пере-

---

¹Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С.151.

делки социальных конвенций. Если в центре многих теорий гендерной социализации – процесс научения и принятия пассивной личностью культурно-нормативных стандартов, стабилизирующих социум, то идея социального конструирования гендера¹ принимает за основу активный характер усвоения опыта. Кроме того, в отличие от теорий социализации, подход социального конструирования понимает гендерные отношения как отношения неравенства. Главные источники теории социального конструирования гендера – это концепции социального конструкционизма (П. Бергер и Т. Лукман), драматургического интеракционизма (И. Гоффман) и этнометодологии (Г. Гарфинкель). Важными понятиями являются категоризация по полу, тендерная коммуникация и гендерный дисплей. Биологические признаки являются лишь предпосылкой для отнесения индивида к тому или иному сообществу, объединенному по половому признаку. Причем, категоризация по признаку пола может и не совпадать с полом биологическим. Биологические признаки скрыты одеждой, а культурные и субкультурные особенности поведения могут как облегчать, так и затруднять идентификацию.

В ситуации взаимодействия лицом-к-лицу коммуникация сопровождается фоновым процессом приписывания собеседника по полу, создания гендера. Если пол собеседника, партнера по интеракции неясен, коммуникация оказывается проблематичной, поскольку ситуация общения не поддается типизации. Как следует себя вести с этим человеком? В нашем обществе все коммуникации оказываются гендерно-специализированными. Гендерный дисплей – это термин, введенный И. Гоффманом, означающий механизм конструирования гендера на уровне межличностного общения. Дисплей – это многообразие представлений и проявлений «мужского» и женского» в их постоянном взаимодействии. Это спектакль, с которым актеры уже давно срослись, представляя себе эту игру частью самих себя, внутренне им присущей и отражающей их сущность².

Гендерный дисплей имеет функцию основы коммуникативного доверия. Ситуация становится объяснимой, ведь ей можно приписать тот или иной тип (флирт, деловая встреча, ссора), а коммуникацию можно считать эффективной. Демонстрация принадлежности по полу, или гендерный дисплей, по мысли И. Гоффмана, действует как заставка, прелюдия перед той или иной конкретной деятельностью. Однако гендер остается и в самой деятельности, как в повседневной рутине, так и в бизнесе, науке, фантастике, сне, интимности – во всех областях конечных значений, или мирах. Академический язык, литературная и нелитературная речь, брань, все языковые

---

¹Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С.46-65.

²Там же. С.56-57.

формы носят гендерный характер, и используя их, мы актуализируем представления о том, что следует ожидать от мужчины или женщины в конкретной ситуации профессиональной или иной деятельности. Иными словами, повседневное символическое предписание относительно гендера устанавливает для каждого из нас рамки социальности и ограничивает наш опыт. В теории социального конструирования гендера рассматривается также вариативность социальных ролей у одного и того же субъекта в зависимости от ситуации. При этом гендерная идентичность является базовой ролью, на которую нанизываются все остальные. Здесь учитывается, что социальные институты становятся гендерно-специфицированными (например, семья, политика, армия), и это влияет на приписывание психологических качеств женщинам и мужчинам, а не наоборот.

Социокультурный анализ гендерной стратификации. Важный тезис теории социального конструкционизма – включенность власти в гендерные отношения – позволяет рассматривать пол как фактор социальной стратификации. Понятие рекрутирования гендерной идентичности приходит здесь на смену поло-ролевой социализации, тем самым делается акцент на несправедливости социального порядка, приписывающего индивидам социальный статус в зависимости от их пола¹.

Последние два с половиной десятилетия ознаменовались своеобразным всплеском стратификационных разработок. В эти годы оформился ряд направлений, которые не являются прямым продолжением классических традиций, идут вразрез или отходят в сторону, занимая новые поля смыслового пространства. Среди стратификационных исследований по новой тематике, с нашей точки зрения, важными представляются те, что включают этнос, пол и возраст в число факторов стратификационного неравенства. Невнимание к этим «естественным» различиям в прежних стратификационных исследованиях объясняется, на наш взгляд, тем, что мифы, основанные на биологической аргументации (например: женщине природой уготовано быть матерью, поэтому ее права отличны от прав мужчины, и ее не следует допускать к престижным и властным позициям в социальной структуре), являются чрезвычайно устойчивыми. К тому же, они составляют основу символического универсума социального большинства или социальных групп, обладающих большей властью, что обеспечивает преемственность и воспроизводство стереотипов в социальных паттернах.

Новые, но уже достаточно хорошо разработанные направления, представленные структурным подходом британской школы и французским

---

¹Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С.61-63.

постструктурализмом, изучают не только структуры, но и сам процесс структуризации. Указанные направления сходятся в том, что подверженность отдельных групп явной дискриминации на основании их аскриптивного статуса, их оттеснение в периферийные слои является отличительной чертой современных стратификационных процессов. Вместе с тем, авторы подчеркивают, что гендерные группы в значительно меньшей степени, чем этнические, тяготеют к превращению в реальные группы, мобилизованные в едином социальном действии. Ряд отечественных авторов обращаются к социокультурному измерению стратификации как плодотворному направлению новых научных изысканий. Категория «жизненного» или культурного стиля представляется И.Н. Тартаковской важной в исследовании стратифицирующих свойств гендерных стереотипов.

Два ключевых элемента социальной структуры – это группы и социальные институты, необходимые, с нашей точки зрения, для удовлетворения как социальных потребностей самих групп, так и социетальной потребности в поддержании неизменности социального порядка, классифицирующие, закрепляющие за группами их статусные позиции и роли. Однако представляют ли женщины социальную группу в терминах теории социальной стратификации? По Р. Мертону, группа – это совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются членами этой группы с точки зрения других. Это определение существенным образом развивается в контексте социологии неравенства, где определяющее значение имеют социальные группы макро- и мезоуровня, объединенные общностью устойчивых и воспроизводящихся свойств и совпадающими интересами своих членов. Социальная группа с этой точки зрения – совокупность людей, обладающих чертами сходства по объективному положению в системе общественных отношений. Потребности и интересы социальных групп придают системность и целостность социальным отношениям, участвуя в воспроизводстве социальной структуры с присущим ей типом социального неравенства. Как известно, в отличие от статистических, реальные группы выступают субъектами и объектами реальных отношений (например, отношений власти). Они обладают особой субкультурой, чем-то, что их отличает от других групп, общими интересами, групповой идентичностью, общими чертами ментальности, сходной мотивацией, символическим кодом, стилем жизни, всеми культурными сред-

ствами, позволяющими осуществлять самовоспроизводство и уникальную систему социальных связей.

Групповая идентификация, которая может быть раскрыта через социальную и личную идентичность, имеет важные последствия не только для определения себя как члена группы, но и для самооценки в иерархии групповых ценностей и ранжирования себя в более широком иерархическом контексте.

Социальная идентичность содержит самоописания, происходящие из принадлежности индивида к социальным категориям, в то время как личная идентичность включает самоописания, более персональные по природе и подчеркивающие специфические индивидуальные атрибуты, возникающие в очень тесных межличностных взаимоотношениях. Социальная статусная позиция, конечно, может и не совпадать с индивидуальной, но, зачастую, играет решающую роль в выборе индивидуальной жизненной стратегии.

Неравенство может быть рассмотрено как личностное (индивидуальное отличие); неравенство возможностей; неравенство условий жизни (благополучие, образование); неравенство результатов (неравное оценивание равных действий).

Стратификация – это объективный результат процесса оценивания, который ранжирует социальные группы, производя иерархизацию значений и ценностей одних по сравнению с другими. Физико-генетическая стратификационная система в нашем обществе до сих пор проявляется в патриархальности властных отношений и культивировании физических канонов нормальности. Правда, эти каноны постепенно обновляются, и, пока милитаристская агрессивная маскулинность неизменно составляет сущность мужского тела-канона, женское тело канонизируется уже не в одном, а двух типах феминности: консьюмеристски-демонстративной привлекательности и матримониальной фертильности. Система, ранжирующая людей по способности к физическому насилию, в реальности переплетается с другими стратификационными типами, но, в любом случае, здесь крайне важна роль культурно-символической репрезентативной системы, идеологизирующей и, одновременно, обеспечивающей научную рационализацию действий.

Социальное исключение – это процесс депривации социальных субъектов от престижных, социально одобряемых ценностей, сопровождающийся стигматизацией¹ индивидов или социальных групп, ведущий к

---

¹ См.: Гоффман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч.1-2 / Пер. М.Добряковой// Российский социологический форум, 2001. №1-4. www.sociology.ru/forum/01-1-4goffman.html

самоизоляции, маргинализации идентичности и отражающийся в паттернах социального поведения. Последнее означает, в частности, закрепление образцов культурного воспроизводства и репрезентации исключительной идентичности, выработку устойчивых механизмов экономической зависимости, неспособности реализовать свои социальные права. Разнообразные практики социального исключения формируют ограничивающую среду в системе занятости и культурного потребления.

Развитие социологической теории исключения, в принципе, становится возможным только тогда, когда, по словам Л.Г. Ионина¹, появляется общественный дискурс равенства. Только в этом случае неравенство будет осознано, станет предметом научного и общественного дискурса. Осмысление социального неравенства как отклонения от идеала согласуется с общим ходом развития социологии во всем мире, а именно, с тем направлением, которому присуща точка зрения, позволяющая рассматривать значимость культурных изменений в социальной жизни, а культуру как фактор социальной стратификации.

Сам принцип определения предмета социологии социального неравенства (социологии исключения, или нетипичности) согласуется с тем, что сформулировали когда-то «отцы-основатели» социальной науки: изучение отклонений от идеального типа или от нормы. Однако в фокус исследовательского внимания здесь попадают механизмы структуриации, где за процессами исключения, дискриминации, утверждением и отстаиванием социальных прав стоит система распределения власти в тех микромеханизмах, которые существуют во взаимоотношениях людей в процессе производства знания и информации.

Репрезентация гендера в культуре

Поместив в центр определения культуры понятие репрезентативности, воспользуемся идеей Л.Г. Ионина² о том, что общество существует только в культурной репрезентации, а культура, в свою очередь, репрезентирует генеральное определение социальной ситуации в представлениях людей, либо активно разделяющих, либо пассивно принимающих ее формы. Культурная репрезентация производит социальное тело, присовокупляя к женщинам и мужчинам символы мужской и женской сексуальности, власти, создавая социально-телесные каноны, которые затем каждый из нас примеряет, подгоняя себя под символическую рамку. Диета – лишь один из способов дисциплинирования тела в угоду требованиям культуры. Другие примеры – выбор занятий, партнера, жизненные планы – также относятся к социализации мужских и женских тел.

---

¹Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические чтения. Вып.1. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С.53-55.

²Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996. С.76.

Воспроизводство гендерных стереотипов в культуре осуществляется в публичной и приватной сферах, в политике и семье, в языке. С особым успехом гендер конструируется в средствах массовой информации и кино, имеющих в своем распоряжении мощный символический капитал и создающих репертуар возможных образов, которые показывают шансы мужчин и женщин в управлении социальным порядком.

Аналитические проблемы, которые ставит перед собой исследователь репрезентации гендерных отношений – это, во-первых, *социальное определение* той или иной *гендерной идентичности*. В этом определении содержится ответ на вопрос, кто допущен, а кто вытеснен на периферию или за пределы социальной приемлемости. Во-вторых, – это вопрос о том, каким образом в репрезентациях оформляются гендерные различия в таких социальных сферах, как работа, семья, спорт, преступность, религия. Близкие вопросы: как, с помощью каких выразительных средств очерчиваются границы между группами, как сравниваются между собой и характеризуются люди в отношении друг к другу?

Феминистская этнография

Прежде всего, напомним, что понятие «этнография» имеет несколько значений. Во-первых, в отечественной традиции, говоря об этнографии, обычно имеют в виду этнологию как дисциплину, посвященную изучению жизни и быта народностей, удаленных от исследователя во времени и пространстве. Влияние феминизма в этой сфере сейчас расширяется, что связано и с общим кризисом классической антропологии и с целой волной феминистской критики¹. Ответом на такую критику стали новые исследования фольклора и этнических особенностей, осуществленные, в том числе, и на отечественном материале².

Во-вторых, в англосаксонской традиции социальных исследований термин «этнография» относится также к особой практике полевого исследования и жанру представления результатов полевой работы³. Отличительной особенностью такой практики является позитивистский инструмен-

---

¹Гапова Е. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования / Под ред. И. Жеребкиной. Т.1. Харьков, С.-Пб: Алетейя, 2001. С.370-390.

²См.: Красиков М. Слобожанские народные сказки о злых и ленивых женах (в сопоставлении с другими фольклорными жанрами) // Гендерные исследования. 1999. № 2. С.220-234.

³Подробнее см.: Романов П., Ярская-Смирнова Е. Этнографическое воображение в социологии // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.

тарий сбора данных – акцент на включенном наблюдении, длительном проживании в исследуемом сообществе, подразумевающим установление достаточно близких и доверительных отношений, использовании методов неформализованных интервью. Этнографические данные, в результате, представляют собой достаточно разнородный массив расшифровок интервью, дневниковые записи, видеоматериалы, личные документы, представленные информантами. В качестве научного жанра этнографию отличает описательность, выраженное намерение как можно точнее передать личный опыт информантов, их взгляд на жизнь и особенности культуры, т.е. такой способ повествования, который характеризует насыщенное описание, если следовать терминологии Клиффорда Гиртца.

Для того, чтобы показать некоторые тенденции в развитии этого направления, остановимся, по преимуществу, на американских и британских авторах, а также коснемся некоторых отечественных исследований, выполненных в русле феминистской этнографии. Речь идет о тех основных исследовательских работах, которые идентифицируют свои полевые практики как этнографические и опираются на феминистские ценности.

Гендерный аспект не всегда был в фокусе внимания этнографии, и этот интерес сформировался в рамках рождающейся феминистской традиции. Можно ли выделить какие-то особенности феминистской этнографии как полевой практики? По утверждению Джудит Дилорियो, этот тип исследования предполагает активную вовлеченность исследователя в производство социального знания посредством прямого участия и переживание опыта изучаемой социальной реальности. «Феминистские практики сбора полевых материалов добавляют дополнительное измерение к обычным приемам получения данных. Это – необходимость постоянного и рефлексивного внимания к значимости гендера как базового свойства всей социальной жизни и понимания реальностей бытия женщин как акторов, кого предыдущие социологические исследования делали невидимыми»¹.

Среди американских авторов распространено убеждение, что впервые интерес к гендеру как к аналитической категории этнографических текстов проявился в начале XIX века². Одна из первых работ в этом духе появилась в 1821 г. В этом году Франсис Райт опубликовала свое этнографическое

---

¹*Dilorio J. Feminist Field Fieldwork in a Maskulinist Setting: Personal Problems and Methodological Issues.* Цит. по: Reinharz S. *Feminist methods in social research.* New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P.46.

²*Reinharz S. Feminist methods in social research.* New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P.48.

исследование Соединенных Штатов «Взгляд на общество и манеры в Америке в письмах из этой страны друзьям в Англию (1818, 1819, 1820-е годы)». Молодая, радикально настроенная англичанка в своей книге критикует институт рабства и положение женщин в американском обществе. Более подробная работа по феминистскому анализу американского общества, основанная на этнографических данных, появилась шестнадцатью годами позже, в 1937 г. Ее автор, Хэрриет Мартине в предисловии к своей книге – «Общество Америки» пишет об обязанности исследовательницы представлять детальные материалы наблюдений, чтобы читатель сам мог судить о проделанных интерпретациях. Руководствуясь этими правилами, она дает полный отчет о своем путешествии по всей Америке – промышленному Северу и рабовладельческому Югу, посещении ферм, индейских племен, тюрем, больниц, различных предприятий и учреждений. Этот отчет сопровождается датами и описаниями событий и встреч. Мартине пишет, что как женщина она смогла много больше, чем исследователь-мужчина, узнать о семейной жизни и быте американских семей, манерах, школьном образовании, жизни будуара и кухни. Выводы из этих наблюдений выстроены в критическом ключе: американцы-мужчины в отношении к женщине стоят ниже не только собственных демократических принципов, но и практик, распространенных в некоторых частях Старого Света.

В 80-х годах девятнадцатого века широкую известность получили работы антрополога Алисы Флетчер, которая не только посещала индейские племена Сиу, но и жила среди них, по их обычаям, довольно продолжительное время. Никогда ранее антропологи не прибегали к длительному проживанию в «другой» культурной среде, и такие исследования стали вехой для развития социальных наук в XX веке. Флетчер была в дружеских отношениях с астрономом Марией Митчел – они обе были членами Ассоциации Успешных Женщин, – и почерпнула от нее идею о том, что женщин следует изучать наблюдающей наукой, подобной астрономии. Этнография, по ее мнению, может быть наблюдательной наукой, потому что она, подобно астрономии, использует «длительный период наблюдения (и вслушивания) и подробной записи того, что наблюдается и слышится»¹.

В 1924 г. было положено начало первому широкомасштабному этнографическому проекту, в котором гендерный аспект представлен довольно широко. Речь идет о «Миддлтауне» (Среднегорск) – такой псевдоним дали объекту своего исследования группа социальных антропологов. В Манси (Muncie), штат Индиана, прибыли Роберт и Хелен Линд со своими сотрудниками, двумя статистиками и стенографисткой. Хелен Линд писала, что они хотели «строить полевую работу так же, как делается антропологическое исследование в чужом сообществе. Так, работа была сосредоточена на

---

¹Mark J. A Stranger in Her Native Land: Alice Fletcher and the American Indians. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1988. P.41.

изучении различных аспектов повседневности: как люди живут, устраивают свой дом, на том, что люди делают повсюду, чтобы понять, как они это делают здесь. Мы интервьюировали ключевых людей, посещали различные организации и общественные мероприятия, делая записи, пока не поняли, что получаем только общую информацию. Тогда мы стали собирать интервью с обычными людьми, и это было лучшее, что мы сделали»¹. Идея соединить наблюдение с интервью позволила перейти от общего к частному, от анализа сообщества как целого к изучению индивидов в сообществе. Такая комбинация методов позволила увидеть людей в контексте и прийти к пониманию женщин и мужчин с их собственной точки зрения.

Одним из ключевых в Манчестерских исследованиях в Британии 50-х годов двадцатого века стал подход, который рассматривает цех как отражение социальной структуры окружающего сообщества. Шейла Куннисон выступила против того, чтобы рассматривать предприятие как закрытую систему, и предложила включить в анализ «внешние» факторы². Производственная система цеха – лишь одна из тех структур, в которых протекает жизнедеятельность работника предприятия, быть рабочим – одна из его или ее социальных ролей. Индивид занимает определенное положение в различных структурах и системах внешнего по отношению к предприятию мира. Он принадлежит к определенному социальному классу, полу, этничности и возрасту. Работник включен в местное сообщество, в котором соединен множеством связей с другими работниками и представителями администрации. Роли, которые исполняются рабочими во всех этих структурах, необходимо учитывать в интерпретации поведения людей на рабочем месте.

Одно из наиболее важных следствий такого анализа заключалось в выделении проблемы гендерных различий на рабочем месте. Эта тема стала предметом более глубокого анализа в дальнейших исследованиях британской социологии. Было сделано предположение о том, что в тех бригадах, где у женщин руководителями являются мужчины-менеджеры, их взаимодействие следует анализировать в терминах «ролей», заимствованных из ситуации разделения труда в их семьях. Анализ функции пола в разделение труда тесно связан с идеологическими концепциями, которыми общество определяет гендерные роли.

Шуламит Рейнхарц, рассматривая феминистскую этнографию, выделяет три направления, различающиеся по целям исследования: 1) докумен-

---

¹*Lynd R.S., Lynd H.M.* Middletown: A Study of American Culture. New York: Harcourt and Brace, 1956.

²*Cunnison S.* The Manchester Factory Studies, the Social Context, Bureaucratic Organization, Sexual Divisions and Their Influence on Patterns of Accommodation Between Workers and Management // Frankenberg R. (ed.) Custom and Conflict in British Society. Manchester: Manchester University Press, 1982. P.117-135.

тирование жизни и деятельности женщин, 2) понимание опыта женщин с их точек зрения, и 3) концептуализация женского поведения, выражающего социальный контекст. Документирование жизни и деятельности женщин возникло как оппозиция традиционным и, по мнению феминистских социологов, по преимуществу андроцентричным социальным исследованиям. Преодолевая ограничения предшествующей методологии, которая не рассматривала женщин в качестве значимо влияющих на социальные установки, феминистская методология сконцентрировалась на полном и равноправном женском участии в социальном, экономическом и политическом пространствах. Так, Кэрол Стэк изучала жизнь бедных чернокожих женщин¹, а Дэнис Коннорс – пожилых ирландских представительниц рабочего класса². Чтобы сделать жизнь изучаемых групп более «реальной» для себя, исследовательницы соединили практику глубоких интервью с интенсивным участием в повседневной жизни. Многочисленные ценные наблюдения были сделаны в процессе повседневных, рутинных занятий – визитов в больницу, магазины, встреч с друзьями.

Подобным образом, изучая жизнь маленького сельского города на севере США, где население по преимуществу составляют потомки выходцев из Скандинавии, Сьюзен Стелл рассматривала вовлеченность консервативно ориентированных жительниц города в общественные и политические организации, местные клубы, жизнь религиозной общины³. Таким образом, феминистские этнографы в ходе своей работы участвуют в жизни социальной системы, осуществляют социальное картографирование и помещают отдельные группы женщин на эти «карты», а затем используют интервью, чтобы понять конкретных людей.

Здесь следует упомянуть также исследование российского социолога М. Киблицкой, в котором она, используя методы интервью и включенного наблюдения, раскрывает рамки социального неравенства, усиленного гендерными стереотипами, на примере жизненного опыта одиноких матерей⁴. Спектр тем исследований по этнографии жизни большого российского города весьма широк и его также можно проследить на примере проектов, выполненных социологами Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге – от уличной культуры розничных торговцев

---

¹*Stack C.* All Our Kin: Strategies of Survival in a Black Community. New York: Harper & Row, 1974.

²*Connors D.* Цит. по: Reinharz S. Feminist methods in social research. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P.51.

³*Stall S.* Цит. по: Reinharz S. Feminist methods in social research. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P.51-52.

⁴*Киблицкая М.* Исповеди одиноких матерей. М.: Эрслан, 1999.

(И. Ивлева) до стратегий выживания ВИЧ-инфицированных (И. Вышемирская) и практик попрошайничества (М. Кудрявцева)¹.

Понимание женщин «с их собственной точки зрения» позволяет пересмотреть сложившийся у исследователей, практикующих нефеминистское включенное наблюдение, предрассудок о тривиальности женской деятельности и образа мысли или, иначе, об интерпретации женщин с позиций мужчин. Одним из первых, кто увидел такую опасность, был Георг Зиммель, который говорил, что почти все дискуссии о женщинах оперируют понятиями, так или иначе связанными с мужчинами в смысле реального, идеального или ценностного критерия. Никто не спрашивает женщин, чем они являются сами для себя². Таким образом, развитие этого направления феминистской этнографии связано с попытками анализа рефлексии женщин³.

В этой традиции, например, выполнена работа Роберты Голдберг, в которой она рассматривает разочарование своим трудовым опытом у рабочих женщин⁴. Голдберг выражает традиции марксистского классового анализа общества, но предлагает свое собственное понимание устоявшейся концепции «классового сознания». Она полагает, что необходимо переформулировать концепцию классового сознания в отношении женщин. Результаты исследования дают автору основание сомневаться в правильности причисления женщины к тому классу или социальной группе, к которой принадлежит ее муж, поскольку женское классовое сознание может, в действительности, быть иным, т.е. имеется в виду, что все женщины могут образовывать некую трансцендентную «сестринскую» социальную общность.

Другой путь, каким феминистские этнографы пытаются понять женский опыт – это обращение к женщинам как к ключевым информантам. В

---

¹См.: *Ивлева И.* Уличный рынок: среда петербургских торговцев // Невидимые грани социальной реальности / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. СПб: Центр независимых социологических исследований, 2001; *Вышемирская И.* ВИЧ-активизм как стратегия выживания: исследование случая; *Кудрявцева М.* Драматургия попрошайничества // Невидимые грани социальной реальности / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. С.-Пб: Центр независимых социологических исследований, 2001.

²*Зиммель Г.* Женская культура // Георг Зиммель. Избранное. Т.2. Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996. С.234-265.

³См.: *Skeggs B.* Situating the Production of Feminist Ethnography / M. Maynard, J. Purvis (ed.) *Researching Women's Lives from a Feminist Perspective.* London: Taylor&Francis, 1994.

⁴*Goldberg R.* *Organizing Women Office Workers: Dissatisfaction, Consciousness and Action,* New York: Praeger, 1983. P.1-11.

своем исследовании Валери Мацумото рассматривает повседневную жизнь американцев японского происхождения. Она убедительно показывает, как собственный жизненный опыт исследователя и знание культурных особенностей помогли ей стать своей (инсайдером) среди калифорнийских японцев и открыли доступ к сокровенным эпизодам семейной памяти, хранимой женщинами и связанной с насильственной депортацией военного времени¹.

Свое исследование семей, живущих на социальное пособие, Кэрол Стэк смогла осуществить тоже благодаря установлению доверительных отношений². Молодые афроамериканские студентки, выходцы из бедных кварталов, ввели этнографа в сообщество, где они провели свое детство, познакомили ее с двумя семьями. На какое-то время, сообщает Стэк, две женщины и мужчина из этих семей стали ее полноправными ассистентами, помогли ей в понимании той социально-экономической системы, которой управляют женщины.

Рассмотрим далее другой тип работ, известный как «понимание женщин в контексте». Феминистские этнографы, работающие в этом направлении, стремятся интерпретировать женское поведение в социальном контексте, избегая брать этот контекст обособленно от анатомии, культуры и класса. Например, Айрин Добровски, подчеркивая важность социального контекста, изучала женщин, принадлежащих к рабочему классу. В своем исследовании она выделила различные типы работающих женщин в зависимости от характера их семейных отношений³. У «продолжающих работать» мужья проявляют терпимость и уважение к собственным нуждам женщин, полны решимости разделять домашнюю работу и помогать в воспитании детей. В то же время, «домохозяйки» не уважаются мужьями, отношения в семье неравноправны. Другой пример феминистской этнографии – это исследование Л. Бартон, Д. Абедаллах и К. Аллисон, которые, используя данные этнографического исследования, проанализировали связь между расширенными семейными связями, за которые отвечают женщины, возрастной структурой семьи и характером взросления в современных афроамериканских семьях⁴.

---

¹*Matsumoto V.* Reflections on oral history: research in a Japanese American community // Ed. by Wolf D.L. / *Feminist dilemmas in fieldwork*. Boulder: Westview, 1996. P.160-169.

²*Stack C.* All Our Kin: Strategies of Survival in a Black Community. New York: Harper Torchbook, 1975.

³*Dobrowski I.* Developmental Job Patterns of Working Class Women. *Qualitative Sociology*, 1983. № 6(1). P.29-50.

⁴*Burton L.M., Obeidallah D., Allison K.* Ethnographic perspectives on social context and adolescent development among inner-city African-American Teens // Ed. by R. Jessor, A. Colby, R. Shweder / *Essays on ethnography and human development*. Chicago: University of Chicago Press, 2000.

Ряд работ по этнографии индустриального общества затрагивают проблемы трудовых отношений. Например, М. Ильина в своем долговременном кейс-стади кондукторов общественного транспорта одного северного города рассматривает конструирование власти и идентичности между водителями-мужчинами и кондукторами-женщинами. Опираясь на этнографические данные, собранные в цехах промышленных предприятий, И. Тартаковская изучает женскую карьеру и предлагает свое собственное объяснение российской разновидности «стеклянного потолка» как особого вида организационной культуры¹.

Хотя феминистская этнография фокусируется, в основном, на изучении женщин, здесь есть исследования, где рассматриваются оба пола, чтобы понять, как гендер влияет на поведение. Например, Ники Чарлз и Марион Керр установили различия в потребительских установках в семьях с двумя родителями². Мужчины за столом, как полагают исследователи, обычно берут себе самые большие куски мяса и едят мяса больше, поскольку утверждают тем самым свой статус добытчика. Изучая с помощью включенного наблюдения лабораторное обсуждение телевизионных программ в аудитории, где представлены оба пола, Джесси Бернارد обнаружила, что мужчины-участники «задвигают» участников-женщин в групповой дискуссии, женщины вытесняются на периферию обсуждения и чаще прерываются ведущим³.

Кроме того, в современной этнографии представлено направление, которое занимается рассмотрением различных аспектов маскулинности. Примером такого анализа может стать исследование Сьюзен Мюррей, в котором она, применяя включенное наблюдение и сфокусированные интервью с воспитателями детсада (мужчинами и женщинами) анализирует способы, какими обозначают себя мужчины в этой сфере труда⁴. Работа, связанная с уходом за детьми, воспринимается как глубоко феминизированная, и всякий мужчина, который занимается ею, становится подозрительным. Эта подозрительность выражается в ограничениях, накладываемых на воспитателей мужского пола, – их неохотно допускают к детям, полагая желание работать с детьми патологической склонностью. В результате распространяются практики вытеснения мужчин с такой работы. Говоря о российских

---

¹Тартаковская И.Н. Карьера женщины в индустрии // Человеческие ресурсы. 1998. № 2. С.14-15.

²Charles N., Kerr M. Women, Food, and Families. Manchester: Manchester University Press, 1988.

³Bernard J. The Sex Game. New York: Atheneum, 1972.

⁴Murray S. «We All Love Charles»: Men in Child Care and the Social Construction of Gender. Gender and Society. 1996. № 10(4). P.368-370.

исследованиях, следует отметить несколько публикаций по этнографии мужественности: это статьи К. Банникова и М. Лурье о современной армии, Е. Кулешова о репрезентациях маскулинности в подростковой субкультуре г. Тихвина¹.

По свежим публикациям в наиболее влиятельном периодическом издании, где публикуются результаты исследований, выполненных в этнографическом ключе – «Журнале современной этнографии (Journal of Contemporary Ethnography)», – можно отметить актуальные темы феминистских исследований мужчин в 2000-2001 гг. Среди таких тем – изучение гомосексуальности, которые представили Д. Каплан и Е. Бен-Ари в статье о геях в израильской армии²; анализ проблемы мужской сексуальной идентичности в статье М.Волкомир; анализ маскулинной власти в стриптиз-клубе³.

Рассмотрим некоторые практические аспекты осуществления этнографии как гендерно-ориентированной полевой работы в том виде, как это проявляется в статьях по результатам исследований современного индустриального общества, ставших предметом обсуждения в этом обзоре. Начнем с обсуждения исследовательских установок относительно внимания к гендерным различиям. Классические этнографические исследования, в этой связи, можно разделить на три типа – по преимуществу мужские, традиционные мужские-женские и нетрадиционные мужские-женские. Все эти исследования ориентированы на мужчину по трем параметрам: они проводятся мужчинами-этнографами, основываются на мужских стереотипах и, помимо прочего, фокусируются на мужском поведении. В отличие от классической, феминистская этнография осуществляется по преимуществу женщинами, полевая работа строится, основываясь на женских особенностях мышления и поведения, а ключевые информанты – в основном

---

¹Банников К.Л. Армия глазами антрополога. К исследованию экстремальных групп // Мир России. 2000. № 4. С.125-134; Лурье М.Л. Служба в армии как воспитание чувств; Кулешов Е.В. Репрезентация маскулинности в современной подростковой субкультуре (на материале полевых исследований в г. Тихвине) // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. С.-Пб: Алетейя, 2001. С.260-271.

²Kaplan D., Ben-Ari E. Brothers and Others in Arms: Managing Gay Identity in Combat Units of the Israeli Army // Journal of Contemporary Ethnography. August 2000. Vol.29. № 4. P.396-432(37); Wolkomir M. Emotion Work, Commitment and the Authentication of the Self: The Case of Gay and Ex-Gay Christian Support Groups // Journal of Contemporary Ethnography. June 2001. Vol. 30. № 3. P.305-334 (30).

³Wood E.A. Working in the Fantasy Factory: The Attention Hypothesis and the Enacting of Masculine Power in Strip Clubs // Journal of Contemporary Ethnography. February 2000. Vol.29. № 1. P.5-31(27).

женщины. Идеологии, влияющие на аналитический фокус и политику интерпретаций, часто бывают плохо осознанными и неоднозначными по своему характеру. Непросто обобщать полевые материалы тогда, когда разнообразная по своей природе информация непрерывно и отовсюду поступает к этнографу. Хотя подобная рефлексивность вообще свойственна этнографии¹, особенно она значима для феминистской традиции, которая стремится вскрыть связи между микро- или макросистемами и гендерной политикой.

Следует учитывать, что для женщины-этнографа могут быть доступны такие сферы жизни, которые недоступны для мужчины. Например, исследуя повседневный опыт жизни женского общежития, Лори МакДейд определила его как «женское домохозяйство» и выделила большое количество «символических рынков», которыми пользуются студентки, чтобы означить свою физическую и духовную зрелость². Этими рынками стали такие товары широкого потребления, как прокладки, дезодоранты, косметика, средства по уходу за телом. Однако, как показывают многочисленные этнографические исследования современных обществ, проводившиеся в банках, университетах, промышленных корпорациях, воинских частях, клубах, среди различных социальных групп, сфер интересов и видов деятельности, феминистская установка дает хорошие результаты и среди смешанных (мужских-женских), и в чисто мужских сообществах, выявляя особенности гендерного поведения, практики конфликта и исключения.

Методологические основания феминистской этнографии, как это и должно быть в живой, рефлексивной и развивающейся традиции, обладают собственными противоречиями и постоянно проблематизируются. Один из самых спорных моментов, по мнению Шуламит Рейнхарц, – проблема доверия. Даже если женщина изучает другую женщину и обладает полным набором необходимых женских исследовательских установок, доверия со стороны респондента достичь бывает непросто. Более того, как показывают некоторые работы, установить исследовательский контакт между женщинами порой сложнее, чем между мужчинами. В чем причина сложностей? Среди факторов, препятствующих установлению доверительных отношений (без которых не мыслится этнография), могут выступать такие: брачный статус исследовательницы – замужние женщины в некото-

---

¹Романов П. Процедуры стратегии, подходы «социальной этнографии» // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С.138-149.

²McDade L. The Interviewing of Theory and Practice: Finding the Threads for Feminist Ethnography. Цит. по: Reinharz S. Feminist methods in social research. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P.55.

рых сообществах имеют негативные установки по отношению к незамужним ученым; социальный класс – представительнице среднего класса бывает трудно установить контакт с женщинами-рабочими; этничность; жизненный стиль. Часто эти различия препятствуют пониманию исследователем особенностей изучаемой культуры. Линда Вали, которая проводила этнографическое исследование на курсах по подготовке конторских служащих, в какой-то момент обнаружила, что она ошибочно интерпретирует многие события только потому, что имеет жесткие политические взгляды против традиционного феминного поведения¹. Она осознала, что совершает ошибку, не желая смириться с тем фактом, что у тех, кого она изучает, может быть другой взгляд на мир, нежели чем у нее. Таким образом, проблема «ложного сознания» постепенно проникает в феминистскую этнографию, изучающую нефеминистские группы, и рефлексивируется исследователями. В своем исследовании организационной контркультуры, Шерил Клейман вспоминает, как она была разочарована тем, что женщины не обращали должного внимания на то, какое подчиненное место они занимают в организации, не стремятся достигать равных прав. «Позже я поняла, что эти установки отражали мое собственное понимание феминизма в то время, что женщины могут и должны бороться за достижения, подобно мужчинам»². Мы видим здесь, что полевая концепция «доверия» формулируется здесь в измененном виде – не доверие респондента к исследователю, а доверие исследователя респонденту, готовность принять другую такую, какая она есть, со своим миропониманием и культурой.

Включенное наблюдение является основным методом этнографии, иногда между ними даже ставят знак равенства, что, разумеется, не совсем так. В любом случае, послышки, определяющие стратегию включенного наблюдения, во многом определяют и ход этнографического исследования. Эти послышки, как и многогранная проблема доверия, определяются в терминах дистанции: следует ли добиваться полного доверия и тесной связи между ученым и теми, кого они изучают, или предпочесть уважительную дистанцию. Сторонники уважительной дистанции убеждены, что у этнографа есть опасность «стать аборигеном» или начать идентифицировать себя с теми людьми, кого он изучает³. Поддержание «раздельной» идентичности направлено на достижение определенного возможного уровня объективности, какая вообще может быть в социальных исследованиях. С

¹Vally L. *Becoming Clerical Workers*. Boston: Routledge & Kegan Paul, 1986. P.232-233.

²Kleinman S. *Fieldworkers' Feelings: What We Feel, Who We Are, How We Analyze* // Shaffir W. and Stebbins R. (eds) *Experiencing Fieldwork: An Inside View of Qualitative Research*. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1994. P.184-195.

³См. об этом: Donner F. *Shabono: A True Adventure in the Remote and Magical Heart of the South American Jungle*. New York: Laurel Books, 1982. Русское издание: Доннер Ф. Шабано. Киев: София, 1994.

другой стороны, некоторые феминистские методологи указывают на необходимость духовной близости с женщинами для достижения понимания. Арли Хохшильд полагает, что этнография, осуществляемая женщинами (независимо от того, феминистки ли они), отличается по природе от этнографии, которую делают мужчины, поскольку мужчины и женщины взаимодействуют разными способами¹. Между женщинами возможно достижение эмпатии очень высокого уровня, полагает Хохшильд, поскольку такие отношения проще возникают между относительно безвластными индивидами.

Другой проблематичной дихотомией этнографии является природа включенного наблюдения: баланс между ролью «наблюдателя» и ролью «участника». В этом случае, как и прежде, речь идет об опасности растворения этнографа в объекте исследования. Однако феминистские авторы склоняются к выбору большего участия и большей вовлеченности. Многие авторы пишут об этической и эпистемологической значимости интегрирования себя в свою работу и элиминирования различий между объектом и субъектом. Как полагают, полное включенное наблюдение соответствует определенным целям феминизма, однако склонность к нему разделяют не все исследователи, которые считают себя феминист(к)ами. В числе методических трудностей, с которыми сталкиваются этнографы, практикующие включенное наблюдение, упоминают, в частности, следующую: исследователи приходят в социальную среду, в которой сложились определенные связи и существует несколько социальных групп, характеризующихся собственными предпочтениями и субкультурами. Слишком тесная идентификация исследователя с какой-либо одной группой ограничивает ее или его возможности получить соответствующий кредит доверия в других группах, иногда конфликтующих между собой. Об опасности этого рода предупреждает, например, Джуди Вейджман, которая заключает рассуждения о своем опыте выстраивания исследовательской дистанции «в конечном счете, преимущества, которые я получила от поддержания некоторой дистанции, полагаю, перевесили те, которые я имела, будучи истинным «инсайдером»»².

Полученные в ходе этнографической полевой работы данные поступают на рабочий стол, систематизируются, обобщаются и проходят этап интерпретации, а в дальнейшем оформляются в виде научного нарратива. На

---

¹*Hochschild A.* The Unexpected Community. Berkeley, CA: University of California Press, 1978. P.142.

²*Wajcman J.* Women in Control: Dilemmas of a Workers Cooperatives. New York: St. Martin's Press, 1983. P.xi.

этом этапе возникает дилемма репрезентации, которая остается нерешенной сегодня и, вероятно, не может быть решена никогда (во всяком случае, в окончательной форме). Суть ее в следующем: как предложить данные исследования читателю так, чтобы не заглушить или не исказить голоса тех людей, которые были информантами, объектами наблюдения? Как взаимодействуют между собой репрезентации, сделанные респондентами о себе и своем окружении, и те, что производятся исследователем после этапа анализа данных («репрезентация репрезентаций»)?

Средств анализа этнографических данных множество, они подразумевают различные формы полевых материалов и различные стратегии работы ними. Это может быть анализ женского языка, работа с текстами, в том числе такими специфическими, как автобиографии и художественные тексты. Марианна Пеже сравнивает исполнение феминистского исследования с театральным действием. Многие феминистские этнографы надеются сделать вклад в феминистскую теорию, другие стремятся проверить или применить определенные теоретические подходы. Такие работы, по мысли авторов, должны быть направлены на изучение конкретных ситуаций через призму феминистских теорий, чтобы избежать рассуждений на абстрактном уровне, способных привести к нарочитому упрощению реальных социальных процессов.

Таким образом, обзор работ, выполненных в русле феминистской этнографии, показывает, что мы имеем дело с интенсивно развивающейся отраслью эмпирических исследований со своим предметом, особым аналитическим фокусом и специфическими особенностями методов сбора данных. Развитие этого направления обусловлено антропологическим поворотом в социальных исследованиях, определившим повышенный интерес к изучению общества с микроуровня, посредством изучения индивидуального опыта. Это отмечает общую тенденцию, но в чем состоит особый вклад, который сделан феминистскими учеными в развитие методологии? Роль феминистской этнографии – в развитии особого вида культурной антропологической критики, основанной на усиленном внимании к тем социальным практикам, которые считались – в силу определенной политической ситуации – периферийными и замалчивались.

Как известно, ученые феминистского направления выступили против позитивистских принципов сбора данных в социальном исследовании еще на ранних стадиях развития феминизма. Доказывалось, что такие методы ориентированы на андроцентричный, сфокусированный на мужчинах, тип анализа. Непозитивистские исследования, включая этнографию, выступают, таким образом, альтернативной полевой практикой, снимающей одно-

бокость объективизма. К настоящему времени, впрочем, широкую поддержку получила точка зрения, указывающая на то, что неверно связывать феминистскую критику исключительно с этнографическими методами и противопоставлять феминистские качественные методы количественным как таковым. Мы полагаем, что феминистскую этнографию, как и всю феминистскую методологию полевого исследования в целом, следует рассматривать как антидискриминационный проект социального исследования. Такое исследование проблематизирует традиционные позиции наблюдателя и наблюдаемого, пересматривает дистанции между исследователем и информантом, исследователем и исследуемым местным сообществом. Тем самым, феминистская этнография направлена на преодоление социального неравенства, транслирующегося посредством позитивистских схем сбора и анализа социальных данных.

Феминистский анализ труда

Речь идет о научном направлении, основанном на социальной критике гендерно нейтральных подходов к понятиям рабочей силы и процесса труда. Мы рассмотрим несколько исследовательских подходов и тем в данном направлении. Классические марксистские определения этих понятий не принимали в расчет различия между мужчинами и женщинами, проявляющиеся в практиках найма, трудовых отношениях, характере занятости и размерах вознаграждения. Однако в 1992 году исследовательницы К. Дельфи и Д. Леонард показали в своем исследовании, что трудовой контракт заключается на основе негласно действующего в семье гендерного контракта, согласно которому мужчины вольны продавать свой труд, тогда как женщины, чтобы пойти на оплачиваемую работу, должны получить разрешение от главы семьи. К. Пэйтмэн, Л. Адкинс, Дж. Брюис, Д. Керфут и другие исследовательницы в конце 1980-х – середине 1990-х годов опубликовали книги, где содержался анализ таких видов занятости, как проституция, индустрия досуга и секретарская работа, показав, что в этих случаях покупается отнюдь не абстрактная рабочая сила, а воплощенная сексуальность женщин. Если сами женщины при этом воспринимают свое тело и сексуальность как неличный, отчуждаемый товар, то тем самым лишь оправдывается сексуальная эксплуатация.

Другие феминистские авторы (например, А. Хохшильд) показали, что в современном обществе растет число рабочих мест, на которых требуется использовать не профессиональные знания и навыки, а личностные качества сотрудников. В основном сюда нанимают женщин, от которых ожидается проявление эмпатии, но бывает и соответствующая работа, где муж-

чины должны задействовать определенные черты маскулинности (например, «вышибала»). Сюда же примыкает феминистский анализ так называемой «эмоциональной работы», то есть тех профессий, где акцент делается на психологическую нагрузку работников (учителя, медсестры, социальные работники, стюардессы, туристические агенты).

Вместе с тем у этой позиции есть и обратная сторона: наряду с критикой личностно-ориентированной работы здесь происходит закрепление стереотипных представлений о том, что такое «мужские» и «женские» качества, которые принимаются как должное и представляются неизменными. С. Кокбарн в 1991 году, А. Филипс и Б. Тэйлор в 1986 году показали, как в трудовых процессах переплетаются гендерные и капиталистические отношения, например, указывая на особенности дизайна различных механизмов, с которыми, как предполагается, должны работать мужчины, а также на характер гендерной идентификации статуса работы и ранга сотрудника. Первые исследования отечественных авторов, представляющих феминистский подход к проблемам труда и занятости, появляются в российской печати в конце 1980-х – начале 1990-х годов (работы А.И. Посадской, Н.М. Римашевской, З.А. Хоткиной). Речь идет о постсоциалистическом патриархатном ренессансе, воплощаемом в гендерной асимметрии секторов экономики, феминизации безработицы и бедности, особенностях женского рынка рабочей силы. Большое внимание уделяется гендерной экспертизе трудового законодательства и политики занятости (работы М.Е. Баскаковой, Е.Б. Мезенцевой).

В связи с этим остановимся на таком понятии, как дискриминация в сфере труда. Это практики найма, оплаты, повышения квалификации, продвижения, ограничивающие права и возможности отдельных групп работников на основании пола, этничности, возраста, политических предпочтений и культурных отличий. Дискриминация в сфере труда – это долговременное неравенство статусов индивидов на основе их этничности, расы, пола, возраста, проявляющееся, в частности, в неодинаковом вознаграждении одинаково продуктивных групп. Говорить о дискриминации можно в тех случаях, когда раса, религия, этничность и пол влияют на социально-экономические возможности субъектов при поиске работы, получении вознаграждения, продвижении по службе. Проблема заключается в том, что социальные группы, имеющие меньше возможностей устроиться на работу, будут наниматься за меньшие деньги, поэтому бизнес, стремящийся снизить расходы на рабочую силу, будет воспроизводить этот тип эксплуатации.

Суть предрассудка – неоправданно негативное отношение к группе и ее отдельным членам, предубеждение против человека на основании его

идентификации с какой-либо группой; стереотип – обобщение, мнение о личностных свойствах группы людей. Сексизм – это дискриминация по полу, связанная с преувеличением значимости одного пола в обществе и его доминированием, а также позиции или действия, которые принижают, исключают, недооценивают и стереотипизируют людей по признаку пола, приводя к социальному неравенству. Примерами сексизма могут служить правила, запрещающие службу женщин в армии, или то, что детей при разводе обычно оставляют с матерью. Понятие «сексизм» находится в тесной связи с понятием «дискриминация» – неоправданно негативное поведение по отношению к группе или ее членам (в данном случае – к женщинам или мужчинам), которое ведет к сокращенному доступу людей к престижным ценностям общества, например к работе или образованию. Сегрегация женщин на работе тесно связана с существующими сексистскими установками. И хотя социально-психологические предубеждения о превосходстве отдельных групп над другими вносят вклад в практики дискриминации, причиной дискриминации выступают экономические факторы. Дискриминаторные практики найма ведут к сегрегации на работе. Сегрегация подразумевает различия в распределении работы и продвижения. Дискриминация – более емкое понятие – предполагает низкую оплату и различающиеся вознаграждения мужчинам и женщинам (или людям разного возраста, этничности) за одинаковую работу.

В России действует организация «Женщины против насилия и дискриминации», гендерные центры проводят гендерную экспертизу законодательства, обсуждается законодательство о равных правах и возможностях женщин и мужчин, что предусматривает, в том числе, *анти*-дискриминационные меры. По выводам М. Баскаковой, все льготы в российском трудовом законодательстве для различных категорий женщин можно разделить на две группы: льготы, связанные с периодом беременности и родов; льготы, обслуживающие традиционную гендерную роль женщины: матери и хранительницы очага. Если первая группа по сути своей не является «льготами» и не подлежит обсуждению, то наличие льгот второй группы оказывает скорее отрицательное влияние на конкурентоспособность женщин, а следовательно, способствует усилению дискриминации по признаку пола на рынке труда. В связи с этим в сфере занятости и рынка труда необходимо откорректировать законодательство до состояния гендерно нейтрального; экономически поощрять мужчин к занятиям детьми и домашним хозяйством; доносить до населения смысл законодательных изменений; работать над антидискриминационным законодательством; исключить дискриминацию по признаку пола, ограничивая законом поведение работодателей с момента подачи объявления о вакансиях; создать механизм установления факта дискриминации и возмещения ущерба гражданам, подвергнутым дискриминации; реализовывать програм-

мы поддержки женского предпринимательства, профессиональной подготовки и переподготовки женщин.

Гендер, или пол, оказывается центральным организующим принципом в мире занятости. И хотя при этом трудно отделить фактор пола от возраста, расы и этничности, можно утверждать, что дискриминация и сексуальные домогательства, практикуемые по признаку пола, распространены очень широко. Сексуальные домогательства на рабочем месте (сексуальные преследования) – сексуальные предложения, требования «сексуальных услуг» и прочие вербальные и физические действия сексуальной направленности, выдвигаемые в качестве условия приема на работу или сохранения работы, когда вынужденное согласие женщины или ее отказ от подобных предложений становится определяющим при вынесении решения о найме, сохранении рабочего места или продвижении по службе, а также когда целью или результатом таких действий является влияние на производительность труда или создание устрашающей, враждебной или оскорбительной обстановки на рабочем месте. Примеры сексуального преследования на рабочем месте: вербальные – сексуальные намеки, оскорбления, угрозы, шутки относительно половых особенностей, сексуальные предложения; невербальные – многозначительные взгляды, оскорбительные или неприличные звуки, присвистывание, непристойные жесты; физические – прикосновения, пощипывания, поглаживания, принуждение к половому акту или покушение на изнасилование. Действия квалифицируются как сексуальное домогательство, если объект домогательств ощущает неуместность подобного отношения и чувствует его агрессивную природу.

Как правило, жертва занимает более низкое положение на служебной лестнице по отношению к своему обидчику. Принуждение к сексу – это утонченный метод злоупотребления властью, и женщины, находящиеся в подчинении, наиболее часто становятся объектами сексуального преследования. К действиям сексуальной природы относятся: 1) неприятные или нежелательные для женщины действия и предложения, включая похлопывания, пощипывания, поглаживания, объятия и поцелуи, ласки и другие физические контакты, совершаемые без желания женщины; 2) нежелательные просьбы и требования сексуального характера, включая требования свиданий, вне зависимости от того, сопровождаются ли они подразумеваемым или открытым обещанием выгод или негативных последствий по службе; 3) словесные оскорбления или шутки, включая словесные оскорбления и шутки сексуального характера, неприятные женщине, высказывания о национальности, расовой принадлежности, фигуре или внешнем виде, когда такие высказывания выходят за рамки обычной вежливости,

«сальные» анекдоты, любые пошлые высказывания, намеки или действия сексуального содержания, неприятные и оскорбительные для окружающих; 4) создание устрашающей, враждебной, невыносимой или оскорбительной рабочей обстановки путем неприятных или нежелательных для служащих разговоров, предложений, просьб, требований, физических контактов или проявлений внимания, сексуального или иного неподобающего содержания.

В России внимание общественности к проблеме сексуального домогательства на рабочем месте было обращено благодаря деятельности центров гендерных исследований и женских организаций в середине 1990-х годов. Сложность ситуации для российских женщин состоит в том, что отечественным законодательством предусмотрена только уголовная, а не гражданская процедура рассмотрения таких дел. Согласно данным опроса, проведенным Московским центром гендерных исследований, за первую половину 1990-х годов каждая четвертая женщина в России стала жертвой сексуальных посягательств на работе. Эти данные, вероятно, не полные, так как большинство российских женщин под сексуальными посягательствами понимают только непосредственное физическое нападение. В современной России важную роль играют кризисные центры, оказывающие юридическую и психосоциальную помощь женщинам, ведущие просветительскую работу с населением, органами внутренних дел и юриспруденции.

К феминистским исследованиям труда относится и такая тема, как домашний труд. Это форма трудовой деятельности, связанная с уходом за детьми, домом и приусадебным участком. Домашний труд отличается по объему и содержанию для домохозяйств, состоящих из одного человека, или семьи, в квартире или доме с садом; имеет несколько стадий, соответствующих стадиям жизненного цикла семьи или домохозяйства; может осуществляться членами семьи или наемным работником. Каждое общество располагает определенным типом разделения обязанностей между полами: в одних сообществах женщины занимаются сельским хозяйством, носят тяжести, в других это делают мужчины; существуют примеры женщин-охотниц и воительниц и мужчин, занимающихся уходом за детьми. Анализируя разделение труда между полами, К. Леви-Стросс приходит к выводу, что дело не в биологической специализации, а в обеспечении союза мужчин и женщин таким образом, чтобы минимальная единица хозяйствования включала по крайней мере одного мужчину и одну женщину. Основываясь на работах К. Леви-Стросса и марксистском подходе к анализу воспроизводства труда, Г. Рубин рассматривает разделение труда между

полами как табу на одинаковость мужчин и женщин, которое создает социальные различия между полами (гендер), а также как запрет на любую организацию отношений полов, кроме гетеросексуального брака. Хотя домашний труд относится к деятельности в рамках нетоварного хозяйства, он является одним из основных условий капиталистической прибыли, при этом в капитализме унаследована нерыночная традиция, согласно которой обычно именно женщины выполняют работу по дому и не имеют прав собственности.

Патриархатная культура, которая является чрезвычайно стойкой и распространенной даже в современных обществах, характеризуется разделением всей человеческой деятельности на приватную и публичную сферы. Разделение ответственности за каждую из этих сфер происходит по половому признаку, и мужчины, как правило, отвечают за вторую, а женщины – за первую. Домашний труд практически всегда выполняется женщинами вне зависимости от их статуса на рынке труда. В связи с этим говорят о несправедливом распределении обязанностей по полу, поскольку из двух работающих супругов домашние заботы лежат, прежде всего, на женщине. Вместе с тем сами женщины по-разному оценивают свою роль в работе по дому: одни считают ее той сферой, где могут реализовать себя, свою власть, умения и способности, другие полагают ее скучной и монотонной, утомительной и закабаляющей. С целью повышения престижа домашнего труда в 1970-х годах экономистами прилагались усилия по расчету стоимости каждого вида деятельности (например, уборка, мытье посуды, планирование бюджета, работа в саду и пр.). Однако, при всей его высокой экономической ценности, домашний труд по-прежнему имеет низкий социальный престиж.

Существует объяснение, согласно которому домашний труд относится к женской сфере вследствие того, что мужчины имеют больше возможностей на рынке труда, получают более высокую зарплату, и семья выигрывает, если именно жена работает по дому, а муж занят вне дома. Однако эта теория не задается вопросом о том, как семья приходит к такому решению и почему труд женщин оценивается в рыночных условиях ниже, чем мужской. Самым авторитетным объяснением женского домашнего труда выступает традиция. Даже в условиях технологического усовершенствования время, затрачиваемое на домашние хлопоты, не уменьшилось. Число технических задач может быть снижено, однако новый акцент на качестве требует больше времени. Кроме того, несмотря на то, что технологические изменения трансформировали структуру домашней работы, они никак не повлияли на распределение домашних обязанностей по полу. Если женщи-

ны и расходуют меньше сил и времени на работу по дому, то происходит это в силу совсем других причин: растет давление инфляции и участие женщин на рынке труда, уменьшаются размеры домохозяйств, распространяются идеи эгалитаризма и феминизма. Новые технологии позволяют повысить качество жизни, снизить временные затраты на домашний труд, но не снижают власть мужчин в доме. Исследования в сравнительном контексте показывают, что в России, как и на Западе, женщины продолжают отвечать за традиционные обязанности в доме: приготовление пищи, стирка, забота о детях, – но практика совместного ведения домашних дел растет. Покупки, уборка квартиры, мытье посуды, ведение семейного бюджета, планирование досуга и забота о престарелых родителях сейчас ложатся не только на плечи женщин. Да и принятие решений по семейным проблемам в значительной мере осуществляется супругами совместно.

Итак, мы рассмотрели несколько направлений и тематических определений феминистских исследований труда и занятости. Упомянутые проблемы предоставляют широкое поле междисциплинарных исследований и профессиональной практики социологам, социальным антропологам, психологам, социальным работникам, юристам и политическим деятелям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Андроцентризм
Феминизм
Гендер
Патриархат
Дихотомия
Структурализм
Марксизм
Этнография
Разделение труда
Сексуальность
Социальное конструирование.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Что такое феминистская антропология? Расскажите об основных направлениях феминистской антропологии. Приведите примеры исследований феминистских антропологов.

2. Подумайте, какие анатомические различия мужчин и женщин в разных культурах становятся критерием половых различий, а какие – нет.

3. На примере сюжета художественного произведения или кинофильма проанализируйте гендерную социализацию, осуществляемую семьей,

школой, армией, средствами массовой информации, под влиянием сверстников. Используйте различные теоретические подходы для истолкования сюжета.

4. Как раскрывается понятие тела в феминизме и гендерных исследованиях?

5. В чем состоит идея социального конструирования гендера?

6. Какие особенности этнографии как полевой методологии сделали ее привлекательной для феминистских и гендерных исследований?

7. Рассмотрите теоретические послышки феминистской этнографии. Назовите основные этапы развития этнографии и основные направления феминистской этнографии. В каком направлении развивалась этнография, почему феминистская этнография сосредоточилась на определенных направлениях или темах?

8. В чем особенности гендерного разделения труда? Расскажите о проблематике исследований домашнего труда.

КЕЙСЫ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

1. Напишите эссе о том, что значит быть мужчиной или женщиной сегодня. Обсудите в группе взгляды на феминность и маскулинность. Что Вам кажется удобным, а что мешает в этих представлениях?

2. Опираясь на Ваши знания антропологии и социологии, приведите примеры, указывающие на андроцентрический фокус полевого исследования. Подготовьте проект гендерно чувствительной этнографии, выберите объект и предмет исследования. Проект должен включать теоретический анализ имеющейся литературы и проведенных исследований; проблемы, требующие уточнения и развития; цели и задачи исследования; план исследования и сроки; руководство по ходу интервью (гид) со списком вопросов и тем для обсуждения, подготовленных с учетом различных целевых групп; структуру включенного наблюдения.

3. Разработайте план урока по любому предмету в школе, учитывая гендерный подход.

4. Разработайте программу одного занятия по выбранному курсу гуманитарных или социально-экономических дисциплин в вузе, которое бы учитывало гендерный подход.

5. Разработайте форму занятия по выбранной дисциплине (не обязательно гуманитарной) с учетом гендерного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях / Под ред. М.Малышевой. М.: МЦГИ, 1997.

2. Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках. Харьков, 1998.

3. Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. С.-Пб: Алетейя, 2001. С.306-335.
4. Грамм М., Нисс Х. Разные родители, разные мечты: сравнительный анализ культурных ценностей, используемых в рекламе продуктов для детей в Дании, Германии и Великобритании // Рубеж. 1999. № 13-14. С.126-141.
5. Гросс Э. Изменяя очертания тела // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. С.-Пб: Алетейя, 2001. С.599-625.
6. Дворкин А. Гиноцид, или китайское бинтование ног // Антология гендерной теории / Сост., коммент. Е. Гаповой, А. Усмановой. Пинск: Пропилеи, 2000. С.7-28.
7. Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999.
8. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999.
9. Ильин В. Тело и потребление // Владимир Ильин. Поведение потребителей. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 1998. С.149-161.
10. Инглэнд П. Изолированный индивид: андроцентристский уклон в постулатах неоклассической теории // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. С.-Пб: Алетейя, 2001. С.386-404.
11. Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997.
12. Коннелл Р. Маскулинность и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. С.-Пб: Алетейя, 2001. С.851-879.
13. Кузнецова Р. Женщина в мужском обществе: культурный конфликт в традиционной и современной Абхазии // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств». №2. <http://history.kubsu.ru/centr/public.htm#>
14. Мур Г. Феминизм и антропология: история взаимоотношений // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. С.-Пб: Алетейя, 2001. С.582-598.
15. Пушкарёва Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С.15-34.
16. Рабжаева М.В. Гендерная антропология: концептуальная и институциональная характеристика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. V. 2002. ¹ 2.

17. Рейнхард С. Феминистское мультиметодное исследование // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. С.-Пб: Алетейя, 2001. С.336-385.

18. Рубин Г. Обмен женщинами. Заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. С.-Пб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000.

19. Рубин Г. Размышления о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. С.-Пб: Алетейя, 2001. С.464-533.

20. Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. С.-Пб: Алетейя, 2001. С.305-436.

21. Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. С.-Пб: Алетейя, 2001. С.649-670.

22. Черных А.И. Семья, быт и социальный контроль // Алла Черных. Становление России Советской. 20-е годы в зеркале социологии. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С.169-214.

Тема 2.3. Организационная антропология

Определение, основные понятия и история антропологии организаций. Английская школа антропологии организаций. Современные этнографические исследования в организациях. Организационная культура. Российские исследования организационной культуры. Феминистский анализ трудовых отношений. Методологические основания исследований организационной культуры. Символическое пространство организационной культуры. Социальная антропология образовательного учреждения: понятие скрытого учебного плана

Определение, основные понятия и история антропологии организаций

Термин «социальная антропология организаций» обозначает, прежде всего, конкретный теоретический подход к исследованию различных аспектов организационной жизни. В настоящее время различия между антропологией и социологией достаточно размыты, однако, говоря об антропологических исследованиях организаций, речь ведут, прежде всего, о социальных исследованиях неявных социальных взаимодействий, неформальных отношений, культурных практик, скрытых от глаз внешних наблюда-

телей. В отличие от этнографии, понимаемой как сбор эмпирических данных, антропология предполагает выход на уровень теоретических обобщений и является более широким понятием.

Концепция культуры в современных исследованиях организаций является наиболее популярной и важной. До сих пор ведутся споры об определении этого понятия и способах, какими может быть изучена сама культура. Последователи количественной методологии рассматривают культуру в качестве социальной характеристики, которую можно измерить. Э. Шейн полагает, что в таком случае определение культуры полностью совпадает с определением понятия «социальный климат». Антропологический подход исходит из предположения, что в организации получают развитие глубокие социальные структуры. Они не могут быть разгаданы или поняты без интенсивного и широкого наблюдения, сопровождаемого данными интервью с культурными инсайдерами (теми, кто живет внутри этой культуры, информантами). Такое исследование использует прием «насыщенного описания»¹ и хорошо обнаруживает уникальность и сложность культурного феномена.

Вот одно из определений: культура организации – это система основных понятий, принятых членами группы, ранее изобретенных, обнаруженных или развитых данной группой для того, чтобы справиться с задачами внешней адаптации или внутренней интеграции. Культура считается достаточно устойчивой и сильной, если новые члены группы успешно обучаются правильным способам мыслить и воспринимать проблемы.

Рассмотрим научные проекты, положившие начало исследовательской традиции социальной антропологии организаций. Выделяют три исторических периода, в каждом из которых исследователи-антропологи сделали определенный вклад в исследования организаций². Первый относится к 1920-м годам, когда эта дисциплина находилась на ранних стадиях развития; второй – к 1950-60-м годам; третий продолжается в настоящее время. Развитие исследований в каждом из периодов характеризуется определенным типом взаимодействия между методологией, логикой, тематикой и представлениями об организациях и культуре. В течение этой короткой истории менялись подходы к включенному наблюдению, объяснению природы организации, осуществлялись определения и переопределения центральных понятий. Теоретики включенного наблюдения обосновывают его применение для изучения «народного» опыта (ср.: «этнометоды», этноме-

---

¹*Gurwicz K.* С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии // Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С.90-91.

²*Wright S.* Culture in Anthropology and Organizational Studies // Wright S. (ed). Anthropology of Organizations. London and New York: Routledge, 1994. P.1-34.

тодология¹⁾ там, где повседневность, рутинные взаимодействия участников характеризуются групповой спецификой, подчас мало понятной непосвященным²⁾.

История организационных исследований начинается с «научного управления». В СССР это направление управленческого консультирования первоначально развивалось как НОТ – научная организация труда, а затем, с возрождением социологии в 1960-х годах, дополнилось такими дисциплинами, как социология организаций, социология управления и социология менеджмента. Основные принципы научного управления были изложены в работах Ф. Тейлора – первого консультанта по управлению, чьи работы получили широкое распространение во всем мире³⁾. Однако он излагал в своей работе скорее не теорию, а взгляды практика на организацию трудового процесса. Современные исследователи творчества Тейлора считают, что его работы являются в большей степени набором рецептов, чем научным анализом того, каким образом осуществляется производственный процесс⁴⁾. Кроме того, они обозначают основанный на логике менеджмента взгляд (сверху вниз) на то, как правильно организовать систему производства в организации.

Производственный процесс, в соответствии со взглядами школы научного управления, должен быть разделен на строго разграниченные задачи. Внимательно изучаются детали каждой задачи и в том случае, если физические условия для работы являются соответствующими норме, предполагается вполне определенное человеческое поведение. Воплощение сформулированных таким образом организационных принципов должно привести к значительному повышению производительности труда.

Представляется уместным обратиться к истории Хоуторнского проекта, поскольку именно с него началось применение этнографического метода к исследованию промышленных организаций. Этот проект в 1927-1932 гг. был призван проверить основные принципы научного управления. Однако в результате научных исследований в Хоуторне тейлористские рекомендации были во многом дискредитированы благодаря открытию антропологами социальной организации рабочего места и оформлению научного течения, известного как школа «человеческих отношений».

История Хоуторнского эксперимента хорошо представлена в многочисленных учебных пособиях и научных монографиях⁵⁾. Однако условия, подтолкнувшие его организаторов к развитию организационной этногра-

---

¹⁾См. об этом: *Ионин Л. Г.* Социология культуры. М.: Логос, 1996. С. 77-125.

²⁾*Jorgensen D.L.* Participant Observation. A Methodology for Human Studies. Newbury Park, London, New Delhy: Sage. P.23-24.

³⁾*Тейлор Ф.* Менеджмент. М.: Инноватика, 1992.

⁴⁾*Thompson P., McHugh D.* Work Organisations. A Critical Introduction. 2-nd ed. London: Macmillan Business, 1995. P.32-39.

фии, проанализированы в меньшей степени. Поначалу исследовательским методом в Хоуторне (пригороде Чикаго) был эксперимент, в ходе которого проводилась проверка воздействия каждодневных условий работы на производительность труда. Руководитель проекта, психолог из Гарвардского университета Элтон Мейо, совместно с командой своих коллег и сотрудников компании проверял, например, как влияют на уровень производительности женской бригады физические факторы и система премиальной оплаты труда. Было открыто то, что в дальнейшем стало известно как Хоуторнский эффект: рост производительности труда отмечался даже тогда, когда воздействие измеряемых факторов снималось и происходило возвращение к изначальным условиям труда.

Исследователи отнесли данный феномен к эффекту экспериментальных условий. В бригаде рабочих, принимавшей участие в исследовании, сложились дружеские отношения с исследовательской группой, что побуждало работников повышать производительность труда и проявлять инициативу. Исследователи пришли к выводу о том, что психологические факторы более, чем физические условия, важны для достижения изменений в производительности. В современной социологической литературе получил распространение и другой смысл понятия «Хоуторнский эффект» – указание на ошибочную исследовательскую практику социального эксперимента, в которой недооценивается влияние исследователя.

Такие эффекты называют «артефактами». Это процессы или явления, созданные искусственно, а в данном контексте – неререфлексируемые последствия, вызванные условиями полевой работы. Например, в биологии артефактами называют те ошибки, когда на предметное стекло микроскопа, где находится изучаемый препарат, случайно попадает пылинка или капля красителя, впоследствии интерпретируемая как имеющая естественное происхождение. В социальных науках воздействие условий проведения исследования предупредить очень сложно, поскольку ученый всегда привносит свою, субъективную логику в эксперимент, опросный инструментарий, схему интервью или интерпретацию результатов. Для социального антрополога особенно важно осмысление того, где проходит граница подлинного, аутентичного материала и где начинается воздействие исследователя.

Вторая стадия проекта опиралась на другой метод. Для того чтобы исследовать связь между социально-психологическими факторами и управ-

---

⁵См., напр.: *Вильховченко Э.Д.* Критика современной буржуазной теории «человеческих отношений в промышленности». Киев: Наукова думка, 1971; *Жеманов О.Н.* Буржуазная индустриальная социология. М.: Наука, 1974; *Кравченко А.И.* История зарубежной социологии труда. Общие принципы. М.: Изд-во МГУ, 1991; *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995. С.217-219.

лением, был проведен широкомасштабный опрос более 21 тысячи рабочих. Кроме массового формализованного интервью применялись глубокие интервью, данные которых сравнивались с повторными интервью на выборке малых групп. Несмотря на то, что эту программу пришлось завершить с наступлением периода Великой депрессии, исследователям удалось сделать вывод о том, что социальные группы на уровне цеха способны к очень жесткому контролю над индивидуальным трудовым поведением.

Для изучения социальной организации рабочей группы исследовательская команда исследования использовала новый метод: прямое антропологическое наблюдение. Как социологи пришли к этой идее? Дело в том, что Элтон Мейо находился в дружеских отношениях с крупнейшими антропологами США Брониславом Малиновским и Альфредом Рэдклифф-Брауном. В это время их ученик Ллойд Уорнер, недавно вернувшийся из исследовательской экспедиции на острова Тихого океана, серьезно размышлял о возможности более широкого применения своего опыта антрополога. Он развивал новую для своего времени идею об использовании антропологии для изучения «современных» обществ и предложил концептуальный подход, нашедший применение в Хоуторнском проекте. Уорнер помог исследовательской команде применить техники антропологической полевой работы для исследований рабочего места.

Целью третьей стадии Хоуторнского проекта стал анализ рабочего места как маленького сообщества, в каждом аспекте своей жизни взаимосвязанного с более широкой социальной системой. Исследователи полагали, что большинство цехов слишком велики и сложны для изучения, и поэтому «технические, административные, управленческие и личностные проблемы сплетаются в одно взаимосвязанное целое»¹. Три бригады рабочих были помещены в отдельное место – «комнату наблюдений», – где были воспроизведены условия обычного цеха: характер работы, форма управления трудом. Исследовательские роли распределились следующим образом. В течение 18 недель один из ученых – «человек со стороны» – интервьюировал рабочих об их предпочтениях и склонностях. Другой – «наблюдатель», – извне, через специальное окно, фиксировал взаимодействие рабочих, формальную организацию труда и их неформальные контакты, любые проявления неформальной солидарности, индивидуальное участие каждого в группе. Результаты этих исследований были проанализированы с применением антропологической идеи о социальной системе, согласно которой повседневные взаимодействия формируют систематическое целое.

---

¹*Roethlisberger F., Dickson W. Management and Workers. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1939. P.385.*

Рассмотрим определение социальной системы, которое М. Мид и А.Р. Рэдклифф-Браун предложили в контексте исследований культурно и географически удаленных сообществ². Социальная система – это:

а) некоторое **количество индивидов** с присущим им психофизическим статусом, происходящим из наследственности, и культурой, которую они извлекают из своего социального окружения;

б) **взаимоотношения между индивидами**, которые зависят от реальной композиции группы относительно возраста, пола, распределения способностей и сил и социальной структуры, предписанной культурой;

в) **материальные объекты**, включаемые в человеческие интересы или деятельность;

г) **отношение индивидов к материальным объектам**.

Как видим, Мид и Рэдклифф-Браун учитывают здесь связь между психофизиологическим статусом индивида, структурой социальной группы, материальными объектами, включенными в процессы человеческой деятельности, и культурными смыслами этих материальных объектов. Они рассматривают культуру островных племен как социальную систему. Это определение стало эффективным инструментом в исследованиях «туземных сообществ», оно оказалось применимо и в исследованиях современного индустриального общества.

Чикагские исследователи выделили в Хоуторне три внутрицеховых сообщества, объединенных по принципу проведения свободного времени – азартные игры, складчина для покупки сладостей к чаю в рабочем перерыве и организация ставок в тотализатор. Такой тип сообществ получил название неформальных групп – социальных групп, отношения индивидов в которых регулируются неписаными правилами и нормами, возникающими в организации независимо от формальных регламентов и предписаний. Обнаружено, что различия и несоответствия в выработке рабочих можно объяснить через индивидуальную позицию рабочих в системе неформальных отношений. Неформальные отношения – это взаимодействия в организации, существующие вне формальных отношений, обусловленных бюрократической иерархией и инструкциями.

Исследования показали, что в ходе проведения мероприятий по повышению производительности труда на Хоуторнской фабрике неформальные отношения вступили в противоречие с формальной системой правил и механизмов стимулирования, предназначенных для повышения выработки. Неформальные группы, как удалось выяснить, создали систему социальных норм, направленных на то, чтобы сохранять уровень выработки, который не выше и не ниже существующего. Возникли исследовательские вопросы, которые можно было бы сформулировать так: почему среди рабо-

---

²См. также: *Смирнова Е.Р., Шапкина Н.В.* Человек в контексте культуры. Введение в социокультурную антропологию. Саратов: СГТУ, 1997. С.13.

чих распространены ожидания и представления, противоречащие целям управления? Как воздействовать на эти ожидания с тем, чтобы достичь консенсуса между рабочими и менеджерами?

Последующие работы в русле этнографических исследований убедительно показали, что идеи, лежащие в основе социальной системы, содержат свою логику, которая может отличаться от логики ученых, принадлежащих к западному среднему классу. Представители Хоуторнского проекта пока не имели достаточных оснований для подобных выводов. Этим, видимо, объясняется следующий факт: в своей книге по итогам проекта Ф. Ротлисбургер и У. Диксон зафиксировали наблюдение о том, что рабочие стремятся поддерживать достигнутый уровень выработки, однако исследователи объяснили это стремление эмоциональными причинами (отказали рабочим в рациональности и логичности).

Судя по отчету о Хоуторнском исследовании, рабочие отказывались участвовать в предложенной компанией схеме стимулирования выработки, опасаясь, «а вдруг что-нибудь случится». Авторы проекта называли действия рабочих иррациональными, поскольку те противоречили экономическим интересам. Однако современный анализ документов и обстоятельств Хоуторнского проекта, осуществленный Хелен Шварцман, позволяет утверждать, что «эмоциональным» действиям есть вполне рациональное объяснение¹. В преддверии Великой депрессии рабочие видели перспективы сокращения работы и падения доходов. Они опасались, что после того, как они увеличат выработку, их заставят работать больше за тот же заработок. Сопrotивляясь схеме премирования, предложенной компанией, рядовые исполнители, насколько возможно, пытались «управлять» действиями администрации. Интерпретация Ротлисбургера и Диксона исключала такой подход, поскольку он противоречил аналитическим установкам исследователей. В рамках идеологии, представленной в аналитическом подходе «сверху вниз», действия рабочих были иррациональны, ведь рациональность была свойством лишь менеджеров и ученых.

Необходимо помнить также, что основания определенных интерпретационных схем в социальном исследовании регулируются идеологическими принципами – то есть совокупностью убеждений, установок и взглядов, охватывающих самые различные сферы – от научного знания до религии и повседневных представлений о надлежащем поведении. Идеологии как особые стили мышления вырабатываются социальными группами. Кроме того, идеологию можно рассматривать как всеобщую и совершенно нерелексивную повседневную практику, даже как дискурс, то есть область унифицированной и структурированной практики использования языка,

---

¹*Schwartzman H.B.* Ethnography in Organizations. London: Sage Publications, 1993. P.12-15.

ограничивающей и определяющей то, что может быть сказано или помыслено¹.

Возможно, именно идеологические предпочтения представителей Хоуторнского исследования привели к тому, что в тот период социальные исследования трудового поведения были переведены в русло психологии. Элтон Мейо, как руководитель проекта, пришел к выводу о необходимости преодолеть фрустрации рабочих, и предложил соответствующие рекомендации. Он полагал, что необходимо создать условия спонтанной кооперации между рабочими и руководителями. Мейо считал, что стремление к кооперации есть естественное состояние рабочих и менеджеров, в реальных обстоятельствах ограниченное неверно построенной коммуникацией. Как результат, в Хоуторне полным ходом началась программа организации «Советов по недирективному консультированию», заблокировавшая дальнейшие исследования социальных характеристик рабочего места.

Хоуторнский проект положил начало исследованиям, развивающим традицию изучения социальных структур в организациях. Эти исследования предлагали новые принципы практического решения организационных проблем. Заметим, что в отечественной социологии «рабочее место» входило в число традиционных понятий, однако лишь этнографические исследования позволили существенно углубить представления о его социально-культурной специфике.

Первые исследования организаций в духе «прикладной антропологии». Важным событием для развития социально-антропологического направления и этнографического подхода в социальных науках стало основание в 1941 г. профессионального Общества прикладной антропологии. Именно сюда стекались все отчеты по исследованиям в области социальной антропологии современной городской жизни, и организаций в частности. Институционализация дисциплины завершилась с основанием журнала «Прикладная антропология» – «Applied Anthropology» (впоследствии переименованного в «Журнал современной этнографии» – «Journal of Contemporary Ethnography»).

Последующие десятилетия отмечены серией этнографических исследований изменений в технологиях, формах оплаты труда, материального поощрения и социальной организации производства на цеховом уровне. В 1948 г. Ф. Ричардсон и К. Уолкер отслеживали изменения трудовых отношений в электронной корпорации IBM, «социальных рамок» фабричной жизни, весьма серьезно влияющих на производство². В этот период корпо-

¹Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. С.98-100.

²Richardson F.L.W., Walker C. Human Relations in an Expanding Company: A Study of the Manufacturing Departments in the Endicott Plant of The International Business Machines Corporation. New Haven: Yale University Management Center, 1948.

рация начала технологическое перевооружение и удвоила численность персонала. В. Уайт исследовал трудовые отношения в ресторанной индустрии¹, а позднее в другом проекте – усилия администрации промышленной компании по увеличению производства. Он делал акцент на исследовании трудовых договоров и индустриальных отношений (одно из его исследований – кейс-стади длительной забастовки).

Одним из главных результатов исследований в русле Школы человеческих отношений стало применение методов антропологической полевой работы к детальному этнографическому описанию фабричных подразделений. Использование комнаты наблюдения за намоткой катушек остается классическим случаем наблюдения и интервьюирования. Позднейшие исследования антропологов развивали другие методы, в том числе систематической записи протекания интеракций и коммуникаций.

Критика в адрес теоретических и методологических оснований школы человеческих отношений вскрыла ряд моментов, которые существенно ограничивали интерпретационные горизонты этого направления исследований. Рассмотрим сущность этой критики, поскольку она имеет принципиальное значение для дальнейшего осмысления методологических оснований антропологического подхода к изучению современных организаций.

Во-первых, анализ социальной организации трудового процесса оказался ограниченным взглядом «сверху вниз». Рамки исследования задавались менеджерами с их точки зрения на проблемы, существующие на цеховом уровне. Во-вторых, результаты аналитической работы были организованы способом, удобным для менеджеров, и так, чтобы предоставить им возможность более успешно управлять рабочими. При этом, скажем, не ставилась задача сделать отчеты исследователей полезными рабочими для лучшего понимания ситуации на производстве. В-третьих, представления менеджеров не были проблематизированы в той же степени, что и представления рабочих. Иными словами, исследования на предприятиях не ставили под сомнение рациональность управленческих идей и действий менеджеров. В-четвертых, методические подходы первых «этнографических» исследований промышленных организаций в значительной степени являлись калькой методов классической этнографии. Р. Росальдо, характеризуя нормы классической этнографии, унаследованные из предыдущих этапов развития дисциплины, называет ее следующие отличительные признаки: стремление к объективизму; империализм; монументализм (этнограф должен создавать музейподобную картину изучаемой культуры); вневременность (неизменность изучаемых феноменов)².

---

¹*Whyte W.F.* Human Relations in the Restaurant Industry. New York: MacGraw-Hill, 1948.

²*Rosaldo R.* Culture and Truth: The Remarking of Social Analysis. Boston: Beacon, 1989. P.33.

Классические этнографические описания отражали застывшие картинки изучаемых событий, и это унаследовали антропологи первой половины XX века Б. Малиновский, Ф. Боас и М. Мид. В это время теоретической основой социальной антропологии являлось функционалистское представление о природе социальных институтов. Социальное равновесие – эквilibриум – объявлялось единственно нормальным состоянием института. Любые процессы и явления, ведущие к нарушению равновесия в организации, объявлялись дисфункциональными и патологическими. Анализ более широких социальных, политических и экономических оснований процессов, протекающих в рамках отдельно взятого предприятия, здесь был проигнорирован. В. Уайт отмечает в этой связи, что организационные исследования «были склонны рассматривать технологию и собственность в большей степени как константы, чем как изменяемые свойства системы»¹. Период бурной технологической и управленческой модернизации, изменений форм собственности на расширяющихся промышленных предприятиях был отмечен противоречиями и конфликтами, с которыми такая аналитическая модель организации-эквilibриума справиться не могла.

Так, современные исследования отечественных промышленных организаций обнаруживают, с какой высокой интенсивностью пришли в движение все социальные процессы на предприятиях и в организациях России. Приватизация как изменение отношений собственности, реформы в сфере управления экономикой, изменение управленческой идеологии являются теми «внешними обстоятельствами», которые оказывают влияние на эти процессы. В таких условиях функционалистская модель исследований организаций сталкивается с трудностями.

Столкнувшись с подобным кризисом в 1940-х годах, британская и американская методологии социально-антропологических исследований эволюционировали в направлении углубленной рефлексии методов (в частности – включенного наблюдения), а также пересмотра функционалистских теоретических оснований.

Английская школа антропологии организаций

Поворот к новой парадигме исследования организаций произошел после серии кейс-стади, осуществленных в 1950-х годах британскими антропологами. Полевые методы исследования трудовых отношений на уровне цеха получили развитие в направлении более полного включенного наблюдения, осуществленного учеными Манчестерского университета. Британская школа социальной антропологии стала известна не только методом детального этнографического описания, но и определенным подходом к анализу социальной ситуации. Социальная ситуация мыслится как сред-

---

¹Whyte W.F. Review of The Elusive Phenomena // Human Organisation. 1983. № 37. P.412-420.

ство понимания и критического теоретизирования более широких аспектов социальной организации. Вдохновителями научного проекта в Манчестере стали профессор антропологии Макс Глюкман и известный социолог Говард Хоманс, автор одной из теорий социального обмена, работавший тогда в Великобритании в качестве приглашенного профессора. М. Глюкман в этот период пытался применить к изучению индустриальной Великобритании социальные теории, получившие развитие в исследованиях Африки, а Г. Хоманс предложил продолжить Хоуторнские эксперименты.

Первоначально задачи Манчестерского проекта были сформулированы вполне в духе Хоуторна: социальные антропологи пытались найти объяснение тому, как формируются спонтанные «нормы выработки» и как это связано с неформальной структурой групп. Для исследования были отобраны пять предприятий, характеризующих различные отрасли промышленности и различные типы рабочей силы. Одной из таких организаций стала оснащенная современным оборудованием фабрика по производству непромокаемых плащей; здесь в основном работали женщины. На другом предприятии, на производстве тяжелых электрических трансформаторов были заняты мужчины. Ш. Куннисон изучала традиционно организованное производство непромокаемых плащей и одно из швейных производств, где трудились как мужчины, так и женщины; Ш. Уилсон исследовала по преимуществу женское предприятие по сборке клапанов.

В каждом из пяти исследований на первой стадии антропологи провели шесть месяцев ежедневной работы в цехах предприятия. Включенное наблюдение, которое использовалось при этом, назвали открытым потому, что рабочие знали о том, что они являются участниками исследования, они были посвящены в то, чем занимаются социологи, которых можно было постоянно видеть в цехе. Методы включенного наблюдения Хоуторнского эксперимента основывались на такой степени близости к объекту исследования, которая позволяла регистрировать события, взаимодействия и речь работников, но пыталась свести к минимуму вмешательство в их «нормальную» деятельность в комнате наблюдений. Для Манчестерских исследований «включенность» подразумевала полное участие в жизни рабочих на цеховом уровне и требовала от исследователей детального изучения того, каким образом выполняется работа, какие подходы при этом применяются, внимания к языку и понятиям, которые используются рабочими при коммуникации по поводу работы. Средством уточнения и формулирования новых идей или гипотез на основе постоянно обновляющегося опыта стали систематические встречи исследовательской группы, обмен впечатлениями, мнениями и полевыми материалами.

Остановимся особо на концепции включенного наблюдения, возникшей из осмысления двух взаимоисключающих ролей: включенного наблюдателя-исследователя как «инсайдера» и исследователя как «аутсайдера».

С одной стороны, быть «включенным» означало стать человеком своим, привычным, «внутренним». С другой стороны, наблюдатель, в целях научной корректности призван не только вести наблюдение и систематические записи, но и быть внешним, «сторонним с точки зрения теоретического понимания общества»¹.

Дилемма, сформулированная таким образом, может быть, по мнению И. Эммет и Д. Моргана, разрешена с помощью такого инструмента антропологического анализа, как обнаружение (discovery) «проблем». Проблемы, которые стремится открыть социолог-этнограф, представляют собой не только априорные гипотезы, но также выделение таких элементов социальной практики, представление о которых может возникнуть лишь из соприкосновения «широкого» понимания социальной организации антропологами и «узких», конкретных подходов самих рабочих, подходов, формирующихся из реального житейского опыта.

«Проблемы», выявленные на первом этапе Манчестерского проекта, мало отличались от выводов Хоуторнского эксперимента. Вывод о том, что рабочие «сдерживают» выработку, явно содержал в себе променеджерскую установку. Для исследователей осталось тайной, каким образом рабочие достигают определенного уровня производительности и как им удается некоторая степень контроля над администрацией; почему возникает рабочая солидарность относительно регуляции трудовых отношений на одних предприятиях и воинствующий индивидуализм – на других; как периоды консенсуса и стабильности сменяются коллективными формами конфликта (например, забастовкой). В каждом из пяти исследований существовали различные неформальные организации среди рабочих, их различные связи с управленцами – от негласных соглашений до попыток контролировать рабочими оценку собственного труда.

«Проблемой» на следующем этапе работы стал поиск теории, которая смогла бы объяснить различные формы приспособления рабочими к требованиям менеджмента, исходя из общих представлений о социальных процессах. Модель такой концептуализации была предложена в одной из антропологических работ М. Глюкмана, рассматривающего социальную ситуацию в Зулуленде². Его теоретический анализ, начинаясь с описания ритуала открытия моста через реку, обращался к исследованию эволюции социальной структуры общества в этом регионе. Факты, относящиеся к открытию моста, рассматривались как свидетельства, характеризующие различные теоретические аспекты отношений между черными и белыми в

---

¹*Emmett I., Morgan D. Max Gluckman and the Manchester Shop-Floor Ethnographies // Frankenberg R. (ed.) Custom and Conflict in British Society. Manchester: Manchester University Press, 1982. P.161.*

²*Gluckman M. Analysis of a social Situation in Zululand. Manchester: Manchester University Press, 1940.*

Южной Африке. В русле этих идей цех промышленного предприятия в Манчестерских исследованиях предстал тем фокусом, в котором сходятся основные проблемы социальной жизни Великобритании. Были сформулированы несколько последовательных подходов к концептуализации полученных в ходе исследования данных.

Во-первых, фокус анализа был направлен на связь между экономической, организационной структурой промышленности и характером трудовых отношений. Ученые установили, что в таких секторах рынка, где действует скорее сговор, чем конкуренция по ценам на продукцию, действуют большие фирмы, насыщенные дорогостоящим и тяжелым оборудованием. Был сделан вывод о том, что это обстоятельство обуславливает низкое отношение стоимости труда к стоимости продукции и наличие сильных профсоюзов, а в таких условиях рабочие склонны к организации коллективного контроля за производительностью труда. На предприятиях с противоположными свойствами работники склонны идти на соглашения с администрацией по поводу норм производительности. Такой подход позволил связать особенности социальной организации на уровне цеха и макросоциальные процессы, характеризующие структуру промышленности. Однако эта логика не выдержала натиска противоположных примеров, найденных «этнографическим» путем.

Вторым подходом к теоретическому объяснению стал анализ различных моделей приспособления в отношениях между рабочими и управленцами в контексте классовой структуры Великобритании. Для связи деталей полевой работы с социальной теорией исследователи использовали теорию конфликта. Тем самым были вытеснены исходные посылы школы человеческих отношений о том, что в основе отношений между менеджерами и рабочими лежит «спонтанная кооперация», ограниченная лишь проблемами коммуникации.

Кооперация социальных групп в иерархической системе отношений, как предположили участники Манчестерского проекта, носит временный характер, рождает парадоксальные и неожиданные альянсы, поддерживающие не только саму систему, но и постоянный конфликт в ней. М. Глюкман назвал эти временные альянсы последовательными моментами «эквиполюса», однако Ш. Куннисон пересмотрела это определение из-за его схожести с функционалистскими понятиями¹. Она предпочла понятие аккомодации как различных стилей приспособления между рабочими и администрацией. Поскольку в условиях современного западного капита-

---

¹*Cunnison S. The Manchester Factory Studies, the Social Context, Bureaucratic Organization, Sexual Divisions and Their Influence on Patterns of Accommodation between Workers and Management // Frankenberg R. (ed.) Custom and Conflict in British Society. Manchester: Manchester University Press, 1982. P.117-135.*

лизма классовая борьба изменила свой характер, то и на цеховом уровне она редко принимает вид прямого классового конфликта. Более распространенным явлением здесь становится латентное повседневное противостояние и «акты борьбы» (например, пение на рабочем месте, попытки увеличить чайные перерывы).

Третий подход рассматривает цех как отражение социальной структуры окружающего сообщества. Ш. Куннисон выступила против того, чтобы рассматривать предприятие, как закрытую систему, и предложила включить в анализ «внешние» факторы. Производственная система цеха – лишь одна из структур, в которой протекает жизнедеятельность работника предприятия, быть рабочим – одна из его социальных ролей. Индивид занимает определенное положение в различных структурах и системах внешнего по отношению к предприятию мира. Он принадлежит к определенному социальному классу, полу, этничности и возрасту. Работник включен в местное сообщество, в котором соединен множеством связей с другими работниками и представителями администрации. Роли, которые исполняются рабочими во всех этих структурах, необходимо учитывать в интерпретации поведения людей на рабочем месте.

Одно из наиболее важных следствий такого анализа заключалось в выделении проблемы гендерных (половых) различий на рабочем месте. Эта тема стала предметом более глубокого анализа в дальнейших исследованиях британской социологии. Было сделано предположение о том, что в тех бригадах, где у женщин руководителями являются мужчины-менеджеры, их взаимодействие следует описывать в терминах «половых ролей», заимствованных из ситуации разделения труда в их семьях. Анализ функции пола в разделении труда тесно связан с идеологическими концепциями, которыми общество определяет гендерные роли.

В дальнейшем многие социальные антропологи и социологи, в том числе феминистские исследователи, подчеркивали важность разделения труда по признаку пола для определения социального статуса женщин в организации и обществе в целом.

Манчестерские исследования цехового уровня расширили представления о предприятии как о закрытой системе. Была сделана попытка соединить анализ конкретной ситуации на уровне цеха и контекст социальных структур и процессов, происходящих в обществе. «Этнография» как метод исследования современной производственной организации перешла от теоретического обсуждения цеха и общества как готовых структур к анализу способов, которыми люди конструируют социальную реальность, пользуясь имеющимся у них в распоряжении культурным инструментарием и репертуаром.

В 1960-х годах «этнографии» предприятий в основном отказались от функционализма и представления об обществе как структуре готовых со-

циальных ролей. В число приоритетных тем этого направления вошли исследования культуры организаций, организационной символики и социального конструирования реальности. Б.Жарнявска-Йоргес отмечает, что организационные исследования в тот период развивались в противоположном направлении¹.

Позитивистская парадигма определяла здесь рамки анализа, методологические основания которого состояли в стремлении рассматривать организации как объективно существующие социальные институты. Отдельные стороны организационной деятельности в этой интерпретации составляют функциональное целое, открытое для объективного познания, для науки, свободной от предпочтений ученого. Исследователи, развивающие этнографический подход в исследовании организаций, по мнению представителей этого направления, даже не являются учеными в полном смысле, поскольку не свободны от ценностей, предрассудков и становятся частью сообщества в процессе его изучения.

Современные этнографические исследования в организациях

С конца 1960-х годов стали появляться этнографии международных промышленных предприятий. Функционирование таких предприятий рассматривается в контексте глобализации мировой экономики, а также влияния национальных бюрократий, международных организаций и фирм, незримо влияющих на экономику и политику определенного региона. С. Минц, например, провел многосторонний анализ различных аспектов сахарной промышленности². Джудит Нэш занималась изучением организационной культуры в многонациональной корпорации³. Используя интервью, включенное наблюдение и исторический анализ, она показала, что общая корпоративная власть достигается ценой национальных и региональных структурных изменений и расколов, углубления социальных и культурных противоречий. Дж. Нэш рассмотрела положение главных менеджеров одной из нефтехимических корпораций для проверки этой точки зрения и обнаружила, что управленцы испытывают отчуждение от своей работы. Причиной тому были многочисленные противоречия, с которыми тем приходилось сталкиваться в своей работе. Эти противоречия состояли, в том числе, между централизацией в принятии решений, постоянной должностной мобильностью и быстрыми организационными изменениями.

---

¹Exploring Complex Organization: A Cultural Approach. Newbury Park: Sage, 1992. P.77.

²Mintz S.W. Sweetness and Power. The Place of Sugar in Modern History. Harmondsworth: Penguin, 1985.

³Nash D.C. The Anthropology of the Multinational Corporation // Huizer G., Manheim B. (eds) The politics of Anthropology: From Colonialism and Sexism Toward a View from Below. Paris: Mouton, 1979. P.421-446.

В работах 1980-х годов стали выходить на первый план социокультурные подходы к развитию организационных систем. Хелен Сафа иллюстрирует этот подход в своем исследовании мастерских надомного труда (run-away) и женской занятости в швейной промышленности Соединенных Штатов¹. Используя исторические источники и этнографические методы, она выделяет различные стадии рекрутирования рабочей силы. На каждой из стадий использовались различные типы женской рабочей силы и различные модели накопления капитала.

Рассмотрим два наиболее значимых подхода в этнографических исследованиях организаций: этнография работы и этнография профессий. Этнография работы представлена неомарксистским подходом, в рамках которого Майкл Буравой и Дж. Нэш изучают место формальных организаций внутри социальной и экономической структуры современного классового общества. Эти исследования анализируют труд как занятость и формы организации труда в таких отраслях, как заводы, шахты, автомобильные производства. Предметом анализа в этих описаниях становятся конфликты и отчуждение, эксплуатация рабочих и их ответ на глубокую дифференциацию власти среди рядовых работников и менеджеров. В этих исследованиях контроль и управление предстают в физической, психологической, социальной и символической формах.

Вот как говорит Дж. Нэш о влиянии индустриализации на работу: «Как только среди человеческих сообществ во времена палеолита и раннего неолита распространилась способность создавать и использовать инструменты, возникла стратификация общества и выделились элиты, которые планировали и организовывали работу других. С тех пор получила развитие тенденция к сужению сферы применения человеческого ума. Особую остроту эта тенденция приобрела в период индустриализации. Труд в виде монотонных, повторяющихся через короткое время операций, которые почти не требуют обучения и управленческого контроля, свел к минимуму творческие взаимоотношения, которые являлись основой человеческого развития. Концентрация принятия решений и контроля в пределах определенной социальной группы исключили вариабельность и адаптивность – эти принципиальные преимущества человеческого вида в эволюции... Центральной проблемой для прикладной антропологии работы является поиск путей улучшения способов, какими человеческий потенциал соединяется с производственным процессом»².

Антропологические исследования работы подчеркивают важность этнографии и этноистории для развития такого направления анализа, кото-

---

¹Safa H. Runaway Shops and Female Employment: The Search for Cheap Labor // Lae-
cock E. and Safa H. (eds). Women's work. South Hadley: Bergin and Garvey, 1986. P.58-71.

²Nash D.C. The Anthropology of Work // Anthropology of Work Newsletter. 1981. № 2.
P.1.

рый рассматривал бы политические и идеологические аспекты жизни промышленных предприятий и, по известному определению М. Буравого, отделял «туман» управленческой рационализации и организационной теории от реальности жизни в организациях.

Второй подход к антропологическим исследованиям промышленных организаций находит выражение у Ф. Гамста. Он обосновывает актуальность «промышленной этнологии», где предметом выступают как «естественные точки зрения и логика классификации», так и более глубокое изучение социальной действительности. В своем исследовании «хогеров» (механиков, обслуживающих тепловозные двигатели) Ф. Гамст иллюстрирует эту традицию, которую, как полагает Хелен Шварцман, более точно следовало бы назвать этнографией профессий (*occupational ethnography*), основанной на «уорнеровском» подходе к этнографии современной жизни западного общества. В книге «Хогхэд» Гамст привлекает собственный опыт работы на железной дороге, а также полевые исследования и данные, полученные из вопросников. Это этнография железной дороги с точки зрения рядового механика, содержащая детальное описание субкультуры и характера работы железнодорожных инженеров, формальных и неформальных кодов, которыми они пользуются в своей работе. Впрочем, Ф. Гамст делает этот анализ более общим, дополняя внутреннее описание организационной жизни исследованием развития железных дорог в Соединенных Штатах. Он рассматривает, как правительство регулирует процесс управления железными дорогами и как это влияет на деятельность работников. В других этнографиях профессий, иллюстрирующих этот подход, Г. Эпплбаум исследовал культуру строительных рабочих, В. Пилчер изучал работу портовых грузчиков, Ван Маанен углубленным образом (*in depth*) описал работу полицейских¹.

В отличие от сформированной в рамках неомарксистского подхода организационной этнографии, этнография профессий ставит своей задачей «приоткрыть и сделать явными те способы, какими люди определенной профессии устанавливают свое понимание, оценку, образ действия, иначе говоря, управляют своей ежедневной ситуацией»². Направление исследований, определенное таким образом, отделяется от традиции социальной критики и напрямую апеллирует к задачам достижения эффективности. Тенденции глобальных социальных изменений, происходящих в последние десятилетия, – волны миграции из стран третьего мира, формирование по-

---

¹*Applebaum H.A.* Royal Blue: the Culture of construction workers. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1981; *Pilcher W.W.* The Portland Longshoreman. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972; *Van Maanen J.* Observations on the Making of policemen // Human Organisation. 1983. № 32. P.407-418.

²*Van Maanen J.* (ed.) [Special issues on qualitative methodology] Administrative Science Quarterly. 1979. № 24. P.540.

лиэтнического рынка труда, интернационализация бизнеса в условиях создания мультинациональных корпораций, динамика потребительского рынка – требуют изоциренных инструментов социального контроля. Этнографические исследования, с их индивидуализированными методами манипулирования информацией и чувствительностью к уникальности жизненного опыта, в большей степени, чем количественные методики, позволяют проникнуть в суть и найти способы усовершенствования управленческих технологий.

В последние годы социальные антропологи все шире охватывают своими исследованиями различные сферы жизни современного общества. Некоторые из этих исследований носят прикладной характер и направлены на развитие управленческих методов, другие выполнены в русле критического анализа, третьи наполнены гуманистическим намерением авторов донести до общества тихие голоса закрытых маргинальных групп.

Организационная культура

В 1971 г. английский социолог Барри Тернер обратил внимание на факт существования «индустриальной субкультуры» – особой системы смыслов, разделяемых группой людей, работающих на промышленных предприятиях. Что натолкнуло Тернера на эту мысль? Формы поведения персонала этих организаций отличаются от тех, которые свойственны более широкому обществу и, кроме того, существуют институты социализации новичков и социального контроля за индивидами, представляющими такую субкультуру: «Двигаясь от одной индустриальной организации к другой, возможно наблюдать определенные сходства поведения, которые могут отличаться от поведения, распространенного повсюду в обществе. Для анализа этих сходств полезно рассматривать их как аспекты индустриальной субкультуры. Индустриальная субкультура – не монолитный феномен, который может быть легко определен и выделен, индустриальная жизнь сама по себе сложна и вариативна. Существуют различные выражения субкультуры в разных отраслях промышленности и компаниях. Вне основных промышленных организаций хозяйствуют вспомогательные группировки – профсоюзы, ассоциации производителей, профессиональные ассоциации, – принимающие участие и способствующие субкультуре. В индустриальных организациях действуют «микрокультуры», воспроизводящие значимые нормативные паттерны, восприятия и ценности, которые можно найти в подразделениях, рабочих группах и других социальных структурах организации»¹.

В дальнейшем исследования организационной культуры в духе социального конструктивизма продолжились. Такие авторы, как Дж. Ван Маанен, С. Барлей, Л. Смирнич, Р. Грегори, развили идеи Б. Тернера, включив

¹Turner B.A. Exploring the Industrial Subculture. London: Macmillan, 1971. P.1-8.

их в более широкую дискуссию о методах полевых исследований, формах представления культуры и связи организационной культуры с властью и эмоциональной жизнью работников. Отвечая на вопрос «что можно считать проявлениями культуры?» (культурными демонстрациями), исследователи этого направления традиционно выделяют такие аспекты организационной жизни, как ценности, знания, значения, символы и эмоции. Однако они дополняют эти индикаторы изучением свидетельств, характеризующих прагматическую сторону повседневных трудовых отношений – вопросов оплаты труда, распределения ответственности в рамках административной иерархии, формальных рабочих процедур, в том числе связанных с организационным отбором и социализацией, исключением отклоняющихся.

Продолжая традиции Манчестерского проекта, социальные антропологи организаций сосредоточились на различиях и противоречиях, определяющих рациональность таких ключевых групп в организациях, как менеджеры и рядовые работники. Эти группы рассматриваются в связи с их социально-культурной спецификой и исходя из конфликта интересов, а также различий в оценках и истолкованиях трудового процесса.

Понятие «консенсус» в социальной антропологии организаций обладает особым содержанием. Оно отличается от того, которое используется в организационных исследованиях. Первоначально обе эти дисциплины имели сходное представление о консенсусе – как о равновесном состоянии социальной группы, где определенные идеи, ценности и нормы разделяются и принимаются всеми. Более поздние этнографические исследования организаций выделили ряд недостатков такого подхода. Выводы Хоуторнского исследования, например, были прочитаны с новой точки зрения: в этом проекте «рациональность» являлась свойством, которое относится лишь к менеджменту. В силу этого консенсус рассматривался как процесс «усвоения» рядовыми работниками административной рациональности. В противоположность Хоуторну Манчестерские исследования на цеховом уровне сделали предметом своего анализа конфликт рациональностей. Консенсус предстал как последовательность временно достигнутых соглашений.

Сейчас, под влиянием антропологических идей К. Гиртца, понятие «консенсус» пересматривается в пользу «распространенности», под которой подразумевается сходный репертуар идей, которые постоянно перерабатываются в системе образов. Этот репертуар связан в систему, он объясним, но непредсказуем. Различные социальные группы в организации могут иметь собственное понимание того или иного процесса. Однако не только противоречивые смыслы, но и политические процессы (борьба за контроль над физическими или символическими ресурсами) также могут стать причиной пересмотра тех или иных представлений. Значения организационных концепций и символов не только не являются фиксированными

ми, они активно оспариваются. В литературе, посвященной организационным исследованиям, также активно использующей идеи К. Гиртца, предлагается квазиконсенсусное определение культуры. Культура в рамках такого подхода есть процесс, объективирующий инструменты управленческого контроля. Как видим, само использование термина «культура» становится делом политическим.

Проблема власти является при этом центральной как в ее связи с процессами производства и упорядочения смысла, так и в аспекте идеологии. Изучение социокультурных процессов производства смыслов, достижения договоренности и организации повседневности в различных социальных, экономических и исторических контекстах вошло в западную социологию в течение последних тридцати лет. Одно из первых исследований в этой области, проведенное А. Страуссом в 1963 г., касалось «договорного порядка» клиники¹. Главная цель клиники – «вернуть пациентов к лучшей форме» – декларировалась всеми, но не подкреплялась четкими представлениями людей о том, как ее можно достичь. Формальные правила были минимальны и мало кому известны. Специалисты, обслуживающий персонал и пациенты ощущали порядок, поскольку ежедневно достигалось согласие относительно индивидуального лечения и ухода.

Эти договоренности становились привычными образцами взаимопонимания сотрудников. В случаях, когда они нарушались, кризис удавалось преодолеть при помощи формального решения комиссии, которое становилось «правилом» на тот период времени, пока о нем не забывали. Аналогично этому неформальные правила, царящие в отделении, воспринимались как нормы до тех пор, пока следующий кризис вновь не побуждал персонал к тем или иным инновациям. Как формальная, так и неформальная сферы играли важную роль в ежедневном приведении реальности клиники к привычному порядку. Таким образом, А. Страусс в своем исследовании показал «культуру» организации как нечто проявляющееся, выходящее на поверхность в повседневной деятельности людей. Он определил культуру как процесс непрерывно организуемого договорного порядка.

*Российские исследования организационной культуры.
Феминистский анализ трудовых отношений*

Подобно этнографии советская социология труда во многом формировала свое предметное поле и методический инструментарий по образцу, заданному государственной идеологией. В советской социологии труда исследования трудовых отношений на крупных промышленных предприятиях были выведены за скобки, а процедуры и техники получения эмпириче-

---

¹*Strauss A., Schazman L., Ehrlich D., Bucher R. and Sabshin M. The hospital and its negotiated order // Friedson E. (ed.) The hospital in modern society. New York: Makmillan, 1963. P.73-130.*

ской информации основывались на количественной методологии. Выборочные исследования, исключая из анализа так называемые маргинальные практики, поддерживали веру в единую и «правильную» рациональность советских людей, носителей разума, власти и технократизма. Предметом исследований здесь выступали социальные общности – трудовые коллективы, рабочий класс. Методологическим основанием теории трудовых отношений стала нормативная модель коллективного производства, исключая возможность различных интересов и конфликтов между социальными группами внутри предприятия. Наука советского периода, не ограничиваясь академическими рамками, была «идеей-монстром», включенной в систему власти и манипуляций с «человеческим материалом». Коммуникативные ресурсы дисциплины были рассчитаны не только на профессиональную аудиторию, а на общество в целом¹.

В этой связи можно вспомнить единичные попытки использовать этнографические методы в советской социологии труда. Их использование обычно обосновывалось решением задач апробации, пилотирования анкеты. Хорошо известна работа В.Б. Ольшанского, который в течение нескольких месяцев собирал материалы для социологического исследования, работая сборщиком электроаппаратуры на заводе². В этом исследовании перед социологом предстали неформальная социальная организация на уровне цеха, социальные конфликты, противоречия в социальной структуре предприятия. Однако в исследовательскую программу не входил детальный анализ этих социальных феноменов, и они оказались вне академической и публичной дискуссии. В случае с А.Н. Алексеевым, работавшим в типографии и проводившим включенное наблюдение, длительное участвующее исследование ленинградского социолога было объявлено политически неправильным, и ученый подвергся остракизму³.

Среди публикаций советского периода, касающихся промышленных исследований в русле качественной методологии, выделяются работы С.А. Белановского. В 1980-х годах им было опубликовано четыре сборника, которые приоткрыли завесу молчания, скрывающую повседневные практики людей, вовлеченных в выполнение различных трудовых обязанностей на промышленных предприятиях и в сфере управления производством. В этих текстах можно увидеть богатство «народных смыслов», которые вкладывают в производственный процесс акторы (деятели) раз-

---

¹Батыгин Г.С. Институционализация российской социологии: преемственность научной традиции и современные изменения // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: «На Воробьевых» совместно с Институтом социологии РАН, 1996.

²Ольшанский В.Б. Были мы ранними // Социологический журнал. 1995. № 1. С.195-205.

³Алексеев А.Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн.1-2. М.: Ин-т социологии РАН, 1997.

личного уровня. Тем не менее в серии интервью, в беседах с нетипичными и интересными собеседниками, создается не систематическая, а лишь частичная картина производственной жизни советского предприятия.

Создается впечатление, что исследователи останавливались у самой последней черты, словно какая-то невидимая сила препятствовала им пойти дальше и завершить свою полевую работу в виде научных повествований, затрагивающих специфику советских производственных отношений. Полевые работы, близкие к этнографии, являлись лишь периферийной частью исследовательской программы социологии труда, выполняли вспомогательную функцию, поскольку проводились на пилотажной стадии с целью «лучше сформулировать вопросы анкеты». Богатство социальных практик, представленных на уровне цеха и попадающих в поле зрения социолога-этнографа, исчезало из структуры вопросника и не попадало в научные отчеты и публикации. Советский проект социологического исследования коренным образом переориентировал содержание включенного наблюдения – наиболее «этнографическую» из всех исследовательских процедур.

Идея культуры применительно к теории организаций и практике эмпирических исследований процессов производства и управления вошла в российский научный лексикон с 1990-х годов. Заимствование из западной социологической и организационной науки оказало влияние на различия ее теоретического осмысления в рамках институционального разделения в этой области. В отечественной школе организационных исследований центральным сюжетом стали национальная специфика управления и взаимодействие зарубежных моделей администрирования с теми, которые сложились в местных условиях. Методы эмпирических исследований здесь характеризуются стремлением к позитивистской строгости и жесткой операционализацией основных понятий в вопросах структурированных вопросников. Доминируют процедуры интерпретации, основанные на выявлении статистических закономерностей¹.

Характеристики «национальной», «организационной» и «профессиональной» культуры для организационных исследователей не являются предметом проблематизации. Они «взяты напрокат» как самоочевидные из работ русских религиозных философов, историков и журналистов, концепций западных ученых и использованы в отечественном контексте. Инструментальная позиция организационных исследований проявляется в использовании нормативной оценки организационных процессов. Некоторые образцы культурных процессов объявляются предпочтительными и на следу-

---

¹Наумов А., Джонс Э., Паффер Ш. Этическое отношение к работе: новые парадигмы (сравнительный анализ отношения к работе в России и США) // Менеджмент. 1995. № 4. С.41-59; Пригожин А. Проблема синергии организационных культур в русско-американских совместных предприятиях // Менеджмент. 1995. № 1. С.60-77.

ющих этапах анализа предпринимается попытка соотнести с ними те реалии, которые встречаются в полевом исследовании. В интересах позитивистской строгости авторы оставляют без внимания или оценивают как патологичные те формы организационной жизни, которые не помещаются в управленческую парадигму организации (взгляд «сверху вниз»). Впрочем, организационные опросы здесь уязвимы и с точки зрения ревнителей позитивистской чистоты метода – выборки весьма малы, а алгоритмы отбора респондентов проблематичны. Количественный инструментарий скорее выполняет функцию легитимации выводов, чем исследовательского метода.

К настоящему времени демаркационная линия между организационными исследованиями и социологией по поводу организационной культуры лежит, на наш взгляд, в той же области, что в западных исследованиях организаций. В ее основе – не только институциональное разделение, но и исследовательские предпочтения по выбору тем исследования, интерпретационных стратегий и методов. В социологических исследованиях организационной культуры в центре внимания оказались производственные и трудовые отношения. «Этнографический» подход здесь – орудие социальной критики, позволяющее представить взгляд снизу вверх и переосмыслить управленческую рациональность с использованием прямой речи, текстов интервью и голосов организационных «субкультур». При этом понятие «организационная культура» может и не упоминаться напрямую, однако общее понимание социального контекста протекания организационной жизни целиком лежит в русле социально-антропологических предпочтений.

В фокус исследований попадают такие нетрадиционные для отечественной социологии темы, как гендерные отношения в организации, карьера женщин в индустрии. Исследования, проведенные И.Н. Тартаковской¹ на промышленных предприятиях России, говорят прежде всего о том, что профессиональное продвижение женщин в отечественной индустрии представляет собой социальный процесс, заключающий в себе множество разнообразных проблем. Специфика его связана, с одной стороны, с особенностями типа организационной культуры, чрезвычайно отягощенного патриархальными и авторитарными традициями, с другой стороны, с тем, что в годы советской власти вовлеченность женщин в индустриальное производство была выше, чем в большинстве стран мира и, следовательно, они обладали все же значительным потенциалом активности. Таким образом, можно говорить о значительной несбалансированности той роли, которую женщины до сих пор продолжают играть в системе материального производства в России, и того, как управляется это производство.

---

¹Тартаковская И.Н. Карьера женщины в индустрии // Человеческие ресурсы. 1998. № 2.

Наиболее высоким статусом в организациях обладают преимущественно мужчины, женщины же, если и достигают высокого положения, то обычно не в качестве линейных руководителей, но в качестве «специалистов узкого профиля». Рассматриваемая проблема является как бы частным случаем проблемы женской карьеры вообще, которая отнюдь не является специфичной только для России. Существует обширная литература на тему «Женщины в управлении», в которой отмечается, что во всем мире менеджерами в специфических сферах (на Западе это обычно работа с персоналом, по связям с общественностью (public relations), в России – экономика и финансы) обычно были женщины. Целый ряд гипотез объясняет причины трудностей, стоящих перед женщинами-менеджерами. Условно их можно разделить на три группы. Первая из них, упрощенно говоря, сводится к тому, что причины неуспеха женских карьер в области менеджмента связаны с тем, что выработанные обществом поведенческие образцы, в рамках которых происходит социализация женщин, предполагают акцент на эмоциональности, мягкости и, главное, зависимости, что противоречит базовому имиджу менеджера высокого уровня, подразумевающему жесткость, индивидуальную независимость, ярко выраженные бойцовские качества. Поэтому женщины сами чувствуют себя дискомфортно на соответствующих позициях и предпочитают не стремиться к ним.

Выход из ситуации приверженцы этой гипотезы видят в создании и применении на практике новой концепции менеджмента, которая предполагает акцент на диалоге (вместо жесткого давления), терпимости, сотрудничестве и т. п. В любом случае, эта гипотеза базируется на том, что проблемы с карьерой у женщин объясняются особенностями самих женщин. Другая гипотеза, поддерживаемая прежде всего в феминистской литературе, утверждает, что причины кроются не в женщинах, а в организационных структурах, созданных мужчинами для реализации своих целей, в результате чего в них царит «гегемония патриархальной идеологии». И.Н. Тартаковская предполагает, что в России профессиональному продвижению женщин, в том числе и в промышленности, препятствуют обе названные группы причин, глубоко интегрированные в «российский тип организационной культуры». Особенности социализации и социокультурные стереотипы действительно играют большую роль в поведении женщин, работающих в российских промышленных организациях.

Исследование М. Ильиной посвящено изучению специфической профессиональной группы – кондукторов общественного транспорта¹. Это попытка представить этнографию профессии в контексте динамики культурного процесса внутри организации – городского автотранспортного предприятия. Автор показывает, как падение уровня производства на промыш-

---

¹Ильина М. Новое лицо старой профессии: сообщение на семинаре по изучению российского рынка труда. М., 1996. С.1-7.

ленных предприятиях, ухудшение условий оплаты труда, в том числе длительные задержки заработной платы, привели к тому, что на рынке труда оказалось значительное число работников с высоким уровнем образования, готовых на снижение своего социального статуса. На основе материалов интервью, воспоминаний работников автотранспортных предприятий, исторических свидетельств реконструирована история профессии, рассматриваются причины ее почти полного исчезновения в 1970-х годах и возрождения в 1990-х годах. М. Ильина, используя подход этнографии профессии, показывает, как осуществляется формирование групповой идентичности, основанное на маргинальном статусе этой профессиональной группы внутри организации. Институциональный конфликт между водителями и кондукторами рассматривается не только как борьба экономических интересов, но и как культурный конфликт в духе М. Дуглас, для которой формальные структуры тождественности, эквивалентности нагружаются смыслами иерархии и доминирования, которые, в свою очередь, соответствуют господствующему политическому порядку.

Наша работа по изучению цеховой администрации рассматривает культурные процессы на предприятии в неразрывной связи с экономическим кризисом и перераспределением власти в структуре управленческой иерархии¹. Распространенные модели поведения, ценности и смыслы деятельности на металлургическом предприятии «Прокат» подвергаются изменениям под воздействием акционирования предприятия. Представления о работе изменили свой характер: страх потерять рабочее место, неустойчивость положения отчуждают рабочих от производственного процесса. Более того, углубление отчуждения коснулось и цеховых мастеров, которые в отличие от начальников цехов и высшего руководства предприятия оказались в стороне от распределительных потоков власть-статусы-акции.

Советская наука о труде тщательно обходила проблему маргинальных практик, и поэтому работ по изучению неформальных отношений немного². С. Алашеев впервые рассматривает неформальные отношения как культурный феномен в аспекте изучения трудовых отношений «советского» типа³. Его детальное этнографическое исследование в ходе многочисленных интервью и открытого включенного наблюдения позволило выделить особую роль института неформальных отношений и их специфику

---

¹*Romanov P.* The middle level of management in industrial enterprises of Russia // Clarke S. (ed.) *Management and industry in Russia*. Cheltenham: Edward Edgar, 1995. P.170-198.

²См.: *Белановский С.* Производственные интервью. Вып.1-4. М.: Ин-т народнохоз. прогн. РАН, 1991-1993; *Павленко С.Ю.* Неформальные управленческие взаимодействия // *Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа*. М.: Прогресс, 1989. С.190-202.

³*Алашеев С.* Неформальные отношения в процессе производства: взгляд изнутри // *Социологические исследования*. 1995. № 2. С.12-19.

для нерыночной экономики. Для советских менеджеров среднего уровня эти отношения стали вспомогательным механизмом управления. С его помощью компенсировались недостатки системы формализованных правил, а «внешние» нормы работы адаптировались к «внутреннему» укладу производственного процесса. Монетаризация общественной жизни сделала взаимодействия на цеховом уровне более рационализированными и положила начало трансформации неформальных отношений.

Уникальный опыт полного включенного наблюдения положен в основу этнографии частного коммерческого предприятия М. Киблицкой¹. Ее работа построена в нетрадиционном стиле: по характеру изложения – это особый вид научного описания – фрагменты из дневника секретаря небольшого коммерческого предприятия, специальным образом сгруппированные и снабженные аналитическими комментариями. Такой прием позволил автору «отредактировать себя из текста», использовать свои личные переживания и культурный опыт для интерпретации специфической социальной среды. Исследователь помещает себя в контекст жизни одной частной компании, сочетая точку зрения аналитика, внешнего по отношению к происходящим событиям, но также их включенного, эмоционального участника.

Методологические основания исследований организационной культуры

Понятие культуры используется для описания различных проблем, идей и стилей организации. Одна из причин использования антропологических идей о культуре в организационных исследованиях была методологическая. Организационные исследования на Западе с самого начала были тесно связаны с практической деятельностью менеджеров по совершенствованию системы управления. Как отмечают М. Калас и Л. Смирчич, исследователи организаций играли центральную роль в «создании» организаций². В то же время изменения, производимые в организациях «сверху», порождали необходимость поиска новых методов анализа. Представление о рациональной организации на основе набора объективных фактов в традиционных организационных исследованиях антропологический анализ культуры заменяет интерпретативным подходом, рассматривающим организацию как сферу конструирования значений, смыслов.

Впрочем, несмотря на осознание важности такого поворота, полного сдвига в анализе организаций достигнуто не было. Например, Э. Шейн в

---

¹Киблицкая М. Русский частный бизнес: взгляд изнутри // Рубеж. 1997. № 10-11. С.210-222.

²Calas M.B., Smircich L. Using the «F» word: feminist theories and the social consequences of organisational research // Mills A.J., Tancred P. (eds) Gendering Organisational Analysis. London: Sage, 1992. P.223.

своих исследованиях склонен одновременно к интерпретативному и позитивистскому истолкованию организационных культур. Здесь обнаруживаются определенные несогласия и противоречия, свойственные антропологическому объяснению¹. С точки зрения Шейна, культура не может быть изучена посредством простого описания ее поверхностных свойств; нельзя оставлять без внимания холистский и систематический аспекты культуры.

Несмотря на это, Шейн стремится сохранить позитивистскую «строгость», конструируя понятие культуры как объекта, независимого от социального контекста: «Мы не сможем построить полезный концепт, если мы не сможем найти согласие в том, как определить, «измерить», исследовать и использовать его в реальном мире организации»². Этот исследователь возвращается к интерпретативному подходу, когда делает предположение о том, что культура представляет собой более «глубокие» феномены, чем содержащие ее организационные символы – обряды, ритуалы, истории. Понятие глубокого уровня, которое вводит Э. Шейн, характеризует культуру как тотальность, охватывающую все аспекты повседневной жизни, повторяемую во времени и широко распространенную.

Такое определение культуры созвучно антропологическим идеям. Свойство распространенности культуры подразумевает также согласованность между членами сообщества относительно следования тем или иным нормам. Используя такой показатель, как распространенность, исследователь имеет возможность выделить рассматриваемый феномен эмпирически. Культура оказывается принадлежностью социальной группы (которая рассматривается как нечто, имеющее границы и обладающее известной степенью единства). Культура «действует постоянно» в смысле ее неизменности и повторяемости, она «распространена» в смысле достигаемого с ее помощью консенсуса и отсутствия двусмысленности, неопределенности. В качестве метода исследования Шейн предлагает использование включенного наблюдения и групповых интервью с работниками, организованных подобно групповым занятиям по осознанию общих проблем (consciousness raising). Эти групповые интервью строятся вокруг тем, определяющих, по мнению автора, структуру организационной культуры.

Символическое пространство организационной культуры

Современные социально-антропологические исследования рассматривают организацию как сферу культурных смыслов, конструируемых ее членами в ходе повседневной деятельности. Изучение символов, их содержания и функционирования отличает такой способ осмысления бюрократ-

---

¹Shein E.H. Organizational Culture and Leadership: A Dinamic View. San Francisco: Jossey-Bass, 1985.

²Shein E.H. Organizational Culture and Leadership: A Dinamic View. San Francisco: Jossey-Bass, 1985. P.243.

тий от тех, что идентифицируют себя с классической социологией организаций. Такие подходы нельзя назвать совершенно оригинальными, в объяснительных моделях, которые здесь используются, можно различить следы «понимающей» социологии М. Вебера, А. Шюца, Л. Дильтея, а также обширное наследие исследований символизма в рамках эволюционистских, функционалистских и структуралистских подходов антропологии.

Попытки антропологов применить концепции, получившие развитие в удаленных (в географическом и культурном смысле) сообществах, имеют длительную историю¹. Понятие символа оказалось тем эффективным концептуальным инструментом, который позволяет осуществить такой анализ. Формальная организация, устроенная иерархическим образом и действующая в рамках бюрократической рациональности, является изобретением модерна и продуктом соответствующих социальных процессов. Любые объекты материальной природы, играющие любую сколько-либо заметную роль в деятельности людей в организациях, оказываются нагруженными множеством социальных смыслов. Л. Уайт, например, указывает на то, что в культуре существует целый класс предметов – топор, сосуд, прическа – являющихся воплощенным трудом человека и полностью зависящих от процесса символизации².

Б. Тернер предположил, что вопросам организационных консультантов о ценностях и нормах культуры должно предшествовать глубокое проникновение исследователей в ее внутреннюю природу. Исходным пунктом может стать изучение тех способов, какими конструируется система смыслов, общих для членов группы, поддерживающих основы «индустриальной субкультуры». Одним из свидетельств этому может стать процесс социализации новичков, когда новые члены коллектива усваивают культурные нормы и правила поведения, способы деятельности. Новый сотрудник оказывается под воздействием идеологии как представлений о социальном мире и о том, что в нем происходит, как проекта правильного социального порядка, содержащего этические установки. Идеология в значительной мере может определять действия индивидов и поэтому играет важную роль в развитии организации. Идеология воздействует на культурный капитал индивида в организации, поскольку в скрытом виде содержится в механизмах воспроизводства культуры. Как новый человек в организации получает и закрепляет знание об организационной культуре? Для этого существуют сложившиеся социальные механизмы, такие, как мифы, ритуалы, язык, символы и контроль.

---

¹См. подробнее: *Романов П.В.* Социальная антропология организаций. Саратов: СГТУ, 1998.

²*Уайт Л.* Понятие культуры // Антология культуры. С.-Пб: Университетская книга, 1997. С.24.

Социальная функция мифов и ритуалов состоит в поддержании идеологических представлений. Миф придает наглядную форму идеологии, а ритуал – конкретизирует идеологические представления, придает социальным отношениям смысл конвенциональных (договорных), стилизованных и предписанных норм. Язык в социальном отношении есть нечто большее, чем просто способ коммуникации. Понятия, смыслы, язык жестов осваиваются в первую очередь, когда перед человеком стоит задача стать принятым в данной культуре. Э. Тайлор указывал на эти способности как на те, «которые присущи человеку как члену сообщества»¹. Язык весьма вариативен от субкультуры к субкультуре и обладает способностью упорядочивать и стабилизировать жизненный опыт человека, интегрировать его в некую значимую социальную целостность, объединять с сообществом. Более широким понятием по отношению к языку выступает понятие символа, в качестве которого могут выступать объекты, действия, отношения или лингвистические формы.

В человеческом поведении между реакцией и стимулом всегда стоит интерпретация, то есть осмысление того, что означает или символизирует этот стимул, на какие возможные последствия он указывает. В том постоянном процессе интерпретаций, объяснений, определений и переопределений, каким является познавательная (и всегда коммуникационная) деятельность человека, вырабатываются общие видения и оценки предметов и явлений, формируются, конституируются общие предметы и явления, социальный мир в целом. Многообразные символы, которые окружают нас в нашей повседневной жизни, на работе или на празднике, могут быть наполнены каким угодно содержанием, общепринятым для участников взаимодействия – группы или всего общества. В некоторых случаях понятие символа употребляется синонимично понятию знака, например, цифровые символы, символы компьютерной графики, здесь существует прямое соответствие между означаемым и означающим. Например, изображение телефона вместе с несколькими цифрами означают не что иное, как номер телефона. В другом случае символ тоже понимается как знак, но речь идет о непрямом обозначении чего-либо: связь между смыслом и знаком не естественная, а договорная, конвенциональная. Например, двое влюбленных могут договориться, что насвистывание под окном арии Герцога из оперы «Риголетто» означает приглашение на свидание. Другой пример: по традиционным представлениям (которые также имеют конвенциональную природу), пузыри на лужах во время дождя означают, что ненастье затягивается надолго. Однако между смыслом и его обозначением когда-то не было большой дистанции в виде специально организованных договоренностей. Связь означаемого и означающего была очень сильной эмоциональной и духовной связью. Скажем, кожаный мешочек на шее туземца для

¹Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С.18.

него и всех членов племени на самом деле был его душой, а не «означал» ее, как это объясняется сегодня. Это связано с особенностями архаичного мышления.

Здесь и далее понятие «символ» используется в значении опосредованной репрезентации какого-либо неявного смысла, явления, синдрома. Договорной характер символа в современном обществе очевиден по сравнению с традиционным. Например, трехцветный флаг Франции символизирует ценности демократии (свободу, равенство, братство). Фиалки, приснившиеся пациентке психоаналитика, указывают тому на подсознательные идеи о насилии.

Термины «символ» и «символика» часто встречаются в литературе по организациям, символическое (или экспрессивное) поведение анализируется фольклористами и этнографами. Символ обычно связан с чем-то конкретным, объектом или поведением, с которыми обращаются как с дискретными целостностями. Символика, или символизм относится к системе символов и к практике наделения смыслами объектов, явлений.

Рассмотрим более подробно вслед за М. Оуэном¹ понятие организационной символики, или организационного символизма. Символы – наиболее очевидные и наблюдаемые аспекты организационной жизни, одновременно, символическое поведение является наиболее тонким, неуловимым и уклончивым. Бизнес-организации, университеты и другие учреждения утверждают свою идентичность в девизах, логотипах на бланках, в форме одежды. В организациях создаются лозунги, которые вдохновляют сотрудников, выдумываются ритуалы посвящения, которые маркируют продвижение по службе или уход на пенсию, устраиваются церемонии, чтобы публично вознаграждать служащих и превращать в героев тех, кто воплощает своим поведением ценности организации. Вряд ли кому-то из работников организации или исследователям не удастся заметить различия в размере офисов, качестве мебели, использовании титулов и званий, специальные знаки отличия, которые применяются, чтобы подчеркнуть или снизить значимость иерархии. Все эти объекты и действия являются символическими.

Менее очевидным для исследователя будет то, что члены организации думают о своем повседневном опыте. Само рассказывание историй – это символическое поведение, поскольку рассказы представляют не только события сами по себе, но и репрезентации (представления) этих событий, создаваемые рассказчиками и аудиторией в процессе коммуникации (передачи информации и обратной связи). Хотя намерения рассказчика и интерпретации слушателей не всегда могут быть полностью поняты исследователем, ясно, что рассказывание весьма значимо для участников, помимо

---

¹*Owen M.J. Studying Organizational Symbolism. Qualitative Research Methods Series. London: Sage, 1996.*

прочего, рассказывание оформляет саму организацию и то, как ее понимают люди. Кроме того, что члены организации рассказывают истории, они участвуют во многих других традиционных экспрессивных видах деятельности. Они используют жаргон, принятый в данной организации, метафоры, шутят, празднуют чей-нибудь день рождения или недавние достижения¹. Они персонализируют свое рабочее пространство, расставляя и развешивая открытки, фотографии, репродукции, грамоты, вымпелы, объявления и надписи. Они развивают привычные способы выполнения задач, которые становятся «правильным» поведением: «вот как мы здесь делаем дела». Подобно логотипам и лозунгам компании, это поведение является тоже символическим.

Люди, возможно, в большей степени, чем другие животные, предрасположены, зависят и реагируют на символы и символическое. Вместо того чтобы определять человека как рациональное существо, его, по замечанию Кассирера, следует определять как *homo symbolicum*. Символ – это знак, который обозначает нечто гораздо большее, чем он сам. Символы создаются и воссоздаются, когда люди приписывают элементам своего мира, в котором они живут, паттерн смысла и значения, который выходит за пределы своего изначального содержания. Любой объект, действие, событие, высказывание, выражение, понятие или образ представляет собой сырой материал для создания символа, в любом месте и в любое время.

Рассмотрим пример. Когда Гордон Чейз стал главой департамента здравоохранения Нью-Йорка, он пригласил на встречу управляющих и директоров и спросил их, чем они сейчас заняты. Ему назвали число собраний, которые приходится посещать, количество нанятого персонала, объем распоряжений, которые пришлось написать, и прочие выполненные бюрократические действия. «Но кого вы сделали здоровым сегодня (или на прошлой неделе, в прошлом году)? – спросил Чейз. – Сделали ли вы кого-нибудь в Нью-Йорке более здоровым и если да, то откуда вы это знаете?» Чейз хотел подчеркнуть результат услуг, а не механику работы государственных служб. «Я хотел верной перспективы, я хотел, чтобы мои менеджеры осознавали тот факт, что мы должны делать людей здоровыми и не забывать об этом в каждодневной рутине, с которой всем приходится иметь дело». Миссия агентства, по словам Чейза, была «заставить правительство работать, предоставлять людям услуги и делать это хорошо»².

Чтобы реализовать свое видение организационных ценностей, Чейз применял язык как форму символизации, то есть слова, используемые для

---

¹*Alvesson M., Berg P.* Corporate culture and organizational symbolism: development, theoretical perspectives, practice and current debate. Hawthorne, NY: Wolter de Gruyter, 1992.

²*Owen M.J.* Studying Organizational Symbolism. Qualitative Research Methods Series. London: Sage, 1996. P.57.

обозначения вещей, а не сами вещи. Кроме того, вопросы Чейза подразумевали не то, что значили на первый взгляд; на самом деле он не требовал отчета, а высказывал неудовлетворенность существующими нормами и стремился установить новые правила. Он делал это не только одними словами, но выстраивая последовательность своих вопросов, повторяя обращение к каждому из главных управляющих, а также используя тот факт, что все, что бы он ни сказал или сделал в качестве нового начальника агентства, было бы рассмотрено как сигнал изменения ценностей и ожиданий. Высказывания, выражения, события и условия в этот раз послужили Чейзу движителем символической коммуникации и интеракции. Символическое имеет такую силу, что прорывается сквозь «шум» всего видимого, высказанного, чтобы указать на самое главное, имеющее смысл.

Символика не только влияет на то, как люди воспринимают события, но и воздействует на поведение. Корпоративная архитектура символически оформляет поведение членов организации: церкви вызывают религиозное поведение даже у тех, кто не является религиозным¹. Подобно этому считается, что чистые помещения определяют чисто плотное поведение тех, кто ими пользуется. Использование легко сдвигающихся стульев вместо конференц-столов в залах для собраний способствует менее формальному взаимодействию. Чтобы проиллюстрировать взаимосвязь между архитектурой и философией менеджмента, давайте представим высокое здание немецкой страховой компании, наполненное лестницами, и сравним его со шведской компанией, где одноэтажный дизайн, отсутствие башен и возвышений выражают эгалитарную философию и в своей символической возможности отрицают поведение, поощряющее иерархию.

Символическое воздействует на мнения и убеждения. В одном эксперименте служащим компании сообщили о намерениях руководства временно сократить оплату на 10% в течение экономического спада, с тем чтобы предотвратить массовые увольнения. Некоторым сотрудникам рассказали историю относительно такой политики, тогда как другим просто представили цифровые данные, поддерживающие или опровергающие важность этих мер. Те, кому была рассказана история, продемонстрировали большую лояльность упомянутым мерам, преданность организации.

Символическое поведение принимает множество форм. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся категории. Фольклористы называют их жанрами, а исследователи организационных культур – артефактами, имея в виду то, что все эти проявления символического созданы, выработаны людьми.

---

¹*Berg P., Kreiner K. Corporate architecture: turning physical settings into symbolic resources // Gagliardi P. (Ed.) Symbols and artifacts: views of the corporate landscape. New York: Aldine de Gruyter. P.41-67.*

ВЕРБАЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

- Жаргон, меморандумы (их стиль и язык)
- Пословицы, привычные поговорки, лозунги, крылатые фразы, метафоры
- Прозвища людей и оборудования
- Легенды, поучительные или предостерегающие истории, рассказы о личном опыте
- Шутки, забавные анекдоты, насмешки, «дурацкие истории»
- Убеждения, суеверия, слухи
- Рифмы, стихи, песни
- Церемониальные речи, выступления

ДЕЙСТВИЯ

- Развлечения, отдых, игры
- Приколы, проделки, шалости с посвящением новичков
- Празднования, торжественные события, вечеринки
- Жесты
- Совместная еда
- Ритуалы, обряды повышения, проводов на пенсию
- Собрания коллектива, вручения наград, церемонии
- Обычаи, социальная рутина
- Принятые, договорные приемы выполнения работы

ОБЪЕКТЫ

- Архитектура, дизайн рабочего места, убранство офисов
- Качество и распределение оборудования
- Организационные уставы, инструкции, руководства, листки новостей
- Доски объявлений (расположение, содержание, эстетика, внешний вид)
- Плакаты, фотографии, выставленные памятные вещи
- Костюм, униформа фирмы, стандартный вид одежды
- Полученные награды или выполненные работы
- Декорация персонального рабочего места или оборудования
- Граффити
- Ксерокопируемый фольклор (его создание, коллекционирование, развешивание, распространение)¹

---

¹*Owen M.J.* Studying Organizational Symbolism. Qualitative Research Methods Series. London: Sage, 1996. P.5-6.

Данный перечень показывает, что любой объект (или действие) может в любое время наделяться людьми бóльшим смыслом, чем он содержит изначально, и широкие категории символов и символического поведения полностью пронизывают нашу жизнь. Исследования фольклористов, антропологов и социологов за последние два столетия показывают, что люди во всем мире и в течение всей известной нам истории рассказывают, играют, изготавливают декоративные предметы, празднуют, совершают ритуалы, переводят и применяют образный язык. Изучение организационного символизма принимает и подтверждает этот вывод. Некоторые исследователи, рассматривая образцы организационных артефактов, выделяют некоторые дополнительные параметры их типологии – например «ожидаемые» (те, которые связаны с данным организационным контекстом) и «неожиданные» (внешне не связанные с организационным контекстом)¹.

Кроме того, что организационная структура и процессы, происходящие в организации, обладают символикой, символика сама по себе является инструментом. Исследования описывают такие «функции» символического поведения, как обучение новых членов группы, фрейминг (обрамление, оформление) опыта и придание ему смысла, утверждение норм поведения, придание смысла сообществу, изменение сообщества или поддержание сплоченности, смягчение организационных противоречий, выражение эмоций и предоставление возможности сублимации, ухода в фантазию. Это значит, что любой предмет внимания организационного антрополога или социолога имеет те или иные символические аспекты, которые всегда следует учитывать, идет ли речь об организационных структурах и изменениях, о лидерстве, мотивации, коммуникации или о политике, практиках контроля и власти. Инструментальные и символические аспекты взаимосвязаны; объекты и их производство, поведение и действия основаны на смысле и влекут конструирование смыслов.

Два главных подхода в исследованиях организационной символики, символизма – это социокультурный функционализм и символический интерпретивизм. А. Рэдклифф-Браун отметил в одной из своих работ, что понятие функции в социальной науке основано на аналогии между социальной и органической формами жизни². В человеческом обществе индивиды объединяются социальными отношениями в интегрированное целое подобно живому организму. Функция любой осуществляющейся сегодня социальной деятельности – это поддержание структурной целостности и стабильности точно так же, как части (и жизненные процессы) организма функционируют вместе для поддержания жизни этого организма. Позднее,

---

¹*Schwartzman H.B.* Ethnography in organizations. Newbury Park, London, New Delhi: Sage, 1993. P.63.

²*Radcliffe-Brown A.R.* Structure and Function in Primitive Society. New York: Free Press, 1952.

в 1953 г., культурантрополог Уильям Бэском, обобщив ряд исследований фольклора, пришел к выводу, что традиционные символические формы гарантируют существование и воспроизводство культуры, обучая членов группы, знакомя их с ценностями и поведенческими нормами, а также обеспечивают согласие, применяя социальное давление и учреждая социальный контроль. Все это объединяется в единственную функцию – сохранение стабильности культуры¹.

В русле социокультурного функционализма Г. Баррелл и Г. Морган выдвинули теорию интеграции: общество и культура относительно гомогенны и стабильны, они состоят из взаимосвязанных, объединенных элементов, каждый из которых функционирует ради вечности структуры². Следовательно, функционализм близок к детерминизму: человеческое поведение оформлено внешними условиями. Онтологически функционализм является объективистским, поскольку предполагает, что изучаемая нами реальность является внешней по отношению к индивиду. Эпистемологически это позитивистское направление, полагающее знание жестким, реальным и выводимым в качестве причинных взаимосвязей и общих закономерностей. Методологически – это номотетическая перспектива, проверяющая гипотезы априори, используя количественные методы для получения утверждений в виде постулатов о законах. Язык исследовательских отчетов обычно «тонкий», ненасыщенный: скорее выводы, парафразы, реконструкции и заметки в скобках, нежели детальные описания символического поведения или обширное цитирование информантов. Авторы этого направления обычно оперируют понятиями системы, функции и выживания, часто применяют философию социального инжиниринга, предлагая способы определения артефактов, их социокультурных функций и использования символов.

В свою очередь, многие из тех, кто работает в русле символического интерпретивизма, пишут об аффективных и эстетических аспектах жизненного опыта, об организационном мире как о чувственной и эмоциональной сфере, с ее собственными церемониями, ритуалами и драмами. Эти исследователи в меньшей степени интересуются инструментальностью, чем смыслами и интерпретациями. Подход здесь субъективистский, рассматривающий реальность как продукт индивидуальных сознания, творчества и конструирования. Методологически символический интерпретивизм стремится получить знание «из первых рук», понять «живые» концепты, значения и намерения путем включенности исследователя в повседневную жизнь организации. Исследование итерационно, при этом социальное дей-

---

¹*Owen M.J.* Studying Organizational Symbolism. Qualitative Research Methods Series. London: Sage, 1996. P.14.

²*Burrell G., Morgan G.* Sociological Paradigms and Organizational Analysis. London: Heinemann, 1979. P.13.

ствие понимается в развитии раскрывающихся здесь тематизаций. Документация и представление информации включают «насыщенное» описание социальной интеракции и индивидуальных проявлений поведения, основываясь на убеждении, что каждая человеческая ситуация является новой, наполненной множественными, часто конфликтующими смыслами и интерпретациями.

Символические аспекты организаций, по словам Барри Тернера, следует изучать для того, чтобы понять эстетические и стилистические группировки, которые образуются внутри них, чтобы увеличить наши знания о том, как создаются границы вокруг организационных идентичностей и чтобы произвести стратегические изменения. Другими словами, исследование символизма – это один из способов достичь более полного понимания организационного поведения, оно дает возможности применить гипотезы к разрешению практических проблем, возникающих в организациях.

Некоторые исследователи, например, предлагают изучать символику, чтобы взглянуть изнутри на организационные¹ процессы в условиях неопределенности, посмотреть, каким образом идеологические противоречия разрешаются или затеваются «мифами», оценить парадокс и двусмысленность, выраженные в одежде, историях, дизайне офисов. Другие ориентируют исследования на поиск способов трансформации организаций, вмешательства в организационные процессы, влияния на организационные результаты посредством целенаправленного использования метафор, историй, ритуалов и церемоний.

Социокультурный функционализм в большей степени ориентирован на прикладные рекомендации, так как анализирует функции артефактов и действий для поддержания структурной стабильности. Прикладные аспекты в интерпретативной перспективе (там, где они вообще рассматриваются) относятся к широкой области рефлексии, поскольку исследование фокусируется на множественных смыслах, на конфликтующих интерпретациях поведения, тех или иных событий в их непосредственных контекстах. Исследователь осмысливает многосторонний образ систем значений, которыми люди пользуются в данной организации². В процессе рефлексии с помощью исследователя может быть достигнуто более глубокое понимание динамики поведения, а возрастающее осознание организационных процессов и поведения может способствовать изменению и развитию.

Исследователь, постигая организационную культуру, фиксирует то, как происходит процесс приобретения языка субкультуры, как строится система социальных определений ситуаций и действий. Эта система обладает организационной спецификой и может в определенной степени отли-

¹Owen M.J. Studying Organizational Symbolism. Qualitative Research Methods Series. London: Sage, 1996. P.13.

²Ibid. P.15.

чатая от норм общества за стенами организации. Социальный антрополог анализирует способы, которыми могут выражаться и соотноситься с определениями, данными в языке, социальные и технические нормы организационной культуры. Несколько иной ракурс анализа – изучение множественности уровней символической интерпретации в индустриальной среде, то есть субкультур и их особенностей внутри организации. В силу того, что всякая достаточно большая организация разделена по сферам деятельности и уровням административной иерархии, то и каждая социальная ситуация интерпретируется по-своему.

В зависимости от распространенности (степени признания) тех или иных определений ситуации, различают следующие культурные репертуары, или системы определений, которыми пользуются люди в организации: 1) универсальный, базовый, принимаемый всеми членами группы набор смыслов. Именно к этой системе постоянно обращается менеджмент, выполняя управленческие функции; 2) субкультурный – уникальный набор смыслов, характерных для данной группы. На этом уровне универсальный набор смыслов преобразуется применительно к конкретным условиям деятельности; 3) индивидуальный – созданный членом организации в качестве собственного «культурного кода» с использованием смыслов, заложенных на универсальном и субкультурном уровне. Индивид адаптирует их, соотносясь со своим повседневным опытом. Исследователь должен направить свое внимание на объяснения, рассуждения, истории, нормативные взгляды, мифы и организационные символы тех конкретных субкультур, культурных общностей, в которых протекает повседневная деятельность индивидов.

Носители культуры осознают тот мир, в котором они существуют, как данность. Культурные артефакты (манера одеваться, общаться, способ выполнения трудовых операций) чаще всего очевидны, принимаются как должное и специально не рефлексированы, не осознаются индивидами. Социальный антрополог, этот «профессиональный чужак», по выражению Майкла Эгара, должен обладать способностью заглянуть за эту очевидность. Он должен осознавать, что любая деятельность, технологический процесс, событие, факт следует рассматривать как результат и процесс социального конструирования. Индивиды в своей повседневной жизни создают специфическую социальную реальность, в процессе ее осмысления присваивая ей некоторые значения. Таким образом, помимо физической реальности создается реальность социальная. Социальная реальность выступает интерсубъективным, создаваемым во взаимодействии и диалоге контекстом трудовой деятельности в организациях.

Проблемы управления предприятиями и организациями, особенности административного контроля в переходный период стали одной из важных тем отечественных социологических исследований, опирающихся на соци-

ально-антропологические методы. Актуальность таких исследований обусловлена тем, что она позволяет проникнуть в самую сердцевину трудовых коллективов – тех специфических коллективных образований, которые на протяжении определенного и весьма длительного периода определяли жизнь и деятельность миллионов людей в нашей стране в большей степени, чем во многих других странах. Концепт «трудовой коллектив» за советский период успел превратиться в нормирующую идеологию, став особым символом советских производственных отношений. Это понятие содержало в себе уникальное, сложное и во многом еще не до конца раскрытое содержание, характеризующее определенный тип организационной культуры. Роль предприятия в жизни советского человека была огромной. Кроме источника социальных благ и заработной платы, трудовая деятельность в организации являлась мощным инструментом социального контроля и источником самоидентификации, маркером политической лояльности. Современные исследования, проводимые в стратегии кейс-стади, предоставили организационным антропологам возможность выйти на достаточно глубокие пласты повседневной жизни организаций, те стороны их бытия, которые трудно или невозможно охватить анкетным опросом¹.

Несмотря на то, что начиная с 90-х годов роль предприятий в социальной жизни претерпела серьезную трансформацию, они все еще остаются важнейшим фактором социальной идентификации. Принадлежность человека к той или иной организации, безусловно, выступает свойством и других культурных общностей, однако в России, как мы полагаем, это основывается на глубокой исторической традиции, приметы которой можно увидеть и на новых предприятиях. Речь идет о специфических дисциплинарных практиках, в том числе о неформальных отношениях на предприятии, авторитарных механизмах контроля, преобладании персонифицированных практик управления над безличными формальными и более рациональными – в западно-европейском понимании – моделями отношений.

В ряде случаев, например, на совместных предприятиях или в ситуациях инновационных влияний, столкновение традиционной российской управленческой модели, российской организационной культуры с западно-европейским или североамериканским пониманием смысла организационного устройства приводит к противоречиям внутри организаций. Такие конфликты не часто носят открытый характер. Скорее всего, происходит конфликт на уровне понимания смыслов деятельности, при этом менеджеры могут инсценировать принятие инноваций, но на деле продолжать действовать в рамках, заданных предшествующим опытом и привычными ценностями. Действительно, одна лишь смена интерьера, установка новой

---

¹См., напр.: Романов П.В. Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления и контроля в современной России. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000.

мебели, коврового покрытия и компьютеров не способны в один момент изменить сознание менеджеров, работников в направлении рыночной логики. Нам, например, приходилось сталкиваться с конфликтом ценностей и рациональностей в учреждениях социальной сферы. Многие из них, переоборудованные из прежних собесов и детских садов, сохранили персонал и организационную культуру, характерные для советского периода.

К чертам патернализма следует отнести особое настроение, чувство коллективизма, единства, общего дела, поддерживаемое идеологами социалистического общества. О многих из них мы уже говорили ранее; эти идеи живут и находят свое выражение в мыслях, чувствах и поступках. Во-первых, идея коллективизма, концепция трудового коллектива, которая до сих пор имеет большое значение для законодательного оформления трудовых отношений (например, обсуждается замена профсоюза в треугольнике социального партнерства на трудовой коллектив), проявляющаяся во взаимопомощи между работниками, их моральной поддержке друг друга.

Вторая черта идеологии выражается в чувстве местного патриотизма. «Мой завод», «моя фабрика» – это не только слова, подчеркивающие единство людей, но и те чувства, которые подталкивали людей к более интенсивному труду, проявлению активности, выступали весомым мотивом для рабочих в выполнении сверхплановых заданий, а для администрации – в выбивании средств для завода и распределении их между работающими. Сюда же следует отнести другие идеологемы советского общества, над которыми многие подшучивали, но в душе склонны были с ними считаться.

Идеология патернализма включает в себя целую систему организационных символов, призванных интегрировать социальные группы, участвующие в трудовом процессе, вокруг целей управления. Рассмотрим более подробно роль и функции советских организационных символов на примере борьбы за качество продукции. Нам представляется, что для организации трудового процесса символическая составляющая играла огромную роль. К концу 90-х годов в цехах предприятия можно увидеть лишь следы былой развитой системы советского символического пространства, которое некогда заполняло повседневную жизнь рабочих. Потускнели и облупились Доски Почета и лозунги, призывающие к ответственности на рабочем месте, к качественному труду. Не видно вымпелов, украшавших ранее некоторые станки, на которых золотом были выведены слова «Отличник качества». Пылятся на задворках переходящие знамена и забыты партийные документы, приуроченные к «пятилетке качества», изучение которых было обязательным для тысяч рабочих-коммунистов.

Рухнувшая система государственной идеологии погребла под своими обломками и сложившуюся систему производственной символики, играющую позитивную роль, даже принимая во внимание многие ее издержки и девальвацию в ценностном отношении. В одном из опросов 1980-х годов

промышленные рабочие, отвечая на вопрос «Что побуждает вас и ваших товарищей работать качественно?», поставили на первое место «материальный интерес» (40%) и включили в число основных причин также «привычку работать добросовестно» (36%), «рабочую честь» (28%), «ответственность перед коллективом» (19%)¹. Понятно, что формулировка вариантов ответов в анкете отличается откровенным внушающим характером, однако можно увидеть и то, что, отвечая на эти вопросы, рабочие воспроизводили некие социально одобряемые нормы, имеющие характер символических кодов организационной культуры. Эти символы продуцировались через целую систему механизмов, управляемых менеджерами и, насколько возможно, сопровождали весь трудовой процесс.

Производство брака обычно рассматривается как нарушение трудовой дисциплины: либо является производным от нарушения, либо приравнивается к нему. Таким образом, оно подпадает под аналогичные механизмы наказания – лишение премии, перенос отпуска на более неудобное время года и проч. Само по себе сокращение зарплаты выступает символическим аспектом наказания – более низкая по сравнению с товарищами по бригаде сумма оплаты рассматривается обычно как статусное понижение. Подчеркнуто коллективная природа организационных символов качества – дополнительно к тому, что они сами по себе явления социальные, выполняют функцию поддержания групповых норм, создаются и поддерживаются коллективно, только так и могут существовать – определялась референциями к «трудовому коллективу». Бракоделов разбирали на собрании в присутствии товарищей по бригаде. Одним из наиболее распространенных аргументов в пользу внедрения бригадной организации был такой: групповой контроль будет ограничивать производство дефектной продукции и попытки скрыть такие факты. Менеджерам представлялось возможным переориентировать неформальные отношения в первичном трудовом коллективе в направлении, наиболее выгодном им как организаторам производства. Репрессивные санкции, применяемые управленцами, в случае их публичности, приобретали дополнительное значение. Таким образом, с одной стороны, отправление властных функций по управлению качеством оказывалось деперсонифицированным, приобретало характер общественного порицания. С другой стороны, процедуры публичных выговоров имели значение в контексте поддержания и укрепления цеховой управленческой иерархии, определенной системы распределения власти, «работали на авторитет» мастеров, начальников цеха, парторгов. Многие свидетели подобных собраний вспоминают, что разносы всегда были очень утомительны и нередко носили беспредметный характер, более похожий на

---

¹Опрошено 430 рабочих основных специальностей. Выборка репрезентативна для предприятия. Источник: Бендюков Н.Г. Социальные факторы повышения качества продукции // Социологические исследования. 1983. № 3. С.25-26.

произнесение ритуальных заклинаний. Природа такой коммуникации раскрывается Д. Гоувером и К. Лиджем, которые предложили поразмышлять, почему менеджеры проводят много времени в разговорах, подчас риторических. Эти авторы замечают, что это может быть способом, «которым поддерживается социальный контроль. Одновременно этим достигается и легитимация управленческих прерогатив в ситуации гигантской неопределенности и сложности. Это немалое достижение. В действительности, это может быть таким достижением, которое определяет решительно все...»¹.

Многие авторы сходятся во мнении, рассматривая управление символическими значениями как систему доминирования и контроля, основанную на создании и воспроизводстве коллективных мифов, поддерживающих существующий социальный порядок. Советская мифология труда создала немало образцов такого рода. К ним можно отнести, кроме тех, которые были упомянуты выше, такие концепты, как «ударничество», «рабочая совесть», «трудовые династии», «отличники качества», «коммунистический труд». Безусловно, эволюция этих идеологем еще ждет своего исследователя, который, основываясь на архивных и газетных источниках, сможет раскрыть механизмы конструирования символического пространства советского трудового процесса и советской организации. Это помогло бы понять способы, какими достигался существовавший в обсуждаемый период зыбкий консенсус между рабочей силой и аппаратом управления, основанный, в частности, и на том, что Э. Петтигрю обозначил как управление смыслами: *«управление смыслами относится к процессу символического конструирования, а разработанные ценности предназначены для двоякого использования – создания и легитимации одних действий, идей и требований и для делегитимации требований оппонентов»*².

Символическое конструирование 1990-х годов происходило на фоне дискурса, связанного с производством качественной продукции. В этот период для промышленных предприятий наступили тяжелые времена. Товарное производство, движущим локомотивом которого в СССР являлись крупные предприятия, в том числе военно-промышленного комплекса, столкнулось с серьезными проблемами. Изменение оборонной стратегии России привело к обвальному снижению военных заказов, многократному сокращению производства. В негативном для российских производителей ключе проходила и демонополизация внешней торговли, приводя к наводнению внутреннего рынка более качественными и современными товарами из-за рубежа и демонстрируя низкую конкурентоспособность продукции

---

¹Gower D., Legge K. A Meaning of Management and Management of Meaning: A view from Social Anthropology // Perspectives in Management / Ed. by M.J. Earl. Oxford: Oxford University Press, 1983. P.229.

²Pettigrew A. The Awakening Giant: Continuity and Change in ICI. Oxford: Basil Blackwell, 1985. P.461.

многих отечественных гражданских производителей. В то же время некоторые предприятия получили доступ на внешний рынок и, несмотря на сопротивление западных конкурентов, сумели завоевать на нем собственную нишу, доказав свое преимущество, пытаясь соответствовать самым жестким международным требованиям качества. Существенным фактором, определяющим организационную культуру, можно назвать и динамику отношений собственности: многие государственные предприятия стали акционерными обществами, перешли в частные руки.

Эти внешние и внутренние, производственные и экономические процессы составили тот контекст, который существенно изменил социальные условия создания промышленного качества. Что касается социально-культурных процессов в промышленных организациях, то в соответствии с нашими наблюдениями, определяющими моментами в изменениях символического пространства здесь являются:

- углубляющиеся тенденции к размыванию традиционных культурных норм, распад многих символов («трудовые династии», «рабочая гордость»);

- попытки менеджеров воспроизводить старые символы в новом культурном контексте (например, апелляции к «чувству хозяина» на приватизированных предприятиях, там, где акции распределялись среди трудового коллектива);

- рождение новых, капиталистических, стимулов к качественному труду, основанных на таких новых мифах, как «каждый может получать столько, сколько директор, нужно только хорошо работать», эксплуатирующих мотивы «достижительства», материального достатка;

- сжимание символической сферы до уровня производства, постепенное выведение внепроизводственных элементов, того, что было принято называть соцкультбытом – социальных льгот и благ, за границы дискурса рабочих, рассуждающих о качественном труде.

Таким образом, производственный символизм, влияющий на производство качественной продукции, оказался сферой серьезных изменений, в значительной степени подрывающих традиционные трудовые ценности. Потребность в символах сильной, надежной организации сегодня ощущается: «Раньше было что-то святое, а сейчас все деньги, деньги», – можно услышать от рабочих. Наши собеседники не раз говорили о своей любви к заводу, на котором они проработали значительную часть своей жизни, где сложились крепкие дружеские отношения с товарищами по работе. «Завод – это мой дом», – такое утверждение не раз приходилось слышать от рабочих и инженеров промышленных предприятий. Кроме источника социальных благ, доступ к которым не исчерпывался таким ресурсом, как заработная плата, трудовая деятельность, институционализированная в рамках организации, являлась мощным процессом смыслообразования, источ-

ником самоидентификации, маркером политической лояльности, формой социального контроля. Представители определенных профессиональных групп в таких условиях демонстрируют сходные модели социального поведения, воспроизводя организационные культуры. Администрация цеха в значительной степени утратила любую возможность оперировать организационными символами в силу таких экономических причин, как переход соцкультбыта под управление муниципальными службами, падение производства и, как следствие, его неритмичность, задержки заработной платы и прекращение существования государственной идеологии и ее промышленных институтов: парткомов, средств идеологического воздействия, символики – трудовых соревнований, знамен, званий. Хотя администрация и предпринимает попытки к созданию новых смыслов, пока не обнаруживаются такие их образцы, которые могли бы дополнить материальную мотивацию и наполниться значимыми смыслами, разделяемыми большинством работников.

Итак, этнографические методы изучения организационной культуры опираются на возможность постижения некоей социальной реальности, заложенной в рутинных взаимодействиях социальной группы, «подойти как можно ближе». Простейший способ распознать отличия между доминантной культурой и субкультурами организации – наблюдать повседневное функционирование группы со стороны. К. Гиртц, развивая идеи Г. Райта, рассуждает в этой связи о производимом в ходе такого наблюдения «насыщенном описании»¹. Это особый процесс интерпретации, в ходе которого индивидуальный антрополог-наблюдатель вырабатывает соответствующие объяснительные модели, производство которых является скорее искусством, чем наукой в общепринятом смысле этого слова.

Характеристики наблюдаемой культуры постепенно проявляются для исследователя в образцах взаимодействий между людьми, в особенностях языка, образах и темах, звучащих в беседах, многочисленных ритуалах будней и праздников, повседневной рутине. И как только выявляется общее для этих аспектов культуры, оказывается возможным реконструировать историческое объяснение тому, почему все происходит именно так, а не иначе. Антрополог здесь стремится снять отчуждение между собой – носителем определенной культуры – и теми, чью культуру он исследует, на первых порах учится смотреть на чужое как на свое, а впоследствии обретает способность делать знакомое неизвестным.

---

¹Гиртц К. В поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т.1. С.-Пб, 1997.

*Социальная антропология образовательного учреждения:
понятие скрытого учебного плана*

В этом разделе мы обсудим суть подхода к исследованию образования, который обращает внимание на неформальные, неявные стороны учебных практик¹. Прежде всего остановимся на нескольких теоретических допущениях, характерных для разных школ или периодов в рамках этого научного направления.

Исследования скрытого учебного плана имеют свою историю, включающую несколько этапов, каждый из которых отличается теоретическими и методологическими аспектами. Историографию вопроса можно начать с работы американского социолога образования У. Килпатрика «Основания метода: неформальные разговоры о преподавании»², опубликованной в 1925 г. В этой книге давалась характеристика трем формам научения: первичной, ассоциативной и сопутствующей. Первичное научение, по мнению Килпатрика, – это научение, которое осуществляется в непосредственной связи с какой-либо деятельностью. Ассоциативное научение осуществляется вне прямой связи с какой-либо деятельностью. Сопутствующее научение ведет к освоению и принятию учащимися общих ценностей и установок. Так, на занятии по математике мы можем усвоить операцию сложения (первичное научение), способы обращения с мелом и доской (ассоциативное научение), а также принять гендерную роль, которая может быть связана с ролью успешного ученика (ученицы) или неудачника (сопутствующее научение).

Сам термин «скрытый учебный план», или «латентная программа» (по-английски – *hidden curriculum*) был впервые предложен американским социологом П. Джексоном в 1968 г. в его книге «Жизнь в аудиториях»³. Есть и другие варианты понятий, которые выражают похожий смысл, например, *hidden agenda* – скрытая, латентная повестка дня. Джексон полагает, что скрытый учебный план – это те ценности, диспозиции, нормы, аттитюды и навыки, которые выучиваются независимо от темы урока или предмета, например, как жить в среде толп, похвалы и власти⁴.

---

¹Ярская-Смирнова Е.Р. Гендерная социализация в образовании // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. Денисовой. М.: Информация – XXI век, 2002; Она же. Неравенство или мультикультурализм // Высшее образование в России. 2001. № 4. С.102-110; Она же. Скрытый учебный план сквозь призму гендерного анализа // Иной взгляд. Междунар. альманах гендерных исследований. Минск: Энвила. Май, 2000. С.6-9; Она же. Понятие скрытого учебного плана // Гендерные исследования. 2001. 1(5). С.295-301.

²*Kilpatrick W.H.* Foundations of Method: Informal Talks on Teaching. New York: MacMillan, 1925.

³*Jackson P.W.* Life in Classrooms. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968.

⁴*Ibid.*

Авторы особо подчеркивают силу влияния скрытого учебного плана, считая его во многих отношениях более эффективным, чем явный. Те уроки, которые он преподносит, запоминаются надолго, поскольку он всеобъемлющий и неизменный в течение всех лет школы. Его уроки – это повседневный опыт, который усваивается очень хорошо¹.

Первое поколение исследований скрытого учебного плана делает акцент на трех основных смыслах данного понятия, предлагая рассматривать его в качестве 1) результата внеакадемического обучения, 2) организации, 3) процесса.

Во-первых, скрытый учебный план рассматривался как последствия обучения, которые либо не подразумеваются учителем (или школой в целом), либо открыто не объявляются учащимся². Приведенное выше определение Джексона иллюстрирует этот подход, согласно которому латентная программа учебного заведения может быть выявлена в том, какой эффект оказывает образование на социализацию учащихся³. К этим эффектам относятся усвоенные учениками ценности, нормы, в частности, независимости, достижения, универсализма, – необходимые для интеграции в современное индустриальное общество⁴.

В соответствии с этим подходом, успешные ученики – не те, кто следует официальным требованиям системы, а кто быстро схватывает и выполняет требования скрытого учебного плана⁵. В самом деле, ведь образовательные учреждения не только предоставляют, но и ограничивают возможности карьеры. Учащиеся видят на примере тех, с кем встречаются каждый день, что мужчины – это начальство, а женщины – подчиненные. Кроме того, некоторые предметы и дисциплины четко идентифицируются у студентов и школьников с полом преподавателя. Тем самым программируется и выбор профессии в зависимости от пола. Те учебные заведения, руководителем которых являются женщины, предоставляют чрезвычайно важный источник идентификации для студенток, которые имеют возможность видеть женщину в роли руководителя, а студенты-юноши убеждаются в том, что на ответственном посту могут быть как мужчины, так и женщины.

В США есть много университетов, где работают и обучаются только женщины или только расовые меньшинства. На первый взгляд, такие учеб-

¹Overly N.V. (ed.) *The Unstudied Curriculum. Its Impact on Children*. Washington, DC: Association for Supervision and Curriculum Development, 1970.

²Martin J.R. What should we do with a hidden curriculum when we find one? // *Curriculum inquiry*. 1976. ¹ 6(2). P.135-152.

³Rutter M., Maughan B., Mortimer P., Ouston J. *Fifteen Thousand Hours, Secondary Schools and Their Effects on Children*. London: Open Books, 1979.

⁴Dreeben R. *On what is learned in School*. Massachusetts: Addison-Wesley, Reading, 1968.

⁵Snyder B.R. *The Hidden Curriculum*. New York: Knopf, 1971.

ные заведения воспроизводят сегрегацию по признаку пола и расы, однако, именно в женских и «черных» колледжах у студентов и преподавателей появляется возможность достичь успеха на основе своих способностей и желаний, а не быть оттесненными в сторону из-за своих пола или цвета кожи. В таких учебных заведениях женщина или мужчина с темным цветом кожи, будучи профессором или ректором, могут выступать для студентов ролевой моделью успеха. В школах и училищах на уроках труда закрепляются стереотипы женской и мужской домашней работы. Соответственные роли усваиваются будущими учителями не только в их семьях, но и в педагогических вузах.

Во-вторых, акцент в исследовании латентной программы делается на особенностях организации учебного заведения, в том числе, определенных структурных характеристиках класса (интеллектуальный контекст) и школы (физический и социальный контекст). Считается, что отношения, складывающиеся в учебном заведении, носят внеличный характер, что влияет на усвоение определенных норм. В частности, в рамках ролевой системы «ученик-учитель» усваивается универсализм, то есть норма обращения с людьми не как с индивидами, а как с представителями категорий¹. Кроме того, в учебном заведении принимается на веру модель будущих иерархических отношений в классовом обществе или в организации, где есть начальники и подчиненные, работники и работодатели. Авторы указывают на принцип соответствия социальных отношений на рабочем месте социальным отношениям в школе².

Социально-антропологические наблюдения в школах как организациях показали, что в каждом классе есть свой тип идеального ученика, в зависимости от структуры физического пространства: в прямоугольной комнате с партами, зафиксированными в ряды друг за другом, и учительским столом впереди и в центре, – каждый учащийся – это пустой организм под контролем учителя, выступающего единственным источником обучения³.

Итак, мы обсудили два подхода к анализу латентной программы школы – рассмотрение скрытого учебного плана как результата учебы и как организации школьного учреждения. Однако при этом за рамками упомянутых подходов остался способ академического научения, который также является частью скрытого учебного плана.

Третий угол зрения представлен теми исследованиями, которые трактуют латентную программу как *процесс* обучения, который осуществляется посредством определенных способов. Ведь то, на каком языке говорят с

---

¹Dreeben R. On what is learned in School. Massachusetts: Addison-Wesley, Reading, 1968.

²Bowles S., Gintis H. Schooling in Capitalist America. New York: Basic Books, 1976.

³Getzels J.W. Images of the classroom and visions of the learner. School Review. 1974. № 82. P.527-540.

учениками преподаватели и учебники, оформляет мировоззрение детей, внушает им модель мироустройства. В частности, исследователями была накоплена критическая масса свидетельств о наличии сексизма, стереотипов мужских и женских ролей в школьных учебниках и практиках обучения¹. В 1982 г. Р. Холл и Б. Сэндлер провели исследование вербальных и невербальных коммуникационных практик в образовании в гендерном аспекте². Это исследование стало классическим образцом подобных проектов, которые проводились в школах и колледжах, на образовательных сессиях для взрослых и в университетах. Было показано, в частности, что господствующие формы преподавания опираются на маскулинные способы общения. Прежде всего, это выражается в том, что, начиная с дошкольного возраста, педагоги поощряют мальчиков к самовыражению и активности, а девочек – к послушанию и прилежанию, опрятному внешнему виду. Скрытый учебный план, таким образом, отождествляется с метакоммуникацией как языком, посредством которого осуществляется социальный контроль³.

Скрытый учебный план, следовательно, заложен не только в том, чему мы учим, но и в том, как и в каком контексте мы это делаем. Речь идет об организации учреждения, содержании предметов и стиле преподавания. Эти три измерения скрытого учебного плана не просто отражают гендерные стереотипы, но и поддерживают гендерное неравенство, отдавая преимущество мужскому и доминантному и недооценивая женское и нетипичное.

В результате многих лет обсуждений публиковавшихся отчетов и рекомендаций планы и содержание учебников постепенно корректировались. В России таким исследованиям и изменениям еще предстоит состояться. Каковы же признаки гендерного неравенства, «запрятанного» в текстах учебных пособий, убранстве школьных аудиторий, языке урока? Во-первых, мужчины, в частности, белые мужчины представлены в качестве нормы, стандарта. Проведя анализ почти трех тысяч историй и рассказов, используемых в школьных учебниках, американские исследователи пришли к заключению, что соотношение числа упомянутых в них мужчин к числу женщин было три к одному. В биографиях, приводимых в учебных материалах, число мужчин превысило число женщин в шесть раз. Если мужчины – преобладающие персонажи учебных текстов, школьники убеждаются в том, что доминирование мужчин – это и есть норма, общественный стандарт. Добавим, что среди школьных учителей в России, как и в США, преобладают женщины. Однако персонажи историй – не менее, а порой и

¹Frazier N., Sadker M. Sexism in School and Society. New York: Harper and Row, 1975.

²Hall R.M., Sandler B.R. The classroom climate: a chilly one for women? Washington, DC: Association of American Colleges, Project on the Status and Education of Women, 1982.

³Stubbs M. Language, Schools and Classrooms. London: Willey, 1976.

более важные источники идентификации. Мужские персонажи оказываются более видимыми, активными и включенными в те сферы жизни, которые считаются весьма существенными для общества.

Кроме того, все крупнейшие этические учения и теории когнитивного развития основывались на исследованиях, касающихся исключительно мужчин и особенностей мужской социализации, несмотря на то, что в это же самое время женщины социализировались в абсолютно других условиях и по иным принципам. Эти различия в способах социализации, в правилах воспитания девочек и мальчиков вели к разным моральным ориентирам, тогда как теории преподносили «мужские» ценности как универсальные, единые для всего человечества. Самыми очевидными приоритетами феминной социализации, имеющими непосредственное отношение к оформлению нравственной позиции субъекта, являются забота о других и отзывчивость, внимание к их нуждам. Для маскулинной социализации, в свою очередь, характерен акцент на справедливости в отношении других и уважение их прав.

Неудивительно, что теория, созданная на основе жизненного опыта мужчин, измеряла и оценивала женщин как менее зрелых и менее приспособленных к жизни в обществе. Тем самым, моральное развитие мужчин представлялось как норма, и любой вопрос о множественности форм человеческой нравственности просто исключался из обсуждения.

Стереотипное изображение мужчин как нормы, активных и успешных, а женщин как невидимок (их просто нет, они отсутствуют в репрезентации) или маргинальных, пассивных и зависимых продолжает воспроизводиться в учебных материалах и специализированных источниках, применяемых в обучении на уровне среднего специального и высшего образования. Гендерными стереотипами пронизан букварь¹, учебники литературы за 7-9 классы не содержат ни одного упоминания о женщинах-писательницах и поэтах. В учебнике, подготовленном А.С. Батуевым, Л.В. Соколовой и М.Г. Левитиным «Человек. Основы физиологии и психологии» (1998) для девятого класса школ, на рис. 60 показан общий вид мышечной системы человека, а на рис.72 – изменение пропорций тела в процессе созревания. Оба рисунка изображают тело человека мужского пола. Изображение женского тела присутствует лишь в разрезе половой системы на рис. 66. Этот же учебник предлагает следующие примеры одаренности в параграфе «Развитие способностей»: Н.А. Римский-Корсаков, И.Е. Репин, В.И. Суриков, В.А. Серов, С.Т. Аксаков, И.А. Гончаров, А.П. Бородин (С.296). В этом списке одаренных людей, как видим, нет ни одной женщины. Параграф «Волевые качества личности» описывает стремление человека достичь цели, невзирая на препятствия: «Представим, что вы мечтаете стать в будущем летчиком, или моряком, или полярным исследователем. Для

¹Барчунова Т. Сексизм в букваре // ЭКО. Новосибирск. 1995. ¹ 3.

того чтобы ваши мечты превратились в реальность, нужно выполнить много условий: хорошо учиться, быть физически развитым, много знать и уметь и т.п. ... Воля участвует в формировании многих качеств личности – таких, как целеустремленность, настойчивость, выдержка, смелость, решительность, дисциплинированность и др.» (С.301-302). Примеры профессий и упоминание физической силы вызывают ассоциацию с мужским жизненным опытом. Впоследствии авторы учебника заявляют напрямую: «Ответственность, чувство долга, физическая и нравственная сила, смелость, решительность и надежность – эти качества во все времена считались неотъемлемым атрибутом мужчины» (С.319). Тем самым способности к творчеству, науке, вообще к любым достижениям в общественной жизни приписываются мужчинам. В то же время о женщинах речь идет лишь в разделе «Подготовка мальчиков и девочек к семейной жизни». Здесь подробно описывается женское предназначение – «развитие девочки как будущей матери начинается еще с раннего детства; это проявляется в особенностях ее поведения, специфике интересов, выборе игр. Она любит играть в куклы: баюкает их, одевает, купает, возит в коляске, готовит для них еду и устраивает уютное жилище» (там же). Авторам будто бы невдомек, что дети обучаются гендерным ролям на примере взрослых – родителей и знакомых – Значимых и Обобщенных Других.

Каковы последствия такой неадекватной репрезентации женщин в учебных материалах? Во-первых, учащиеся могут незаметно для самих себя прийти к выводу, что именно мужчины являются стандартом и именно они играют наиболее значимую роль в обществе и культуре. Во-вторых, тем самым ограничиваются знания учащихся о том, какой вклад внесли женщины в культуру, а также о тех сферах нашей жизни, которые по традиции считаются женскими. В-третьих, на индивидуальном уровне стереотипы, содержащиеся в образовательных программах, в большей степени поощряют на достижения мужчин, тогда как женщины выучивают модели поведения, в меньшей степени соотносящиеся с лидерством и управлением.

Еще одна сторона скрытого учебного плана состоит в том, что коммуникационные процессы в образовательных учреждениях недооценивают женщин, их способ учиться и выражать знания. Господствующие формы преподавания опираются на маскулинные способы общения. Прежде всего, это выражается в том, что, начиная с дошкольного возраста, педагоги поощряют мальчиков к самовыражению и активности, а девочек – к послушанию и прилежанию, опрятному внешнему виду. Этот факт подтвержден выводами американских исследователей о том, что с мальчиками проводится больше индивидуальных занятий, им посвящается больше вре-

мени, чем девочкам¹. Кроме того, российскими исследователями было отмечено, что наши соотечественники среди школьных предметов важнейшими для мальчиков считают математику, физику, физкультуру, компьютерные знания, а для девочек – домоводство, литературу и историю, этику и психологию семейной жизни, половое воспитание². А как быть с тем обстоятельством, что среди девочек бывает так много отличниц? Наши психологи успешно справились и с этим парадоксом, приписав интеллектуально сильным девочкам ярлык психической ненормальности: согласно Л. Волынской, слишком многие отличницы имеют заниженную самооценку, в них живет глубинное и плохо осознаваемое недоверие к самим себе, и они якобы потому и стараются быть отличницами, чтобы компенсировать этот свой недостаток, скрыть его от себя, приобрести значение в собственных глазах и в глазах окружающих. По мнению автора статьи, отличная успеваемость у девочек является целиком следствием их покладистости, послушания и прилежания – качеств, ведущих к пассивности и безынициативности и затрудняющих отношения с противоположным полом³.

На существующее положение вещей, например, на стойкость гендерных стереотипов о способностях и образовательных предпочтениях женщин и мужчин влияет и популяризация выводов научных исследований. В свою очередь, многие ученые строят свои гипотезы, инструментарий и выводы на предубежденном отношении к людям другого пола, не замечая сексистских установок в своем сознании. Авторы таких исследований изначально уверены, что пассивность является частью женской личности и женской сексуальности, и в связи с этим женская активность и независимость или мужская чувственность и преданность трактуются как патологии⁴.

Очевидно, что скрытый учебный план отличается от явного имплицитным или бессознательным способом преподавания. Информация здесь передается невербальным путем или в глубоких структурах дискурса. Поэтому имеет смысл говорить не только о непосредственных уроках, но и о метауроках как о тех способах передачи информации, способах комму-

---

¹Wood J.W. *Gendered Lives. Communication, Gender, and Culture*. Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1994. P.215.

²Воронина О.А. Права женщин в сфере образования // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. М.: МЦГИ, 1998. С.301-302.

³Волынская Л. Взрослая жизнь отличниц // Семья и школа. 1997. № 5. С.18.

⁴Ходырева Н. Как проводятся психологические исследования или почему женщины получают всегда такими непохожими на мужчин? // Все люди – сестры. Санкт-Петербургский центр гендерных проблем. Бюллетень № 3. 1994. С.59-67; Попова Л. Психологические исследования и гендерный подход // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С.119-130.

никации, которые сами выступают средством научения, вне зависимости от фактического содержания передаваемого текста.

Например, было показано, что учебники по естественным наукам игнорируют роль научных революций, тем самым поощряют политический консерватизм¹. Метауроки естественных наук связаны со способом их преподавания. Риторика выводов на уроках химии, биологии, математики заставляет учащихся думать, что современная наука – это эмпирические, буквальные и неоспоримые истины².

Кроме того, дискурс, инициированный учителем в классе, является прагматическим, следовательно, затрудняет развитие эстетических установок учащихся³. Нередко преподаватели и администрация прибегают к прагматическим аргументам, побуждая студентов и школьников учиться ради зачета или экзамена, ради стипендии или субсидии.

Второе поколение исследований скрытого учебного плана связано с критикой самого понятия. Ученые пересмотрели свои убеждения и сформулировали методологическое сомнение относительно того, выучиваются ли все эти нормы и представления именно посредством скрытого учебного плана и именно в школе. Другие подвергли критике качественные методы исследования – наблюдение, интервью – за субъективизм и неточность⁴. Наиболее важный стимул для развития, с нашей точки зрения, был получен от неомарксистских и радикальных теорий социологии и педагогики, позволивших осуществить переход от понимания скрытого учебного плана как властных скрытых сообщений и роли школы в воспроизводстве классовой системы капиталистического общества к теориям осознанного сопротивления⁵.

Было предложено рассматривать скрытый учебный план как горячий и холодный⁶, поскольку одни неформальные, неявные и непроговариваемые правила могут идти на пользу учащимся и учебе (горячий), а иные – могут быть во вред и вызывать отрицательную реакцию (холодный). Однако, в этой ситуации важно отдавать себе отчет в том, что одни и те же практики могут по-разному оцениваться учителями, учащимися и админи-

---

¹Apple M.W. The hidden curriculum and the nature of conflict // Interchange. 1971. № 2(4). P.27-40.

²Schwab J.J. The teaching of science as enquiry // Schwab J.J., Brandwein P. (eds.) The Teaching of Science. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1962.

³Gordon D. The aesthetic attitude and the hidden curriculum // Journal of Aesthetic Education. 1981. № 15(2). P.51-63.

⁴Lakomski G. Witches, weather gods and phlogiston: The demise of the bidden curriculum. Curriculum Inquiry. 1988. № 18(4). P.451-464.

⁵Willis P. Learning to Labour: how working class kids get working class jobs. Saxon house, Farnborough, 1977.

⁶Assor A., Gordon D. The implicit learning theory of hidden-curriculum research // Journal of Curriculum Studies. 1987. № 19(4). P.329-339.

страцией, поскольку в школе, как и в любой другой организации, зачастую имеет место конфликт интересов, столкновение противоречивых систем ценностей, сосуществование разных субкультур.

Следовательно, скрытый учебный план возможно трактовать как социальный текст, который имеет смысл только в том случае, когда он читается и интерпретируется учащимися, учителями и другими акторами учебного процесса, различными членами организации, всевозможными субъектами образования. Так проявляет себя герменевтическая перспектива в исследовании скрытого учебного плана, которая ставит вопрос таким образом: если образование – это текст, то кто его автор и кто аудитория? Возможно, это учащиеся, а может быть, это учителя, родители, общество?

В третьем поколении исследований скрытого учебного плана эта герменевтическая перспектива сосуществует с позитивистскими подходами к исследованию внутренней жизни школ, внутренних смыслов образования. Если герменевтические методы полагают скрытую программу препятствием к изменению и направлены на поиски механизмов ее исправления и улучшения, то при позитивистском подходе само существование скрытого учебного плана ставится под сомнение. Речь, скорее, идет о поиске измеряемых, четко фиксируемых явлений, которые могут быть факторами проблем или развития. В этой связи употребляются такие термины, как интервенция, популярными являются проекты «улучшения школьного обучения», «изменения школьной жизни». В третьем периоде исследования скрытого учебного плана, внутренних смыслов школьной жизни включают как количественную, так и качественную оценку эффективности образования. Большую роль среди подходов к анализу неявных форм и смыслов образования играет критическая педагогика.

Следует также выделить и такой концепт, как нулевой учебный план¹, под которым подразумеваются пробелы в школьной программе, включая отсутствие определенных видов интеллектуальной деятельности, дисциплин учебного плана, отдельных тем внутри дисциплин или определенной информации. В связи с тем, что учащимся дается неполная, усеченная информация, а также в связи с тем, что они обучаются с помощью ограниченного набора методов, можно говорить о наличии имплицитного учебного плана. В самом деле, ведь процесс формирования персональной, культурной и социальной идентичности в большой степени является процессом отрицания тех или иных возможностей нами самими или кем-то, кто это делает за нас.

Стиль преподавания, формы коммуникации в учебной аудитории, тексты лекций и учебников влияют на гендерную социализацию учащихся. Например, экзамены в форме тестов, индивидуальные доклады, соревнования за оценки поощряет пресловутую «мужественность». От этого страда-

¹Eisner E.W. The Educational Imagination. New York: MacMillan, 1979.

ют как девочки, так и мальчики, хотя бы потому, что у тех и у других не развиваются навыки критического мышления, умения задавать вопросы, коллективно обсуждать и решать проблему. Однако скрытый учебный план может быть изменен в сторону демократии и гуманизма. Новые возможности для женщин и мужчин, принципы гендерного равенства в образовании могут осуществляться в пространстве игры и свободы, где отказываются от муштры, агрессии и дрессировки в пользу мягкости, деликатности и уважения. Учащийся и преподаватель выступают партнерами, которые совместно и активно планируют изменения, контролируют успехи и оценивают качество достигнутого, открыто обсуждают конфликты и находят способы их разрешения. Поэтому сама организация учебного процесса предполагает открытость и гибкость, возможность экспериментов и альтернативных решений наряду с традиционными. Малый размер групп обеспечивает индивидуальный контакт и работает на сокращение властной дистанции. Таким образом оказывается возможным дифференцировать задачи в зависимости от уровня подготовленности, при этом как со стороны учителя, так и со стороны учеников важны терпимость и понимание другого, возможно, более слабого или нетипичного.

В западных образовательных учреждениях подобные моменты привлекли к себе внимание преподавателей, начиная с 1980-х годов, особенно на факультетах женских и гендерных исследований, этнических исследований и мультикультурализма. Это способствовало тому, что академический мир становился не только более терпимым, но и более внимательным, заинтересованным в отношении многообразия и особенностей людей. Ученые стали обращать внимание на разнообразие мужчин и женщин в аспектах расы, этничности, класса, религии, национальности, сексуальной ориентации, возраста и инвалидности¹.

В традиционной концепции образования обучение отделяется от воспитания границами учебного плана и аудиторий. В современном образовании процесс обучения полагают не только трансляцией формального знания, но и формированием социально-психологического благополучия обучаемых. Наряду с обновлением технологий обучения, активизирующих самостоятельную работу студентов, важным становится формирование особой социокультурной среды школы и вуза, позволяющей гарантировать соблюдение прав человека, удовлетворить индивидуальные потребности субъектов образовательного процесса. Рефлексия скрытого учебного плана позволяет осуществить создание особой среды, способствующей развитию у студентов творческого мышления, условий, обеспечивающих их лич-

---

¹*Jenkins M. Checklist for Inclusive Teaching. Цит. по: Sadker M and Sadker D. Sexism in the Schoolroom of the 80's // Kesselman A., McNair L.D., Schniedewind N. (Eds) Women Images and Realities. A Multicultural Anthology. London, Toronto: Mayfield Publishing Company, 1995. P.68-69.*

ностный рост, социальную компетентность и адаптацию, полноценное участие в учебном процессе. Скрытый учебный план в этом случае «работает» на формирование толерантности, способствует развитию независимого мышления, творчества и чувству уважения человеческого достоинства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Организации
Хоуторнский проект
Трудовые отношения
Гендер
Власть
Аккомодация
Инсайдеры
Проблематизация
Эквилибриум
Консенсус
Организационная культура
Символизм
Идеология
Скрытый учебный план
Латентная программа

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Какой вклад в организационную антропологию был внесен исследователями, участвовавшими в Хоуторнском проекте?
2. Как антропологический подход к определению социальной системы может применяться при описании организации?
3. Какие идеи Макса Глакмана были реализованы в работах Манчестерского проекта?
4. В чем состоит отличие антропологических методов исследования организаций от традиционных социологических исследований?
5. Каковы гендерные аспекты исследований в рамках организационной антропологии?
6. Сформулируйте идею собственного проекта по организационной антропологии.
7. В чем состоит проблема исследований организационной культуры в крупном учреждении? Чем организационная культура отличается от корпоративной?
8. Каковы функции и особенности организационных мифов? Зачем нужны организационные ритуалы? Приведите примеры.
9. Можно ли измерить организационную культуру?

10. Раскройте суть подхода к исследованию неформальных отношений в образовании.

11. Сформулируйте собственную идею исследований скрытого учебного плана.

КЕЙСЫ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

1. Проведите наблюдение в студенческом кафе. Обратите внимание на символическую организацию пространства. Какие объекты являются ключевыми для понимания организационной культуры?

2. Поговорите с сотрудниками какой-либо организации о том, как они обычно празднуют дни рождения (вариант: 23 февраля, 8 Марта, Новый год). Какие подарки принято дарить? Как это отражает иерархию отношений в организации?

3. Проведите наблюдение на занятии в образовательном учреждении. Какие элементы скрытого учебного плана вам удалось обнаружить?

ЛИТЕРАТУРА

1. Алашеев С. Неформальные отношения в процессе производства: взгляд изнутри // Социологические исследования. 1995. № 2. С.12-19.

2. Алексеев А.Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего) Кн. 1 и 2. М.: Институт социологии РАН, 1997.

3. Банников К.Л. Армия глазами антрополога. К исследованию экстремальных групп // Мир России. 2000. № 4. С.125-134.

4. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. 1 2. С.28-42.

5. Белановский С.А. Свободное интервью как метод социологического исследования // Социология: 4. М., 1991. № 2. С.5-19.

6. Буравой М. Углубленное кейс-стади // Рубеж. 1997. № 10-11. С.147-154.

7. Гмюр М. Национальная специфика теории организации // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 3.

8. Кабалина В.И. Трансформация предприятий: исследовательские подходы и результаты // Предприятия и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период (опыт монографических исследований 1989-1995 гг.) / Под ред. В.И. Кабалиной. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. С.6-29.

9. Камерон Ч., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. С.-Пб: Питер, 2001.

10. Козина И. Особенности стратегии case-study при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях России // Соци-

ология: методология, методы, математические модели. 1995. № 5-6. С.65-90.

11. Милкман Р. Японский менеджмент в США: столкновение культур // Рубеж. 1992. № 2.

12. Павенкова М. Функции внутриорганизационных мифов // [Персонал Микс](#). 2001. № 6.

13. Павлова М.А. Методы диагностики, формирования и развития организационной культуры. М.: К.Д.М., 1995.

14. Пригожин А. Проблема синергии организационных культур в русско-американских совместных предприятиях // Менеджмент. 1995. ¹ 1. С.60-77.

15. Романов П. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии» // Социологический журнал. 1996. ¹ 3/4. С.138-149.

16. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Делать знакомое неизвестным: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. ¹ 1/2. С.145-160.

17. Силвермен Д. Методология и значение // Новые направления в социологии / Д. Силвермен, Д. Уолш, М. Филипсон, П. Филмер. М.: Прогресс, 1978. С.300-327.

18. Спивак В. Корпоративная культура. С.-Пб: Питер, 2001.

19. Тотров Р.Р. Многонациональные предприятия: конфликты и переговоры из опыта американских исследований // Дарьял. 2002. № 4. http://www.darial-online.ru/2002_4/rus3.shtml.

20. Цинман Ж.М. Школа-интернат для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата // Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002. С.366-402.

21. Шейн Э. Организационная культура и лидерство: построение, эволюция, совершенствование. С.-Пб.: Питер, 2002.

Тема 2.4. Городская антропология

Основные понятия и сюжеты городской антропологии. Народно-городской континуум. Чикагская школа городской антропологии. Шанти-тауны. Факторы социальной дифференциации в городском пространстве. Понятия девиации, маргинальности и Другого в социально-антропологических исследованиях. Исследования этничности и этнической идентичности. Примордиализм. Этноцентризм. Культурный релятивизм. Проблемы толерантности

Основные понятия и сюжеты городской антропологии¹

Городская антропология изучает социальную организацию города, рассматривая разновидности социальных связей и моделей социальной жизни, свойственных городам, а также проводя их сравнительный анализ в различных культурных и исторических контекстах². Городская антропология выделилась в качестве самостоятельной области социокультурной антропологии в 50-60-х годах. В отличие от ранних урбанистических исследований городская антропология применила антропологические понятия и методы полевых исследований по отношению к городскому населению, при этом город выступал скорее контекстом исследования, чем непосредственно изучаемым явлением.

В большинстве случаев такой подход является следствием стремления городских антропологов изучать социальную организацию небольших городских сообществ, анализируя их социальную жизнь, так же как более крупных институциональных властных структур. Некоторые из этих исследований берут за основу территориальную смежность, например исследования соседства, другие изучают социальные сообщества, сети взаимодействий, связывающие людей, как живущих по соседству, так и тех, кто соседями не являются. Социальные связи в городах часто не локализованы, они как бы рассеиваются от изначально существовавшего сельского пространства к большим этническим кварталам в городах³.

В городской антропологии есть несколько важных аспектов, характеризующих ее методологию. Прежде всего, важные вопросы поднимаются при помощи сравнительного изучения городов, в частности, относительно

¹ В разделе используются переводы, выполненные Ж.М.Цинман.

² *Merry S.E.* Urban Anthropology // The Dictionary of Anthropology. Ed. by Thomas Barfield, Blackwell publishers, 1997. P.479-480.

³ *Boissevain J.* Friends of friends: networks, manipulators and coalitions. New York: St. Martin's, 1974; *Gmelch G., Zenner W.* Urban life: readings in urban anthropology [3rd rev. end.]. Prospect Heights, IL: Waveland, 1995.

универсальности или специфичности аспектов сельского/городского контраста, которые так часто принимаются как должное в других исследованиях. В городской антропологии изучались и сравнивались между собой разные типы городов – доиндустриальный, западный и незападный индустриальные, колониальный и постколониальный. В связи с этим обобщения, сделанные ранее в социологии на свидетельствах из западных городов, были поставлены под сомнение. Например, гипотеза о том, что родственные связи обязательно будут ослабевать в городах, была опровергнута изучением доиндустриальных городов и городов в странах третьего мира.

Антропологи обычно относились к городу как к особой среде с характерными признаками. Эта идея была, в частности, развита Дюркгеймом в его «Разделении труда в обществе» (1893) и повлияла как на Чикагскую школу городской антропологии, так и на модель сельско-городского континуума по Редфилду. Ниже мы остановимся на этих двух направлениях антропологического исследования городов, а сейчас отметим, что само понятие «город» является неоднозначным.

Сама проблема определения «города» – не простая. Если Шоберг определяет город по критерию наличия грамотной элиты, то П. Уитли развивает функциональное определение «этногорода» как «точки концентрации» населения и социальной активности любого рода. Город (*city*) (или *town*, который отличается от *city* только размерами) является продуктом возрастающей специализации ролей и централизации социальных институтов. Поэтому город как центр социальной, экономической и политической интеграции в специфическом регионе должен изучаться не в изоляции, а в отношении к региональному контексту.

Урбанистские антропологи всегда обращали внимание на особенности положения городской бедноты. В своей работе, вызвавшей немало споров, О. Льюис¹ доказывал, что существует особая «культура бедноты», как общий образ жизни, свойственный беднейшим группам населения в различных городах, таких как Мехико, Пуэрто-Рико и Нью-Йорк. И хотя эта концепция в дальнейшем неоднократно критиковалась, она стала важной попыткой теоретически осмыслить социальные воздействия «экономической пропасти» в больших индустриальных городах². Недавние исследования рассматривают локальные общности в крупных промышленных центрах как продукт позднекапиталистического развития и прогрессирующего обнищания бедноты. Сэссер³, например, исследует то, каким образом изменяющаяся политическая экономика городов формирует условия жизни

---

¹Lewis O. *La Vida: a Puerto Rico family in the culture of poverty – San Juan and New York*. New York: Random, 1966.

²Valentine Ch. *Culture and poverty: critique and counter-proposals*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1968.

неимущего населения. Д. Хэрви¹ анализирует изменения в городской жизни, происходящие в результате глобального процесса движения капитала и рабочей силы.

Антропологи изучают политические и экономические процессы, например, обновление городов, сокращение капиталовложений в города, конкуренцию рабочих мест в городе, расовую дискриминацию на рынке частного жилья, политику государственного обеспечения жильем, а также создание новых городов, трансформирующих городские районы. В некоторых работах исследуются наиболее характерные особенности архитектурного дизайна и городского планирования, влияющие на социальную жизнь, или благоприятствующие преступному поведению². Значительно меньше работ опубликовано о постсовременной городской жизни.

Городская антропология изучает социальные проблемы больших городов, такие, как преступность, социальный беспорядок, бедность, бездомность, нестабильность. Эти исследования рассматривают социальную организацию и культурные практики различных групп городского населения, например, группировок³, этнических меньшинств⁴, систем родства⁵, бездомных алкоголиков⁶, а также преступников и проституток, или секс-работников⁷. Обычно эти исследования включают в себя анализ систем бюрократического регулирования, городской политики, органов социальной поддержки, обновления города, а также экономических условий, которые создают местное сообщество. Часть исследований сосредоточены на анализе систем формального социального контроля: полиции, судов, тюрем.

Несмотря на то, что большая часть подобных исследований проводилась в Соединенных Штатах и Великобритании, городская антропология является областью сравнительных изысканий. Исследования родства и со-

---

³*Susser I.* Norman Street: poverty and politics in an urban neighborhood. Oxford: Oxford University Press, 1982.

¹*Harvey D.* The urban experience. Oxford: Oxford University Press, 1989.

²*Jacobs J.* The death and life of great American cities. New York: Random, 1961; *Merry S.E.* Urban danger: life in a neighborhood of strangers. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1981.

³*Suttles G.* The social order of the slum: ethnicity and territory in the inner city. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1968.

⁴*Gans H.* The urban villagers: group and class in the life of Italian Americans. New York: Free Press, 1962.

⁵*Stack C.* All our kin: strategies for survival in a Black community. New York: Harper & Row, 1974.

⁶*Spradley J.P.* You owe yourself a drunk: an ethnography of urban nomads. Boston, MA: Little, Brown, 1970.

⁷*Merry S.E.* Urban danger: life in a neighborhood of strangers. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1981.

седства в Англии¹ и исследования американских городов² проходили параллельно с подобными исследованиями в Индии³, Южной Африке⁴, Японии⁵ и других частях света. Некоторые антропологи исследуют изменчивую природу профсоюзных движений в городских центрах развивающихся стран⁶. Другие изучают непропорциональный рост «первых» городов за счет городов в провинции как результат общего экономического развития стран третьего мира.

Важной темы отечественной городской антропологии выступает коммунальная квартира. Из чего состояла когда-то – и из чего состоит сегодня – повседневная жизнь большой коммунальной квартиры? Семиотика публичного и приватного пространства жилища, отношения соседей и специфические формы психопатологии, представления о гигиене и о справедливости распределения обязанностей и благ – все это становится предметом исследования таких авторов, как С.Утехин⁷, К.Герасимова⁸, С.Чуйкина. Эти исследования относятся к направлению, называемому социологией, антропологией или историей повседневности, которое сегодня успешно развивается не только на этом предмете, но и в анализе вещей, рынков, профессий, городского пространства⁹.

¹Young M.D., Willmott P. Family and kinship in East London. London: Routledge, 1957.

²Liebow E. Tally's corner: a study of Negro streetcorner men. Boston, MA: Little, Brown, 1967; Lamphere L. From working daughters to working mothers: immigrant women in a New England community. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987.

³Lynch O. The politics of untouchability: social mobility and social change in a city of India. New York: Columbia University Press, 1969.

⁴Mayer Ph. Townsmen or tribestmen: conservatism and the process of urbanization in a South African city. Cape Town: Oxford University Press, 1961.

⁵Bestor Th.C. Neighborhood Tokyo. Stanford, CA: Stanford University Press, 1989.

⁶Epstein A.L. Politics in an urban African community. Manchester: Manchester University Press, 1958.

⁷Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2000. - 248 с.

⁸Герасимова К. История коммунальной квартиры. <http://www.kommunalka.spb.ru/history/history1.htm>; Герасимова Катерина. Советская коммунальная квартира // Социологический журнал. 1998. № 1-2. С. 224-244.

⁹Герасимова К. Массовое жилищное строительство и изменения в повседневной жизни горожан // Телескоп. 1998. № 3. С. 23-32; Герасимова К., Чуйкина С. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменения в социально-пространственной структуре города в 1930-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы / Под ред. Вихавайнена Т. СПб.: Журнал "Нева", 2000. С. 3-17; Герасимова К., Чуйкина С. Символические границы и "потребление" городского пространства (Ленинград, 1930-е годы) // Российское городское пространство: попытка осмысления / Под ред. Вагина В. М.: МОНФ, 2000. С.127-153.

Понятия девиации, маргинальности и Другого в социально-антропологических исследованиях

Проблемы социальных отклонений волновали социальных и культурных антропологов, начиная с Э.Дюркгейма. Идеи маргинальности связаны с концепциями Другого, чужого в социологии и социальной антропологии. Важную роль в разработке этих концепций принадлежит немецкому социологу Г.Зиммелю¹, который помещает понятие чуждости в контекст социального пространства, с характерным для этой традиции терминологическим аппаратом границ, групп и социальных связей: только оставшийся в каком-то месте странник дает повод к образованию единства «ближнего-дальнего», поскольку возникает социальный статус, сочетающий принадлежность к месту и группе и независимость чужестранца. Чужак - это странник, который приходит извне. Он, следовательно, именно пространственно чужой, поскольку группа идентифицирует себя с определенным пространством, а пространство - с собою. Восприятие чужого дано у Зиммеля через взаимодействие. Чужой появляется сегодня, чтобы остаться на завтра, но остается все тем же чужим, не может разделить с группой ее симпатии и антипатии и поэтому не только кажется опасным для существующего порядка, но и на самом деле "становится на сторону "прогресса" против господствующих обычаев и традиций"².

В целом, Чужой предстает как свидетель иной культуры. Близость и дистанцированность как реципрокные качества свойственны до той или иной степени всем формам отношений, в том числе и отношениям чуждости, однако в последнем случае между этими двумя полюсами возникает особое напряжение. По словам Зиммеля, "У человека, чуждого стране, расе, городу, культуре, подмечаются и акцентируются окружающими не индивидуальные качества, а те общие с другими чужаками свойства, которые у него существуют или могли бы существовать. Именно поэтому чужаки в реальности никогда не воспринимаются как индивидуальности, но лишь как определенные типы чужаков"³. В этом рассуждении Зиммеля звучит мысль о типизации других как приписывании знакомых свойств незнакомым объектам, идентификации других с типами действий и личностей, которая позднее была развита А.Шюцем в его концепции структуры повседневности.

Новые формы жизненного опыта в модернистском, или современном,

¹ *Simmel G. The Stranger // Georg Simmel. On Individuality and Social Forms / Ed. by D.L.Levine. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1971. P. 143-149; Зиммель Г. Как возможно общество? / Пер. с нем. А.Ф.Филиппова // Социол. журнал. 1994. № 2. С. 102-114; Зиммель Г. Человек как враг / Пер. с нем. А.Ф.Филиппова // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 501-508.*

² *Филлипов А.Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля // Социол. журнал. 1994. N 2. С. 80.*

³ *Simmel G. The Stranger. P. 148-149.*

обществе, привлекавшие Зиммеля в аспекте их диффузности, фрагментарности и психологичности, рассматриваются Дюркгеймом как последствия перехода от механической солидарности к органической и как аномальные формы последней ¹. Эти формы у него носят исключительный характер, "они не только встречаются у меньшинства, но и здесь чаще всего не продолжают в течение всей жизни индивида" ². Итак, нетипичность, проинтерпретированная в перспективе концепции Дюркгейма, означала бы патологическое свойство, исключительное в смысле нераспространенности для определенного социального типа, присущее меньшинству, но, возможно, полезное при каких-то ненормальных условиях.

Вместе с тем, Дюркгейм признает, что в современном обществе для социолога затруднительно решать, нормально какое-то явление или нет, поэтому установив распространенность факта, следует выяснить, что породило его в прошлом. Определив, что старая социальная структура, бывшая условием данного факта, изменилась или исчезла, нужно заключить, что теперь это явление - болезненное, каким бы распространенным оно ни было.

Зиммель же, в свою очередь, ставит акцент не на отграничении нормального от патологического, а на изучении внутреннего опыта и диффузности прежде стабильных форм переживания времени, пространства и причинности. В его крупных работах о двух решающих сторонах модерна - зрелой капиталистической денежной экономике и метрополисе ³ - дается такой анализ их последствий для индивидуальных способов взаимодействия с миром, который оказывается ближе всего к современным социологическим и психологическим исследованиям жизненного мира повседневности, в том числе становится концептуально важным в анализе проблемы нетипичности как социально-психологического состояния, ситуации переживания особого опыта бытия другим.

Идеи Зиммеля позднее развиваются в чикагской школе, в частности, в концепции маргинальной идентичности Р. Парка. Теория маргинальных людей и общностей была выдвинута в 20-е годы в США Р. Э. Парком и несколько позже Э. В. Стоунквистом в Чикагской социологической школе. Автор социально-экологической теории Парк изучал миграцию как коллективное поведение, образующее экологический порядок общества. Социальные перемещения как изменения социально-экономического статуса становятся предметом теории социальной дистанции, а исследования

---

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

² Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 76.

³ См.: *Simmel G. The Philosophy of Money*. London, New York: Routledge, 1990; *Simmel G. The Metropolis and Mental Life* // *Simmel Georg. On Individuality and Social Forms* / Ed. by D.N. Levine. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1971. P. 324-339.

культурной мобильности позволяют Парку сформулировать понятие маргинальной личности¹. Маргинал прокладывает путь по границе двух культур и должен реализовать свой творческий потенциал, чтобы в одиночку преодолеть их социальное столкновение.

В развитие научной дискуссии о социальной дистанции, начатой Зиммелем, изучая особые формы маргинальности как социальной изоляции, Р.Парк и Э.Берджесс подвигают Э.Богардуса² на концептуализацию этого понятия в значении степени близости во взаимоотношениях между членами различных этнических групп. Идея Зиммеля о геометрии социальных взаимосвязей в графической форме была, кроме того, реализована Морено в его социометрии ассоциативных предпочтений в малых группах. Социологический потенциал этого значения социальной дистанции не был оценен по достоинству П.Сорокиным³, но вызвал к жизни мощную волну исследований неравенства, стратификационных систем, городских сегрегаций, специального (пространственного) поведения и одиночества⁴.

Известны работы в этом направлении и французской географической школы и социологии. Еще ранее, в работах М. Вебера город был представлен как особый тип социальных отношений, которые характеризуются корпоративностью. К социокультурным предпосылкам появления города относятся следующие: 1) разрушение родовой общины и появление массы маргиналов; 2) смена ценностно-мировоззренческих ориентаций людей, появления нового типа культуры – сциентистски-рациональной и инновационной; 3) изменение характера экономической мотивации.

Маргинальность, согласно чикагским социологам, является характеристикой городского социума. К теоретическим аспектам маргинальности относятся следующие: 1) статусный: маргинальные люди и группы находятся в ситуации неопределённости статусных позиций, что определяется с помощью значимых признаков социальной дифференциации, 2) нормативный: в ситуации неопределённости ценностных ориентаций личности говорят о культурной маргинальности, 3) ролевой: ситуация неопределённости ролевой модели поведения. Проблема социокультурной маргинально-

---

¹ Баньковская С.П. Парк Роберт Эзра // Современная западная социология. Словарь. М.: Политиздат, 1990. С. 256-257.

² Bogardus E.S. Measuring Social Distance // Journal of Applied Sociology. 1925. № 9. P. 299-308; Bogardus E.S. Immigration and Race Attitudes. New York: Heath, 1928; Bogardus E.S. The Mexican in the United States. New York. Arno Press. 1970 [1934].

³ Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во полит. литературы, 1992. С. 300

⁴ См., напр.: Laumann E.O. Prestige and Association. An Analysis of an Urban Stratification System. New York: The Bobbs-Merrill Company Indianapolis, 1966; Loneliness: a Sourcebook of Current Theory, research, and therapy / Ed. by Peplau L.A., Perlman D. New York: Wiley, 1982; Spatial behaviour of older people / Ed. by Pastalan L.A., Carson D.H. Ann Arbor: University of Michigan, 1970.

сти раскрывается следующим образом: маргинальная среда представляет условия формирования и проявления девиантного поведения, а также пространство, где возникают, функционируют, локализуются неформальные и альтернативные движения. Интеракционистский, социально-антропологический подход к девиации и маргинальности позволяет интерпретировать культурную маргинальность как среду нормотворчества, поскольку в ней пересекаются разные стили, практики, интегрируются сообщества. Проблема маргинальности раскрывается так же через соотношение «центра» и «периферии» в социокультурном пространстве города. С одной стороны, на периферии городского пространства маргинальность соседствует с безвластием, бедностью и политическим вакуумом. С другой стороны, здесь происходит перераспределение власти и формируются новые формы контроля над городской жизнью и территорией, включая организованную преступность и терроризм. Противоречие между центром и периферией выражается и в проблеме соотношения «столичности» и «провинциальности» городской жизни.

Социальные и культурные определения инвалидности и гендерных отношений. Понятия здорового и больного, высокого и низкого, мужского и женского относятся не только к характеристикам физического тела. Они связаны с социальным определением пространства: если одно в центре, то другое – на периферии, с краю. Инвалиды как раз и выступают такими маргиналами, экзотами, Низкими-Другими, о которых Слышащие создают мифы, призванные подпирать их собственный культурный статус и оправдывать властные амбиции. В центре этих мифов – определение маргинального как находящегося на «краю цивилизации»¹.

Быть «на краю» подразумевает исключение из «центра». Но, как показывает Роб Шилдс, социальные, политические, экономические отношения, которые привязывают периферию к центру, удерживают их вместе в сериях бинарных связей, не допускают их полное разъединение. Таким образом «края» становятся означающими всего того, что отрицают или репрессировывают «центры»; края как «Другое», становятся условием возможности всех социальных и культурных целостностей. По этой причине то, что обыденно на периферии, так часто символически важно в центре. Низкое-Другое отвергается на всех уровнях социальной организации, но в то же время является инструментальной составляющей образных репертуаров доминантной культуры². Мир маргиналов оказывается социальной «периферией», необходимой «центру» для поддержания собственного статуса.

Определение маргинальных мест и пространств происходит так: объектам, практикам, идеям и способам социального взаимодействия при-

¹ *Said E.* Orientalism. New York: Vintage Books. 1979.

² *Schildes R.* Places on the Margin. Alternative geographies of modernity. London and New York: Routledge. 1991. P.276.

писываются атрибуты «Низкой культуры», культуры маргинализованных¹. Политика такого символического исключения основана на стратегии, которую Эдвард Саид назвал «позиционное превосходство». Высокое помещается в целую серию возможных отношений с Низким, никогда не отменяя своего высокого места. Так порождается серия амбивалентных репрезентаций и двусмысленных отношений к Низкому или Маргинальному.

Именно здесь возникает важная для городской антропологии идея одиночества в толпе, впоследствии сформулированная И.Гоффманом как "учтливое невнимание", избегание близости, необходимое в современной городской жизни. Эта черта современности может быть названа отношением тотальной чуждости в том смысле, что способность к поверхностным, текучим, ограниченным взаимоотношениям становится ключевым условием выживания.

Первое, что отсюда следует, - автономизация, или, как определяет эту черту современности П.Бергер, индивидуация социальных отношений. Нетипичность, таким образом, можно проинтерпретировать как то, что попадает за скобки автономных ограниченных мирков, за рамки нормативной территории субъекта, группы или общества, и, следовательно, за пределы чьей-либо компетентности. Нетипичность воспринимается лишь на границе этих территорий, в интеракции различных культур, способов мироощущения, влечет интересубъективный акт оценивания, ранжирования, классификации, результатом которого становится не просто взаимное принятие (включение) или исключение (вытеснение) акторов, но обязательное взаимное определение, идентификация участников интеракции с некими типами, входящими в сферу компетентности каждого из них непосредственно или как референция к компетентности экспертов. В качестве экспертов обычно понимаются те субъекты, профессиональные группы или институты, которые являются агентами социального контроля, призваны гарантировать установленный порядок, следить за соблюдением *status quo* социальной иерархии на всех уровнях. К экспертному знанию относится любое научное знание, но в структуре повседневного мышления наибольшей властью обладает авторитет медицины, психиатрии, криминологии, пенологии, где существуют не всегда однозначные и ясные, но неизменно авторитетные определения в терминах функций и норм.

Идея социальности пространства, наполненного социальными интеракциями, прослеживается в концепции А.Шюца, рассматривающего устойчивость, долговечность социальных связей как определяющий признак отношений между чужими и своими и изучавшего психические процессы преодоления чуждости, нового культурного окружения. В этой концепции чужой - это человек, переживающий личностный кризис и стремящийся проникнуть посредством изменения системы ценностей в новую структу-

¹ *Schields R. Op.cit P.5.*

ру. Как видим, инаковость, или нетипичность¹, воспринимаемая человеком как кризис в нем самом, приобретает экзистенциальный смысл сомнения личности. Переживание кризиса (от греч. crisis - решение, поворотный пункт, исход) приближает к состоянию выбора, которое Киркегором объясняется через состояние отчаяния: решившийся на отчаяние, выбирает познание себя самого не в смысле временного, случайного индивидуума, но в своем вечном значении человека². Анализ проблемы нетипичности как социального и экзистенциального феномена, следовательно, возможно осуществлять в перспективе рассмотрения кризисных, стрессовых ситуаций, делающих жизненный опыт субъектов необычным, индивидуализируя ситуацию и тем самым заостряя разлом между социальным и личностным, затрудняя типизацию, определение явлений, действий, событий и самотипизацию акторов.

В связи с этим для нас в работах А.Шюца важна мысль о том, что любая форма социального взаимодействия зиждется на конструктах типизации, при помощи которых понимаются «Другой» и модель действия вообще³. Здесь в понятие действие включается все человеческое поведение, когда и поскольку действующий индивид придает ему субъективное значение.

Зигмунд Бауман представил чуждость как нечто противоположное к отношению друга-врага, имеющему четкие внутригрупповые границы и дающему знание о праве и несправедливости, добре и зле, истине и фальши. Чужой - это символ неизвестного, нерешенного, нерешительного, опасный для социальной жизни.

"Оба понятия - "мы" и "они" - получают смысл из разделительной черты, которую они обслуживают. "Чужаки", с другой стороны, нарушают это разграничение; можно сказать, что они представляют оппозицию оппозиции. Чужак не есть просто *незнакомый* человек. Верно, скорее, обратное: примечательная черта чужаков - это то, что они до значительной степени *знакомы*. Чужаки - это не близкие и не далекие от меня люди. Они не являются ни частью "нас", ни частью "их". Они - не друзья и не враги. Поэтому они вызывают растерянность и беспокойство, тревогу. Я не знаю точно, что ожидать от них, как вести себя с ними, что мне с ними делать"⁴.

---

¹ См.: *Ярская-Смирнова Е.Р.* Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997.

² *Киркегор С.* Наслаждение и долг. Киев: Air Land, 1994. С. 293-296.

³ *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социол. исслед. 1988. N 2. С. 135.

⁴ *Bauman Z.* Thinking Sociologically. Oxford, Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1990. P. 54-55.

Продолжая дискуссию об интерактивной сущности понятия нетипичности как чуждого, обсудим мысль А.Нассеи¹, который считает, что различение ближнего-чуждого генерирует процесс различения форм коммуникации и поведения, - таким образом форма общественной близости соотносится с формами "чуждости". Близость возникает в результате становления "жизненного мира", когда бесконечное многообразие возможностей оформляется в горизонт ожидаемого и таким образом расшифровывается социальный мир. Если задуматься об условиях, при которых общественные структуры воспринимаются как привычные, осознав тем самым восприятие чуждого как социально сконструированное, при всей своей сомнительности чуждой становится как бы ближе, рефлексивнее. Тем самым чуждому, а точнее, коммуникации с чужим, приписывается активная роль в процессах социальной модернизации.

Таким образом, идентичность, будь то социальная или индивидуальная, всегда определяется в терминах оппозиции, не-идентичности, иными словами, нетипичность как не-идентичность обратима и взаимна по отношению к тождественности. Однако, одна сторона идентичности, а именно, производная из социальных отношений чаще всего помещается в преимущественное, центральное положение, а другая вытесняется на смысловую периферию в социальной интеракции. Если в оппозициях природа/культура, индивидуальное/общественное, чувства/разум или инстинкты/правила второй полюс получает смысл большей ценности или предполагается его доминирование над первым, как, например, в классической позитивистской парадигме в социальных науках, коммунистической утопии или фрейдизме, то нетипичность, очевидно, будет определяться как явление не-человеческое, бесполезное, опасное для общества в целом и конкретных людей. Сравнения с животными, игнорирование, изолирование и ликвидация, - такая политика в отношении нетипичных как бесполезных и опасных свойственна многим обществам и государствам в определенные периоды их развития. По нашему убеждению, черты этого дискурса в отношении с другими в той или иной степени присущи всем формам социального взаимодействия, но не всегда отчетливо распознаются и потому воспроизводятся, представляя культурной универсалией в глазах и обывателей, и ученых мужей.

Это свойство "здорового смысла" - выражать требование такого порядка, согласно которому необходимо избрать одно направление и придерживаться его, - ведет от более дифференцированного к менее дифференцированному, по стреле времени от прошлого к будущему, делая возможным

---

¹ *Нассеи А.* Чужой как ближний. Социологические исследования конструкции идентичности и различия // Реферативн. журн. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 1996. № 3. С. 104-111.

предвидение, но, как говорит нам Ж.Делез ¹, не играет никакой роли в "даровании смысла".

Такая трактовка характера идентичности дает нам более глубокое понимание социокультурного смысла предрассудка. В этой связи важно учесть предложенную П.Бергером концепцию ситуативного определения Я, представляющую социально-феноменологический подход. В этом позиция П.Бергера перекликается с теорией "зеркального я" Ч.Кули. Если социальная ситуация *есть* то, что определено ее участниками, то, с точки зрения индивидуального участника, это значит, что каждая ситуация, в которую он попадает, выдвигает ему встречные специфические ожидания и требует от него специфических реакций на эти ожидания. Именно так, утверждает П.Бергер ², человек вырабатывает свои роли, ибо роль может быть определена как типический ответ на типическое ожидание.

Это значит, что мы становимся шутниками с людьми, которые ожидают от нас, что мы будем смешны, или занудами, когда мы знаем, что нам предшествует именно эта репутация. Самое ужасное в предрассудках для человека - это то, что они могут сделать человека таким (или заставить его стремиться стать таким), как рисует его предрассудок ³. Индивиды выбирают своих спутников таким образом, чтобы поддержать собственную их самоинтерпретацию. Иначе говоря, каждый акт социального приписывания в члены группы делает необходимым выбор идентичности. И обратно: каждая идентичность требует особого социального приписывания в целях самосохранения.

В философии Ж.-П.Сартра, которая имеет важное значение для социально-антропологических исследований города, идентичности, проблемы толерантности, появляется абсолютный Другой, и этическое бытие-для-Другого становится возможным под-взглядом-Другого.

"Мною владеет Другой: взгляд Другого манипулирует моим телом в его обнаженности, заставляет его явиться на свет, вылепливает его, извлекает его из неопределенности, видит его так, как я его никогда не увижу... Пытаясь поглотить другого, я тем не менее не перестаю утверждать другого... Отправляясь от конкретного, выстраданного и прочувствованного опыта другого, я хочу вобрать в себя этого конкретного другого как абсолютную реальность, в его инаковости... Я вовсе не намерен разрушить собственную объективность путем объективации другого, что было бы равносильно избавлению меня от моего бытия-для-другого; как раз наоборот, я хочу ассимилировать другого как глядящего-на-меня-другого, и в такой проект ассимиляции входит составной

¹ Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. С. 99-100.

² Бергер П. Приглашение в социологию. М.: Аспект-Пресс, 1996

³ Бергер П. Приглашение в социологию. М.: Аспект-Пресс, 1996

частью возросшее признание моего бытия-под-взглядом другого"¹.

Другой, очевидно, делает реальной нашу потенциальную способность воспринимать и быть воспринимаемыми. Мы никогда не смотрим на мир прямо, а всегда лишь через другого, обнаруживая и преодолевая таким образом границы, пределы собственного восприятия. Эта мысль созвучна идее М.Бахтина о диалогическом отношении как со-присутствию в событии речи по крайней мере двух голосов: своего и чужого, голоса "я" и голоса другого.

В теоретическом сознании американской гуманитарной науки большую роль в популяризации и привитии идей критического (социологического и гносеологического) деконструктивизма сыграла деятельность Эдварда Саида - известного литературного критика, ученика Мишеля Фуко. В своей ставшей знаменитой книге "Ориентализм" Саид предложил вариант своего рода "археологии антропологического знания". Подразумевая под "ориентализмом" (этот термин в английском языке обозначает одновременно и ориенталистику, востоковедение) схему взаимоотношений антрополога со своим предметом, сформированную стихией традиционного научного дискурса, Саид продемонстрировал ее как вариант "колонизирующего" сознания, которое формирует "колониальный" тип репрезентации чужой культуры и представляющий ее образ Другого. Основное внимание в исследовании было привлечено к тому, каким образом власть и политика играют решающую роль в производстве культуры и знания, определяя их содержание.

Сама оппозиция Я - Другой, лежащая в основании всей конструкции антропологического знания (концепции дисциплины, ее исследовательской парадигмы и т.п.), может быть рассмотрена как код, образованный: 1) эвристическим приемом, сформированным классическим научным дискурсом, разделяющим мир на субъект и объект, превращающим в пассивный объект все, подлежащее научному познанию, и 2) эвристическим клише, навязанным знанию эпохой модерна, разделяющей мир на две неравные части в соответствии с принципами явного (политического) или скрытого (экономического и культурного) колониализма. Принципиально новым для антропологии пунктом здесь является вывод о том, что так понимаемый ориентализм (и ориенталистика вообще), следовательно, способны сказать больше о Западе, чем о Востоке, об исследователе - больше, чем о предмете исследования.

¹ Саптр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 207-209.

Критика ориентализма должна состоять в деконструкции отношения Я - Другой как традиционного кода этнографического текста или традиционной схемы антропологического события, ситуации. “Колонизирующий” научный дискурс ставит на место живого, динамичного культурного субъекта статичный, лишенный внутренней динамики объект, точнее, “замораживает” его, заставляет застыть в процедурах научного исследования. Адекватным выражением нового понимания антропологического события, ситуации могла бы служить стратегия, исходящая из сложной конструкции взаимного сочетания кодов Я - Я и Другой - Другой, что-то типа Я : Другой - Я : Другой, соответственно с обязательным фрагментом Я как Другой (Я : Другой), уравнивающая в политических и гносеологических правах обе части эвристической оппозиции традиционной науки (субъект и объект).

Код нового дискурса не представляет собой оппозицию, его структура сложнее: внутреннее раздвоение проходит не по центру, а по всем элементам, обеспечивая и реализуя рефлексивность как принцип дискурса. Соотношение этого и других конструктивных или формообразующих элементов нового дискурса - отдельный вопрос, остающийся открытым, как и сам вопрос о новом дискурсе - не столько по причинам эвристической сложности, сколько по причинам исторического характера: мета-дискурс формируется не произвольными интеллектуальными усилиями, а стихией социокультурной жизни. Если мы рассчитываем на то, что отмеченные элементы новаций представляют собой свидетельства реальных мета-культурных сдвигов, а не простые умственные забавы профессионалов, мы не можем ожидать полной и ясной картины трансформаций до того, как эти трансформации произойдут: нельзя анализировать то, чего еще нет. Максимум, на что можно надеяться - это на нашу способность не игнорировать изменения и реагировать на них. Можно считать, что реальный вклад постмодернистских антропологов в развитие своей дисциплины состоял хотя бы в этом скромном предприятии: выраженном не столько пафосом революционного отрицания традиций, сколько ответственностью внимательного реагирования на процессы в области маргинального.

В результате таких преобразований традиционная антропология как этнография Другого трансформируется в новую антропологию как одновременно и этнографию Себя (Я), что, вероятно, даже важнее, чем только возможность адекватной этнографии Другого. Белый человек, традиционно делавший антропологию Других, нуждается в антропологии самого себя, делать которую в традиционном плане может только новый Я, превращающий его в Другого, либо он сам,

занимая ту же позицию. Рефлексивная стратегия дает возможность создать исследовательскую ситуацию, где “Я” Белого человека превращается в Другого, становясь другим (иным) за счет проявления в опыте другой (т. е. принадлежащей Другому) культуры. Рефлексивная стратегия открывает одну (возможно, одну из немногих) перспективу антропологии “первого” мира - мира белого человека. Ее смысл может быть истолкован с точки зрения этой потенциально широкой исследовательской перспективы¹.

В перспективе "рационального порядка" этическая ответственность иррациональна: как можно быть *для* Другой перед тем, как быть *с* Другой? Этическая ответственность, размышляет З.Бауман ², не имеет ни цели, ни причины (это - не результат "воли" или "решения", не способ выживания или достижения бессмертия, скорее невозможность не быть ответственным за эту Другую здесь и теперь, которая конституирует мою моральную ответственность). В ней нет ни универсальных стандартов, ни заглядывания через чье-нибудь плечо, чтобы свериться с тем, что делают такие люди, как я. Онтологически, мы - друг с другом. Бок о бок, плечом к плечу и все же бесконечно далекие. Парадоксально, но быть *вместе* значит быть *порожнь*: "Она не кто иная, как не-я, место, занимаемое ею - это место, где нет меня". Для "бытия с" необходим Закон или Этика, которая лишь маскируется под мораль, когда подражает Закону. Идея морали, предшествующей свободе жизненных шансов, очевидно, могла развиваться только в направлении, заданном Вебером в его исследовании капитализма как детища протестантской этики.

Для городской антропологии важна идея когнитивных, эстетических, этических социальных пространств, о которых пишет Бауман ³ в своей "Постсовременной этике". С его точки зрения, конструирование этического пространства (*moral spacing*) происходит не по тем же правилам, что когнитивного (*cognitive spacing*). Этическое не полагается на предыдущие знания, не включает производство нового знания, не предполагает подключение человеческих интеллектуальных способностей и навыков - тестирования, проверки, сравнения, подсчета, оценивания. По интеллектуальным стандартам когнитивного пространства, моральное выглядит "примитивным". Объекты когнитивного пространства - другие, *с* которыми мы жи-

---

¹ Рубел П., Чегриниц М. Исследовательские стратегии в современной американской культурной антропологии: от "описания" к "письму" // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. № 2

² Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford, UK, Cambridge, Mass: Blackwell, 1993. P. 13, 52, 53.

³ Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford, UK, Cambridge, Mass: Blackwell, 1993. P. 165, 167-168.

вем. Объекты морального пространства - другие, для которых мы живем. Эти другие сопротивляются любой типизации. Населяющие моральное пространство, они остаются вечно особенными и незаменимыми, то есть нетипичными.

Если в когнитивном социальном пространстве чужак - это тот, кого знают совсем немного и желают знать о нем еще меньше, то в моральном пространстве - это некто, о ком не так уж сильно пекутся и не собираются заботиться больше. Чужаки в эстетическом пространстве, с их неизвестными, непредсказуемыми путями, с их калейдоскопическим разнообразием внешностей и действий, с их способностью удивлять, - особенно богатый источник удовольствия зрителя. Однако Бауман отмечает связь эстетического пространства с когнитивным: чужаки доставляют вам наслаждение, только если их чуждость удостоверена, если зрители уверены, что она не таит опасности. Эстетическое конструирование пространства в принципе может перерисовать карты когнитивного пространства, однако ничего не будет исправлено до тех пор, пока когнитивное пространство не гарантирует безопасность результатов. Эстетическое наслаждение, говорит Бауман, может состояться лишь в хорошо управляемом и контролируемом пространстве.

Народно-городской континуум

Остановимся на упомянутой выше теории сельско-городского, или народно-городского континуума (folk-urban continuum). Этот теоретический конструкт был предложен антропологом Робертом Редфилдом (1897-1958) в целях объяснения различий, обнаруженных между разными мексиканскими сообществами¹. По Редфилду, «народное», или сельское общество характеризуется малым размером, физической изоляцией, отсутствием грамотности, высокой степенью социальной однородности и групповой солидарности. Городское общество, с другой стороны, характеризуется более крупными размерами, контактами и коммуникациями между центрами популяций, большим разнообразием ролей, более высокой степенью индивидуализма и грамотности. В сельском обществе превалирует значение уз родства, личностно-специфическое и традиционное поведение; основным модусом опыта и действия является сакральное, а не секуляризованное. В городском обществе узы родства дезорганизованы, преобладает секуляризованный модус. Редфилд предположил, что любое сообщество будет занимать определенную позицию на народно-городском континууме в соответствии со степенью преобладания черт, рассматриваемых в качестве характеристик городских или сельских идеальных типов. Идея континуума

---

¹*Seymour-Smith Ch. Folk-urban continuum // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.121.*

является дескриптивной схемой, которая, кроме того, концептуализируется как объяснение эволюции социальных форм – от простого к более сложному.

Понятие сельско-городского континуума подвергалось критике с различных позиций. Указывалось, что сельские и городские типы представляют собой абстракции, не соответствующие ни одному реальному сообществу. Критики также доказывали, что создание этих двух противоположных полюсов, представляющих собой эволюционные противоположности, отвлекает внимание от потребности изучать взаимоотношения сельского и городского общества, поскольку в реальности они часть единой социальной и политико-экономической системы. Другие критики фокусировались на приоритетах, которые Редфилд придает ценностям и мировоззрению как определяющим и детерминирующим характеристикам социальных типов, и его вытекающей отсюда недооценке политико-экономических и властных структур.

Многие исследования городских антропологов посвящены миграции сельских жителей в города. Они оспорили утверждение о том, что как только сельские мигранты поселяются в городах, их социальный порядок и культура разрушаются, которое являлось фундаментальным аргументом теории урбанизма как образа жизни. Исследования сквоттерских¹ поселений, возникших как результат потока сельских мигрантов, хлынувшего в города в развивающихся странах в 60-70-е годы, выявили не анархию, а наличие стихийно возникающих форм социального порядка, планирования и институционализированной структуры².

Чикагская школа городской антропологии

Говоря о Чикагской школе городской антропологии, следует в первую очередь отметить вклад ее основателя – Роберта Э. Парка, который в 1915 г. оставил занятие журналистикой и организовал первый в США Центр городских исследований. В основу своей теории Р. Парк заложил различия двух групп факторов, влияющих на городскую экологию: биотических и культурных. Биотический уровень – уровень базисных потребностей человека, таких как потребность в воде и других ресурсах. Эти факторы определяют размер населения в месте проживания (ареале расселения). Борьба за существование и обладание ресурсами определяет законы этого уровня. Таким образом, борьба с необходимостью вовлекает в себя разные социальные группы, вынужденные сосуществовать, что приводит к сим-

---

¹Сквоттерство – коллективный захват жилья или иных помещений.

²*Peattie L.R.* The view from the barrio. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1968. *Mangin W. P.* (Ed.). Peasants in cities: readings in the anthropology of urbanization. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1970; *Roberts B.* Cities of peasants: the political economy of urbanization in the Third World. Beverly Hills, CA: Sage, 1978.

биозу элементов человеческого общества. Культурный уровень выстраивается над биотическим и базируется на обычаях, нормах, законах и институтах. Все это создает уникальные черты человеческого общества¹.

На примере расселения рабочих Парк доказывает, что ареал их расселения определяется потребностями биотического уровня, которые, в свою очередь, зависят от их возможности платить за жилье и транспорт для проезда на работу. А уже на основе устойчивого ареала происходит формирование элементов культурного уровня – школ, церквей и прочих институтов. Рассматривая данный процесс в динамике, Парк указывает на существование множественных «миров» (различных частей города, заселенных социально, этнически или религиозно гомогенными группами) в рамках одного города. Сосуществование этих миров ведет к «вторжению» (invasion) одного мира на территорию другого, различные миры «перекрывают» структуру города, «вытесняют» одних с территории, занятой другими².

В 1916 г. Парк публикует работу «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городском окружении», где формулирует исследовательскую программу для городских экологов на десятилетия вперед. Среди вопросов, представленных в программе, были, в частности, следующие: Каковы источники городского населения? Что такое городские естественные ареалы расселения? Какие социальные ритуалы приняты среди различных соседей – какие действия должны совершать новички, чтобы полностью интегрироваться и избежать вытеснения в этом ареале? Кто является местными лидерами и в чем причина их влияния на общество?

Другому представителю Чикагской школы – Эрнсту Берджессу – удалось создать графическое приложение экологического подхода к городам – теорию концентрических городских зон (1925). Зонирование городов было изучено теоретиками школы на многих примерах. Один из наиболее известных примеров – работа Х. Зорбауха «Золотое побережье и трущобы» (1929). Работа строится на изучении северной части Чикаго, побережья озера Мичиган, населенного богатейшими семьями города и беднейшей части городских трущоб. Изучаемые районы расположены в нескольких кварталах друг от друга. Кроме того, в этой же части города есть кварталы богемы типа Гринвич-Вилидж, кварталы, населенные итальянцами. Всего там проживало около 90 тысяч человек. Это место в Чикаго служило подлинной лабораторией для социологов. Зорбаух создал яркую картину жилья социальных миров этой части города. Ему удалось достичь цели с помощью «включенного наблюдения» – качественного метода, ставшего

---

¹Вагин В.В. Городская социология: Учеб. пособие для муниципальных управляющих. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

²Там же.

весьма популярным благодаря исследованиям авторов Чикагской школы. В этой части города жили от 2 до 6 тыс. семей, включенных в «социальный регистр» – свод наиболее богатых и влиятельных семей Чикаго. На основе изучения вхождения семей в «социальный регистр», Зорбаух выявил «социальную игру» – процесс вступления новых членов в этот неофициально существующий клуб. Он, в частности, обнаружил искусную технику проникновения новичков, во-первых, за счет использования детей, как средства (через обучение в одних учебных заведениях) знакомства и установления контактов, во-вторых, за счет участия в разного рода благотворительных акциях, устраиваемых женщинами из высшего общества. В исследовании было также установлено и то, что семьи, включенные в «социальный регистр», имели свой узкий круг общения из 10-12 семей, некоторые даже не знали соседей, живущих через дом от них¹.

В начале XX века городская жизнь как специфический социальный феномен, или урбанизм становится объектом подробного изучения в социальных науках и первоначально основывается на крупном этнографическом исследовании, проводившемся в Чикаго. Социологи и антропологи из Чикагского университета развивали теорию урбанизма как особого типа социальной жизни. Луис Вирт (1897-1952), ученик Р. Парка, в 1938 г. опубликовал ставшую классической статью «Урбанизм как образ жизни»². В ней американский социолог рассматривает психологические и поведенческие следствия жизни людей в городах. Вирт выделяет три основные характеристики города: размер населения, плотность и разнородность населения и следствия, к которым они приводят. Следствием повышения плотности проживания населения является повышение числа воздействий на человека, увеличение контактов с незнакомцами, возрастание типов движения и появление сложных технологий в городе. Следствием гетерогенности населения города является повышенная социальная вертикальная мобильность. Для горожан большое значение имеют их группы интересов в процессах социальной мобильности в отличие от традиционного общества, в котором место размещения в иерархии определялось семьей. Лишь новые городские институты позволяют сохранить социальный порядок в городе с меняющейся социальной иерархией. Таким образом, в работе Вирта обосновывается важность вторичных культурных факторов и социальных институтов. Различного рода социальные потрясения происходят из-за сдвигов в размерах, плотности и гетерогенности населения городов³.

---

¹Вагин В.В. Городская социология: Учеб. пособие для муниципальных управляющих. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

²Wirth L. Urbanism as a way of life // American Journal of Sociology. 1938. № 44. P.1-24.

³Вагин В.В. Городская социология: Учеб. пособие для муниципальных управляющих. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

Следствием огромного размера города становится превращение его в мозаику «социальных миров», в котором ослабляются узы дружбы, родства. Институты СМИ, полиция, бюрократия призваны осуществлять механизмы социального контроля в индустриальном обществе. Несмотря на большой объем контактов, люди в городе знают не большее количество людей, чем деревенские жители, нарастает формализация контактов¹.

В своем классическом эссе Луис Вирт доказывал, что экологические условия количества, плотности, неизменности и социальной гетерогенности населения создали социальное пространство безличных, искусственных, временных и сегментированных социальных отношений. Не связывая себя первичными узами семьи или соседства, горожане вели фрагментарную жизнь, в которой они играли множество ролей в сильно разделенных и сегментированных социальных пространствах. Для поддержания социального порядка большее значение имели формальные институты, нежели неформальные общественные санкции, а соседские и семейные узы в городе, по сравнению с сельскими сообществами, ослаблены².

Эта теория урбанизма рисует малорадостную картину городской жизни. Утверждается, что урбанисты часто испытывали отсутствие каких-либо норм и морального кодекса. В отсутствие общественного согласия по поводу нормативного устройства возникала всеобъемлющая социальная дезорганизация, отмеченная преступностью, коррупцией, распадом личности, суицидами и массовыми движениями. Вирт назвал такое состояние аномией – социальным вакуумом – вслед за Дюркгеймом, который употреблял это понятие, чтобы разобраться в социальной дезорганизации техногенного общества. Вследствие аномии, наступающей в результате распада общественного сознания, происходит гетерогенность и разделение труда³. Эта теория легла в основу «теории постороннего» Зиммеля⁴, исследований маргинального человека, проведенных Парком⁵ и двух десятков этнографических исследований различных районов Чикаго в бурный период 20-30-х годов, охватывавших банды, дансинги, бродяг, элиты и этнические районы. Таким образом, концепция урбанизма как образа жизни была широко разработана в Чикаго.

Эту концепцию критиковали за ее стремление отождествить понятие урбанизма с условиями жизни больших западных индустриальных горо-

---

¹Там же.

²*Merry S.E.* Urbanism // *The Dictionary of Anthropology*. Ed.by Thomas Barfield, Blackwell publishers, 1997. P.480-482.

³*Hannerz U.* Exploring the city: inquiries toward an urban anthropology. New York: Columbia University Press, 1980.

⁴*The sociology of Georg Simmel*. Glencoe, IL: Free Press, 1950.

⁵*Park R.* Human migration and the marginal man // *American Journal of Sociology*. 1928. № 33. P.881-893.

дов. Критики отмечали, что эти социальные образцы не являются характерными для всех городов.

Первым исследуя доиндустриальный город, Шоберг¹ доказал, что социальное устройство этих поселений основывалось на социально-классовой иерархии, прочных узах родства и специализации в работе. Им не были присущи такие черты, как анонимность и беспорядок, описанные Виртом. Исследователи городов Тимбукту² и Йоруба³ описывали большие, густонаселенные и постоянные поселения, организованные при помощи родства и цеховых связей, которым не были свойственны социальная дезорганизация и anomia.

В доиндустриальном городе, как полагает Шоберг, домохозяйства с расширенными семьями, группируемые вместе с другими в этнические анклав, были доминантной формой социальной организации. Власть находилась в руках наследственной элиты и выражалась в основном в политической и религиозной сферах, при этом торговцы обладали более низким статусом. Этот идеальный тип, сконструированный Шобергом, подвергался критике как чересчур общий и игнорирующий вариации типов между разными доиндустриальными городами в разных частях мира. Например, постколониальные города с их крупными популяциями маргиналов или сквоттеров, с их колониальным наследием социальных и культурных форм представляют интересные случаи для изучения, так же, как и японские города, созданные в изоляции от западного мира⁴.

Городские антропологи критиковали виртовское определение урбанизма еще и за его невнимание к анклавам внутри городов, которым присущи устойчивые личные взаимоотношения дружбы, родства, а также добровольные ассоциации. В таких постоянных, часто этнически однородных районах отношения между людьми прочные и личные, а социальный порядок устанавливается при помощи родственных и соседских связей⁵. Даже жители многонациональных районов часто образуют замкнутые сообщества, объединенные на основании общности происхождения. Если мир кажется полным чужаков, то это происходит вследствие того, что те

---

¹*Sjoberg G.* The preindustrial city, past and present. Glencoe, IL: Free Press, 1960.

²*Miner H.* The primitive city of Timbuctoo. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1953.

³*Krapf Askari E.* Yoruba towns and cities: an enquiry into the nature of urban social phenomena. Oxford: Clarendon, 1969; Bascom W. Urbanism as a traditional African pattern. *Sociological Review*. 1959. № 7. P.29-43.

⁴*Seymour-Smith Ch.* City, anthropology of the // *Macmillan Dictionary of Anthropology*. London: Macmillan, 1986. P.37-38.

⁵*Hannerz U.* *Soulside: inquiries into ghetto culture and community*. New York: Columbia University Press, 1969; Gans H. *The urban villagers: group and class in the life of Italian Americans*. New York: Free Press, 1962.

же социальные границы, что служат единению членов одной этнической группы, в то же время отделяют соседей других этничностей¹.

Из-под пера авторов Чикагской школы вышла серия работ, посвященных реальному миру Чикаго: Н. Андерсен «Хобо» (1923); Ф. Граммер «Банза» (1927); Л. Вирт «Гетто» (1928); К. Шоу «Ареалы отклоняющегося поведения» (1929) и др. Даже в этом неполном перечне можно увидеть широту и разнообразие тем исследований авторов Чикагской школы. Критики экологических подходов к изучению города сконцентрировались, главным образом, вокруг несогласия с выбором Чикаго в качестве «типичного города» для анализа. Поэтому концентрические зоны не были обнаружены в Сиэтле. Кроме того, сложности вызывало деление оснований расселения на биотический и культурный уровни. Многие биотические основания можно было с полным правом назвать и культурными. Взгляды Л. Вирта были подвергнуты критике за кажущуюся универсальность. Размер населения и гетерогенность не увеличивают число социальных отклонений и психологических стрессов в городах юго-восточной Азии. Однако, главное содержание критики Вирта сосредоточено вокруг того, что «городской путь жизни» на самом деле – индустриальный и урбанизация – не причина городской жизни, а ее эффект².

Причины различного восприятия городской жизни отчасти заключаются в том, кто является объектом исследования и каким образом определяются сообщества. Исследования, документально подтверждающие городскую дезорганизацию, часто изучают судьбы мигрантов, находящихся в маргинальном экономическом положении. Примером этого может служить работа О. Льюиса³, посвященная культуре бедноты в Соединенных Штатах и Латинской Америке. Вместе с тем, некоторые исследования выявляют формы упорядочивания даже в маргинальных группах городского населения, например, забота о матерях в афро-американском сообществе⁴.

Поскольку эти исследования сфокусированы на сообществах, определенных территориально, многие исследователи не придают значения нелокализованным социальным связям, скрепляющим горожан прочными со-

---

¹*Merry S.E.* Urban danger: life in a neighborhood of strangers. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1981.

²*Вагин В.В.* Городская социология: Учеб. пособие для муниципальных управляющих. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

³*Lewis O.* La Vida: a Puerto Rico family in the culture of poverty – San Juan and New York. New York: Random, 1966.

⁴*Stack C.* All our kin: strategies for survival in a Black community. New York: Harper & Row, 1974.

циальными узами¹. Исследования, акцентирующие свое внимание на социальном устройстве городской жизни часто рассматривают форму и содержание социальных связей как способ наметить траектории общения в городе². Также рассматривались в исследованиях города добровольные ассоциации – религиозные группы, политические организации, группы по проведению досуга, национальные ассоциации и другие институты, с помощью которых создается социальное устройство города.

Проблема Чужака находится в центре исследований городской жизни, хотя степень, до которой городской образ жизни предполагает взаимодействие между посторонними, отличается от города к городу³. Идея, согласно которой город благоприятствует взаимодействию посторонних людей, и тотальное распространение этих взаимодействий ставит под сомнение подержание общественного контроля, способствует кризису доверия и разрушает прогнозируемость социальной жизни, а также благоприятствует росту преступности и аномии, которая по-прежнему является неотъемлемым атрибутом теории урбанизма.

Совсем недавно фокус городских исследований сместился от изучения способов, при помощи которых компактное поселение формирует свою социальную жизнь, к изучению социальных отношений и норм городской жизни. В то же время города все чаще и чаще рассматриваются как часть глобальной экономической и культурной системы, и таким образом большое значение приобретают их связи с окраинами и другими городами. Город все чаще становится контекстом, а не объектом городского исследования.

Городская антропология, хотя и была изначально инспирирована теориями урбанизма, теперь изучает скорее не город как таковой, а социальную жизнь в городах, в том виде, как она существует для городского населения. Однако, именно через призму социальной жизни, оформленную межэтническими отношениями, особенностями маргинальных районов или трущоб (шанти-таунов), процессами сельско-городской миграции и механизмами социогеографической сепарации и интеграции, и воспроизводится отличительный портрет каждого городского центра.

---

¹*Liebow E.* Tally's corner: a study of Negro streetcorner men. Boston, MA: Little, Brown, 1967; *Jacobson D.* Itinerant townsmen: friendship and social order in urban Uganda. Menlo Park, CA: Cammings, 1973.

²*Boissevain J.* Friends of friends: networks, manipulators and coalitions. New York: St. Martin's, 1974.

³*Fox R.* Urban anthropology: cities in their cultural setting. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1977.

*Шанти-тауны*¹ – это трущобы или сквоттерные поселения, которые окружают крупные города третьего мира. Это продукт миграции из сел в города, которые не в состоянии принять такой наплыв мигрантов, обеспечить их жильем и работой. Во многих столицах и провинциальных городах третьего мира шанти-тауны подвергли трансформации социальную, культурную и экономическую ситуации за короткий период времени, задавая специалистам по городскому планированию и политикам сложнейшую задачу предоставления основных услуг и в то же время создавая новый и объемный потенциал безработных и не полностью востребованной рабочей силы. Мигранты приносят в шанти-тауны культурные и социальные формы той местности, откуда они родом, которые вместе с целым рядом новых адаптивных стратегий и организационных форм, созданных в результате их маргинального городского жизненного опыта, создают социокультурный портрет шанти-таунов.

Антропологические исследования шанти-таунов фокусировались как на адаптивных, совладельческих механизмах жителей трущоб, так и на отношениях между шанти-таунами и более широким обществом. «Миф маргинальности» в рассуждениях о шанти-таунах и сквоттерных поселениях, который распространен в странах третьего мира, изображает их как пережитки традиционного сектора, портящие ландшафт, как делинквентных и не желающих развиваться. Фактически, они играют роль в скреплении городской экономики, предоставляя источник дешевой рабочей силы благодаря безработице и недовостребованной рабочей силы и создавая во многом совокупное благосостояние города, необходимое, чтобы поддерживать и сохранять элиту. Взгляды на их культуру как на патологическую и дезорганизованную («культура бедности») были подвергнуты сомнению исследованиями, которые показали высокую степень организации, взаимной поддержки и сплоченности².

Исследования этничности и этнической идентичности в контексте социальной дифференциации в городском пространстве

Раса, этническая группа, класс и гендер как факторы дифференциации и исключения являются ключевыми темами исследований городских ан-

---

¹Шанти-таун (от англ. shanty – хибара + town – городок), бидонвиль (от франц. Bidon – цистерна + ville – городок), фавела (от португ. favela – соты) – близкие по смыслу термины. Шанти-таун – буквально – трущобный город – небольшой город или часть города, состоящий главным образом из лачуг. Бидонвиль – шанти-таун, расположенный на городских окраинах во Франции или Северной Африке. Фавела – шанти-таун или трущоба в Бразилии (The American Heritage. Dictionary of the English Language, Fourth Edition. Houghton Mifflin Company, 2000)

²Seymour-Smith Ch. Shanty towns // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.256-257.

тропологов. Часто предметом исследования становится то, как категории расы и этничности формируют паттерны миграции и поселения, шансы найти работу, добровольческие организации, государственную службу, доступ к работе и развлечениям, влияют на сохранение родственных уз¹. Этничность, в частности, продолжает свое существование в городе в виде этнических районов, в таких добровольных ассоциациях как кредитные организации и похоронные конторы².

Концепция расы в современном смысле слова входит в европейское расовое сознание, начиная с середины XV века³. Именно к этому времени относится первое упоминание Европы как коллективного «мы» и первое употребление слова «раса» в контексте противопоставления мы/они; свои/чужие. Именно с этого момента социальная дифференциация принимает расовую окраску.

В античных текстах присутствует явное свидетельство дискриминации иностранцев, притязаний на культурное превосходство, однако объясняется такое неравенство не биологическими, а социально-культурными, правовыми, экономическими причинами. Варвар не обладал основными добродетелями мудрости, мужества, сдержанности и справедливости; политическое разграничение между гражданами и не-гражданами также основывалось на моральных параметрах. Рабы в античном греческом обществе могли быть добродетельны, однако это была добродетель не граждан, а слуг. Соответственно, хотя варвары и мыслились как низшие, это было скорее обосновано политически и культурно, а не биологически или исходя из происхождения.

В средние века индивиды и группы мыслились как субъекты теологических категорий, поэтому характер дискриминации становится иным. Появляются религиозные дискуссии о характере отношений к «инородцам» (могут ли они быть окрещены и спасены, как разумные существа, имеющие душу) и политические (как к ним следует относиться по закону). Таким образом, религиозный фактор выдвинулся на передний план, причем средневековая доктрина не имела ни деления на расовые группы, ни определения индивидуумов или групп в контексте расовой принадлежности.

Переход от средневекового периода к современности стал переходом от религиозного к расовому подходу в определении человека. В этом смысле переломным является шестнадцатый век, когда концепция расы не только становится явно выраженной и сознательно применяемой; расовые характеристики звучат в искусстве, политико-философских и экономиче-

---

¹*Mullings L.* (Ed.). *Cities in the United States*. New York: Columbia University Press, 1987.

²*Hannerz U.* *Exploring the city: inquiries toward an urban anthropology*. New York: Columbia University Press, 1980.

³См.: *Goldberg, David T.* *Racist Culture*. London: Cambridge, Mass. Oxford: UK, 1994.

ских дебатах. В результате быстрого развития капитализма возникает потребность в дешевом сырье и труде, и потребность завоевывать и поработать «чуждые» расы получает моральное обоснование. Экономическая эксплуатация «чужих» становится естественным явлением, укоренившимся в сознании людей с большей силой, а возникновение колоний провоцирует проявление насилия, направленного на колониальных жителей. Набирающая силу гегемония идентификационной модели как расовой принадлежности опирается на биологию, естественную историю, антропологию, психологию. Таким образом, экономическая детерминация выступает центральной в отношении концепции расы и философии расизма. Именно экономическая эксплуатация «своими» белыми черных «чужих» помимо политических, правовых и, естественно, социально-культурных факторов, обуславливающих неравенство людей с различным цветом кожи, является причиной расового неравенства в просвещенный век.

Ключевые признаки понятия этничности – это идентификация и наименование (labelling) любой группы или категории людей, а также эксплицитные или имплицитные контрасты, созданные между идентифицируемой группой и другой группой или категорией. К понятию этничности всегда применяется дихотомия мы/они. Границы, устанавливаемые как наименованием, так и контрастом, не запрещают индивидам передвигаться туда и обратно между соответствующими группами или категориями, как и не запрещают при этом людям по-разному идентифицировать себя или друг друга. Часто контраст категорий «мы» и «они» обусловлен конкретной социальной системой или государством-нацией в терминах негативных категорий (например, «не-белые»)¹.

Этническая идентичность может быть рассмотрена как «продолжающийся социальный процесс»², как «результат ряда особых исторических и социоэкономических условий»³. По словам де Воса, «этническая идентичность группы состоит из ее субъективного, символического или эмблематического использования любого аспекта культуры или воспринимаемого отдельного происхождения и континуальности, чтобы отличить себя от других групп»⁴. К факторам, формирующим этническую идентичность, следует отнести этническую историю региона, федеральную и местную эт-

¹*Seymour-Smith Ch.* Ethnicity // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.95-96.

²*De Vos G.A.* Ethnic Pluralism: Conflict and Accomodation // Lola Romanicci-Ross, George A.De Vos (Eds) Ethnic Identity. Creation, Conflict and Accomodation. Altamira Press. Alnut Creek, London, New Delhi, 1995. P.17.

³*Banks M.* Ethnicity: Anthropological constructions. Routledge: London and New York, 1996. P.185.

⁴*De Vos G.A.* Ethnic Pluralism: Conflict and Accomodation // Lola Romanicci-Ross, George A.De Vos (Eds) Ethnic Identity. Creation, Conflict and Accomodation. Altamira Press. Alnut Creek, London, New Delhi, 1995. P.25.

нонациональную политику, а также ряд институтов этничности. К институтам, отвечающим за формирование этнической идентичности, мы относим семью, образование, паспорт (отметка «национальность»), национально-культурные организации, движения за этнокультурное возрождение.

Один из основных подходов к определению этничности и этнической идентичности, которые выделяют авторы, является примордиализм. Он заключается в том, что осознание своей принадлежности к определенной общности изначально, «от природы» заложено в человеке. Представители культурного варианта примордиализма считали, что этническая идентичность имеет своими объективными основами язык, религию, обычаи, расовый тип, территорию, экономику, мировоззрение. К недостаткам этого подхода относят неспособность принять во внимание социальные изменения, например, объяснить рост национальных движений в последнее время. Подобные взгляды приводят к этноцентристским установкам и культурному расизму. *Этноцентризм* – это система взглядов, утверждающая преимущество и уникальную ценность только одного образа жизни (типа культуры). Другие системы ценностей объявляются низшими, недоразвитыми, несовершенными по сравнению с отстаиваемым эталоном.

Этноцентризм (греч. *ethnos* – группа, племя, народ + лат. *centrum* - средоточие, центр) - свойство индивида, социальных групп и общностей (как носителей этнического самосознания) воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической общности, выступающей в качестве некоего всеобщего эталона или оптимума. Термин «этноцентризм» введен У. Самнером (1906) и Л.Гумпловичем (1883). Самнер полагал, что существует резкое различие между отношениями людей внутри этнической группы и межгрупповыми отношениями. Если внутри группы царит солидарность, то в отношениях между группами преобладают подозрительность и вражда. Этноцентризм отражает и одновременно воспроизводит единство этнической группы перед лицом внешнего мира. Этноцентризм связан с противопоставлением "мы - они", лежащим в основе этнической самоидентификации (реконструирован таким образом в работах Б. Поршнева и С. Токарева). Не менее существенна связь этноцентризма с социальными стереотипами, усваиваемыми в ходе социализации и включения в ту или иную социокультурную среду. Важный фактор формирования этноцентризма - национализм (идеологии в целом). Межэтнические установки зависят от степени интенсивности и направленности

культурных контактов, которые могут быть не только враждебными, но и дружественными¹.

Противоположняя этноцентризму перспектива – *культурный релятивизм*, согласно которому каждая культура может быть оценена только на основе ее собственных принципов, а не универсальных критериев. Сторонники культурного релятивизма отрицали принципы единства всемирной истории и человечества, выступали против теории однолинейного эволюционизма и европоцентризма; они полагали, что каждая культура имеет свою доминирующую черту, свой «фокус», вокруг которого собраны остальные ее элементы. Любая культура может быть понята только в ее собственном контексте и только тогда, когда она рассматривается в ее целостности. Культурный релятивизм, таким образом, противостоит эгоцентризму и этноцентризму, но провозглашает абсолютную самобытность любой культуры². Отметим, что культурный релятивизм, делая акцент на относительности норм и ценностей, может стать платформой для так называемого культурного расизма – примордиалистских представлений о том, что индивидам и группам присущи «естественные» культурные отличия.

В 1970-е годы возникает инструменталистский подход (ситуационизм или мобилиационизм). Представители этого подхода исходят из того, что этническая идентичность является символическим и реальным капиталом, который используется сознательно для достижения определенных целей. В фокусе исследований находятся вопросы этнической мобилизации, связи этнических процессов с политическими и экономическими. Среди недостатков данного подхода называют сведение этнических интересов только к экономическим и политическим интересам, а также неспособность объяснить сохранение этнической идентичности, которое не дает никаких преимуществ политической или экономической природы.

В последнее время особую популярность получил конструктивистский подход. Положения этого подхода близки теории социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана. Яркой иллюстрацией этого подхода является феномен индеанистского движения в России³, участники которого приняли идентичность и ведут образ жизни североамериканских индейцев. Представители конструктивистского подхода считают, что этничность не задается, а скорее создается. Например, Б. Андерсен⁴ исходит из того, что процесс возникновения современных наций направлялся пред-

¹ Новейший философский словарь. М.: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2001

² Хоруженко К.М. Культурология: Энциклопедический словарь. - Ростов-на-Дону.: Феникс, 1997

³ См. напр.: Гуров И. Священный бег в России. О Денисе Бэнксе и невыкуренных трубках // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств». http://history.kubsu.ru/centr/pdf/kn6_67-71.pdf

ставителями местных элит. Расизм, согласно конструкционистскому подходу, – это идеологическое явление, иными словами, раса, как и этничность, выступает результатом социального конструирования.

Каковы компоненты групповой этнической идентичности? Иными словами, что связывает между собой людей одного этнического происхождения? Среди этих компонентов – язык, обычаи, религия, черты национального характера, фольклор, повседневные привычки, очень часто – примордиальные чувства. Все эти компоненты являются культурно-выученными, и не всегда они наличествуют в полном составе. Если же вспомним определение нации, сформулированное И. Сталиным, то это «стабильная, исторически оформленная целостность языка, территории, экономической жизни и менталитета, которая выражается в разделенной культуре», поэтому «не существует такой нации, которая бы одновременно говорила на нескольких языках»¹. Советские этнологи считали язык «относительно стабильной культурной характеристикой»². И сегодня ряд авторов выражают точку зрения, аналогичную взглядам советских этнографов³. И несмотря на то, что многие этнические группы бывшего СССР утратили знание родного языка, в соответствии с этой позицией, язык сегодня по-прежнему определяется как основной «национально-культурный индикатор», в соответствии с новым учебником по этнологии⁴.

Сегодня многие авторы выражают несогласие с упомянутой точкой зрения⁵. Х. Пилкингтон в ее недавней книге о русских репатриантах из бывших советских республик высказывает сомнение относительно наличия такой фундаментальной характеристики русской идентичности, как общий язык: «Возращение в Россию – это опыт, в котором переплетаются противостояние и состязательность»⁶. Ее исследование показывает, что общий язык не гарантирует взаимопонимания и толерантности между русскоговорящими вынужденными мигрантами и русскими из «метрополии».

К. Гиртц вводит понятие «примордиальной привязанности – данности, которая возникает из рождения в той или иной религиозной общине, гово-

---

⁴Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

¹Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т.2. М., 1953. С.294.

²Широкогоров С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922; См. также: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.

³Боков Н.Н., Алексеев С.В. Российская идея и национальная идеология, 1996. С.74; Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-Пресс, 1997. С.239.

⁴Мастюгина Т.М., Перепелкин М.С. Этнология. М.: Общ-во «Знание», 1997. С.254.

⁵Сикевич З.В. Русские: образ народа (социологический очерк). С.-Пб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. С.101.

⁶Pilkington H. Migration, Displacement and Identity in post-Soviet Russia. London and New York: Routledge, 1998. P.192.

рения на конкретном социальном языке или даже на диалекте языка и следования особенным социальным практикам. Эта конгруэнтность крови, речи, обычая иногда имеет огромную власть объединяться и объединять. Человек привязан к своему сородичу, соседу, собрату по вере в результате не просто личной привлекательности, тактичной необходимости, общего интереса или моральной обязанности, но по крайней мере в большой степени по причине некоей необъяснимой абсолютной ценности этой связи самой по себе»¹. Социальные науки, СМИ, религия, идеология и политика имеют отношение к формированию этнической идентичности как ее структурные компоненты, которые детерминированы субъективным смыслом принадлежности и включают аффилиацию с языком, историей, религией, «высокой культурой», воспринимаемой антропологической (расовой) уникальностью и образцами поведения.

Современные российские авторы разрабатывают понятие этнической идентичности, акцентируя внимание исследователей на важность изучения тех или иных проблем. В. Тишков² рассматривает групповую этническую идентичность «как операцию социального конституирования «воображаемых общностей», основанных на вере, что они связаны естественными и даже природными связями». Этот автор обращает внимание на личностный уровень этнической идентичности. Он называет основные проблемы, которые должны привлечь внимание исследователей. Первый вопрос, который ставит автор, заключается в том, что люди, принадлежащие одной этнической группе, имеют разные представления о детерминантах своей этнической идентичности. Другой вопрос, который, по мнению В. Тишкова, не нашел должного объяснения, заключается в том, что люди иногда жертвуют собственными интересами во имя интересов своей этнической общности. В. Тишков вводит понятие вынужденной этнической идентичности и понятие дрейфа идентичности. Вынужденная этническая идентичность – это идентичность, складывающаяся под давлением государственной паспортной системы и обыденного сознания, которые в качестве детерминантов этнической идентичности берут звучание фамилии и визуальные характеристики. Дрейф идентичности означает, что индивиды или группы могут произвольно выбирать этническую идентичность и время от времени сменять ее на другую, при этом выбор зависит от определения номенклатуры народов, имеющейся на данный момент.

З. Сикевич³, анализируя понятие этнической идентичности, предлагает различать идентичность «для себя» и идентичность «для других». Она

---

¹Geertz C. *Old Societies and New States: the Quest for Modernity in Asia and Africa*. Glencoe: Free Press, 1963. P.109.

²Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3.

³Сикевич З.В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. № 2.

говорит о том, что поведение человека, находящегося в иноэтнической среде, может носить демонстрационный характер или строиться на основе ожиданий членов других групп. При этом значимость этнического «Я» выше в межгрупповом взаимодействии, нежели во внутригрупповом. Вокруг проблем этнической идентичности в науке идут интенсивные дебаты. Поиск наиболее полного объяснения этого феномена идет через синтез уже сложившихся подходов и через поиск новых направлений. Отметим, что исследование Сикевич выполнено, преимущественно, с опорой на количественную парадигму и с использованием данных массовых опросов.

В последние пять лет в исследованиях этнической идентичности все шире утверждается интерпретативная парадигма и чаще используются данные глубинных, этнографических интервью. Отметим в этой связи работы Т. Гузенковой, посвященные изучению идентичности представителей интеллигенции, принадлежащей к этническим меньшинствам в Москве и за ее пределами¹. Аналитический фокус на наиболее ярких представителях неславянских сообществ делает эти исследования уникальными в своем роде и очень важными с точки зрения понимания природы процесса этнической идентификации. Однако, такое направление анализа порождает вопросы о возможности широких обобщений и действительном влиянии московских интеллектуалов на процессы конструирования идентичности на уровне этнических сообществ на уровне отдельной местности/города, страны (если о таких сообществах в России вообще можно говорить как о некоем интегративном социальном образовании).

В своем исследовании, проведенном в Санкт-Петербурге, Б. Винер² сосредоточился на изучении наиболее крупных этнических общин – украинцев и евреев. В работе вполне обоснованно уделяется внимание формированию идентичности в семьях со «смешанным» происхождением – украинско-русским и еврейско-русским. Неожиданным для автора результатом стало «самоотнесение частью информантов еврейско-русского происхождения к категории «полукровок», «заражение» этнонациональной идеей от членов других этнических групп, заметное беспокойство информантов украинского и украинско-русского происхождения по поводу антиукраинских предубеждений, довольно либеральное отношение у многих информантов евреев к их соплеменникам, перешедшим в другую конфессию»³. Большое внимание автор уделяет определению и анализу факторов,

---

¹Гузенкова Т.С. Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве: проблема идентичности // Мир России. 1999. № 1-2. С.199-226; Гузенкова Т.С. Проблема самоидентификации национальной интеллигенции республик Поволжья и Приуралья // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994.

²Винер Б.Е. Этническая идентичность у крупнейших меньшинств современного Санкт-Петербурга // Мир России. 1999. № 1-2. С.227-280.

³Там же. С.231.

вовлеченных в процесс формирования этнической идентичности. В их число вошли причины выбора этнической принадлежности, связи этнической идентификации с этническим происхождением, знание языка предков, выбор языка этнической социализации, влияние художественной литературы, семейного воспитания, случаи дискриминации.

Этническая идентичность, которую многие привычно определяют на основе культурных традиций, социальной памяти, языка, находится под влиянием современных социальных изменений, переопределений и конфликтов. Этническая группа, как и этническая идентичность, выступает предметом социального конструирования, а не чем-то неизменным и непротиворечивым. Скорее, этничность следует понимать как социальный процесс, как движение границ, которые люди воздвигают вокруг себя самих и своей жизни. Центральным для этого процесса является производство и воспроизводство культуры, почитание предков и применение языка в качестве идентификационного маркера или эмблемы. Отношения социального неравенства, которые лежат в основе социальной классификации, не сводятся лишь к межэтническим, межнациональным или межрасовым отношениям. Это социальные, политические и экономические отношения, у которых есть этническое измерение (а также гендерное, классовое и ряд других), и этот этнический параметр в них активизируется – или, наоборот, подавляется – в зависимости от самых разнообразных условий и контекстов.

Понятие «национальные отношения» становится сегодня слишком абстрактным, что требует проявить его социальный характер. Этничность как социальный феномен внедрена в социальные, политические и экономические структуры, причем формы этих структур позволяют этничности «отлиться» в разнообразных проявлениях и выразить свою социальную значимость¹. Таким образом контекстуализация этнических идентичностей становится многомерной, включая социальный, экономический, политический, гендерный и классовый компоненты.

Современная социальная мысль преодолела значительное расстояние в объяснении феномена идентичности от примордиалистских моделей, помещающих «кровные» узы в центр теоретизирования и концептуализации эмпирических материалов, до социально-конструктивистских построений нынешнего времени. Недавние исследования убеждают нас, что на индивидуальном уровне этничность является сигналом идентификации. На уровне социальной системы этничность восходит к систематическому и продолжительному социальному воспроизводству основных классификационных различий между социальными группами, считающими себя в культурном смысле отдельными. Эти группы являются результатом упоря-

---

¹Fenton S. Ethnicity. Racism, class and culture. London: Macmillan, 1999. P.21.

дочения людей или символов, причем результатом текучим и нестабильным.

Когда мы начинаем осмысливать этничность как измерение социальных, а не только «национальных отношений», тогда становится возможным деконструировать тот язык, на котором ведется дискуссия об этничности. Тем самым мы сможем критически оценить, насколько корректно рассматривать тот или иной конфликт как чисто «этнический». Это может быть проиллюстрировано самыми разнообразными примерами из анализа межобщинных конфликтов, которые, подобно пожару, разгорелись повсюду на постсоветском пространстве. Осетино-ингушский, армяно-азербайджанский, грузино-абхазский конфликты, например, называют «этническими». В качестве фундаментальных причин вспышки насилия между сторонами многие аналитики декларируют «очевидный» факт межэтнических различий, а также без колебания углубляются в изучение «непреодолимых» исторических и культурных противоречий, в силу которых конфликты стали неизбежными.

Между тем обе эти «очевидности» очень далеки от истины и способны увести далеко от действительных объяснений проблемы. На Кавказе, например, демографами фиксируется значительное число межэтнических браков, а данные социологических опросов показывают, что в начале 1990-х годов многие жители определяли себя не как осетины и ингуши, или армяне и азербайджанцы, а как граждане СССР. Список тех культурных атрибутов, которые были общими для обеих сторон конфликта, мог быть намного обширнее списка культурных различий. В каждом отдельном случае конфликта нельзя быть абсолютно уверенными в их настоящей причине: возник ли он по причине умелого политического манипулирования или в силу глубокой взаимной неприязни, широко распространенной среди представителей соответствующих групп населения. Даже если допустить существование такой долговременной неприязни, все равно необходимо понять, как она могла превратиться в братоубийственный конфликт. Отвечая на этот вопрос, мы сможем критически оценить, насколько корректно рассматривать тот или иной конфликт как «этнический». Эта проблема имеет более широкое значение и относится к широкому кругу проблем, которые в публичном дискурсе обычно принято относить к «этническим». Тем самым мы сможем критически оценить, насколько корректно рассматривать тот или иной конфликт как чисто «этнический».

Проблемы толерантности

Новые понятия «толерантность», «мультикультурализм» входят в лексикон политиков, ученых, журналистов, например, риторика избирательных кампаний помимо социальной заботы, критики властей и других типичных клише включает и такой код, как этничность. При этом конфессио-

нальные и этнические предпочтения не просто дополняют цветовой спектр позиций кандидатов, но и маркируют конфликт политических сторон, хотя откровенно националистические выпады можно сегодня встретить, пожалуй, лишь в маргинальных изданиях, выпускаемых в период пиар-кампаний. Мэйнстримные СМИ дают заретушированную информацию, которая, впрочем, вполне поддается раскодированию: так, по выражению директора одного из академических институтов¹, практически каждый номер «Известий» содержит материал с нетерпимыми установками.

В публичной дискуссии все с большей уверенностью заявляет о себе дискурс различий, который, по мнению Владимира Малахова², становится источником различий. В этом случае концепция мультикультурализма может привести в тупик. Если этнокультурные различия принимаются как данность, как нечто само собой разумеющееся, то многие социальные проблемы трактуются как следствие инаковости. В этом случае мигранты оказываются этнически другими, культурно и социально неадекватными именно по причине собственной нетипичности, тогда как социальные структуры и агенты уходят на второй план. Речь идет, в том числе, о таких структурных и институциональных факторах, как безработица и теневая экономика, низкий профессионализм работников службы миграции и других социальных сервисов, несоответствие риторики социальной политики и реальности тех проблем, с которыми сталкивается мигрирующее население.

Именно поэтому, на наш взгляд, к концепциям мультикультурализма и толерантности необходимо добавить измерение социальной критики, которое дает нон-дискриминаторную перспективу социальных отношений. Сегодня говорят о границах толерантности, называя в качестве точки отсчета то государственные интересы, то интересы меньшинств, порой забывая о том, что государство и группа не должны подавлять права человека. Тогда толерантность к иному вряд ли может обойтись без такого принципа, как «нетерпимость к несправедливости». Активная толерантность, конечно, должна включать реализацию межэтнических проектов – не только кулинарных и спортивно-развлекательных, но и социально ориентированных, предполагающих предотвращение бедности, насилия и дискриминации. Только при этом условии мы сможем перейти от лицемерия манекенов с разным цветом «кожи» в витринах магазинов³ к реальной жизни ре-

---

¹Интервью с директором Института социологии РАН Леокадией Дробичевой // Известия. 3 августа 2001 г.

²Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_01.htm.

³Интервью с директором Института социологии РАН Леокадией Дробичевой // Известия. 3 августа 2001 г.

альных людей с разными проблемами, но способных помогать друг другу, работать друг с другом, любить друг друга и признавать различия.

Речь идет не только о таких аналитических проблемах, как доверие, границы и дистанция. Следует помнить еще и о том, что критическая позиция, умение отстаивать свои права и достигать справедливости, – свойства, которые развиваются только в условиях гражданского общества и, в частности, посредством гражданского образования.

В начале августа 2001 г. правительством РФ была принята программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе», которая предполагает проведение исследований СМИ на предмет наличия в них конфликтогенных нетерпимых установок, переподготовку педагогов школ и внедрение образовательных программ, направленных на развитие толерантности.

Сегодня растет число исследований, которые концептуализируют этничность в условиях современного трансформирующегося общества. Обсуждая понятия и проблемы этнической идентичности, этнонациональных особенностей развития социальных процессов и кросскультурные аспекты социальной реальности, авторы касаются экономических, политических и культурных контекстов, полагая их в качестве тех условий, в которых категории расы, этничности, национальности становятся ключевыми. Понятие «национальные отношения» становится сегодня слишком абстрактным, что требует от нас выявить его социальный характер. Этничность внедрена в социальные, политические и экономические структуры, причем формы этих структур позволяют этничности «отлиться» в разнообразных проявлениях и выразить свою социальную значимость¹. Таким образом контекстуализация этнических идентичностей становится многомерной, включая социальный, экономический, политический, гендерный и классовый компоненты.

К формально-институциональным факторам формирования и воспроизводства этнической идентичности относятся национально-культурные объединения. В 1990-е годы стало очевидно, что в больших российских городах нерусские этнические группы составляли абсолютное меньшинство, причем их «сайдстримная» этничность была существенной социальной чертой. Принимая во внимание недавний рост децентрализации и политического усиления нерусских республик, наряду с акцентом на этнокультурном возрождении в федеральных и локальных культурных политиках, этническая идентификация нерусских меньшинств получила важное институциональное подкрепление, стимуляцию. Однако этот процесс не был унифицированным для всех и всегда.

Этническое лоскутное одеяло большого русского города постоянно составляется и перекраивается из многочисленных групповых идентично-

¹Fenten S. Ethnicity. Racism, class and culture. London: Macmillan, 1999. P.21.

стей, где границы между этническими группами с разными стратегиями и возможностями самоопределения постоянно стираются или поддерживаются. Активация этнического возрождения является общей характеристикой для всех этнических групп, что также означает, что движение за этноразвитие расширилось в силу мобилизации многих групп, которые ранее демонстрировали сильную тенденцию навстречу ассимиляции. Каждая группа этнического меньшинства, очевидно, обладала определенным культурным и социальным капиталом к началу этнического возрождения, поэтому некоторые группы были в большей степени успешны, чем другие в их этнократической власти самоопределения.

Ряд институтов и структур, которые вызывают рост этнической идентичности, различаются по количеству и содержанию для разных этнических групп, но основная тенденция для всех меньшинств связана с ростом их политического участия. Российское правительство, обеспокоенное политической активизацией элит в автономных республиках Российской Федерации в начале 1990-х годов, приняло широкую программу культурного возрождения для этнических диаспор в российских регионах. В дополнении к культурному, историческому и эстетическому возрождению этнического самосознания, следует рассматривать также социальное развитие этнических сообществ. Культурные контакты между представителями диаспоры и исторической родиной имеют большое значение для конструирования культурной идентичности этнических меньшинств¹. Несмотря на широко распространенное мнение, что восходящая социальная мобильность зависит от этнической ассимиляции, и что скорее индивидуальные, нежели этнические критерии связаны с достижением статуса, сегодняшнее этническое возрождение нацелено на рост социального статуса представителей меньшинств.

Вместе с тем, этнокультурное возрожденческое движение становится более политизированным и в ряде случаев более поляризованным в отношении к этническому Другому. Л. Дробижева указывает, что россияне сегодня идентифицируют национализм с демократией, так как это «дает им возможность выразить их интересы»². В самом деле, сегодня в ситуации российского постмодерна этническое многообразие и участие растет, и весь вопрос этнического возрождения становится политическим и социокультурным вопросом в дискурсе идеологий и этнических политик. Общие деноминации, ассоциируемые с националистическими движениями, струк-

---

¹См.: *Hall S.* Cultural Identity and Diaspora, in: J.Rutherford (ed.) *Identity, Community, Culture, Difference*. London: Lawrence and Wishart, 1990.

²*Drobizheva L.* Nationalism and Democracy in the Post-Soviet Russian Federation // Gail W. Lapidus and Renee de Nevers (Eds) *Nationalism, Ethnic Identity and Conflict Management in Russia Today*. Center for International Security and Arms Control. Stanford University, 1995. P.18.

турированы вокруг определенных культурных и политических оппозиций: национальное против имперско-шовинистического, этническое, духовное и вечное против индивидуального, социального и государственного, естественное против корпоративного, подлинное против колонизирующего.

Социальная политика в сфере регулирования отношений между различными этническими группами в условиях большого города прошла в течение 90-х годов различные этапы: время повышенного интереса государства в самом начале «эпохи Ельцина», период формализации отношений между этническими сообществами и государственными административными структурами, некоторый спад интереса в конце 90-х годов.

Первоначальный этап определялся распадом Советского Союза, либерализацией институтов государственной бюрократии и интенсивные процессы кристаллизации гражданского общества вызвали рост этнической идентичности неславянских народов. В этот период возникали и распались многочисленные общественные движения, многие из которых провозглашали весьма радикальные лозунги¹. В свою очередь, региональная власть была обеспокоена переносом пожаров локальных межэтнических конфликтов, вспыхнувших одновременно в различных регионах бывшего СССР, на территорию РСФСР². Дополнительно формировались институты этнической идентичности, которые к середине 90-х годов представляли собой довольно самодостаточную систему.

Эта система приобрела собственную организационную структуру: речь идет, в первую очередь, о негосударственных организациях (НГО), известных как национально-культурные центры, а также о возродившихся средствах массовой информации, пишущих и вещающих на языках меньшинств, школах и курсах родного языка, увеличении роли религиозных организаций. Эти институты канализировали энергетику возродившегося национального самосознания, имевшую в начале десятилетия взрывной характер. В свою очередь, органы местного самоуправления создали управленческие структуры и выделили статьи бюджета, предназначенные для организации социального контроля и поддержания лояльности сообществ местных этнических меньшинств.

Во второй половине 90-х годов намечается новый этап в процессах национального возрождения на региональном уровне – российская общественность была напугана чеченской войной, а мусульманское сообщество озабочено ростом антикавказских настроений и подозрительностью в отношении ислама. В последнее время крупные события на Кавказе совсем заслонили проблемы этнических меньшинств на местном уровне, сокращается персонал и структуры в органах городской и областной администра-

¹Барсамов В.А. Этнонациональная политика в борьбе за власть. М.: ИНИОН, 1997.

²Национальная политика в России: история и современность. М.: Русский мир, 1997.

ции, ответственные за связи с национально-культурными центрами, сокращается бюджетное финансирование таких организаций.

Недавние исследования вскрыли, с какими основными противоречиями сталкиваются руководители национально-культурных центров в условиях большого российского города и какие критерии эффективности можно наметить для того, чтобы оценить успех таких институтов в современных условиях, например в области защиты прав человека¹. Проблемы, с которыми национально-культурные объединения сталкиваются в своей деятельности, объединяют их с другими некоммерческими организациями: недостаточное финансирование, необеспеченность помещениями и оборудованием, нехватка правовых и экономических знаний, отсутствие интереса со стороны государственных органов и средств массовой информации. Национально-культурные объединения (НКО) имеют много общих черт как во внутреннем устройстве (структура организации), так и в способах организации деятельности. Общие проблемы, с решением которых НКО с трудом, но справляются, включают недостаточное финансирование, плохую обеспеченность помещениями, оборудованием, транспортом, квалифицированными кадрами. От других некоммерческих организаций национально-культурные объединения отличаются наличием большей опеки со стороны государства, которая выражается в более развитой системе законодательства, в разработке и исполнении целевых бюджетных программ и значительным бюджетным финансированием, а кроме того, наличием поддержки со стороны богатых и влиятельных лиц своей национальности, неравнодушных к судьбе этноса, которые оказывают им благотворительную или спонсорскую помощь в различной форме, в том числе и финансовую. Подавляющее большинство национально-культурных объединений не используют имеющиеся у них возможности для организации самофинансирования своей деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Городская антропология
Урбанизм
Народно-городской континуум
Социальное пространство
Власть
Шанти-тауны
Социальное исключение
Этничность
Этническая идентичность

---

¹Права человека и межнациональные отношения. М.: Институт государства и права РАН, 1999; *Livezey L. Nongovernmental organizations and the ideas of human rights.* Princeton, N.J. : Center of International Studies, Princeton University, 1988.

Национально-культурные организации
Толерантность
Неравенство

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. В чем состоит специфика городской антропологии как одного из направлений социальной антропологии современного общества?
2. Что такое народно-городской континуум? Раскройте преимущества и ограничения данного подхода.
3. Расскажите о Чикагской школе городской антропологии.
4. Объясните смысл понятия «шанти-таун». Есть ли в вашем городе такие зоны?
5. Приведите примеры исследовательских проектов в рамках городской антропологии.
6. Сформулируйте идею собственного проекта в рамках антропологии города.
7. Расскажите, как связаны между собой территория и социальная организация на примере конфессиональных или этнических общин в городе.

КЕЙСЫ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

1. Прочтите статью Марии Кудрявцевой «Драматургия попрошайничества» http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik9/9_kudr.htm. Раскройте специфику городского нищенства. В чем состоят особенности драматургического подхода в городской антропологии?
2. Проведите микроисследование граффити. Продемонстрируйте функции граффити в распределении власти в городском пространстве.
3. Проведите наблюдение на блошиных рынках. Создайте свою типологию социальных типов, реализующих стратегии совладания с бедностью и другие типы стратегий на этих рынках.
4. Проведите этнографические наблюдения работы водителя и кондуктора городского транспорта. Сделайте описание специфики этих социальных типов в аспекте границ и символизма их пространства, интеракций друг с другом и пассажирами.
5. Прочтите статью И. Утехина «Параноиды жилья»¹ <http://www.eu.spb.ru/ethno/utekhin/publish.htm>. Выскажите свое мнение относительно социальных и медицинских аспектов интерпретации происхождения психических заболеваний в городской среде.
6. Рассмотрите подборку текстов о культурном релятивизме на сайте http://members.tripod.com/~russian_textbook/topics/relativism.html
Подумайте, каковы преимущества и ограничения этой концепции?

¹ Утехин И. Параноиды жилья // Реальность и субъект. 1999. № 1

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернер Э. Глобализация, несостоятельность рынка и стратегии самостоятельного решения жилищных проблем городской беднотой: уроки Филиппин // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. III. 2000. № 4.
2. Биографический метод в социологии: история, методология и практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой. М.: Ин-т социологии РАН, 1994.
3. Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов. М.: Прогресс, 1967.
4. Болотова А.А. Формирование новых культурных кодов в современной России. Экологические поселения: между городом и деревней // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. V. 2002. № 1.
5. Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств.
<http://history.kubsu.ru/centr/public.htm#>
6. Вагин В.В. Городская социология: Учеб. пособие для муниципальных управляющих. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
7. Графмейер И. Социологические исследования города // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск, 1999. С.17-168.
8. Гучинова Э.-Б. Кто старое помянет, кто старое забудет: о стиле переживания калмыками депортационной травмы // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. V. 2002. № 21.
9. Ивлева И. Уличный рынок: среда петербургских торговцев // Невидимые грани социальной реальности / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. С.-Пб: Центр независимых социологических исследований, 2001.
10. Ионин Л. Свобода в СССР. С.-Пб: Фонд «Университетская книга», 1997.
11. Кайзер М. Неформальный сектор торговли в Узбекистане // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. III. 2000. № 2.
12. Куропятник А.И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. III. 2000. № 2.
13. Куропятник А.И., Куропятник М.С. Саамы: современные тенденции этносоциального и правового развития // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. 1999. № 4.
14. Лейбович О.Л., Трущенко О.Е. Социальные проблемы урбанизации во Франции // Франция глазами французских социологов. М.: Наука, 1990.
15. Линч К. Образ города / Пер. с англ. М.: Стройиздат, 1982.

16. Порецкина Е.М., Юркинен-Паккасвиста Т. Социальные сети и повседневная жизнь Санкт-Петербурга // Мир России. Т.IV. 1995. № 2. С.190-201.

17. Протасенко Т.З. Динамика уровня жизни петербуржцев за три года экономических реформ // Мир России. Т.IV. 1995. № 2. С.66-73.

18. Ригель К.-Г. Ритуалы исповеди в сообществах виртуозов. Интерпретация социологии религии Макса Вебера // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.V. 2002. № 3.

19. Салагаев А.Л., Шашкин А.В. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.V. 2002. № 1.

20. Скворцов Н.Г. Этничность, раса и способ производства: неомарксистская перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.I. 1998. № 1.

22. Тишков В. Как обновить концепцию национальной политики? // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, N48, 2003 <http://www.iea.ras.ru/topic/law/publ/tishkov2003.htm>

23. Тишков В. Что есть "национальные меньшинства"? (Меняющийся мир и меняющиеся рамки конвенции) // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, N46, 2002 <http://www.iea.ras.ru/topic/law/publ/tishkov2002-1.htm>

24. Фирсов Е.Ю. Инварианты армянской диаспоры в российской провинции // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.V. 2002. № 2.

25. Фирсов Б.М. Кто он такой – Петербуржец? // Мир России. Социология. Этнология. Культура. Т.III. 1994. № 1. С.134-168.

26. Хизриева Г.А. Адаптация новых мигрантов в мегаполисе: проблемы институционализации // Конфликт – диалог – сотрудничество. Бюллетень N 6 (декабрь 2000 – февраль 2001). Этнокультурная ситуация и проблемы диаспор в мегаполисе: опыт Москвы. М., 2001.

27. Шкаратан О.И. Парадоксы советской урбанизации // Судьбы современного города. М., 1990.

28. Центр черноморско-кавказских исследований <http://history.kubsu.ru/centr/>

29. Эверс Х.-Д., Шрадер Х. От дилеммы торговцев к дилемме бюрократов: теория социального перехода от общества морали к обществу рынка // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.III. 2000. № 2.

30. Ятина Л.И. Мода глазами социолога: результаты эмпирического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.I. 1998.

Тема 2.5. Прикладная антропология

Определение прикладной антропологии. Этапы развития прикладной антропологии. Понятие развития в прикладной антропологии. Аккультурация. Отечественный опыт прикладной антропологии. Экологическое направление прикладной антропологии. Акционистская антропология. Будущее прикладной антропологии. Антропологические основания социальной работы. Антропология прав человека

Определение прикладной антропологии

Прикладным называют такое направление в антропологии, которое занимается применением уже известных антропологических знаний или разрабатывает специальные методы для решения определенных практических задач. Рождение «прикладной антропологии» датируется, по крайней мере, 1906 г., когда этот предмет был установлен в качестве дисциплины специализации в Оксфорде, хотя сам термин использовался ранее, еще в 1860-х годах. Джеймсом Хантом, основателем Лондонского Антропологического общества¹. Согласно Словарю социальных наук, Рэдклиф-Браун впервые использовал термин «прикладная антропология» в своей статье, опубликованной в 1930 г. «Антропология как общественное служение и вклад в него Малиновского». С точки зрения Малиновского, «практикующая» и «прикладная антропология» суть синонимы, означающие прикладную деятельность вовне академии, направленную на решение проблем². Элиот Чейпл мыслил эту дисциплину как «такой аспект антропологии, который имеет дело с описанием изменений в человеческих отношениях и с выделением принципов, которые управляют ими»³.

В современных определениях прикладной антропологии говорится о роли знаний, добытых антропологами, в разрешении современных проблем людей, групп и сообществ. По выражению И. Чамберса, прикладные антропологи «используют знания, навыки и подходы своей дисциплины, чтобы помочь решить человеческие проблемы и способствовать изме-

¹Eddy E.M., Partridge W.L. (Eds.) Applied Anthropology in America. New York: Columbia University Press, 1987.

²Chambers E. Applied Anthropology: A Practical Guide. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc., 1985.

³Applied Anthropology // The dictionary of anthropology. Ed. by T. Barfield. Oxford: Blackwell Publishers, 1997. P.20.

нениям»¹. Как полагает Дж. Фостер, прикладные антропологи привержены задачам решения современных социальных, экономических и технологических проблем в большей степени, чем развитию социальной и культурной теории².

Этапы развития прикладной антропологии

Дж. ван Виллиген прослеживает развитие прикладной антропологии на протяжении нескольких периодов, которые он называет этапами прикладной этнологии, Федеральной Службы, расширения роли и отчетливых ценностей и этап исследований политики³. Кроме того, отдельно следует упомянуть те ветви прикладной антропологии, которые сформировались в рамках различных теоретических и идеологических подходов: экологическое направление прикладной антропологии, акционистская антропология, антропология исследований и развития, подход развития сообществ (community development), а также наиболее современные подходы антропологии защиты прав (advocacy anthropology) и культурного брокерства⁴.

Мы рассмотрим развитие прикладной антропологии в течение указанных этапов, а также специально остановимся на некоторых направлениях и подходах.

Этап прикладной этнологии. До крушения колониальной системы интересы прикладной антропологии были сосредоточены на управлении подчиненными народами (административная антропология). В XIX и начале XX веков антропология и этнография испытывали большое влияние так называемого «колониального столкновения» – межкультурных взаимодействий в контексте отношений управления, которые характеризовались модулями доминирования и зависимости.

Колониализм – это особая форма империализма, когда территории под контролем доминантной власти ясно определяются как подчиненные по статусу. Местные политические власти и административные институты при этом либо заменяются на колониальные власти (прямое правление) либо внедряются в колониальные властные структуры (непрямое правление). Европейский колониализм начался в XV и XVI веках с экспорта феодального типа социально-экономических систем на завоеванные территории – испанское и порту-

¹Chambers E. Applied Anthropology: A Practical Guide. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1985. P.8.

²Foster G.M. Applied Anthropology. Boston: Little, Brown and Company, 1969.

³Van Willigen. Applied Anthropology: An Introduction. South Hadley, MA: Bergin & Garvey, 1986.

⁴Seymour-Smith Ch. Applied Anthropology // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.13.

гальское доминирование в Южной Америке – и продолжился в XIX и XX столетиях. Он сыграл главную роль в создании третьего мира и сопровождался распространением идеологии расизма – попыток оправдать доминирование белых над завоеванными расами. Продолжение отношений доминирования и зависимости среди колониальных народов после формального получения независимости называется неокOLONИализмом¹.

Британцы были первыми, кто признал практическую ценность антропологии и стали нанимать исследователей на работу в целях оптимизации управления. Британский антрополог Э. Тэйлор мыслил антропологию как «политическую науку» и был убежден, что ее применение улучшит условия человеческого существования². Антропология впервые использовалась Норткотом Томасом в Нигерии в 1908 г. в управлении британскими колониями по принципу «непрямого», или «косвенного» правления³.

Антропологические исследования в период колониализма финансировались правительственными или частными интересами. В Великобритании признание практической ценности этнографических знаний восходит к середине XIX в., причем в фокусе прикладной антропологии были колониальные территории. К концу века оформляется представление о необходимости для колониальной администрации знания этнографии; с начала XX в. известны программы обучения этнографии представителей администрации. Королевский антропологический институт Великобритании поддерживал учреждение учебного центра для колониальных офицеров, аргументируя это тем, что антропологическая перспектива может исключить непонимания, которые могут привести к затратным военным интервенциям. Первые этнографические работы проведены по заданию колониальных властей в 1908 г. в Нигерии и в 1909 г. в Судане. В некоторых владениях Великобритании была введена должность правительственного антрополога.

В США практическое использование этнографии связывалось с потребностью в способах управления индейцами еще с 60-х годов XIX в.

В ряде стран Латинской Америки с 20-30-х годов XX в. местная этнография была призвана способствовать государственной политике, направленной на экономическую и культурную интеграцию коренных народов (так называемый **индихенизм**).

---

¹*Seymour-Smith Ch.* Colonialism // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.43.

²*Sills D.L.* (Ed.) International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol.1. New York: The Macmillan Company & The Free Press, 1968. P.337.

³*Foster G.M.* Applied Anthropology. Boston: Little, Brown, and Company, 1969.

По мнению Дж. Фостера, наибольшим стимулом для развития прикладной антропологии явилось намерение помочь решению экономических, политических и социальных проблем, помочь установлению «стабильных» правительств. Непосредственная связь прикладной антропологии в развитых капиталистических странах с политикой подавления, проводимой по отношению к другим народам, неоднократно вызывала критику.

Этап Федеральной Службы. Прикладные аспекты играли важную роль в функционализме; сторонники этого направления в своих исследованиях стремились к получению результатов, которые могли быть применены на практике. Прикладная антропология приобрела большое значение в Англии после Первой мировой войны, когда выросло число проблем, связанных с управлением колониальной империей. В тот период, когда в Великобритании развивалась структурно-функционалистская теория, многие антропологи были на службе Иностранного и Колониального Офиса. Большинство из них не рассматривали свои исследования как предназначенные в первую очередь для употребления правительством, но верили, что это может смягчить задачу колониального управления.

Прикладная антропологическая работа в связи с администрированием началась в США с Индейского реорганизационного акта в 1934 г. Развитию антропологической работы в рамках федеральной политики способствовала деятельность Дж. Коллиера – специального уполномоченного по делам американских индейцев, который нашел применение специальным навыкам антропологов в сфере государственных интересов¹. Антропологи, действуя во взаимосвязи с группами, представляющими интересы коренных американцев, изучали роль лидеров в модели неформального правления в резервациях и готовили рекомендации по разработке племенных хартий и конституций².

Более широко начинает использоваться работа прикладных антропологов в период Второй мировой войны – в отделе анализа сообществ в Администрации по делам военных переселенцев, в связи с насильственным перемещением японцев с Западного побережья США в лагерь для интернированных лиц на востоке Сьерра, подготовкой офицеров – будущих администраторов на оккупированных землях. Особую роль во внешней политике США начинает играть Латинская Америка, и роль антропологов еще более возрастает.

В 1941 г. группой ученых США было основано «Общество прикладной антропологии» (Society for Applied Anthropology). Среди основателей ассоциации были Маргарет Мид, Элиот Чейпл и Фред Ричардсон. Они

---

¹*Van Willigen.* Applied Anthropology: An Introduction. South Hadley, MA: Bergin & Garvey, 1986.

²*Foster G.M.* Applied Anthropology. Boston: Little, Brown and Company, 1969. P.200.

заявили, что сделали это в ответ на растущее внутри Американской антропологической ассоциации «академическое предубеждение». В этом же году был основан первый журнал ассоциации – «Прикладная антропология» (Applied Anthropology) – изменивший свое имя в 1949 г. на «Человеческую организацию» (Human Organization).

В 1943 г. при Смитсоновском институте создается Институт социальной антропологии под руководством Морского ведомства, благодаря чему улучшаются возможности финансирования антропологических исследований и прикладной деятельности. Продолжается и прикладная работа организационных антропологов – в организациях, на предприятиях. Об этом мы подробно рассказывали в теме «Организационная антропология».

После Второй мировой войны прикладная антропология в США вышла на новый виток развития по причине послевоенного участия страны в политике регулирования и развития в третьем мире¹. Прикладные антропологи того времени отталкивались от идеи, что в странах третьего мира имеется потребность в изменении и желание развиваться. Понятие *развития* играло здесь особую роль, и ниже мы особо на нем остановимся. Прикладные антропологи полагали доминирующую национальную и международную политическую структуру как в основе своей благожелательную и стремились минимизировать столкновения ценностей между различными культурными элементами, а также создавать более позитивные отношения между «недоразвитыми» и «развивающимися» странами.

Наиболее известным является пример проекта прикладной антропологии «Викос» университета Корнелл в Перу, где команда антропологов под руководством А. Холмберга приняла на себя роль «патрона» в большом округе и занималась тем, что впоследствии было подвергнуто критике и названо планами патерналистских² реформ, нацеленных на передачу власти производителям. Прикладные антропологи в ряде других случаев помогали решать проблемы, связанные с неверной культурной интерпретацией, предлагая творческий синтез традиционных и современных институтов и технологий.

Этап расширения роли прикладной антропологии и отчетливых этических ценностей. После Второй мировой войны и крушения колониальной системы усилия прикладных антропологов в разных странах сосредоточились главным образом на попытках управления социально-экономическими и культурными процессами в сельских зонах развивающихся стран, реже – на прогнозировании результатов этих усилий.

---

¹*Seymour-Smith Ch. Applied Anthropology // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.13.*

²Одна из форм легитимной власти, сложная система взаимозависимых отношений, где одна сторона полностью лишает другую автономии, оправдывая это аргументами пользы и выгоды.

Антропологи участвовали в работах, где политическую ангажированность было трудно не заметить: например, в проекте «Камелот» правительство США пыталось использовать университетские исследования для оценки антикоммунистических настроений в Чили. Участие североамериканских антропологов в проектах и разработках, связанных с войной во Вьетнаме, и в планах подрывного характера в Южной Америке, привело к дискредитации прикладной антропологии, отходу специалистов от участия в ее проектах (60-е годы).

Все это повысило степень осознания политической роли прикладной антропологии¹, вызвав в академических кругах большие сомнения в отношении необходимости участия в исследованиях, финансируемых правительством. И хотя реальное влияние антропологии в принципе на развитие политики было небольшим, нескритичный взгляд антропологов на колониальные и неоколониальные властные структуры привел к развитию критической антропологии в 1970-х годах, кульминация которой выразилась в призыве «деколонизировать» профессию.

Критики фокусировались не только на исторической важности колониализма в развитии антропологии, но также на утверждении, что многие антропологи продолжают играть свою роль в завуалировании сохраняющихся неоколониалистских или империалистских властных структур. Кроме того, они указали, что «примитивный» мир, изучаемый антропологами, который часто рассматривался так, как если бы это было доколониальной «традиционной» реальностью, на самом деле был системой, радикально трансформированной и во многом созданной колониализмом.

Антропологи противились обвинениям в том, что их ассоциируют с колониализмом, доказывая, что отношение между антропологией и управлением никогда не было простым, указывая на доколониальные философские и научные корни дисциплины. Эта защита, тем не менее, не отрицает полностью необходимости антропологам критически оценивать их установки в отношении международных властных структур и той роли, которую эти установки играют в казалось бы «чистых» исследованиях². В частности, подобную критику сегодня осуществляют такие организации, как Международная рабочая группа по делам туземных народов, Культурное выживание, Антропологический ресурсный центр, Выживание и другие³.

---

¹*Seymour-Smith Ch. Applied Anthropology // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.13-14.*

²*Seymour-Smith Ch. Colonialism // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.43.*

³International Working Group for Indigenous Affairs, Cultural Survival, the Anthropological Resource Centre, Survival International.

В ответ на эту критику было осуществлено несколько попыток развить прикладную антропологию в таком направлении, которое было бы более чувствительным как к политической роли дисциплины, так и к возможным политическим конфликтам интересов, которые могут возникнуть из-за антропологического вмешательства. Однако в тот период, хотя некоторые аспекты антропологического знания и применялись политиками в ряде областей, практика (в противоположность академическим исследованиям) некоторое время считалась маргинальным занятием для антропологии как исследовательской дисциплины. В США и Британии на какое-то время состоялось повсеместное возвращение дисциплины в академический мир, и это привело к формированию в антропологии убеждения относительно того, что академические исследования никоим образом не должны быть связаны со специфическими интересами никакой группы клиентов. К тому же, послевоенный период сопровождался растущей потребностью в специалистах с научной степенью по антропологии, которых не хватало на повсеместно развивающихся кафедрах антропологии в США.

Однако, уже к началу 1970-х годов академический рынок труда не справлялся с наймом того количества докторов, которые получали степень по антропологии. Правительство США тогда нуждалось в прикладных антропологических знаниях для развития и оценки результативности международной технической помощи и международной политики в целом. Студенты-антропологи стали требовать для себя лучшей подготовки к неопределенному рынку труда, где они вскоре должны были появиться. Поскольку сектор академической занятости продолжал сжиматься, занятость в исследованиях политики увеличивалась. Вследствие негативной общественной оценки американской политики во Вьетнаме, многие антропологи с неохотой искали работу в государственном секторе. И все же, недостаток рабочих мест для выпускников факультетов антропологии в университетах привел к тому, что все больше молодых специалистов искали новые области практического применения их дисциплины¹, в частности, в сфере управления культурными ресурсами², в проектах правительства США в области здравоохранения и адаптации технологий в странах третьего мира. Содержание и процедуры выполнения таких проектов должны были быть запланированы и реализованы с учетом конкретного социального и культурного контекста.

С начала 60-х и особенно в 70-х годах британские антропологи стали проводить разнообразные прикладные исследования в третьем мире, а в Британии и Европе – в основном в сфере этнических отношений. В такие

---

¹*Seymour-Smith Ch. Fieldwork // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.117.*

²*Applied Anthropology // The dictionary of anthropology. Ed.by T.Barfield. Oxford: Blackwell Publishers, 1997. P.21.*

исследования вовлекались профессионалы, которые полагали, что они должны активно реагировать на безотлагательные веления времени. В 70-х они стали образовывать группы, по большей части вне Британской ассоциации социальной антропологии. В 1976 г. было образовано Медицинское антропологическое общество в Манчестере. В 1977 г. в Королевском антропологическом институте был создан «Комитет антропологии развития», чтобы, как было сказано, «способствовать вовлечению антропологии в развитие третьего мира»¹.

Отношения антропологии, политики и администрации всегда были неоднозначными. Сегодня взаимосвязь между антропологией и политикой принимает разнообразные формы: от работы антрополога как социального критика, политического аналитика или политического активиста до ученого, проводящего исследование по контракту или работающего в государственной организации, прикладного антрополога, сочетающего исследование с целями *развития* у себя в стране или за рубежом. Явное влияние антропологии на государственную политику, однако, было до сих пор небольшим, хотя Ван Виллиген (1984) и полагает, что антропология всегда считалась политической наукой. Согласно Ван Виллигену, основной вклад антропологии в политику состоит не в формировании политики, а в предоставлении информации для политиков, и эта функция была наилучшим образом развита на местном уровне или в контексте больших мультидисциплинарных команд. Многие противоречия между антропологией, политикой и практическим действием вызваны фрагментацией академической антропологии и ее отделением от исследователей, практикующих в неакадемическом мире². Понимая это, энтузиасты прикладной антропологии постоянно формировали возможности как для объединения практикующих исследователей, так и для обмена между теоретической и практической сферами деятельности.

В 1974 г. в Таксоне, Аризона было основано общество практических антропологов – первая организация практиков на локальном уровне³. Хотя эта организация и была расформирована через десять лет, она служила моделью для многих других региональных организаций, в том числе, Вашингтонской ассоциации практических антропологов округа Колумбия и Общества прикладной антропологии в Боулдере, Коннектикут. Эти «ассоциативные» организации обеспечивали членам форум для обсуждения общих проблем, для формирования идентичности и создания связей с други-

---

¹Social anthropology and development policy // Ed. by Grillo R. and Rew A. London and New York: Tavistock Publications, 1985.

²*Seymour-Smith Ch. Fieldwork* // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.118.

³*Van Willigen J. Applied Anthropology: An Introduction*. Westport, CT: Bergin & Garvey, 1993. P.35.

ми профессионалами. Около дюжины таких ассоциаций действует сейчас в США¹.

Общество прикладной антропологии в 1978 г. начинает издание журнала «Прикладное применение антропологии» (*Practicing Anthropology*), чтобы озвучить опасения практикующих антропологов и навести мост между практикующими и академическими антропологами, поощрить использование антропологии в исследованиях политики и предоставить форум для диалога о текущем состоянии и будущем антропологии².

В 1981 г. на заседании Американского общества прикладной антропологии была образована британская «Группа прикладных антропологов», которая позже стала «Группой антропологии для политики и практики» и ее численность превысила 150 человек.

Несмотря на более позднее, по сравнению с Америкой, создание формальных организаций прикладных антропологов в Британии, история привлечения антропологов к решению прикладных задач в этих странах удивительно похожа. Так или иначе, к началу 80-х гг. прикладная антропология была уверенно и широко представлена в профессиональном сообществе³.

В 1983 году в рамках Американской антропологической ассоциации была образована Национальная ассоциация по прикладному применению антропологии (*National Association for the Practice of Anthropology*). Такие же ассоциации действуют в Великобритании, Канаде, Франции, Индии, Перу, Мексике (имеются государственные исследовательские и административные учреждения). С 70-х годов в мексиканском индихенизме развивается «интегральный подход» (Г. Агирре Бельтран), где под интегральным действием понимается способствование тому, чтобы индеец чувствовал себя и поступал как мексиканский гражданин. В последние годы этнографы латиноамериканских стран работают и в программах здравоохранения. В странах Южной и Юго-Восточной Азии антропологи были заняты в программах развития общин.

В рамках Международного союза этнологических и антропологических наук на XIII Конгрессе в 1983 году в Мехико была создана новая Комиссия «Антропология в политике и практике».

---

¹*Fiske Sh.J., Chambers E. Status and Trends: Practice and Anthropology in the United States // The Global Practice of Anthropology. Williamsburg, VA: Studies in Third World Societies, 1997. P.285.*

²*Applied Anthropology // The dictionary of anthropology. Ed.by T.Barfield. Oxford: Blackwell Publishers, 1997. P.21.*

³*Social anthropology and development policy // Ed. by Grillo R. and Rew A. London and New York: Tavistock Publications, 1985.*

Понятие развития в прикладной антропологии

Понятие *развития*, которое в самом широком смысле включает как экономическое развитие, так и сопровождающие его социальные и культурные изменения, тесно связано с определенными идеологиями или теориями международных отношений и мировой истории. Экономическое развитие подразумевает процесс перехода от одного типа экономической системы к другому, чему сопутствуют экономический рост (рост производства и дохода на душу населения) и социокультурные изменения. Идея развития содержит в своей традиционной формулировке представление о том, что общества или государства могут быть размещены на эволюционной шкале, где западные или «развитые» страны окажутся наиболее продвинутыми, а третий мир – «недоразвитые» (*underdeveloped*), или «развивающиеся» государства – как не прошедшие необходимые трансформации в направлении процветания и экономического роста.

Конвенциональные исследования развития (*conventional development studies*) фокусировались, как правило, на тех способах, посредством которых страны третьего мира могут продвинуться в направлении, например, более эффективных сельскохозяйственных методов, индустриализации, урбанизации и так далее. Изучение развития связано с анализом тех экономических, политических социальных и культурных характеристик, которые препятствуют прогрессу развивающихся стран, и тех способов, посредством которых развитые страны могут распространить или передать технологические, культурные или иные полезные элементы развивающимся странам. Анализ влияния социальных и культурных факторов в процессах технологических и экономических изменений основывался на допущении, что те гипотезы, которые были сформулированы для объяснения процесса индустриализации в западных странах, может быть применен и к процессу развития в странах третьего мира¹.

Большая важность в антропологических исследованиях придавалась развитию отношений между установками, ценностями и экономическими изменениями. Следуя идее М. Вебера о первичности идеологических факторов в стимулировании экономического развития или идее Маклелланда о достижительской мотивации, некоторые антропологи предприняли попытку обнаружить идеологические факторы (ценности, установки или культурные образцы), которые могут действовать как препятствия экономического развития. Прикладные антропологи и исследователи *аккультурации* предприняли попытку разрешить противоречия между традиционными социокультурными паттернами и потребностями экономического и

---

¹*Seymour-Smith Ch. Development // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.75.*

технологического развития, предложив стратегии взаимной аккомодации (привыкания) и адаптации старого и нового¹.

Аккультурация – этот термин использовался с XIX века для описания процессов аккомодации (привыкания) и изменений, происходящих в моменты культурных контактов, а с 1930-х годов стал применяться американскими антропологами, интересующимися исследованиями культурных и социальных изменений и проблемами социальной дезориентации и культурного упадка. Они определили аккультурацию как «такие явления, которые происходят, когда группы индивидов, имеющие разные культуры, впервые сталкиваются с последующими изменениями в оригинальных культурных образцах обеих групп»².

Прикладная антропология подвергалась критике и за ее аполитичную позицию сторонниками «антропологии развития» (development anthropology), которые признают важность понимания политических процессов. В соответствии с этой критикой, прикладная антропология, фокусируясь на культурных различиях, не замечает тот факт, что именно структуры социального и политико-экономического доминирования создают проблемы развития в третьем мире. Аналогичным образом, те антропологи, которые критиковали влияние структур колониальной власти внутри самой дисциплины, видят прикладную антропологию как патерналистское расширение неокOLONIALИЗМА, нечто вроде акции паблик рилейшнз, которая отвлекает внимание от реальных проблем зависимости и слабого развития. Тем самым антрополог вовлекается в смягчение симптомов конфликта и, следовательно, в обслуживание интересов доминантной группы путем снижения революционного потенциала подчиненного населения.

Современная антропология отличается возрастающим критическим отношением к понятию развития, и теперь существует несколько разных течений оппозиции как конвенциональным исследованиям развития, так и прикладной антропологии. Понятие развития упрощает чрезвычайно сложные наборы переменных, помещая на них удобный для исследователя ярлык. Анализ всего комплекса этих переменных поднимает проблемы теоретической, политической и этической природы.

Дело в том, что понятию развития свойственно эволюционистское понимание обществ, которые «прогрессируют» и «улучшаются» и которые в большей или меньшей степени продвинулись по пути развития. Однако, попытка изучать страны третьего мира как изолированно развивающиеся единицы является абсолютно иллюзорной.

¹Ibid. P.75-76.

²*Seymour-Smith Ch. Acculturation // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.1.*

Как марксисты, так и теоретики мировой системы полагают, что третий мир и его «недоразвитие» необходимо рассматривать как побочный продукт экспансии капиталистической мировой системы колониального и неоколониального доминирования. Марксистские авторы, кроме того, критикуют понятие развития за то, что оно отвлекает внимание от анализа международных властных структур внутри капитализма и маскирует по сути грабительское, хищническое отношение развитых стран к развивающимся. При этом теория мировых систем настаивает на едином способе производства для всего капиталистического мира, а марксистский анализ оценивает в любой данной ситуации все разнообразные способы производства, которые могут там сосуществовать. Решающее различие между этими двумя типами анализа – та степень автономности, которая может быть принята для каждой социополитической формации в мировой экономике¹.

Аналогичные выводы относятся и к идеям прогресса, модернизации, рационализации, которые не обеспечивают надежной основы для анализа процессов социальных и экономических изменений. Урбанизация или индустриализация, например, никаким образом не указывают на рост благосостояния или прогресс в странах третьего мира и должны тщательно проверяться в каждом контексте на предмет своих социальных, политических и экономических последствий. Сегодня для антрополога уже стало привычным критически оценивать, кто именно извлекает выгоду из процесса развития, и действительно ли технологические или экономические «успехи» означают какое-либо общее улучшение для населения в целом или просто растущую прибыль национальной и/или иностранной элиты. Сторонники подхода «соответствующей» или «средней технологии» доказывают, что наиболее подходящей технологией на уровне сообщества чаще всего является та, которая может быть построена и поддерживается на местном уровне с низкими издержками и которая направлена на разрешение основных проблем сообщества и его потребностей. В свою очередь, импортированные высокие технологии доступны только обеспеченным элитам и могут лишь увеличить разрыв между богатыми и бедными².

Отечественный опыт прикладной антропологии

В СССР, начиная с первых лет советской власти, этнографы привлекались главным образом в роли экспертов для решения разного рода практических задач национального, хозяйственного и культурного строительства. В поздний советский период была создана наука этносоциология как по-

---

¹*Seymour-Smith Ch. Development // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.76.*

²*Seymour-Smith Ch. Development // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.76.*

пытка соединить этнографический предмет с социологическим методом. В фокусе этносоциологических исследований в 1970-х годах – типичные для марксистского анализа проблемы сравнения культурного уровня и сближения советских наций¹.

Этнография, как и любая социальная наука, является социальным инструментом, призванным утверждать и поддерживать порядок властных иерархий. Реализация господства достигается различными способами. Среди них – создание идеологем и символических классифицирующих сеток, воспроизводящих и оправдывающих реальные формы стратификационного неравенства, производство социальной нормы, основанной на усредненной политически выгодной схеме, в ущерб «маргинальным» социальным практикам.

В случае с отечественной этнографией и этносоциологией, с одной стороны, это достигалось в идее ассимиляции малых этносов через интеграцию всех народностей в новое социально-культурное образование – «советский народ». Аналитическим средством в этом случае явилось ортодоксально-марксистское толкование диалектики «общего и особенного», неявно опирающееся на посылку о тотальности некоего избранного культурного образца. «Общесоветские традиции, единые по содержанию и национальные по форме», создавались на основе оценочного подхода к культуре. Здесь выработывались критерии прогрессивности культуры, причем противопоставление европейских и азиатских культур («типов социально-культурного облика народов») связывалось с различным уровнем урбанизации регионов СССР. Различия подлежали ликвидации: отставшие народы должны были подтянуться до уровня самых урбанизированных наций страны. Урбанизированный значило лучший, и уверенность в абсолютном, универсальном характере своих ценностей вела к статусным претензиям русских-горожан. При этом помещение в предметное поле этнографического исследования удаленных (в различных смыслах) этничностей укрепляло их в статусе маргинальных меньшинств.

С 1980-х годов ориентация этнологов (социальных антропологов) на практическую деятельность усилилась. Судя по прогнозам, в будущем ожидается преобладание прикладных этнологических исследований, в результатах которых заинтересована сфера управления². Этнографы и этнопсихологи указывают на прикладной характер своей деятельности: «крупные торговые фирмы и транснациональные корпорации, предполагающие разместить предприятия за рубежом, собирают информацию о культуре труда местного населения. Этнография и культурология все больше теря-

---

¹Дробижева Л.М. Усиление общности в культурном развитии советских наций // История СССР. 1972. № 4.

²Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Crede experto (Отечественная этнология сегодня и завтра) // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С.3-11.

ют статус «отвлеченных», «академических» дисциплин»¹. По мнению современных отечественных этнографов, объектом будущих этнологических изысканий станут исчезающие этносы и слабоизученные народы, конфликтующие этносы и этносы со сложной внутренней структурой. Этнографами и социальными антропологами формулируются задачи разработки методов прогнозирования и рекомендации по оптимизации этнических процессов, обнаруживаются практические проблемы тюремной и армейской субкультур².

Экологическое направление прикладной антропологии

Исследования в области экологии человека вызваны беспокойством широких кругов общественности будущим состоянием жизни на Земле. Впервые понятие «экология человека» (Human Ecology) применил, как принято считать, американский географ Г. Берроуз³. При изучении адаптации людей к городской среде это понятие использовал социолог Р. Парк, позднее отсюда появилась «социальная экология», которая занимается изучением особенностей и закономерностей взаимоотношения людей со средой обитания.

Искусственное изменение природных условий приводит к возникновению своеобразных «культурных ландшафтов» с антропогенной нагрузкой (сельхозугодья, населенные пункты и т.п.). Между тем, устойчивость этнических групп достигается не только за счет трансмиссии языка и этнических ориентаций, но и путем создания для каждого нового поколения средств жизни с использованием навыков традиционного жизнеобеспечения.

В американской культурной антропологии процесс экологизации наметился в теоретических разработках с середины 1950-х годов, которые позднее получили практическое применение (экологическое направление прикладной антропологии), прежде всего в «развивающихся» странах после распада колониальной системы. Это было обусловлено необходимостью вернуться к прежним экологически сбалансированным способам коллективного существования (традиционной жизни), разрушенного колонизаторами-европейцами. Особенности жизнеобеспечения этнических групп вызвали необходимость теоретической и практической антропологической работы.

---

¹Перепелкин Л.С. Этнопсихология современного производства // Человек. 1990. № 6. С.104-109.

²Банников К.Л. Армия глазами антрополога. К исследованию экстремальных групп // Мир России. 2000. ¹ 4. С.125-134.

³Barrows H.H. Geography as Human Ecology // Annals Assoc. Amer. Geogr. Vol.13. 1923. № 1.

Акционистская антропология

Акционистская антропология, или антропология действия (Action anthropology) – прикладное направление американской культурной антропологии. Термин *акционистская антропология* появился в ходе полевых исследований, проводившихся группой ученых из Чикагского университета во главе с С. Таксом среди индейцев племени фокс в штате Айова в 1948 г. В ходе полевых исследований ученые перешли от традиционного метода «включенного наблюдателя» к методу «участвующего наблюдателя». С тех пор акционистская антропология означает применение этнографического знания самой исследуемой этнокультурной общностью для достижения определенной цели, в осознании и постановке которой им помогают антропологи. С развитием исследований в этом направлении выявились определенные различия в понимании социальной роли акционистской антропологии. Некоторые ученые понимают ее как любое использование антропологического знания самой локальной группой для направленных изменений. В любом случае в этом плане антропология действия отличается от административной антропологии, хотя обе они и являются разделами прикладной антропологии и как прикладные науки отличаются от академической антропологии. Скорее всего, социальное значение антропологии действия можно правильно оценить только в контексте всей социально-экономической структуры общества, а также с учетом сформулированного социального заказа. Цели антропологии действия во многом зависят от гражданской позиции, этических принципов исследователя¹.

Будущее прикладной антропологии

Отметим, что академическая социология долгое время не признавала прикладную антропологию и этнографию, полагая их ненаучными, а прикладные антропологи не всегда прибегали к этнографическим методам, считая их чисто академическими и бесполезными для практики. И до сих пор такое противостояние существует. Например, Мартин Хаммерсли в 1990-е годы отметил, что «этнографию, восходящую к социальной и культурной антропологии и Чикагской социологии, рассматривают скорее как чистое, чем прикладное исследование. С этой точки зрения, этнография не связана ни с какими непосредственными практическими целями, но концентрируется, скорее, на вкладе в наше знание о человеческом обществе»².

Можно возразить, однако, что разграничения между «чистым» и «прикладным» исследованиями довольно размыты, поскольку общее знание

¹Веселкин Е.А. Антропология действия http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_p/term.html?act=list&term=532.

²Цит. по: Lion E. Reflections on the future of applied anthropology // Journal of contemporary ethnography. 1999. № 6.

может иметь весьма прямое отношение к практическим проблемам. В этом смысле большой прикладной вклад был сделан социологами и антропологами Чикагской школы. Академическое исследование может иметь прямое отношение к практике как минимум в двух аспектах: удовлетворять определенную потребность в информации или предоставлять подход, связанный с целым спектром проблем и/или конкретным политическим решением.

Элеонор Лайон приводит следующую мысль: в настоящее время наблюдается «деприватизация» человеческого опыта, многие смыслы перестают принадлежать к сфере частного: «когда жизнь все более и более наполняется дискурсами организаций и институтов, люди все чаще вступают во взаимодействие с агентствами и профессионалами, чтобы интерпретировать, определять и отвечать на личные вопросы, дилеммы и беспокойства»¹.

В связи с этим сегодня все большую необходимость получает практически-ориентированная антропология, связанная с социальным развитием и социальным управлением. Прикладная этнографическая работа продолжает развиваться и становится более видимой среди других дисциплин. Кроме того, ее все более признают социологи, все чаще сообщается о фондах и грантах, где подчеркиваются этнографические методы исследования, развиваются разнообразные методы этнографии, растут возможности публикации.

Рост признания этнографических методов в различных дисциплинах повлиял на прикладную антропологию двояким образом. Во-первых, все в большем количестве дисциплин развиваются этнографические методы. Социальная политика и социальная работа опираются на этнографические исследования, востребованы качественные методы и в области исследований образования и менеджмента, в целях оценки эффективности разнообразных организаций и проектов.

Во-вторых, дисциплины социальных наук, которые традиционно включали этнографию в качестве метода, все более признают и развивают прикладную деятельность. Эти два направления часто комбинировались в прошлом, и сегодня можно наблюдать развитие обществ прикладной антропологии и прикладной социологии, создана Ассоциация социологической практики, Секция социологической практики в Американской социологической ассоциации. На конгрессах по социальным наукам работают секции социальных технологий.

Прикладная антропология и прикладная этнография становятся заметными внутри социологии. В 1999 г. 29% факультетов социологии в США имели прикладную специализацию, а 37% из них – специализацию по ка-

---

¹Lion E. Reflections on the future of applied anthropology // Journal of contemporary ethnography. 1999. № 6.

качественным методам (11% из всех факультетов). Между тем, в 1998 г. качественные методы преподавались только на 31% из тех факультетов, где имелась прикладная специализация. Сегодня наблюдается не только рост мест для практики студентов, но становится отчетливо заметно взаимообогащение практиков и академических этнографов¹.

Согласно исследованиям, проведенным Американской антропологической ассоциацией (ААА), неакадемическая занятость антропологов достигала 5,1% в 1986 г., а в начале 1990-х годов, уже каждый третий выпускник американских кафедр антропологии находил себе место работы вне академии, и эта тенденция подтвердилась позднее. В 1997 г. 29% выпускников антропологических кафедр работали вне университетов, и сейчас для выпускников с научной степенью гораздо больше вакансий в прикладной сфере, чем в академии².

Какие же это формы занятости? Прикладные антропологи находят себя в многочисленных видах деятельности. Хотя большинство играют роли исследователей, прикладные антропологи часто становятся воздействующими специалистами, медиаторами, координаторами, администраторами, культурными и политическими «мотиваторами»³; они производят оценку эффективности проектов и программ, активизируют потенциал местного населения на общественно значимую деятельность. Распространенные сферы занятости прикладных антропологов – это здравоохранение, образование, международное развитие, планирование, энергетическая политика, жилищная политика и социальное обеспечение⁴. Прикладные антропологи могут работать в различных условиях: в качестве краткосрочных или долгосрочных консультантов, правительственных служащих, по контракту с фирмой, общественной правозащитной организацией, в академических учреждениях, в государственной службе или органах местного самоуправления. В ряде случаев антропологи могут выполнять задачи, сходные с теми, что поручают другим социальным ученым: например, быть консультантами, аналитиками в центрах изучения общественного мнения или опросных службах, руководить проектами, исполнять обязанности координатора, финансиста, специалиста по подбору кадров, по оценке программ, по образованию, директора исследований и администратора контрактов.

---

¹Там же.

²American Anthropological Association. The 1997-1998 AAA Guide. Arlington, VA: American Anthropological Association, 1997.

³Baba M.L., Hill C.E. (Eds.) The Global Practice of Anthropology. Williamsburg, VA: Studies in Third World Societies, 1997. P.90.

⁴Wulff R.M., Fiske Sh.J. (Eds.) Anthropological Praxis: Translating Knowledge Into Action. Boulder: Westview Press, 1987. P.XII-XIII; Applied Anthropology // The dictionary of anthropology. Ed.by T.Barfield. Oxford: Blackwell Publishers, 1997. P.23.

Проекты прикладной антропологии разнообразны, поэтому они получают поддержку из самых разных источников. В России большинство фондов, поддерживающих исследовательские инициативы, делают особый акцент на прикладном характере проектов, и от заявителя требуется представить доказательства внедрения результатов: это Российский фонд фундаментальных исследований, Российский гуманитарный научный фонд, фонд Форда, фонд Дж. и К. Макартуров, сетевые программы Института Открытое Общество (фонд Сороса), фонд им. Д. Лихачева. Существуют и специальные виды конкурсов, в рамках которых получают поддержку глубоко прикладные проекты, где проведение исследований не требуется, необходимо лишь провести серию мероприятий, которые, как предполагается, способны катализировать позитивные социальные изменения. Исполнителями прикладных исследовательских, акционистских проектов могут выступать государственные и общественные организации, музеи, библиотеки, школы, университеты, исследовательские центры и так далее. Очень многие проекты связаны с сохранением культурного наследия, развитием гражданского самосознания, пробуждением интереса общественности к социально значимым, но замалчиваемым вопросам, апробацией или распространением новых методов и технологий социального развития.

Приведем некоторые примеры проектов прикладной антропологии.

***Прикладные и экспертные работы
Института этнологии и антропологии РАН¹***

Сотрудники Института осуществляли прикладные исследования и экспертные работы по широкому кругу вопросов: анализ этнополитической ситуации в России и за рубежом, справочные обзоры по проблемам этнологии и антропологии по заказам государственных учреждений и общественных организаций, содействие законотворческой деятельности, участие в качестве экспертов в работе различных фондов, федеральных и региональных органов управления и др.

Широкую поддержку московской общественности получила акция сбора литературы для Чеченской республики, организованная Фондом гуманитарного содействия ЧР. В результате проведенной акции за 6 месяцев 2001 г. было собрано более 25 тыс. наименований книг различной тематики, включая художественную, научную, научно-популярную, справочную, детскую литературу. Список передавших свои книги для библиотек Чечни включает более 100 наименований официальных учреждений и имен частных лиц. 4 сентября

¹Прикладные исследования и экспертные работы Института этнологии и антропологии РАН <http://www.iea.ras.ru/reports/2001.html>.

книги были направлены в г. Грозный, где они поступили в распоряжение Чеченского государственного университета.

Значительная работа проведена сотрудниками Института по разработке инструментария Всероссийской переписи населения 2002 г. (В.А. Тишков, П.И. Пучков, С.В. Соколовский, З.П. Соколова). По заказу Госкомстата РФ составлены следующие документы: Систематический словарь этнических наименований (50 с.); Дополненный алфавитный словарь языков (10 с.); Список самоназваний и других названий национальностей и языков в сочетании с основными названиями национальностей и языков (32 с.) и Пояснительная записка к списку (4 с.).

Для Правительства РФ подготовлено «Заключение на проект Федеральной миграционной программы на 2002-2004 гг.» (Е.И. Филиппова).

Разработан «Проект Программы утверждения этноконфессионального согласия в Приволжском федеральном округе» – по заказу администрации Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе (В.А. Тишков).

Написан отзыв на проект Федерального закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации» (С.В. Соколовский).

Проведена экспертная работа «Проблемы отношений между автономными округами и областью в составе сложносоставного субъекта федерации (на примере законодательной инициативы ХМАО в составе Тюменской области)» – (И.Г. Косиков).

По заказу Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам национальностей разработана «Диаспоральная доктрина России», главная цель которой состоит в выработке стратегии взаимоотношений России со своими соотечественниками, использовании диаспор для укрепления безопасности России. Рук. – М.Н. Губогло, С.К. Смирнова. Авторский коллектив: О.Д. Комарова, Н.М. Лебедева, В.К. Малькова, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина, Ю.М. Чумалов.

На заседании Совета по федеральной программе «Русский язык» по докладу М.Н. Губогло «Парадоксы этноязыковой ситуации на Северном Кавказе» приняты рекомендации по общей оценке ситуации и по разработке законодательных актов, идеологических, научных и пропагандистских мер.

Подготовлена серия картографо-аналитических материалов по теме «Восстановление системы образования в Чеченской республике» – заказ Министерства образования РФ (В.В. Степанов).

В рамках программы исследований Института федерализма по вопросам взаимоотношений федерального центра с российскими

регионами, где проживает мусульманское население, подготовлен экспертный доклад «Россия в Средней Азии и на Кавказе: центр силы постсоветского пространства» (В.И. Бушков). Рассмотрены взаимоотношения Центра с мусульманскими регионами Северного Кавказа и государствами Закавказья и Средней Азии.

Для правительства Москвы по результатам проекта «Этносфера Москвы и межкультурное сотрудничество» в рамках Московской городской комплексной программы «Москва на пути к культуре мира» подготовлено пять аналитических записок по вопросам развития этнокультурного образования и взаимодействию с национальными общественными организациями (М.Ю. Мартынова).

По заказу аппарата Совета безопасности РФ подготовлены докладные записки: «Интеграционные и геополитические приоритеты России в Средней Азии и Казахстане» (посвящена долгосрочным стратегическим интересам России в Среднеазиатском регионе) и «Ваххабизм» в киргизстанской части Ферганы: потенциально опасные местности и направления» (Г.Ю. Ситнянский).

Написан экспертный доклад «Недискриминация, в особенности в связи с борьбой против нетерпимости и расизма в России» («Non-discrimination, with emphasis on the fight against intolerance and racism») – по запросу Департамента мониторинга Директората стратегического планирования Генерального секретариата Совета Европы (А.Г. Осипов).

В рамках проекта «Этнические меньшинства на Северном Кавказе: содействие межэтническим отношениям и интеграции посредством тренингов для лидеров НПО» (Программа «Содействие установлению доверия» Генерального Директората политических дел Совета Европы) были подготовлены аналитические доклады по различным аспектам межэтнических отношений на Северном Кавказе (Н.А. Воронина, О.В. Кульбачевская).

По заказу Координационного Совета помощи беженцам и вынужденным переселенцам (в рамках проекта «Дорога Свободы» правительства Швейцарии) проводилось прикладное исследование «Разрешение конфликтов в переселенческой среде», включающее разработку коррекционной анкеты для переселенческих НПО. Заполнение такой анкеты позволяет сотрудникам НПО осознать род и степень конфликтности внутри самой неправительственной организации, в отношениях с другими НПО и государственными учреждениями. Анкета предназначена для профилактики конфликтов в переселенческой среде, а также предлагает пути решения существующих конфликтов (О.В. Кульбачевская).

А.Н. Ямсков принял участие в подготовке Арктической Хартии для обеспечения сохранения территорий традиционного природопользования и традиционного уклада жизни малых этнических групп и общин и их участия в решении вопросов, связанных с развитием территорий их проживания и традиционного природопользования для Межведомственной комиссии по делам Арктики и Антарктики при Министерстве экономики РФ.

Эксперты института участвовали в разработке новой политики Всемирного Банка по отношению к коренным народам: Операционная политика и Процедуры № 4.10 «Коренные народы» (Н.И. Новикова, А.Н. Ямсков).

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1999 г. № 839 подготовлен справочник для государственных служащих «Российское казачество» (Т.В. Таболина).

Ряд прикладных работ проведен сотрудниками отдела антропологии, которые позволяют использовать данные физической антропологии и этнологии в судебно-медицинской экспертизе, в подготовке специалистов с высшим образованием, в ознакомлении широкой аудитории с этническим составом населения России. Для Российского Центра судебно-медицинской экспертизы разработана инструкция с конкретными рекомендациями по использованию признаков зубной системы человека в судебно-медицинской практике (А.А. Зубов, Н.И. Халдеева).

По просьбе Прокуратуры Московской области Т.С. Балужева и Е.В. Веселовская выполняли экспертизы по костным останкам погибших людей. Были сделаны 30 экспертиз и 60 графических реконструкций в профиль и анфас. Т.С. Балужевой была проведена идентификация костных останков дважды героя Советского Союза А.Ф. Клубова в г. Львове. По приглашению Патриархии Г.В. Лебединская принимала участие в работе возглавляемой Т.И. Алексеевой комиссии по обследованию костных останков, обнаруженных при раскопках Волоколамского монастыря. Выполнены три графические реконструкции из погребений кладбища Кремля г. Дмитрова.

Продолжались прикладные исследования и экспертные работы по теме «Духовно-нравственное образование в учебных заведениях разного типа». По заказу Московского комитета образования проведена экспертиза справки о комплексной проверке образовательных учреждений с национальным (этнокультурным) компонентом; осуществляется постоянный контакт (консультации, участие) с Общественно-консультативным советом «Образование как механизм формирования духовно-нравственной культуры общества» (М.М. Громыко). По заказу Санкт-Петербургской школы народных искусств

осуществляется совместно с РАО разработка программ, учитывающих религиозно-нравственное воспитание и усвоение традиционного мастерства (М.М. Громыко, О.В. Кириченко, Х.В. Поплавская, Н.В. Шляхтина).

Ключевыми точками приложения сил прикладного антрополога выступают учреждения образования и культуры – школы, библиотеки, музеи. *Многие краеведческие музеи реализуют оригинальные социально значимые проекты. Например, в Самарском краеведческом музее при поддержке Института Открытое Общество (фонд Сороса) и ГУИН Минюста России по Самарской области идет проект по организации интерактивной выставки «Закрытое пространство в открытом обществе» средствами современного искусства с исторической, литературной, этнографической информацией о проблемах жизни в тюрьме¹. При Энгельском краеведческом музее² создан Центр декоративно-прикладного и народного творчества. Объединяя деятельность старшего и младшего поколений в изучении традиций разных народов, открывая мастер-классы и производственные мастерские, центр становится инициатором интересных программ социального и национального развития народов региона.*

Методологическое развитие прикладной антропологии предполагает повышение роли акционистских и партисипаторных методов работы, которые усиливают связи между исследователями, практиками и участниками проектов среди местного населения. Пересматриваются представления исследователей о смыслах и этике интервенции, о роли опыта и характере переживаний участников программ.

Важную роль в развитии прикладной антропологии играет сегодня Интернет. Существует множество веб-сайтов, содержащих информацию о программах, проектах, исследованиях. Интернет представляет и новые возможности для сбора данных – сегодня известен целый ряд проектов, использующих метод интервью в чатах. Развитие прикладной антропологии происходит на фоне деприватизации социальной жизни, растущего влияния электронных коммуникаций и общественной потребности в прозрачности и подотчетности организаций, в эффективности программ и сервисов. Прикладная антропология способствует пониманию новых форм социальных отношений и социальных проблем, изменяющихся в новом тысячелетии смыслов, идентичностей и стилей.

Антропологические основания социальной работы

---

¹Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. <http://www.museum.samara.ru/suma.htm>.

²Энгельский краеведческий музей. Проекты. <http://library.sgu.ru/engels/projects/projects.htm>

Социальные антропологи, как и социологи, и психологи, и социальные работники – это выходцы из конкретных культур и субкультур – национально-этнических, профессиональных, музыкальных... Их представления о реальности, принятая ими рациональность, а также их видение социальных проблем по крайней мере частично коренятся в привычной системе культурных ценностей и норм. Этноцентризм создает немалые основания для формирования предрассудков, стереотипов, ксенофобии не только в практике повседневного общения, но и в научных исследованиях. Как профессионалы, однако, эти люди не имеют права оставаться в плену своих «культурных очков», но обязаны рассматривать систему ценностей, социальные девиации и социальные проблемы, используя критический и аналитический подходы.

Профессиональная задача социального антрополога, социального работника, социального психолога или социолога – систематические изыскания теоретических и практических проблем и постоянные усилия расширить собственную перспективу видения мира, стремление распознать то, что находится «позади» очевидного. Только таким образом могут обнаруживаться новые способы понимания проблемы или комплекса проблем, что в свою очередь, способствует выбору стратегии в исследованиях и практическом решении социальных проблем в работе с людьми, группами и сообществами. То, как происходит взаимодействие этих культур, как достичь мира и гарантировать соблюдение прав человека, составляет ключевой интерес современного социального антрополога или социального работника, получившего соответствующее образование.

В современных образовательных программах по социальной работе на Западе и во многих вузах России важный акцент делается на культурную сенситивность, или чувствительность профессионала, а также на мультикультурализм как важный элемент государственной политики. Внимание к этничности, расе, конфессии в образовательной программе по специальности «Социальная работа» выступает одним из признаков (наряду с гендером и инвалидностью) культурной сенситивности и информированности о правах человека как важнейших профессиональных атрибутов новой профессии. Речь идет не только об обучении студентов толерантности в отношении к разным культурам, пониманию и признанию разнообразия¹, но и о развитии профессиональных навыков распознавать дискриминацию и стремиться к соблюдению прав человека. Вместе с тем, необходимо учитывать и ограниченность такого акцента на культуру, который может стать, по сути, *культурным расизмом*. Речь идет о таких установках и действиях, которые отталкиваются от примордиалистских представлений о врожденности, «естественности» культурных различий. В частности, на

---

¹ Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С.88-89

практике это реализуется, например, в том, что социальный работник или работник милиции принимает как должное насилие в семьях или сообществах этнических меньшинств, полагая, что эти практики здесь «в порядке вещей».

Благодаря деятельности Международной Федерации социальных работников, согласован универсальный набор ценностей и этических принципов социальной работы, принятый странами, имеющими ассоциативное членство в этой транснациональной профессиональной организации. Сложно представить себе, что социальный работник может быть менее справедливым там, где выше уровень бедности, либо ввиду специфики культурных традиций региона или группы. Однако применение универсальных принципов создает лишь общий «формат» социальной работы, а их применение на практике во многих случаях требует от специалиста знаний и учета культурных особенностей – местных традиций оказания медицинской и социальной помощи, так же как и предрассудков, вредных для здоровья как мужчин, так и женщин; знания и уважения сложившихся норм поведения – отношений между полами, людьми разных возрастов и статусов; рефлексивное отношение к межкультурным стереотипам и установкам, сложившимся в собственной культуре (например, известна критика воззрений европейских феминисток относительно порабощения мусульманских женщин); умения видеть и мобилизовать этнокультурные ресурсы социальной помощи, например, традиции соседской поддержки в узбекской махалле (соседской общине).

С одной стороны, социальное обслуживание должно отвечать универсальным принципам прав человека, государственному и региональному законодательству. Напротив, «этнизация политического, подмена гражданского сообщества этническим» означает этноцентристскую трактовку дискриминации¹. С другой стороны, в локальных культурах накоплен значительный опыт помощи пожилым, который может стать полезным ресурсом социального работника, или может быть проигнорирован в силу евроцентристских установок специалиста или администратора в организации социальной защиты.

Антропология прав человека

Несколько последних десятилетий были ознаменованы процессами широкого распространения идеи международного гуманитарного права и применением прав человека на практике. Там, где царили великие политические нарративы, права человека утверждают свою глобальную политическую ценность права человека как один из тех немногих утопических идеалов, по поводу которых правительствами большинства стран мира консен-

---

¹ Малахов В. Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб: Алетейя, 2002. С. 18.

сус достигнут. По крайней мере, можно говорить о хотя бы некоторых ключевых правах человека, которые охраняются международным законодательством.

В антропологической академической традиции рассматриваемая проблема утвердилась в качестве одной из основных, начиная с 1980-х годов, когда антропологи обращаются к проблематике экспансии транснационального правового дискурса, заостряя внимание на аспектах локальных практик защиты прав в различных культурах. В 1994 г. Американская антропологическая ассоциация (ААА) официально заявила о приоритетности тематики прав человека. В антропологических дебатах о культуре и идентичности во весь голос зазвучали вопросы о государственном насилии и деятельности правозащитных организаций, проблемах бедности и войн, голоде, терроризме и конфликтах во всех странах и на всех континентах¹. Кросскультурные сопоставления и связи, способствующие социальным изменениям, борьба за социальную справедливость в отношении социально уязвимых групп населения, в частности, инвалидов, оказались в фокусе внимания антропологов². Тем не менее, исследований транснациональных правовых процессов по-прежнему относительно немного, и среди них еще меньше антропологических работ о правах человека.

Дело в том, что антропологическая перспектива изучения транснациональных процессов длительное время находилась в плену традиционной системы координат, означенной методологическом акцентом на «локальном» и теоретическим фокусом на «культуре». Профессиональная идентичность социального или культурного антрополога отличалась критическими оппозиционными взглядами на так называемые «универсальные ценности» и широкие глобальные, транснациональные процессы, включая «права человека». Одно из положений ставшей канонической резолюции исполнительного совета ААА, принятой сразу после окончания Второй мировой войны, гласило: «Даже там, где существуют такие политические системы, которые отрицают право граждан на участие в управлении или пытаются завоевывать слабые народы, основополагающие культурные ценности могут быть актуализованы для того, чтобы привести народы этих стран к осознанию последствий действий их правительств и тем самым заставить дискриминацию и порабощение остановиться»³.

---

¹ *Bodley J.H.* Anthropology and Contemporary Human Problems. 4th Edition. Mountain View, CA, London, Toronto: Mayfield Publishing Company, 2001

² *Armstrong F. and Barton L.* (eds) Disability, Human Rights and Education. Cross-cultural perspectives. Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 1999

³ American Anthropological Association. Statement on Human Rights // *American Anthropologist*. Vol. 49. №4, 1947. P.543. Цит. по: *Wilson R.A.* Human Rights, Culture and Context: An Introduction // *R.A. Wilson* (ed) Human Rights, Culture and Context: Anthropological Perspectives. London, Sterling, Virginia: Pluto Press, 1997. P.2

Автор этого утверждения Мелвил Херсковиц и его соратники были последователями культурного релятивизма Ф.Боаса и возводили культурные различия в этический абсолют. При этом «культура» становилась единственным источником валидности морального права или правила. Специфические для конкретного контекста культурные ценности никоим образом не могли подчиняться или заменяться универсальными моральными ценностями, включая права человека. В приведенной цитате есть намек на важную роль прикладной антропологии, которая может обнаружить и помочь актуализировать основополагающие культурные ценности, реконструировать целостную версию внутренней культурной логики каждого общества, а также защитит туземные народы от попыток международных организаций, направленных на глобализацию «западных» моральных ценностей.

В этой концепции содержится предположение о том, что политические режимы могут быть изолированы от системы культуры, что противоречит множеству исторических свидетельств, приводит к экзотизации незападных обществ и самой антропологии. Эти и другие стороны концепции Херсковица были подвергнуты критике в целом ряде антропологических исследований, однако и сегодня дискуссия по поводу кросскультурной применимости прав человека по-прежнему продолжается¹.

Дискуссия строится по оппозиции универсализм/культурный релятивизм и делает акцент на важности культуры². Главные вопросы, по-прежнему остающиеся на повестке дня, связаны с онтологией человека, правами, которые естественным образом следуют из философской проблематики природы человека, значимостью понятия «культура» в конструировании нормативного морального порядка, степенью, до которой глобальное разнообразие систем юриспруденции подтачивает основу универсальности прав человека. Вместе с тем, как универсализм, так и культурный релятивизм являются полезными перспективами, которые необходимо не разводить, а применять в сочетании. Универсализм позволяет проводить сравнение, а релятивизм пробуждает чуткость к разнообразию и указывает на прецеденты непосредственных контекстов. Полярность этих подходов, воспринимаемая как оппозиция, ограничивает интеллектуальные попытки тех исследователей, которые пытаются понять социальные стороны жизни законов, их культурные смыслы и повседневные практики их использова-

¹ *Wilson R.A.* Human Rights, Culture and Context: An Introduction // R.A.Wilson (ed) Human Rights, Culture and Context: Anthropological Perspectives. London, Sterling, Virginia: Pluto Press, 1997. P.3.

² См. *Pannikar R.* Is the Notion of Human Rights a Western Concept? // P.Sack and J.Aleck (eds) Law and Anthropology. Aldershot: Dartmouth Publishing Co., 1992; *Renteln A.D.* International Human Rights: Universalism versus Relativism. London: Sage, 1990; *Washburn W.E.* Cultural Relativism, Human Rights and the AAA // *American Anthropologist*. № 89, 1987. P. 939-943.

ния.

Основные идеи релятивистской критики прав человека заключаются в следующем¹. Во-первых, идея прав человека восходит к ментальности эпохи Просвещения в настоящем своем воплощении является продуктом западно-европейской мысли после окончания второй мировой войны. Это интеллектуальный проект, порожденный определенной конфигурацией социально-политических процессов и их видением юристами и политическими деятелями. Речь идет о результатах победы сил анти-нацистской коалиции над силами фашизма, претендовавшими на установление нового мирового порядка. Таким образом, она отражает своего рода опьянение от решения глобальной проблемы (порожденной противостоянием западноевропейских держав и борьбой за влияние во всем мире), рассматриваемой в терминах борьбы сил Добра над силами Зла, т.е. именно силовыми средствами. Фактически, универсальная декларация прав человека, принятая в 1948 г., является универсальной лишь по сути ее претензий, но не по происхождению или практике применения, отражая идеалистический характер европейской политической философии, ее свойства распространять свое видение общества на весь остальной мир и игнорировать социальное и культурное многообразие.

Во-вторых, концепт «человеческой природы», который впервые был привлечен Кантом и Локком к исследованию политических процессов, пересмотрен антропологом Б.Тернером в 1993 г.² и теперь включает элементы релятивизма. Тернер отвергает рационализм и индивидуализм кантовской философии и обращается к философской антропологии А.Гелена и Г.Плесснера, в соответствии с которой людям свойственна открытость и дефицит инстинктов. Именно поэтому необходимы социальные институты, включая право, так как человек является физически и онтологически «незавершенным», а не из-за того, что люди якобы агрессивны по природе своей. В свою очередь, социальные установления и институты неустойчивы и несовершенны, вот почему социальные отношения всегда связаны с риском и нестабильностью.

Из этих рассуждений становится понятным, почему для большинства антропологов такая универсалистская категория, как «человеческая натура» является одним из наиболее опасных инструментов распространения предрассудков «западной культуры». По выражению Херсковица, зафиксированному в резолюции ААА, «индивид реализует свою личность посредством своей культуры, вот почему уважение индивидуальных разли-

---

¹ *Wilson R.A.* Human Rights, Culture and Context: An Introduction // R.A.Wilson (ed) Human Rights, Culture and Context: Anthropological Perspectives. London, Sterling, Virginia: Pluto Press, 1997. P.4

² *Turner B.S.* Outline of a Theory of Human Rights// Sociology. Vol.27 №3, 1993. P.489-512.

чий подразумевает уважение культурных различий». Здесь понятия культуры и культурных различий применяются для деконструкции универсального рационального индивидуума классической политэкономии, который находится в центре дискурса о правах человека¹.

В-третьих, в качестве составной части анти-эссенциализма релятивисты отвергают понятие субъекта как некой унифицированной сущности, будь то слабый или доминирующий субъект. Не существует единых характеристик человеческой природы или прав человека, которые бы существовали вне дискурса, истории, контекста или группы. Парадоксальный вывод Тернера состоит в том, что мы как люди не обладаем никакой универсальной человеческой сущностью. Для релятивистов существование имеет приоритет перед сущностью, и именно культура выступает тем аспектом существования, который подвергает наиболее сильному сомнению всяческие универсальные сущности. Тем самым, антропологическая критика человеческой природы, основываясь на постулате о социально конструируемой природе человека, ведет к отрицанию фундаментальной для концепции прав человека категории «индивидуальное». Эта критика не нова — еще Маркс писал о собственническом индивидуализме и свободном рынке как категориях буржуазного права. Антропологи-релятивисты полагают, что моральный статус в большей степени относится к коллективным общностям («культура», «сообщество», «община»), чем к индивидуумам, а идея прав человека есть ни что иное как этноцентричное распространение европейской идеи индивидуальных прав на общества с коммуналистскими политическими традициями².

В самом деле, как считает Н.М.Гиренко, идеология отечественного правозащитного движения не избежала этноцентрического подхода³. Дело даже не в том, что современные потребности правозащитной деятельности выдвигают на первый план проблему обеспечения прав личности, независимо от того, к какой культурной или этнической общности эта личность принадлежит. На правах личности основаны и коллективные права, в частности, законодательство о национально-культурной автономии, об общественных объединениях, о коренных народах, так же основанные на правах личности. Проблема этноцентризма заключается в двусмысленности действия закона. Дело в том, что в процессе становления гражданского

¹ Критика концепции *Homo economicus* получила развитие в работах многих экономистов, социологов и психологов - Торстейна Веблена, Франсуа Перу, Амоса Тверского, Даниэля Кагнмана, Вернона Смита (см. также *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998).

² *Wilson R.A.* Human Rights, Culture and Context: An Introduction // R.A.Wilson (ed) Human Rights, Culture and Context: Anthropological Perspectives. London, Sterling, Virginia: Pluto Press, 1997. P.6.

³ *Гиренко Н.М.* Законодательство об экстремизме в контексте социальной антропологии // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.VI.№ 4, 2003. С.190.

общества возникают разнонаправленные тенденции, а вокруг них формируется соответствующие законодательные и иные дискурсы. В частности, возникают движения, которые рассматриваются как «опасные для стабильности общественной системы, например, экстремизм»¹.

Конституция РФ, российское законодательство и ратифицированные международные акты представляют достаточную юридическую основу для профилактики и пресечения противоправной экстремистской деятельности и преступлений на почве национальной, расовой, социальной и конфессиональной вражды и ненависти. Тем не менее, указывает Гиренко, «правоприменительная практика в данной области часто пробуксовывает, а в ряде случаев положения законов даже применяются в отношении лиц, по существу противостоящих экстремистской деятельности, или против лиц, защищающих права человека в области национальных и гражданских прав и свобод. <...> Принятый относительно недавно Федеральный Закон о противодействии экстремистской деятельности делает очень тонкой грань, за которой любая политическая деятельность, действия в соответствии с умеренной националистической, политической или религиозной концепцией (догмой) для изменения политического или социального порядка превращается в экстремистскую»².

Еще один аргумент, заслуживающий внимания, принадлежит Э.Д.Рентелн³, которая признает релятивистские описания мира, составленного из различных обществ с неодинаковыми моральными ценностными системами, но отрицает предписания терпимости, которые вроде бы следуют из таких представлений. Казалось бы, здесь заложено противоречие. Рентелн утверждает, что права человека не существуют в эмпирическом воплощении, поскольку налицо значительное многообразие понятий справедливости и морали. Например, ни свобода слова, ни свобода вероисповедания не реализованы полностью ни в одной стране мира, а смертная казнь применяется в разных контекстах за совершенно разные поступки – от адюльтера до колдовства и богохульства. По ее мнению, есть только один безусловный моральный принцип, касающийся того, что наказание пропорционально весу преступления.

Таким образом, заключает Рентелн, необходимы такие стандарты прав человека, которые бы стали легитимными во всем мире, будучи основанными не на западных теориях естественных прав, но на эмпирически доказанной универсальности морального принципа негативной реципрок-

---

¹ Гиренко Н.М. Законодательство об экстремизме в контексте социальной антропологии // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VI. № 4, 2003. С. 190.

² Гиренко Н.М. Указ. соч. С. 191-192.

³ Renteln A.D. The Unanswered Challenge of Relativism and the Consequences for Human Rights // Human Rights quarterly. №7, 1985. P. 514-540; Renteln A.D. International Human Rights: Universalism versus Relativism. London: Sage, 1990

ности, который, по ее мнению, ограничивает насилие и поощряет стабильность. Однако, подобные выводы представляются несостоятельными для любого, кто хоть немного знаком с последствиями порочного круга кровной мести, терактов и других преступлений, организуемых по принципу реванша.

Несмотря на методологическую полезность, релятивистская трактовка прав человека имеет целый ряд ограничений¹. Прежде всего, недостатки этого подхода связаны с тем, что он фактически подвергает сомнению истинность самого себя. Отрицая саму возможность универсальных теорий и гранд-нарративов, релятивизм фактически создает собственный мета-нарратив с всеохватными и обобщающими выводами. Во-вторых, он формирует моральный нигилизм, в-третьих, основывается на неточных посылах и заблуждениях, в частности, относительно самого понятия «культура», представляя себе нечто дискретное и гомогенное, как продукт изоляции обществ друг от друга, как основу всех различий и сходств между людьми. Релятивизм, который основывается на понимании культуры как объекта, а не как процесса, термина “culture” как существительного, а не как глагола, связан с теориями лингвистических и культурных систем. Эта объяснительная модель распадается, как только оказывается в контексте таких подходов, как гибридность, креолизация, инсценировка, смешение и пересечение политических традиций. Ведь мир, по выражению К.Гиртца, «в каждой своей точке становится все больше похож на кувейтский базар, чем на английский клуб джентльменов»².

Так же, как ранний релятивизм Ф.Боаса игнорировал глобальные реальности наподобие колониализма, более поздние попытки опровергнуть концепцию прав человека, ссылаясь на «культуру», игнорирует транснациональные правовые процессы. Между тем, доктрина прав человека сегодня признается многими странами и народами, которые с ней однажды познакомились. Те группы, которые называют себя аутентичными народами (indigenous peoples), основывают свои коллективные действия именно на дискурсах прав человека, поскольку они распознали государственное насилие и собственную маргинализацию в ходе национальных политических процессов.

Антропологи сегодня анализируют процессы глобализации прав человека, не подразумевая при этом вестернизацию, модернизацию или стандартизацию. Как выразился У.Ханнерц³, нам вряд ли следует принимать

---

¹ *Wilson R.A. Human Rights, Culture and Context: An Introduction // R.A.Wilson (ed) Human Rights, Culture and Context: Anthropological Perspectives. London, Sterling, Virginia: Pluto Press, 1997. P.7.*

² *Герц К. Польза разнообразия // THESIS. Мир человека. №3, 1993. С.183.*

³ *Hannerz U. Cultural complexity: Studies in the Organization of Meaning. New York: Columbia University Press, 1992*

диффузионистский взгляд на глобализацию, поскольку глобализация не сводится к процессам гомогенизации и интеграции, но приводит к умножению разнообразия. Даже принимая во внимание новейшие процессы европейской интеграции, в современном мире по-прежнему преобладает разнообразие нормативных порядков, которое даже может расти под влиянием глобализации, но эти установления уже не могут существовать на основе изоляции стран и народов. Различия в моральном порядке теперь основаны не на закрытости образующих их политических и культурных систем: они стали более фрагментарны и подвержены транснациональным потокам моральных ценностей, включая религиозные и те, которые связаны с правовыми механизмами¹.

В условиях современного демократического государства мы наблюдаем, как представляется, кризис традиционных универсалистских представлений о правах человека. Первая дилемма заключается в том, что попытки применения универсалистских норм в мультиэтнических сообществах приводят к неожиданным конфликтам. Так, предметом бурных дискуссий стала политика Франции в отношении религиозных меньшинств, в частности, мусульман². Речь идет о докладе комиссии Бернара Стази, созданной по поручению Жака Ширака. В докладе обращается внимание на диктатуру мусульманских общин по отношению к своим членам, в частности женщинам, которые принуждаются к ношению платков-хиджабов под угрозой унижений и оскорблений от мужчин в мусульманских кварталах. Рекомендации комиссии заключаются, среди прочего, в запрете ношения любых признаков религиозной или политической принадлежности в общественных заведениях – речь идет о хиджабах у мусульманок, кипах у евреев и крупных нательных крестов у некоторых христиан. Выводы комиссии вызвали неоднозначную реакцию в обществе, многие политические группы восприняли их как ущемление прав меньшинств. Эти рекомендации сформулированы в терминах, отражающих позицию правящих правых партий, уже давно высказывавшихся относительно того, что «единство Франции в опасности» и самого Ширака, заявившего недавно «светский характер общества обсуждению не подлежит». Кроме того, обсуждение проблем единства нации привели к реальным практикам воздействия на индивидов – во французском городе дисциплинарный совет лицея Анри Валлона исключил из школы двух мусульманок – сестер Лилу и Альму, которые отказались снимать в классе платки³. Это вызвало бурю протестов исламских и

---

¹ *Wilson R.A. Human Rights, Culture and Context: An Introduction* // R.A.Wilson (ed) *Human Rights, Culture and Context: Anthropological Perspectives*. London, Sterling, Virginia: Pluto Press, 1997. P.10, 13.

² См. публикацию «SOS-Франция: исламские законы наступают» // 12.12.2003 12:41, La Stampa, по материалам Инопресссы.

³ Известия от 24.11.2003 <http://www.izvestia.ru/world/article39654>

правозащитных организаций, апеллирующих к принятому во Франции в 1989 году закону, который дал учащимся в школах «свободу в распространении информации и свободу самовыражения».

В условиях увеличения численности мусульман в европейских странах формулируется конфликт между универсалистскими правами и правами сообществ. Например, в Швеции школьное руководство выступает за европеизацию одежды учеников и против ношения хиджаба, ссылаясь на то, что шведская школа должна быть местом, свободным от религиозных контекстов и предрассудков. Кроме того, приводятся аргументы относительно невозможности идентификации школьницы, если ее лицо закрыто национальной одеждой и опасности возгорания одежды при проведении лабораторных экспериментов на уроках химии и физики¹.

Озабоченность европейских правительств и политических партий, выражающих локальные интересы (как правило, правых) вопросам единства нации имеют, на наш взгляд, определенное сходство с политикой Советского Союза в отношении религиозных и этнических меньшинств. Декларации о праве наций на самоопределение и свободу слова, закрепленные в Конституции СССР, вступали в противоречие с практиками вытеснения этнического и религиозного из культурного пространства. В повседневной жизни советского общества имела место стигматизация деятельности национально-культурных и религиозных групп в терминах социальной опасности – националистического или религиозного экстремизма, буржуазного национализма. Репрессивная репрессии против меньшинств опиралась на идеологическую доктрину единой общности – «советского народа».

Другим проблемным полем применения существующей ныне концепции прав человека является борьба за продвижение демократических ценностей и против угрозы терроризма, проводимая правительством США. В рамках этой борьбы многие дискурсивные универсалии прав человека и демократических ценностей подвергаются новым испытаниям. Общая риторика защиты прав человека сталкивается противоречиями ее практического воплощения – речь идет о закрытости информации об антипартизанских операциях армии США в Ираке, освобождение от ответственности перед международным судом американских миротворцев, участвующих в операциях в Ираке. Сам факт пленения Саддама Хусейна и его юридический статус являются примером противоречивости трактовки прав человека. Речь идет о признании Хусейна военнопленным одновременно с ограничением его прав, предусмотренных Женевской конвенцией о правах военнопленных, на основе моральных оценок, характеризующих плененного как жестокого диктатора, палача курдов и сообщника террористов, вынашивавшего планы применения в широких масштабах оружия массового

---

¹ Информационное агентство «Росбалт», 24 октября 2003 года www.rosbalt.ru/2003/10/24/125834.html

поражения.

К.Гиртц¹ показал, что право – это система смыслов, форма социального воображения, один из наиболее значительных способов, каким люди пытаются осмыслить мир. Правовое сознание конституирует социальную реальность, а не только лишь ее отражает. Вот почему так важно изучать, каким образом локальное знание взаимодействует со специализированным дискурсом закона во всем разнообразии сосуществующих в мире практик. Гиртц воспекает разнообразие, полагая признание различий и их изучение главными навыками, необходимыми человеку в современном мире – мире коллажа:

«Этноцентризм любого типа – забрасывание чужаков тухлыми яйцами или же гимны во славу своей культуры – может соответствовать или не соответствовать человеческой природе, однако сегодня большинство из нас не в состоянии определить, где именно находится центр великого множества тесно переплетающихся различий. <...> В свете этого вызова и советы встать на позиции всеобщей терпимости и противоположные советы предаться удовольствию оскорбительных сопоставлений служат нам одинаково плохо, хотя советы второго типа опаснее, так как следование им более вероятно. Ни то, ни другое не пригодны для жизни в коллаже. Для жизни в коллаже человеку необходимо развить в себе способность отбирать необходимые ему элементы этого коллажа, определяя, что они собой представляют, откуда они появились, что они представляли собой, когда были «там», и как они соотносятся друг с другом на практике. Именно в этом, в развитии силы нашего воображения, нашей способности понять, что находится перед нами, и состоит польза разнообразия, а также польза его изучения»².

Герменевтический подход Гиртца позволил оформиться постмодернистским концепциям права³ как системы знаков, которая деформирует реальность так же, как это делает географическая карта – посредством механизмов шкалирования, проекции и символизации. При всей его важности, этот подход страдает некоторыми недостатками. Делая большой акцент на понимании права как формы мышления, он становится чрезвычайно идеалистическим и не видит тех властных отношений, которые заключены в правовой системе. Антропологическая перспектива изучения прав человека не может не рефлексировать те властные отношения, которые характерны для этого дискурса. Фокус на праве как на форме власти, утверждает

---

¹ *Geerts C.* Local Knowledge: Fact and Law in Comparative Perspective// Local Knowledge. New York: Basic Books, 1983

² *Гиртц К.* Польза разнообразия // THESIS. Мир человека. №3, 1993. С.183-184

³ *Santos B.de Souse.* Law: A Map of Misreading: Toward a Postmodern Conception of law // Journal of Law and Society. №14, 1987. P.488-508.

Р.Уилсон¹, – это хороший паллиатив релятивизму. Объединяя указанные перспективы, Э.Вульф² рассматривает власть, обитающую в смыслах.

Право – это не только форма мышления, система смыслов и знаков. Это еще и аппарат насилия и контроля, и права человека в этом смысле – продукт роста государств-наций. Признавая это, указывает Р.Уилсон³, мы должны переместить фокус нашего внимания на то, как новые технологии государственного насилия и дисциплинарные бюрократизированные формы принуждения и контроля оформляют международные и местные выражения прав человека. Иными словами, исследователи могли бы больше внимания уделять не столько правам самим по себе, сколько властным практикам их реализации. Власть же, в перспективе М.Фуко, не есть право или владение, которые можно передавать или отчуждать, как это считается в просвещенческой традиции политэкономии. Права нужны, чтобы ограничить потоки власти, подобно бутылочной пробке, оформляя власть в зафиксированном и нормативном виде, но власть просачивается наружу, обтекая права⁴.

Против такого «обтекания» выступает Н.М.Гиренко, по словам которого, «смысл противоправных общественных действий в сфере межнациональных, межконфессиональных отношений заключается во введении «презумпции виновности» на основании расового, национального или иного признака личности в качестве определителя враждебности, порочности, опасности для общественного устройства или отдельной общественной группы»⁵. При этом, националистическая или политическая ангажированность дознавателей, следствия и судей, как и обычных граждан, может привести к таким казусам, которые обращают «презумпцию виновности», например, против ученых, исследующих проблемы межнациональной напряженности. В связи с этим, во избежании злоупотреблений при рассмотрении дел, связанных с идеологической мотивацией с признаками экстремизма и политического национализма и сепаратизма, по мнению Гиренко, «в настоящий момент крайне необходимо выработать положение о социально-гуманитарной экспертизе (экспертах) по делам соответствующим»

---

¹ *Wilson R.A.* Human Rights, Culture and Context: An Introduction // R.A.Wilson (ed) Human Rights, Culture and Context: Anthropological Perspectives. London, Sterling, Virginia: Pluto Press, 1997. P.14

² *Wolf E.* Facing Power // *American Anthropologist*. Vol. 92. №3, 1980. P.586-596.

³ *Wilson R.A.* Human Rights, Culture and Context: An Introduction // R.A.Wilson (ed) Human Rights, Culture and Context: Anthropological Perspectives. London, Sterling, Virginia: Pluto Press, 1997. P.14-16.

⁴ *Wilson R.A.* Human Rights, Culture and Context: An Introduction // R.A.Wilson (ed) Human Rights, Culture and Context: Anthropological Perspectives. London, Sterling, Virginia: Pluto Press, 1997. P.17

⁵ *Гиренко Н.М.* Законодательство об экстремизме в контексте социальной антропологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т.VI.№ 4, 2003. С.197.

щего профиля»¹. Однако, подобное положение может иметь двусмысленное значение, будучи инструментом в реализации властных отношений групп или субъектов в каждом конкретном случае. И тем не менее, роль исследований в этом направлении трудно переоценить. Реализация прав человека зависит от властных отношений в конкретном контексте и соответственно влечет изменение форм управления и властных практик. А этнография и антропология прав человека анализируют, как права укореняются, реализуются и трансформируются в каждой сложной стратегической ситуации в условиях множественных властных отношений.

В преподавании прав человека можно выделить минимальный и оптимальный уровни развития способности суждения в области прав человека². Минимальный уровень относится к способности распознавать в общественной и политической жизни явления индивидуальной, групповой и институциональной дискриминации людей по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Оптимальный уровень – это готовность и навыки самостоятельного поиска путей и средств установления недискриминационных отношений с людьми, знание способов реализации и защиты прав человека на национальном, региональном и глобальном уровнях. Достижение минимального уровня компетентности в области прав человека – это пропедевтический этап в преподавании, который, в свою очередь, может условно быть представлен в позитивном и негативном аспектах³. Если позитивная пропедевтика нацелена на познание различий и уважение инаковости, формирование толерантности, то негативная – на выработку навыков преодоления предубеждений, предрассудков и дискриминации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Прикладная антропология
Практическая антропология
Колониализм
Развитие
Аккультурация

---

¹ Гиренко Н.М. Законодательство об экстремизме в контексте социальной антропологии // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VI. № 4, 2003. С. 200.

² Рагозин Н. Принцип интеркультуральности в преподавании прав человека: методические проблемы // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 289.

³ Рагозин Н. Принцип интеркультуральности в преподавании прав человека: методические проблемы. С. 289-290.

Экологическая антропология
Акционистская антропология
Антропология и политика
Деприватизация
Проекты
Фонды
Гранты
Культурная чувствительность социальной работы
Права человека

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Что такое прикладная антропология?
2. Расскажите об основных исторических этапах возникновения и развития прикладной антропологии в XIX и XX вв.
3. В чем состояли этические проблемы прикладной антропологии, и какие конфликты возникли в связи с этим?
4. В чем состоял вклад Ф.Боаса в развитие прикладной антропологии?
5. Каковы основные сферы деятельности прикладных антропологов за рубежом и в России?
6. Расскажите о деятельности фондов по финансированию прикладных проектов и исследований. О каких фондах, финансирующих такие проекты в России, вам известно? Приведите примеры проектов.
7. Зачем нужна культурная чувствительность в социальной работе? В чем опасность культурного расизма?
8. В чем суть антропологической дискуссии о правах человека?

КЕЙСЫ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

1. Продумайте, как использовать социальную рекламу в проектах по продвижению социально значимых идей (борьба с наркотиками, компания по сбору средств на социально значимые цели, привлечение волонтеров для проекта).
2. Разработайте проект акционистского партисипаторного исследования способов активизации соседского сообщества для реализации экологического проекта в сельской местности.
3. Сформулируйте идею проекта акционистского партисипаторного исследования соседской помощи пожилым в условиях города.
4. Разработайте проект снижения вреда от наркотиков методами от друга-к-другу в студенческой среде.
5. Продумайте акционистский проект создания сельского музея местной истории.
6. Обоснуйте партисипаторный проект повышения комфортности городской среды в «спальной» районе.

7. Напишите проект развития толерантности в мультикультурной среде.
8. Сформулируйте идеи проекта по сохранению фольклорного наследия в современной деревне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барябина Е., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Теория и практика волонтерского движения. Саратов: РЦКСОДМ, 2000.
2. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995.
3. Веселкин Е.А. Антропология действия (http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_p/term.html?act=list&term=532)
4. Вышемирская И. ВИЧ-активизм как стратегия выживания: исследование случая // Невидимые грани социальной реальности / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. С.-Пб: Центр независимых социологических исследований, 2001.
5. Гендерно чувствительная социальная работа: образование и практика. Саратов, 2002.
6. Гендерный анализ. Краткое руководство / Сост. А. Ниеманис; Пер. с англ. М., 2001.
7. Институт этнологии и антропологии РАН http://www.iea.ras.ru/topic/law/law_publ.html
8. Информационный портал «Женщины и общество» <http://www.owl.ru>.
9. Иршорн М. Акционизм // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Спец. вып. 1999. С.38-49.
10. Как писать заявку на грант http://www.abroad.ru/ref_theme/grant_zaiavka.htm
11. Как писать рекомендательное письмо. По материалам ККА «Персонал-Новация».
12. Как провести конкурс на социальное обслуживание населения / Сост. К.Г. Чагин. М.: Фонд «Институт экономики города», 2002.
13. Как составить проект исследований www.gnavigator.narod.ru.
14. Кодекс этики Американской антропологической ассоциации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. С.173-180. (Пер.с англ. Е. Ярской-Смирновой).
15. Лаврова О., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Социальный менеджмент. Саратов: СГТУ, 2001.
16. Леви-Строс К. Три вида гуманизма // ЛИКО. Т.2. Вып.2. 2001.
17. Мастюгина Т.М. Проблема распространения культуры гражданского диалога в модельных регионах Российской Федерации (некоторые итоги работы по проекту в 2001 г.) // Конфликт – диалог – сотрудничество

ство. Бюллетень № 8 (июнь-август 2001). Проблемы гражданского диалога в регионах этнической напряженности. М., 2001.

18. Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ / Под ред. В. Тишкова, Е. Филипповой. М.: Авиаиздат, 2001.

19. Новикова Н.И. Взаимодействие общин коренных народов Севера России и нефтедобывающих корпораций: взгляд антрополога // Экология, общество и традиция: социальные и политические кризисы в СНГ в контексте разрушения природной среды (Таджикистан и Российский Север). Московский Центр Карнеги. Научные доклады. Вып.15. М., 1997. С.42-62.

20. Организация административного мониторинга социальных программ на региональном и местном уровнях // Под ред. А.Л. Александровой. М.: Фонд «Институт экономики города», 2002.

21. Принцип активизации в социальной работе / Под ред. Ф. Парслоу / Пер. с англ. под ред. Б.Ю. Шапиро. М.: Аспект-Пресс, 1999.

22. Проектная деятельность (<http://www.fundraising.stalingrad.ws/main.htm>).

23. Рэдклифф-Браун А. Историческая и функциональная интерпретации культуры и практическое применение антропологии в управлении туземными народами // Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретации культуры. С.-Пб, 1997.

24. Рекомендации по написанию заявки на грант // Курьер РАН. 10.03.2003.

25. Романов П. Негосударственные организации Самарской области // Граждане и власть: проблемы и подходы: Сборник учебных материалов по курсу «Политическая регионалистика» / Под ред. Г.М. Михалевой и С.И. Рыженкова. М.–С.-Пб: Летний сад, 2001. С.70-88.

26. Романов П.В. «Другая» культура как объект социологии: эволюция этнографического метода // Социокультурные проблемы нетипичности. Саратов, 1997. С.48-58.

27. Романов П.В. Процедуры стратегии, подходы «социальной этнографии» // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С.138-149.

28. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Делать знакомое неизвестным. Этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С.145-160

29. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

30. Соколовский С.В. Категория «коренные народы» в российской политике, законодательстве и науке // Профессионалы за сотрудничество. Сборник работ выпускников программ IREX' а. Вып.3. М., 1999. С.275-306.

31. Соколовский С.В. Этнографические исследования: идеал и действительность // Этнографическое обозрение. 1993. № 2,3.

32. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002. С.38-58, 76-89, 237-441.

33. Социальное партнерство: взаимодействие между государственными, коммерческими и общественными структурами. Опыт проведения учебной программы // Сост.: М.И. Либоракина, Л.С. Никонова. М.: Фонд «Институт экономики города», 2001.

34. Стельмах В., Скоробогатых Н. Аборигенный вызов – постсоветский ответ: можно ли избавить коренных жителей России от модернизационного шока? // *Migracijske teme*. Zagreb, godina 14, br. 3, 1998.

35. Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1997.

36. Фик У. Как писать заявки на гранты? (<http://www.koenig-ngo.net/zayavka/INDEX.HTM>).

37. Фирканд А. Механизмы культурных изменений // ЛИКО. Т.2. 2001. Вып.1.

38. Фирт Р. Значение социальной антропологии // ЛИКО. Т.3. 2001. Вып.1.

39. Центр черноморско-кавказских исследований <http://history.kubsu.ru/centr/>

40. Цинман Ж. Школа-интернат для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата // Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002. С.237-441.

41. Юридическая антропология. закон и жизнь. М.: ИД “Стратегия”, 2000. 224 с. <http://jurant.iea.ras.ru/publ/custlaw2000/content.htm>

42. Ярская-Смирнова Е.Р. Гендерная социализация в системе образования: скрытый учебный план // Одежда для Адама и Евы. М.: ИНИОН РАН, 2001. С.93-110.

МОДУЛЬ 3.**АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ****Тема 3.1. Методы исследований в социальной антропологии**

Этнографическая полевая работа. Качественные исследования. Полевые исследования. Методы исследования. Исследовательский процесс. Начало полевого исследования. От контекста к проблеме. Метод участвующего наблюдения. Участие в повседневной жизни. Валидность и надежность участвующего наблюдения. Метод интервью

Этнографическая полевая работа

В антропологии методы исследований включают те, что соответствуют исследовательскому дизайну для проведения этнографической полевой работы и для анализа и оценки данных. В XIX веке методы антропологических исследований были слабо развиты, и многие авторы ограничивались коллекционированием странных фрагментов данных из различных мест или внутри конкретного географического ареала, фрагментов, которые затем соединялись вместе на основе эволюционной или диффузионистской теоретической системы того времени. Антропология XX века, в том числе, благодаря влиянию Ф. Боаса и Б. Малиновского, отказалась от предзаданных схем и повернулась лицом к внимательному и глубокому холистскому изучению не-западных культур. Боас настаивал на культурном партикуляризме и методическом и полном сборе данных, что наряду с внедренным Малиновским методом включенного наблюдения стало интегральной частью антропологической традиции, которая двигалась навстречу холистскому изучению сообществ и исследованиям социальной структуры или культуры, во многих случаях под влиянием функционалистской теории¹.

Антропологические исследования развиваются благодаря широким познавательным возможностям качественной методологии: опросным методам – различным видам интервью, а также неопросным, к которым относится наблюдение и анализ текстов. *Качественные исследования* отлича-

¹*Seymour-Smith Ch. Research Methods // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.245-246.*

ются от количественных тем, что первые основаны на так называемых «гибких» методах сбора и анализа данных (неструктурированное интервью, наблюдение), тогда как вторые – на «жестких» (массовый опрос, статистический анализ данных). Как среди качественных, так и среди количественных методов исследования можно выделить те, которые направлены на сбор новых эмпирических данных, в частности, полевые исследования.

Полевые исследования

Исследования, предпринимаемые антропологом или этнологом в данной этнографической области или сообществе, называются полевыми (по-английски *fieldwork*). Подобная этнографическая область в современной антропологии не обязательно связана с изучением традиционных племенных или крестьянских сообществ и может охватывать исследования городских, индустриальных и других контекстов, которые антрополог выбирает в целях интенсивного исследования.

Исследования, в которых удастся получить новые эмпирические данные посредством наблюдения, интервью / опроса или анализа первичных документов, называются *полевыми*.

Антропологическая перспектива применялась как при изучении субкультур, так и в институциональных исследованиях современного индустриального общества. И если когда-то об антропологии можно было думать лишь как об исследовании народов, которых считали примитивными, экзотическими и малоизвестными племенными культурами и крестьянскими сообществами, современные антропологические исследования уже нельзя определить по такому признаку. Скорее, их следует определять по применению отличительных методов полевых исследований и анализа¹.

Во многих случаях, однако, дисциплинарные границы оказываются размытыми в изучении современного городского и индустриального общества, в силу возникновения нового теоретического и методологического синтеза, происходящего из междисциплинарного сотрудничества и взаимных изменений. Такие междисциплинарные изменения можно увидеть и в антропологических исследованиях традиционных племенных и крестьянских сообществ, где современные антропологи все в большей степени полагаются на исторические, экономические, политические и социологические теории, среди прочих, чтобы предоставить адекватное описание местных социокультурных систем и их взаимосвязей как друг с другом, так и с национальными и международными властными структурами. Об этом шла речь выше – в разделах о критической и марксистской антропологии.

---

¹*Seymour-Smith Ch. Fieldwork // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.117-118.*

Помимо проблем исследовательского дизайна, методов и теоретического подхода, полевые исследования включают некоторые характерные трудности, к которым оказываются неподготовленными многие исследователи, где бы они ни проводили свои изыскания. Этнограф может испытать **культурный шок** или ощущение дезориентации, когда впервые прибывает в место проведения полевой работы, и это связано с различиями в кодах ценностей и поведении людей, которых он или она изучают. Это состояние дезориентации, возможно, является необходимым и имеет долговременный эффект, поскольку подобно **ритуалу перехода** готовит этнографа для воображаемого скачка, необходимого для знакомства с чужой культурой или образом жизни. Предварительная подготовка антрополога, как формальная, так и неформальная, может создать у него или у нее нереалистичные ожидания от сообщества. Осознанный или неосознанный романтизм в отношении «примитивов», который может сформировать важный или существенный элемент в ее или его мотивации в отношении профессии, сталкивается с грубым шоком реальности стран третьего мира, частью которого является выбранное для изучения сообщество или народ. Многие антропологи реагируют, отрицая национальное или доминирующее общество и получают убежище «в кустах», рассматривая как непродуктивное любое время, которое они должны проводить, например, достигая соглашения о полевой работе или ожидая в столице или провинциальных городах. В результате этнограф может потерпеть поражение в изучении национальной или региональной системы, частью которой является сообщество, и не сумеет документировать тот способ, которым национальные и международные властные структуры влияют на поле исследований.

В полевых исследованиях есть и другие проблемы для этнографа, включая трудности установления своей роли в сообществе и раппорта¹ с информантами. Иногда антропологи находят затруднительным объяснить свое присутствие или характер их исследований изучаемым людям, и некоторые полагают, что проще использовать выдуманную идентичность, которую местное сообщество с легкостью примет. Многие усомнятся в этике подобной практики, и исследователь, столкнувшийся с такой трудностью, вероятно, должен попытаться прагматически согласовать свой статус в сообществе, открыто декларируя исследовательские интересы, но в то же время предлагая выполнять какие-либо полезные или ценные услуги в обмен на то сотрудничество, которое требуется для исследований. Как в племенных, так и в крестьянских общинах роль антрополога все в большей степени подвергается сомнению самими сообществами, кроме того, эта роль критикуется внутри национальных интеллектуальных и политических кругов. Исследователь не должен предполагать, что он или она имеет авто-

---

¹Психологическое «присоединение», необходимое для установления доверия и открытости между интервьюером и информантом.

матическое право проводить свои исследования, и должен быть подготовлен предложить сообществу что-нибудь взамен, а также поделиться результатами исследований с местными антропологами, социальными учеными и администраторами, которые могут в результате обогатить и расширить их знания национального социокультурного и этнического разнообразия.

Полевые исследования, включая согласование и манипулирование статусом и ролью исследования в сообществе, все чаще рассматриваются в критической антропологии как легитимный и важнейший предмет анализа, и многие современные этнографы доказывают, что этнограф может заявить и полностью оценить его или ее участие (или не-участие) в сообществе, чтобы оценить результаты таких исследований. Мы специально остановимся на этом вопросе, когда будем обсуждать этнографическое письмо. Некоторые авторы критически оценивают понятие включенного наблюдения, на котором основано традиционное этнографическое исследование, указывая на то, что это весьма проблематичное понятие.

Другой класс трудностей, с которыми сталкиваются большинство этнографов, касается той позиции, которую должны занимать исследователи в отношении внутренних расколов или деления изучаемого сообщества или группы. Не всегда эту дилемму возможно разрешить. Считается, что антропологи должны выбрать, что предпочесть: интенсивность связей с одним-двумя информантами или семьями в ущерб широте охвата и контактов – или наоборот. Самому антропологу тоже невозможно быть своим для всех людей в поле, это особенно существенно для небольших обществ с кликами, или фракциями, где население будет требовать от антрополога присоединиться к одной из сторон, даже если он или она не имели такой интенции, единственной альтернативой будет в таком случае оставаться на краю сообщества, не будучи в состоянии провести адекватное исследование. Чтобы иметь роль или идентичность, необходимо отказаться от других ролей или идентичностей, и хотя антрополог до некоторой степени может эксплуатировать двусмысленный или маргинальный статус, чтобы изучать множественные социальные поля, он или она не всегда смогут сохранить нейтральность или в некоторых обстоятельствах могут почувствовать, что позиция нейтралитета может оказаться этически неприемлемой.

Многие трудности возникают из-за неудачных попыток адекватно определить позицию антрополога в рамках изучаемого сообщества и целей его или ее исследования. Антропологи порой не уверены в характере отношений между предполагаемым академическим, или «чистым» исследованием и их этической или политической причастностью к защите и отстаиванию интересов угнетенных и беднейших секторов изучаемого общества. Во многих странах третьего мира интеллектуалы и представители тузем-

ных народностей и другие угнетаемые или подчиненные группы склонны считать западную антропологию формой шпионажа или описаниями «фольклора» и экзотических обычаев, воспроизводящими полностью ложный образ их национальной реальности и реальные проблемы группы меньшинства. Антропологи, кроме того, пользуются дурной репутацией за этику собственного поведения, и подвергаются принципиальной критике за недостаток сопричастности к благополучию изучаемых людей и нежелание или неспособность поделиться с ними результатами исследований, взаимодействовать с местными университетами и интеллектуалами. Вполне естественно для людей, которые видят антрополога, довольно обеспеченного по местным стандартам и, как правило, свободного в выборе направления исследований, представить его или ее интенции как эксплуатацию местного сообщества в целях продвижения собственной карьеры у себя в стране, а самого исследователя – ставящим индивидуальные исследовательские цели превыше приверженности ожиданиям и базовым потребностям местного населения. Вот почему вполне возможно, что сообщества третьего мира все более негативно будут относиться к подобным попыткам исследований и требовать, чтобы антропологи отдавали что-то в обмен на его или ее присутствие. Сама профессия, если она не хочет быть отторгнутой изучаемой реальностью, должна будет отреагировать на такую критику и интенсифицировать свои внутренние и внешние дебаты о целостности своей позиции там, где это связано с конвенциональными контекстами исследований – бедностью, угнетением и социальной маргинальностью.

Методы исследований

Наблюдение – метод сбора первичной социальной информации путем прямой и непосредственной регистрации исследователем событий и условий, в которых они могут быть зафиксированы наблюдателем. Наблюдение с целью исследования, как правило, имеет либо жесткую структуру (формализованное), либо гибкий план (неформализованное). Различают полевые и лабораторные наблюдения. Полевые условия являются естественными, обычными обстоятельствами, в которых происходят наблюдаемые события. Лабораторные исследования осуществляются в искусственно созданной среде и редко применяются в социальной антропологии.

Различают также систематические наблюдения, которые осуществляются по заранее разработанному плану изучения объекта в течение определенного времени, и несистематические, кратковременные, которые проводятся на первой стадии исследования для формулировки гипотез или контроля и пополнения данных, полученных другими методами.

Включенное наблюдение предполагает интеграцию исследователя в наблюдаемые события и процессы. Невключенное осуществляется при невмешательстве исследователя в изучаемые события. В социальной антро-

пологии «включенное наблюдение» называют еще «участвующим»¹, подчеркивая активную роль исследователя, который от роли наблюдателя переходит к исполнению роли полноправного участника событий.

Наблюдение может быть открытым или скрытым, осуществляющимся «под прикрытием», когда члены наблюдаемой группы не знают о проводимом исследовании. На формирование методологии участвующего наблюдения оказали влияние идеи понимающей психологии В. Дильтея и понимающей социологии М. Вебера. Ранние антропологи не проводили систематических и, тем более, участвующих наблюдений. Считается, что большой вклад в развитие метода внес Б. Малиновский, который обосновал интерес к контексту и перспективам носителей культуры. Ключевой теоретической перспективой участвующего наблюдения является функционализм с характерной для него этической позицией культурного релятивизма, а также символическая и интерпретативная антропология с ее установкой на продуцирование насыщенных описаний того «поля», в котором оказывается исследователь.

Участвующее наблюдение применяется в таких случаях, когда: а) о явлении совсем мало известно; б) точки зрения инсайдеров и аутсайдеров сильно различаются; в) явление находится под завесой стереотипов и за стенами учреждений (например, умственная отсталость); г) явление скрыто от публики (например, преступность).

Кроме того, участвующее наблюдение было бы уместно применить, если соблюдены следующие условия: 1) исследовательская проблема сформулирована с учетом смыслов, интеракций с точки зрения инсайдеров; 2) явление возможно наблюдать в повседневной ситуации или контексте; 3) исследователь имеет доступ к изучаемому контексту; 4) явление ограничено размером и местом и может быть изучено как случай; 5) исследовательские вопросы подходят для дизайна кейс-стади; 6) исследуемая проблема может быть раскрыта с помощью данных, полученных методом участвующего наблюдения, и техник, возможных в данном конкретном поле.

***Основные характеристики метода участвующего наблюдения
по Д. Йоргенсену²***

1. Интерес к смыслам и интеракциям с перспективы инсайдеров и членов особых ситуаций и контекстов.

2. Акцент на «здесь-и-теперь» в повседневных ситуациях и контекстах.

¹Participant observation – наблюдение участника, участвующее, или включенное наблюдение.

²Jorgensen D. Participant Observation. London: Sage, 1989.

3. Теория и анализ применяются с целью понимания и интерпретации человеческого существования.

4. Логика и процесс исследования открытые, гибкие, постоянное переопределение того, что представляется проблематичным, с опорой на сбор данных в конкретном контексте человеческого существования.

5. Исполнение роли участника, что предполагает установление и поддержание отношений с представителями изучаемого сообщества в поле.

6. Применение наблюдения наряду с другими методами сбора данных.

В повседневной жизни люди осмысливают мир, придают смысл окружающим их объектам, явлениям, людям и взаимодействуют на основе этих смыслов. Так называемая теорема Томаса гласит, что если люди считают ситуацию реальной, то она реальна по своим последствиям. Поэтому, даже если мы «ошибаемся», размышляя о значении чего-либо, наши даже самые сильные заблуждения имеют реальные последствия. Концепция реальности, создаваемая представителями какой-либо культуры, не доступна напрямую аутсайдерам, новичкам или чужакам. Для того, чтобы понять культуру, необходимо прежде всего изучить язык, но даже имея общий язык с нашими информантами, мы порой не знаем, что означают конкретные слова в конкретных ситуациях. Это требует специального изучения. Чтобы понять смыслы человеческого существования, описать мир повседневности с точки зрения инсайдера, необходимо участвующее наблюдение.

Участие в повседневной жизни

Участие в повседневной жизни дается наблюдателю по-разному, очень часто занимаемая исследователем позиция определяет ту перспективу, с которой он или она смотрят на изучаемую проблему. Поэтому очень важно постараться рассмотреть проблему с разных позиций. Например, выпускной бал – это контекст, в котором действуют разные акторы – юноши, девушки, родители, учителя, музыканты из эстрадного ансамбля. Каждый из них обладает специфическим углом зрения, и только сочетание перспектив может дать наиболее полную картину.

При этом исследователь может исполнять самые разнообразные роли, которые будут располагаться на континууме: от полного аутайдера до полного инсайдера, или от полностью наблюдателя до полностью участника. Характер этой роли определяет то, что именно участник может видеть, слышать, трогать, пробовать на вкус, обонять или чувствовать¹. В общем-то, наблюдение и участие – это противоположности. Чем более вы участ-

¹Jorgensen D. Participant Observation. London: Sage, 1989.

вуете, тем меньше вы наблюдаете. Ваша личная вовлеченность представляет угрозу вашей объективности. И все же противопоставление наблюдателя и участника – это преувеличение. Ведь в обыденной жизни мы то и дело переходим от одной роли к другой, и нередко убеждаемся в том, как трудно бывает одновременно участвовать и наблюдать.

С одной стороны, роль исследователя неестественна, с другой стороны, есть множество примеров, когда исследователя принимают в сообществе, что позволяет ему или ей исполнять собственную роль, сосредоточившись на исследовании. Довольно распространенный вариант – это частично открытое исследование, когда о целях нашего наблюдения известно не все и не всем. Интересный опыт такого исследования представлен в работе М. Веспери, которая изучала проблемы бедности среди престарелых пенсионеров г. Санкт-Петербурга шт. Флорида. В силу большой разницы в возрасте она не могла стать «одной из них», и поэтому исполняла такие роли – просто жительница, возможно, друг, антрополог-исследователь, разговаривая с пожилыми людьми в парках на лавочках, приглашая их в кафе или к себе домой. Есть и другие примеры исследований, где ученым удавалось установить раппорт с информантами, несмотря на то, что им не удавалось становиться полными участниками группы.

Известны случаи, когда наблюдателю удавалось перейти от роли аутсайдера к роли участника. Например, В. Бергер в Северной Калифорнии проводил исследование среди членов сельской общины¹. Незаметно для самого себя он стал своим для его информантов, которые приняли его как важный ресурс своей общины, обращаясь к нему за советом в вопросах философии и социологии, воспитания детей, семейных отношений, с просьбой помочь с транспортировкой, приглашая его к участию в собраниях и других видах коллективной деятельности группы.

Вместе с тем, переходя к роли участника, как уже говорилось выше, антрополог рискует потерять объективность, «стать туземцем», утрачивая способность удивляться и видеть что-то необычное в знакомом.

Стоит отметить еще один важный прием участвующего исследования – речь идет о стратегии работы в команде, привлечении помощников из числа местных жителей, представителей изучаемого сообщества. Очень часто антрополог в силу разных причин не может получить доступ к тем или иным контекстам. В этом случае полезно привлечь в качестве ассистентов кого-либо из инсайдеров.

В процессе исследования чрезвычайно важно установление и поддержание полевых отношений доверия и сотрудничества вплоть до завершения проекта, когда вы покидаете поле и расстаетесь с информантами. Целый ряд вопросов этического характера обсуждается в специальных кодексах, в частности, в широко известном этическом кодексе Американской ан-

¹Jorgensen D. Participant Observation. London: Sage, 1989.

тропологической ассоциации, представленном в Приложении. Методология участвующего наблюдения, предоставляя прямой доступ к изучаемой реальности в форме личного опыта участника, позволяет открыть, сделать доступными, обнаружить смыслы, которыми люди осмысливают повседневную жизнь. Исследователи отталкиваются от повседневных смыслов, а не от существующих теорий и гипотез. Известны исследования субкультуры рыбаков, скалолазов, повседневной жизни научных лабораторий, семинаристов, медсестер и хоккеистов.

Исследования методом участвующего наблюдения проводились в салонах татуировок, в детских садах, в подразделениях армии. В основе метода участвующего наблюдения лежит интерпретативная теория понимающей социологии. Целью метода является понимание культур с точки зрения их представителей, при этом полученные результаты могут использоваться для критики существующих позитивистских гипотез и теорий, цель которых – объяснение, предсказание и контроль, поэтому они связаны с проверкой гипотез и поиском логических связей. В отличие от позитивистской методологии, участвующему наблюдению свойственны открытость логики и гибкость процесса исследования. Это значит, что исследовательская проблема, цели и задачи проекта могут переформулироваться с углублением представлений наблюдателя-участника о внутренних смыслах данного сообщества.

Наиболее подходящим дизайном исследования выступает *кейс-стади*. Такие исследования проводятся на одном объекте – случае (case), каким является некое сообщество, отдельно взятое социальное явление, класс действий или область деятельности. Изучение случая опирается на анализ частных единиц анализа – личных биографий, отдельных предприятий, населенных пунктов, типов потребления или трудовой деятельности. Эти случаи оказываются интересными в большей степени, чем индикаторы, или переменные, составляющие схему сбора «сырых» данных в количественных исследованиях.

Организации, сообщества, группы, субкультуры или другие случаи, выбранные для анализа, можно сравнивать между собой, составлять классификации. Отчет по разным типам кейс-стади содержит описания и рекомендации, в которых акцент делается не на расчете уровня доверия к данным, а на возможности того или иного события, типа социальной практики, способа социального взаимодействия. С учетом специфики этих полевых практик и особенностей представления результатов в отчете, статье или книге, сложилась определенная система укрепления надежности данных, известная под термином «триангуляция»¹. Имеется в виду коллективный способ сбора и анализа данных, когда в группе обязательно присутствие исследователей разного пола, расы, возраста, чтобы избежать одно-

¹Романов П. Социальная антропология организаций. Саратов: СГТУ, 1999.

сторонних интерпретаций, вызванных возможными предубеждениями ученого. Еще одно понимание термина «триангуляция» – это использование разных типов свидетельств для составления наиболее полной картины изучаемого явления.

В литературе представлены различные типы кейс-стади. Например, Л. Стенхауз выделяет эвалюаторное (направленное на оценку эффективности), образовательное и этнографическое кейс-стади¹. Р. Йин предлагает свою классификацию, в которой называет такие типы, как аналитическое (объяснительное) и описательное кейс-стади². Описательная стратегия заключается в поиске ответов на вопрос «как», и ее задача состоит в подробном описании некоторого социального явления или института. В свою очередь, объяснительная стратегия отвечает на вопрос «почему» и осуществляет поиск причин и факторов, оказывающих влияние на ситуацию. В этом случае кейс-стади не просто позволяет уточнить факты и упорядочить массу деталей, но способствует формулированию теории³.

Сегодня методология кейс-стади является разработанным и широко применяемым в социальных науках инструментарием. В отечественной науке она нашла применение сравнительно недавно, но уже стала источником новых идей и интересных открытий. Перспективным направлением в развитии этой полевой стратегии является исследование организаций. Достаточно хорошо известен опыт применения подобных методов к исследованию промышленных предприятий⁴, крестьянского подворья⁵.

История применения методологии кейс-стади зарубежными социологами представляет целую традицию исследования социальных служб и социальной политики, включая организационную социологию, анализ организационного поведения и прикладной политологии. Опираясь на кейс-стади и методы невключенного наблюдения, П. Блау осуществил свое исследование организационных процессов, где продемонстрировал многие достоинства и недостатки этой методологии⁶. Он весьма осторожно отме-

---

¹*Stenhaus L.* An introduction to curriculum research and development. London: Heinemann, 1975.

²*Yin R.K.* Case study research design and methods. Thousand Oaks; London; New Dehli: Sage, 1994.

³*Basse M.* Case study research in educational settings. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 1999.

⁴*Козина И.* Особенности стратегии case study при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях России // *Предприятие и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период.* М.: РОССПЭН, 1997. С.30-60.

⁵*Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.

⁶*Blau P.M.* The dynamics of bureaucracy: a study of interpersonal relations in two agencies. Chicago: Chicago University Press, 1963.

тил, в частности, что несмотря на то, что выборка в таких исследованиях не является случайной и количество единиц исследования невелико, все же на основе сравнения данных возможно сделать определенные обобщения по поводу деятельности формальных организаций. В нашей полевой работе мы тоже исходили из этого предположения и полагаем, что полученные данные позволяют трактовать рассматриваемые организации как типичные примеры учреждений, воплощающих социальные отношения, характерные для современной российской ситуации.

В контексте обсуждения методологии Блау приводит и ряд основных трудностей, связанных с применением наблюдения как основного метода сбора данных. Исследование формальных организаций неизбежно сталкивается с такими трудностями, как «хоуторнский эффект» (возможное влияние наблюдателя на деятельность того субъекта, за которым наблюдают), и поиск типичности в чередующихся социальных взаимодействиях. Иными словами, необходим некоторый навык, чтобы определить, какое из взаимодействий считать важным, типичным и существенным с точки зрения исследования¹. Эти соображения были положены в основу целого ряда исследований организаций, относящихся к системе социального обеспечения.

Так, в своем исследовании отделов регистрации в социальных службах нескольких британских городов Э.С. Холл уделил особое внимание вопросам методологии, в частности проблеме «Хоуторнского эффекта»². Холл замечает, что если на ранних стадиях исследования присутствие исследователя и оказывает определенное влияние на организационный контекст, то с течением времени значение этого эффекта ослабевает и перестает быть сколько-либо существенным³. Британский исследователь проводил свое исследование достаточно долго, и работники социальной службы перестали воспринимать его как нечто непривычное: «я работал в отделе более года, прежде чем занялся непосредственно практиками регистрации клиентов, и к тому времени воспринимался, в значительной степени, как элемент мебелировки»⁴. Кейс-стади имеет общие корни с методом индивидуальной социальной работы со случаем (case work), который до

---

¹На эти проблемы обращали внимание многие исследователи, в частности Francis R.G., Stone R.C. *Service and procedure within a bureaucracy*. Minneapolis: Minnesota University Press, 1956.

²Название этого феномена восходит к практике «Хоуторнского проекта» (1927-1932), где социальные психологи и организационные антропологи из Чикагского университета под управлением Э. Мейо применяли метод наблюдения и впервые описали трудности, связанные с его использованием. «Хоуторнский эффект» хорошо описан в отечественной литературе, например: Батыгин Г. С. *Лекции по методологии социологических исследований*. М.: Аспект-Пресс, 1995.

³Hall A.S. *The point of entry: a study of client reception in the social services*. London: Allen and Unwin, 1974.

сих пор практикуется в качестве важной диагностической процедуры для идентификации условий жизни и проблем клиента. Начиная с 1970 года, за рубежом стратегия кейс-стади оказалась востребованной в управлении социальными службами при оценке их эффективности.

Исследователь принимает на себя различные роли в зависимости от степени включенности в изучаемую культуру, от того, на какой стадии исследования он находится, и иных факторов. Эти роли разнятся от незаметных, незначительных номинальных и маргинальных ролей – до «туземца», инсайдера или участника. Роль участника открывает исследователю доступ к миру повседневности, так как он(а) становится полноправным членом данного сообщества, или инсайдером.

Все виды участвующего наблюдения можно разделить на две группы: открытое – когда инсайдерам известно о том, что ведется исследование, или закрытое, или скрытое – когда представителям сообщества ничего специально не сообщается. Во многих случаях наблюдатели создают промежуточную ситуацию, сообщая инсайдерам не всю, а выборочную информацию о целях наблюдения. Желательно, чтобы исследователи выполняли множественные роли в процессе работы, стремясь достичь хотя бы небольшой степени раппорта, психологической близости с людьми, стать «своим» в ситуации и контексте.

Как только исследователь получает доступ к интересующему его контексту, необходимо приложить все усилия, чтобы поддержать складывающиеся добрые отношения с представителями изучаемого сообщества. Отношения между наблюдателем, ставшим участником, другими людьми – инсайдерами в данном полевом контексте – и более широким контекстом представляются ключевым компонентом исследования. Характер этих отношений влияет как на саму возможность исследования, так и на достоверность получаемых данных, и следовательно, на качество выводов.

Проведение участвующего наблюдения предполагает сочетания различных методов исследования. В дополнение к наблюдению используются различные виды интервью. Полезным бывает обращение к доступным документам разных типов. Наконец, возможно сочетание качественной и количественной методологии, в частности, применение опросов и анализ статистической информации.

Процесс исследования. Начнем с того, что на определение проблемы очень часто влияет социокультурный контекст исследования. Это утверждение верно в отношении как естественно-научных, так и гуманитарных изысканий. Это доказал Т. Кун в своей известной книге «Структура научных революций».

---

⁴Hall A.S. The point of entry: a study of client reception in the social services. London: Allen and Unwin, 1974. P.17.

Участвующее наблюдение применяется в гуманитарных науках и представляет собой особую методологию, делающую акцент на контексте. Прежде всего, речь идет о нахождении исследователя в прямом контакте с людьми в повседневном контексте. Кроме того, здесь специально оговаривается необходимость рефлексии ценностей, политики, этики, влияющих на формулировку проблемы, ход исследовательского процесса, включая характер отношений в поле, и выводы.

Все без исключения науки нацелены на получение истинных и объективных, достоверных результатов. Предубеждения и личные (субъективные) мнения угрожают истине (и объективности). Методология участвующего наблюдения обосновывает тот же идеал аккуратных, точных и истинных результатов. Однако, эта методология не подразумевает, что истина может быть достигнута в абсолютном смысле, посредством формального следования процедурам, а также отрицает возможность «свободы от ценностей». Аргументированный М. Вебером тип ученого, «свободного от ценностей», является, скорее, недостижимым идеалом, к которому, тем не менее, нужно стремиться. Ценности, в согласии с которыми проводится участвующее наблюдение, определяются сообществом ученых, подвергаются пересмотру и уточнению и никогда не абсолютизируются.

Например, мы все ценим свободу и справедливость, но то, как это принципы применяются в каждом конкретном случае, представляется довольно неоднозначным. Каждый раз следует отдельно рассматривать, о каких именно и чьих ценностях идет речь, и как они влияют на «подлинность» результатов. Часто знание социального контекста в той или иной мере присутствует у антрополога. Исследователь современного городского контекста, даже погружаясь в чужую реальность, не может быть полностью отстраненным, совершенно незнакомым с исследуемыми проблемами. Однако полная вовлеченность в контекст мешала бы воспринимать свое как чужое или, по образному выражению М. Хаммерсли, «делать знакомое неизвестным», то есть выявлять в знакомой рутине известных связей характерные элементы, типизирующие данную культурную среду и придающие ей определенную специфику.

В том случае, когда исследователь хорошо знаком с изучаемым контекстом, важным условием сбора данных становится выработка у себя этнографической дистанции¹. Это подразумевает попытки смотреть на привычные практики так, словно бы они были чужими, подмечая такие их особенности и свойства, которые в обычных обстоятельствах кажутся естественными.

Являясь «аборигенами», мы часто проходим мимо каких-то событий, которые людям со стороны могут показаться важными и интересными.

---

¹Романов П., Ярская-Смирнова Е. «Делать знакомое неизвестным...»: Этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С.145-160.

Поэтому такое значение имеет опыт постоянных обсуждений с коллегами, обладающими другим жизненным опытом. Лишь со временем и тренировкой возникает особое чувство антропологической дистанции, отстраненности, помогающее исследовать мир организации извне, даже будучи в постоянном непосредственном контакте с ним. Особенную актуальность исследовательская дистанция имеет в аспекте изучения властных отношений в организациях. Такого рода взаимодействия скрыты подчас от непосредственных участников, однако постоянно и неумолимо нормируют их жизнь.

Позиция отстраненности подразумевает следующее: ставить под сомнение обычные вещи и замечать обычные детали или смотреть на обычные вещи глазами аутсайдера. Отстраненность помогает исследователю видеть привычное по-новому, а это обнаруживает те аспекты окружения, которые сознательно не осознают члены группы. Позиция отстраненности стимулирует исследователя к тому, чтобы пересмотреть свой собственный социальный мир. Погружение исследователя в другое окружение нарушает привычный ход мысли и поступков. Полевому исследователю необходимы навыки общения и личное обаяние, чтобы установить дружеские отношения. Устанавливая дружеские отношения, исследователь верит всему и ничему одновременно, так как подвергает каждый факт рефлексии. Как только полевой исследователь достигает понимания точки зрения члена группы, он переходит к следующему этапу – думать и действовать, исходя из позиции члена группы.

Получая доступ к субъективной реальности повседневной жизни других людей, мы стремимся достичь истины, познавая мир инсайдеров. Наиболее прямой путь к таким образом определяемой истине лежит через полное отождествление себя с представителями изучаемой культуры, слияние с местной традицией. В антропологии это называется «стать феноменом» или «превратиться в туземца». Менее прямые, но вполне оправдывающие себя стратегии – проникать в мир повседневности, используя методы наблюдения и интервью, ведя дневниковые записи и анализируя наблюдаемые явления.

Впрочем, многие исследования только выигрывают оттого, что проводятся людьми, лично заинтересованными в разработке той или иной темы. Примеры представляют исследователи-инвалиды – мужчины и женщины, которые внесли немалый вклад в социологию инвалидности (Майкл Оливер, Том Шекспир, Джейн Моррис), феминистские исследовательницы А. Дворкин, К. Ферраро и другие, которые боролись с проблемой дискриминации женщин. Например, Ферраро провела исследования проблем женщин, которые испытывали насилие в семье. В своем проекте она применяла метод биографического интервью, наблюдение в убежище и кризисном центре для женщин, пытаясь, помимо исследований, осуществить вмеша-

тельство, способствуя организации движения по открытию убежищ для женщин. Методология участвующего наблюдения отрицает жесткие границы между субъективным и объективным, критически относясь даже к самим понятиям субъекта и объекта исследования.

Начало полевого исследования

Полевое этнографическое исследование в качественной парадигме является более гибким и менее структурированным, чем количественное исследование. Включенное наблюдение требует известного научного и житейского опыта для того, чтобы определять, какие из ситуаций являются значимыми для исследования и почему. Для того чтобы адекватно воспринимать многообразие организационных контекстов, нужно выработать у себя адаптивность и гибкость, оставаясь при этом самим собой. В качественном полевом исследовании применяют навыки тщательного наблюдения и слушания, записи по памяти и, вообще, регулярные записи. До вхождения в поле новичок практикует наблюдение за обычными деталями ситуации и записывает их. Внимание к деталям и записи по памяти могут совершенствоваться по мере накопления практики. Каждодневные записи и личный дневник – это хорошая практика обучения путевым заметкам.

Полевое исследование начинается с общей темы, а не с детальных гипотез. Исследователь не должен заикливаться на каких-то первоначальных, может быть ложных, концепциях. Он должен быть хорошо подготовлен, но открыт новой информации. Как считает Л. Ньюман, вход в поле скорее сродни очистке лука, чем открыванию двери, поскольку социальные отношения обговариваются и формируются через процесс работы в поле¹. Переговоры имеют место с каждым новым членом группы до тех пор, пока не разовьются стабильные отношения, позволяющие добиться доступа к полю и, установив доверие, получить информацию и ослабить враждебные реакции. Исследователю придется снова и снова обговаривать и объяснять, что он делает. Еще одна подготовка к роли полевого исследователя – это познание себя. Работа в поле может иметь сильное воздействие на идентичность исследователя и ее / его мировоззрение, трансформировать личность исследователя.

Что делает качественник в поле?

1. Наблюдает за обычными событиями и повседневной деятельностью, а также за необычными событиями.

¹Neuman L.W. Social research methods: qualitative and quantitative approaches, 2nd ed. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1991. См.: Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях: Материалы семинаров / Под ред. М. Малышевой. М.: МЦГИ, 1997.

2. Непосредственно контактирует с людьми и на личном опыте переживает процесс повседневной социальной жизни в поле.

3. Приобретает точку зрения человека, который находится внутри изучаемой среды, и в то же время сохраняет аналитический подход или дистанцированность, присущую аутсайдеру.

4. Использует разнообразие техник и социальных навыков в гибкой манере, как того требует ситуация.

5. Производит данные в форме детальных письменных заметок, диаграмм, карт, фотографий, которые обеспечивают очень подробную информацию.

6. Видит события как единое целое и по отдельности, но всегда в их социальном контексте.

7. Понимает и развивает в себе эмпатию к членам группы (поля), а не просто регистрирует «холодные» объективные факты.

8. Замечает как явные (признанные, сознательные, проговоренные), так и скрытые (менее признанные, подразумеваемые, непроговоренные) аспекты культуры.

9. Наблюдает текущие социальные процессы, не огорчаясь, не вмешиваясь, не навязывая точку зрения аутайдера.

10. Справляется с сильным личным стрессом, чувством неопределенности, этическими дилеммами и двусмысленностью¹.

В самом начале исследования необходимо сформулировать общую идею, проблему, которая затем будет уточняться с перспективы инсайдеров. Обзор литературы тоже важен на начальной стадии, хотя играет меньшую роль при определении проблемы для участвующего наблюдения. Однако, в процессе изменения и уточнения проблемы неплохо вновь и вновь обращаться к соответствующей литературе.

Как же возникает исследовательская проблема, и что способствует ее формулированию? Рассмотрим два варианта: во-первых, когда у нас есть примерные представления, *что* изучать, и во-вторых, когда мы знаем, *где* мы хотели бы проводить наблюдение².

От проблемы к контексту. Предположим, что у нас сложились общие представления о том, что мы собираемся исследовать, кроме того, мы можем объяснить, в чем мы усматриваем проблему, то есть то или иное противоречие. Проблема может проистекать из наших собственных личных интересов, она может быть почерпнута в научных дискуссиях, возможно, весьма абстрактного свойства, возможно, это тема, возникшая в иных исследованиях или поставленная перед нами другими людьми (в том числе,

¹Там же.

²Jorgensen D. Participant Observation. London: Sage, 1989.

государственными чиновниками, политиками, общественными активистами или фондом).

Отправляясь в поле с идеей о каком-либо противоречии, о чем-то проблемном, нам важно оставаться открытыми к широкому спектру последующих открытий, готовыми даже к тому, что наша изначальная идея, оказывается, никуда не годится.

Участвующее наблюдение часто применяется в проектах прикладного характера. Например, П.Х. Хьюджесс столкнулся с трудностями, пытаясь разработать реабилитационную программу для потребителей героина. Он понял, что только познав особенности повседневной жизни потребителей наркотика, он может получить информацию, полезную при разработке эффективной программы реабилитации.

Наблюдение применяется и в программах оценки качества, и в этом случае исследователи также осуществляют переход от общей проблемы к частным вопросам и гипотезам. Характерным примером является проект по оценке результатов и последствий образовательной программы и оценке потребностей слушателей. Известны примеры, когда исследователи, проводившие оценочные проекты в области образования, брались также и за обучение учителей методу участвующего наблюдения. Учителя, выработав навыки наблюдателей и участников, становились более рефлексивными к своей профессиональной деятельности и начинали распознавать и понимать те проблемы, которые ранее для них оставались скрытыми и незамеченными.

Итак, в ходе изучения повседневности происходит переформулирование и изменение исследовательского вопроса. Например, Д. Йоргенсен планировал изучать практики, с помощью которых люди становятся экспертами в области таких экстраординарных знаний и способностей, как коммуникации с духами, пророчество, предсказание. Начав искать контекст, исследователь принял решение вначале узнать о том, где и каким образом организовывали свою деятельность маргинальные религиозные группы, в частности, сосредоточившись на изучении тех, кто гадают по картам Таро¹.

От контекста к проблеме. В других случаях мы вначале принимаем решение о том, где, в какой среде проводить наблюдение, а потом формулируем исследовательские вопросы. На выбор исследовательского контекста существенное влияние может оказать характер нашей профессиональной деятельности. Йоргенсен приводит примеры своих коллег, которые сумели увидеть в своей повседневной деятельности интересные исследовательские проблемы:

П. Адлер, будучи студенткой колледжа, стала помощником тренера университетской баскетбольной команды, а позже решила провести участ-

¹Jorgensen D. Participant Observation. London: Sage, 1989.

вующее наблюдение как часть проекта по изучению повседневности спорта. Студентка С. Рэмбо, чтобы заплатить за колледж, работала экзотической танцовщицей и позднее использовала этот опыт как основу для антропологического изучения жизни танцоров. Д. Гайяно был успешным профессиональным игроком в покер до того, как стал исследователем субкультуры картежников. Дж. Котарба как-то раз, испытав сильные боли в спине и безрезультатно испробовав многие средства, обратился к специалисту по акупунктуре. Этот опыт привел его к идее исследований страданий от болезни и целительских практик.

Участвующее наблюдение, как уже упоминалось, характеризуется гибкой логикой определений исследовательской проблемы. От исследователя ожидается постоянное переопределение понятий, поиск новых индикаторов и переформулировка гипотез. Основные понятия определяются феноменологически: в аспекте того, что те или иные идеи и действия значат для людей в конкретных ситуациях. Для того, чтобы подобрать индикаторы, с помощью которых эти понятия могут быть выявлены и зафиксированы, нужно предпринять поиск смыслов, соответствий и связей непосредственно в полевом контексте. Иными словами, понятия должны быть сформулированы в перспективе инсайдера, исследователь стремится найти их множественные проявления и показатели, чтобы понять, что означает идея и как она применяется в исследуемом сообществе.

В отличие от позитивистского проекта, примером которого является анкетный опрос, в участвующем наблюдении понятия редко определяют операционально, практически никогда не измеряют их количественно и не анализируют данные статистически. Дело в том, что операциональные определения предполагают то, что будет найдено, и тем самым искажают смыслы инсайдера, следовательно, можно ожидать непонимание. Квантификация, по словам Д. Йоргенсена, приводит к разрушению реальностей повседневной жизни¹.

Операциональные определения и количественные измерения могут применяться только после того, как исследователь достиг значительного ознакомления с миром инсайдеров или как дополнительная исследовательская стратегия. Главная цель участвующего наблюдения – определение ключевых понятий в терминах перспективы инсайдеров. Антропологи, этнографы и фольклористы развили формальные стратегии для уяснения смысла народных понятий, в частности, лингвистических выражений, посредством чего опыт повседневной жизни передается символически и в осмысленном виде другим людям.

Таким образом, метод наблюдения бывает напрямую связан с методом интервью, поскольку требует улавливания и раскодирования вербальной и невербальной информации, передаваемой посредством знаков и символов,

¹Jorgensen D. Participant Observation. London: Sage, 1989.

т.е. посредством языка. Первый шаг в описании культуры, субкультуры или «образа жизни» – это инвентаризация ключевых понятий, используемых представителями культуры. Полезно составить специальный тезаурус или глоссарий, для чего необходимо анализировать услышанные и записанные специальные термины, обращаясь к представителям субкультуры с просьбой описать, объяснить, как используются те или иные слова. Иногда подобные вопросы задавать не представляется возможным, поэтому нужно просто наблюдать за тем, как применяются символы – вербальные или невербальные жесты и высказывания, как они связаны с теми или иными действиями, что они означают и в каких случаях применяются.

Для участвующего наблюдателя необходимо обнаружить и уяснить именно те понятия, которыми пользуются «туземцы», а не подходить к полю с готовыми формулами и названиями-клише. Известный американский антрополог Дж. Спрадли проводил в 1970-х годах исследования городских кочевников, которых другие эксперты называли следующим образом: психологи и медики – «алкоголиками», чиновники – «бомжами», социологи – «бездомными». Спрадли выяснил, что самоназвание представителей этой субкультуры – «tramp», или «бродяга». Интересно, что это понятие имеет в английском языке много коннотаций, в том числе, ценностно нейтрального и даже положительного характера. Исследователю удалось выявить скрытые от посторонних глаз смыслы целого ряда событий в распорядке жизни городских бродяг. В частности, арест и отправка в полицию расценивались ими как особый ритуал со свойственными ему повторяющимися узнаваемыми элементами.

Итак, в полевом этнографическом исследовании очень важно обращать внимание на жаргон организаций, групп или субкультур. Люди, которые взаимодействуют друг с другом в течение какого-то времени, разрабатывают общие символы и терминологию. Новые слова появляются благодаря особым событиям, предположениям или отношениям. Жаргон дает исследователю ключи к тому, *что* важно для членов группы и *как* они видят мир¹.

Существенный вопрос – это доступ к контексту или к тому месту, где будет проводиться наблюдение. Доступностью объекта исследования нередко определяется выбор темы и проблемы. В зависимости от степени открытости контекста – организации, группы, общины – предпочтительны те или иные стратегии входа в поле, а также характер наблюдения, которое может быть скрытым или открытым, полным или выборочным.

---

¹Neuman L.W. Social research methods: qualitative and quantitative approaches, 2nd ed. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1991. См.: Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях: Материалы семинаров / Под ред. М. Малышевой. М., 1997.

Данные полевого исследования обычно представляют собой полевые заметки. Заметки, записи, файлы данных являются важными аспектами участвующего наблюдения. В процессе наблюдения трудно сконцентрироваться и делать записи, в связи с чем мы иногда откладываем их на потом или вообще ничего не фиксируем. Однако, это является ошибкой. Написание заметок – процедура, которая требует самодисциплины. Заметки содержат подробные описательные детали, сделанные по памяти. Исследователь должен иметь ежедневную привычку делать заметки сразу после того, как он покинет поле. Очень полезно фиксировать не только наблюдаемые факты, но и переживаемые чувства, а также возникающие соображения по поводу смысла происходящего. Некоторые исследователи практикуют описание этих трех типов информации в табличной форме:

Что я вижу	Что я чувствую	Как я это понимаю

В графе, содержащей интерпретации, желательно давать множественные истолкования наблюдаемого и испытываемого.

Помимо дневниковых записей можно использовать записывающие аудио- и видеотехнологии. Записи расшифровываются и обязательно архивируются. Хранение записей и других архивных материалов должно осуществляться в соответствии с принятыми правилами.

Отметим, что в современной этнографии развивается особое направление – визуальное. Фото- и видеотехнологии здесь используются не только для фиксации данных, но и как способ понять жизненные миры изучаемых культур. Для этого этнографы обращают внимание на то, какие приемы фото- и видеосъемки используют в местном сообществе, какие образы предпочитают запечатлеть и как все это объясняют.

Вслед за расшифровкой и архивацией полученных записей начинается аналитический цикл. Тексты дневников и интервью, описания наблюдаемых событий кодируются, систематизируются и подвергаются интерпретации. Предварительный анализ может осуществляться на ранних стадиях исследования с целью формулировки и уточнения гипотез, переопределения понятий и задач. Все эти процедуры следует откомментировать в отчете о полевом исследовании.

**РЕКОМЕНДАЦИИ К НАПИСАНИЮ ОТЧЕТА
по полевому исследованию в рамках курса
«Социальная антропология»**

Структура отчета

Во введении следует указать, что будет исследовано и почему, как вы

выбирали тему, как формулируются исследовательская проблема, с какой целью проводится это исследование, какие шаги выполнялись для достижения цели. Здесь же следует указать нескольких авторов, которые, с вашей точки зрения, важны для выбора темы, для проведения исследования и анализа результатов.

Основная часть может состоять из нескольких разделов. Первый раздел можно посвятить обзору источников а) по исследуемой группе (организации), проблеме; б) по методам исследования; в) по теориям социологии повседневности, феноменологической, интерпретативной социологии. Этот обзор может включать наиболее яркие, но не длинные цитаты, обрамляемые вашими комментариями. Второй раздел посвящен собственно описанию процедуры вашего исследования: как вы входили в поле, выбирали информантов, брали интервью, что наблюдали, какие испытывали трудности этического, психологического характера, запретов на доступ к информации, как разрешали эти проблемы. Третий раздел может содержать описание ключевых информантов, персонажей повседневной драмы, рутины их деятельности, выявленных практик, взаимодействий, символов, связей, ценностей... Здесь же может быть помещено описание схемы организации или вообще пространства исследуемого объекта. Сама схема может прилагаться в конце работы или находиться здесь же. Четвертый раздел основной части может содержать анализ полученных данных. Здесь можно обосновать созданную типологию, проиллюстрировав ее примерами-цитатами, знаками.

Заключение подводит итог выполненной работе и должно содержать выводы, соответствующие целям и задачам (шкалам), сформулированным во введении, и обобщать те сведения, которые находятся в основной части. В конце заключения можно поставить вопросы или проблему, требующие дальнейшего внимания. Что осталось непонятым? Что было бы интересно исследовать дальше?

Приложение включает дневник и другие иллюстративные материалы.

Список используемых источников оформляется по правилам в Памятке дипломнику и соответствует полностью тем сноскам, которые имеются в работе.

Дневник наблюдения имеет следующую структуру:

Титульный лист (название на титульном листе тетради или блокнота, фамилия, имя, тема)

Регулярные записи. Каждая запись начинается с упоминания даты (число, день недели) и времени начала и окончания наблюдения. Лист можно разделить на три графы или записывать информацию подряд, отвечая на следующие вопросы:

1. «что мне удалось сегодня увидеть»
2. «что это может означать (что еще это может означать)»
3. «какие эмоции у меня вызывает увиденное (и как эти чувства могут повлиять на интерпретацию)»

Это общие вопросы, которые вы задаете себе в начале наблюдения, а

затем каждый из вас должен их уточнить по-своему, исходя из темы исследования. По мере фокусировки темы, от наблюдения к наблюдению эти общие вопросы должны быть дополнены более конкретными, например, «почему здесь так много женщин?» или «интересно, что думает кондуктор трамвая о нас, пассажирах?».

Запишите в дневник наблюдения те вопросы, которые вы задавали информантам, ваши мнения о том, хорошо ли вы сформулировали ваши вопросы, а также, какова была реакция информанта, удалось ли наладить доверительный диалог, не было ли каких-то неожиданных или негативных реакций. Дневник представляет собой базу сырых данных, а также наметок к их анализу.

Валидность и надежность участвующего наблюдения определяется следующими условиями¹. Во-первых, участвующий наблюдатель редко полагается на единичную форму свидетельств. Напротив, здесь используются разные методы, дополняющие друг друга источники, различные типы свидетельств и интерпретации с разных точек зрения (триангуляция). Во-вторых, участвующее наблюдение предоставляет прямой доступ в мир инсайдеров. Чем менее доступен этот мир, тем менее валидные и надежные результаты получаются в исследовании.

В-третьих, правила метода требуют от исследователя описать и обсудить полностью процедуру исследования, обсудить связь между процедурами и результатами, в том числе достоинства и ограничения этих процедур. Кстати, именно такое открытое, детальное обсуждение исследовательских процедур позволяет подвергнуть их дальнейшей публичной проверке и анализу. В-четвертых, ключевые понятия исследования могут быть проверены реальным их использованием в повседневной жизни. По словам Йоргенсена, трудно представить более строгий тест на точность или зависимость, чем проверка повседневностью. Наконец, хотя и не всегда это реально сделать на практике, в принципе, процедуры и результаты участвующего наблюдения могут быть проверены независимыми повторными исследованиями.

В ходе исследования субкультур, сообществ, организаций широко используются документальные материалы. Очень важно при использовании этих источников понять, как и для каких целей они создавались, какие скрытые мотивы двигали их авторами, а также искать то, что не нашло отражение в официальных сводках. Документы, используемые в исследовании организаций, приобретают значимость на фоне устных свидетельств очевидцев, их воспоминаний и индивидуальных интерпретаций. Такие свидетельства собираются с применением особых техник *интервью* – «человек – дневник» и «жизненные истории».

---

¹Там же

Метод интервью

Сбор эмпирических данных методом интервью может осуществляться как в учреждении, так и на дому у респондента или в специально отведенном для этого офисе. Изучение реальных людей, имеющих реальный жизненный опыт в реальном мире, происходит в нарративном анализе при помощи истолкования смысла, которым эти люди наделяют переживаемые ими события. Нарративами пронизана вся наша повседневная жизнь. Представьте, например, разговор в обеденный перерыв, где одна женщина с подробнейшими деталями рассказывает другой о том, что «она сказала», что «он сказал», что случилось после, воспроизводя все нюансы момента, который имеет для нее какое-то особое значение. Психотерапевты каждый день сталкиваются с нарративами личного опыта и используют их, чтобы изменить жизнь пациента путем ее пересказывания и конструирования нового, более удовлетворительного опыта. Рассказывание историй о прошедших случаях – это, наверное, универсальный вид человеческой деятельности, о которой мы узнаем еще в детстве и пользуемся затем на протяжении всего жизненного пути, будучи представителями самых разных культур.

Жизненные истории или истории о жизни относят к жанру нарративов, или повествований. Заметим, что в современной социологии понятие «нарратив» используется очень широко: к нему относят устные рассказы, художественные произведения, рисунки, картины и даже естественнонаучные труды. Жизненные истории используются по-разному. В одном случае исследователь фокусируется на фактах жизни. Он предполагает, что история отражает некую реальность, внешнюю к нарративу, но для которой история оказывается зеркалом. Такая реальность важнее для исследователя, чем рассказанная о ней история. Это первый подход, он включает направления, одно из которых относится к жизни как к окошку исторических фактов, в другом история трактуется как проекция психологических диспозиций и внутренних психологических сил рассказчика. Вторым подходом, сфокусированным на рассказываемой истории, ставит акцент на самом нарративе, его структуре и форме. И, наконец, третий подход осуществляет анализ жизненной истории как процесса. Он синтезирует оба названных выше типа. Для этого подхода важны и текст, и рассказчик. Рассказывание истории трактуется как важное событие, которое оформляет социальные и психологические процессы, хотя сами истории рассматриваются как появившиеся в результате тех или иных жизненных событий.

Остановимся кратко на методологии интервьюирования и процедурных вопросах сбора нарративов. Нарративное интервью включает обмен вопросами и ответами с элементами повествования, причем вопросы могут носить направленный или ненаправленный характер. Формы повествования предполагают содержательные рассказы биографического характера, описание особых случаев или исторических событий. После обычных для

начального этапа интервью сообщений интервьюера (информация о цели интервью, согласование вопроса о магнитофонной записи, объяснение судьбы записей, пределов их использования, соблюдения анонимности, договоренность о продолжительности беседы, мотивации интервьюируемого, проговаривание процедурных моментов) социолог побуждает респондента к повествованию с помощью понятного и четкого вопроса, прямо затрагивающего интересы интервьюируемого и позволяющего дать развернутый ответ. Интервьюер после этого должен слушать и лишь иногда подавать те или иные сигналы, поддерживающие ход повествования: выражающие согласие (кивок, «угу»), интерес («очень интересно», «не могли бы Вы больше рассказать об этом»). Последующие вопросы о том же событии (недирективные, то есть не прямые, или директивные, позволяющие собрать конкретную информацию в самом конце интервью) будут заданы не ранее, чем респондент приведет к логическому завершению основной ход повествования.

В неформализованных интервью не весь собранный материал представляет собой нарратив, поскольку включает также обмен вопросами и ответами и другие формы дискурса. Респонденты в исследовательском интервью (если их не прерывать стандартизированными вопросами), будут говорить подолгу, порой организуя ответы в длинные истории. В число задач исследователя входят выявление предпосылок рассказчика, на которые он или она ориентируются, имея в виду реального или потенциального читателя, адресата текста или собеседника, учет символического присутствия третьих лиц, оказывающих влияние на автора истории. В автобиографических нарративах частная, интимная информация переплетается с более широким контекстом жизненного опыта. Интерес представляет именно то, как сами респонденты упорядочивают отдельные моменты личного опыта, зачастую те, в которых произошел некий перелом, расторжение идеального и реального, разрыв между «Я» рассказчика и его окружением, организацией.

Интервью – это вербальный обмен лицом к лицу, где один человек – интервьюер – пытается получить информацию или выражения мнений или убеждений от другого человека (или от других людей в случае группового интервью).

Все качественные интервью имеют следующие общие допущения: а) открытая природа ответов влечет определения и интерпретации, не обязательно отражающие эмпирическую реальность, б) это ответы, сконструированные в конкретной ситуации с конкретной целью, расчетом на конкретную аудиторию и во взаимном обмене с интервьюером.

Неструктурированное интервью, которое называют также нестандартным или неформальным, больше напоминает дружескую, повсед-

невную беседу. Не существует заготовленного списка или порядка вопросов, которые бы направляли диалог, нельзя применить одинаковый набор стимулов ко всем информантам. Этот тип интервью более подходит для разведывательного исследования, когда мало что известно о конкретной проблеме, так как предоставляет информацию по всему спектру и содержанию проблемы, а также разнообразию и глубине чувств, связываемых людьми с конкретной проблемой или явлением. Техника неструктурированного интервью применяется в сочетании с количественными методами с тем, чтобы предоставить интерпретации взаимоотношений переменных, возможные вариации субкультур или факторов.

Следует упомянуть и *глубинные интервью*, в которых исследователь может затронуть глубоко и широко те области, которые ему интересны. Глубинные интервью полезны для того, чтобы получить интерпретации относительно установок, ценностей и убеждений. Эти интервью чаще всего проводятся с несколькими хорошо информированными респондентами, а не с большим количеством людей. Зачастую выделяется специальная группа «ключевых информантов» – тех представителей социальной группы, находящейся в центре исследовательского внимания, которые лучше артикулируют и рефлексуют культурные смыслы, действия и отношения, рассказывая о себе и других. Можно называть этих людей «ключевыми акторами» (действующими субъектами), поскольку они способны исчерпывающе отвечать на вопросы, что связывает конкретный вопрос с более широкими культурно значимыми темами.

Теоретические, культурные и процедурные предубеждения могут определить природу отношений между интервьюером и интервьюируемым, задаваемые вопросы и то, как они интерпретируются. Интервьюер должен знать, каким образом предыдущий научный или социальный опыт может повлиять на процедуру исследования, работать над исключением любых оценочных суждений и постоянно проверять свои суждения, сопоставляя со взглядами других. Необходимо быть внимательным, чтобы не задавать респонденту вопросов, содержащих подсказки ответов. Важно постоянно переосмысливать свои интерпретации и поведение и фиксировать любые проявления предубеждений.

Процесс беседы в *интервью «человек – дневник»* организован таким образом, чтобы поощрить участников событий вспомнить, воссоздать и обсудить моменты опыта и жизненных проблем. С информантами беседуют несколько раз в течение исследования. В начале интервью всегда задаются одни и те же вопросы. Затем вопросы фокусируются на широких тематических интересах, относящихся к области изучения. Интервьюер пытается уточнить некоторые моменты, возвращаясь к ним в процессе интервью, и просит респондента прояснить. Как только главные исследовательские во-

просы прояснены, интервьюер переводит тему на другие вопросы, интересные для того или иного информанта.

Главное преимущество *группового* интервью состоит в том, что здесь генерируется большой объем информации по теме за короткий промежуток времени. Один из недостатков состоит в том, что люди могут скрывать некоторые взгляды, не желая высказывать их на публике. Базовой категорией в технике любого интервью является вопрос. Очень многое зависит от того, как и в какой последовательности задавать вопросы. Интервью должно следовать цели перевода исследовательских вопросов в специальные вопросы для информантов, а также предлагать вопросы, мотивирующие респондента предоставлять затребованную информацию.

Принципы формулировки вопросов интервью (по П. Лазарсфельду)

1. Необходимо, чтобы все вопросы попадали в концептуальную область, важную для теории и исследовательских вопросов социолога.

2. Следует формулировать и упорядочивать вопросы таким образом, чтобы они соответствовали опыту респондентов.

3. Интервьюер должен открывать действительные смыслы, которые лежат позади ответов информанта. Например, если мать говорит, что ее ребенок «медлительный ученик», исследователь не должен предполагать, что он знает, что означает этот термин. Лучше всего попросить респондента объяснить, расширить, привести примеры, сравнить и противопоставить понятие или тип с другими понятиями или типами.

Рассматривая различные типы интервью, выделим несколько типов вопросов, используемых на определенных стадиях сбора информации. *Описательные вопросы* – очень широкие и вводные. Начиная с «вопросов широкого круга», можно получить от информанта объемный и богатый нарратив. Затем следуют вопросы малого круга, фокусируясь на меньшей единице опыта. Интервьюер может спросить о примерах или опыте, приобретенном в конкретном месте. Эти типы вопросов позволяют исследователю почувствовать язык и мир информанта. Насколько возможно, следует попытаться использовать тот же язык. Другой тип вопроса – *структурный* – осуществляет дальнейшую фокусировку на проблеме исследования и позволяет исследователю определить, как информанты организуют культурное знание. А *контрастные вопросы* применяются для того, чтобы отличить друг от друга понятия, события, процессы, людей в измерениях смысла (значения).

Перечисленными способами сбора информации антрополог сегодня не ограничивается. Наблюдение дополняется в современной антропологии целым рядом различных техник, выбор которых зависит отчасти от ареала

изучения и раздела дисциплины. Поскольку современные исследования все более становятся проблемно-ориентированными и менее общими или холистскими, что касается их предмета, то был разработан целый ряд специальных исследовательских техник, связанных с такими разнообразными разделами, как экологическая антропология, исследования родства и прикладная антропология. Как правило, применяемые методы включают интервью (структурированное интервью или анкетирование, с одной стороны, и глубинное интервью, с другой), кейс-стади, опросы и картографирование, применение исторического и архивного материала для предоставления достаточной глубины времен, применение статистических данных или данных переписи и так далее. В последние годы расширилось применение компьютеров, математических и статистических моделей, и современные антропологи теперь имеют широкий выбор таких технологий и моделей, которые могут помочь им в формировании и анализе данных для получения новых значимых материалов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Этнографическая полевая работа
Полевые исследования
Качественное и количественное исследование
Участвующее наблюдение
Повседневность
Кейс стади
Интервью

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. В чем состоят особенности этнографической полевой работы?
2. Раскройте смысл дихотомии «качественные и количественные методы исследования».
3. В чем состоят особенности метода участвующего наблюдения?
4. Что означает выражение «стать туземцем»?
5. Расскажите о видах и особенностях техники интервью.

КЕЙСЫ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Практикум «Интервью»

В парах выполните упражнение. Вы – интервьюер, ваш партнер – респондент.

Время 5-7 минут. Используйте для фиксации интервью что-либо из имеющегося: диктофон, блокнот, фотоаппарат, видеокамеру, свою память.

При этом постарайтесь наблюдать и фиксировать происходящее, отслеживать и фиксировать свои чувства и затем попытайтесь проанализировать ситуацию интервью. Наблюдайте за невербальными особенностями поведения респондента, интонациями. Как бы вы охарактеризовали отношения между интервьюером и респондентом?

Основной вопрос интервью:

№ 1. «Расскажите о наиболее запомнившемся вам событии из детства».

№ 2. «Наиболее яркое воспоминание о твоей учебе в школе».

№ 3. «Самое сильное впечатление за время учебы в вузе».

№ 4. «Твоя первая любовь».

№ 5. «Наиболее запомнившееся тебе нарушение тобою какого-то правила в вузе».

ЛИТЕРАТУРА

1. Альмодавар Ж.-П. Рассказ о жизни и индивидуальная траектория: сопоставление масштабов анализа // Вопросы социологии. 1992. Т.1. № 2. С.98-105.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Перевод Е. Руткевич. М.: «Медиум», 1995.
3. Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Ред. кол. Е.Ю. Мещеркина, В.В. Семенова. М.: Ин-т социологии РАН, 1994.
4. Бутенко И.А. Анкетный опрос как общение социолога с респондентом. М.: Высшая школа, 1989.
5. Веселкова Н.В. Методологические принципы полужформализованного интервью // Социология 4М. 1995. № 5-6. С.28-40.
6. Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях / Под ред. М. Малышевой. М.: МЦГИ, 1997.
7. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996.
8. Маслова О.М. Качественная и количественная социология. Методология и методы // Социология 4М. 1995. № 5-6. С.5-15.
9. Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью. М.: Институт молодежи, 1992.
10. Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн.1, 2 / Отв. ред. В.Г. Андреенков, О.М. Маслова. М.: Наука, 1990.
11. Мещеркина Е.Ю. Качественные методы в гендерной социологии // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2001. С.169-187.

12. Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социс. 1998. № 6. С.119-129.
13. Романов П.В. Феминистская этнография: обзор основных концепций, методов сбора данных и политик интерпретаций // Гендерные исследования. № 6 (1/2001). С.322-335.
14. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
15. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. М.: ИНИОН РАН, 2002.
16. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. Т.1. № 1/2. С.129-138.
17. Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара: Самар. ун-т, 1995.

Тема 3.2. Тексты в социальной антропологии

Анализ текстов: развитие метода, типы материалов. Культурные артефакты как тексты. Анализ текстов как деконструкция. Качественный и количественный контент-анализ. Анализ визуальных текстов. Визуальная антропология. Фото-исследование. Партисипаторная фотография. Нарративный анализ интервью. Валидность нарративного анализа. Этнографическое письмо

Анализ текстов

Остановимся кратко на других неопросных методах, применяемых в качественных антропологических исследованиях. То, что нас окружает и доступно наблюдению, либо уже является текстом или может быть в качестве такового представлено. Все эти тексты, или документальные источники, можно разделить на два типа: созданные специально для исследования или созданные первоначально для иных целей и лишь затем проанализированные учеными. Любой метод сбора эмпирических данных в социологии (наблюдение, глубинное интервью, фокус-группа, анкетный опрос) приводит к появлению текста: расшифровка записей интервью, дневник наблюдения, отчет об исследовании. Такие тексты создаются специально в целях исследования. А вот личные документы людей: их письма, дневники, стихи, любительские фильмы, фотоальбомы, коллекции различных вещей и многие другие формы самовыражения и отражения личной жизни, характерные для многих людей, – являются культурными артефактами. Такие

«документы жизни» могут стать предметом интереса социальных ученых, поскольку могут существенно расширить наши представления о реальности¹.

В 30-е годы прошлого века французская исследовательница Харриет Мартинье говорила в своей работе об исследовании американских морали и манер, что слова людей могут служить лишь комментарием к тому, о чем нам могут рассказать вещи. Мартинье считала, что институты и записи воплощают в себе намного больше, чем сколь угодно разнообразная коллекция голосов людей. Под записью она подразумевала любой вещественный объект, созданный людьми: руины древней архитектуры, эпитафии, гражданские регистры и тысячи других проявлений общего разума, которые могут быть обнаружены у любого народа. Этот принцип был принят на вооружение многими авторами. Например, спустя полтора века американская исследовательница гендерных ролей Роуз Вейтц подчеркивала, что культурные продукты заданного общества в любой конкретный момент времени отражают основные темы общества и эпохи. В культурных артефактах как бы записана информация о том контексте, в котором они были произведены. Однако хотя некоторые тексты и отражают время и место их создания, другие (например, телепередачи, кинофильмы) отражают опыт тех, кто создает эти тексты. Речь идет об *индустрии культуры*, где производства выступают посредниками между автором, заказчиком и аудиторией. Современные исследователи культурных текстов учитывают этот опосредованный смысл артефакта и в связи с этим анализируют как сам текст, так и процесс его производства. При этом ставится вопрос о том, что позволяет или что заставляет автора произвести именно такой текст².

Как различаются документы? По способу фиксирования информации – рукописные и печатные, фото-, аудио- и видеозаписи. С точки зрения целевого назначения, как уже упоминалось, бывают целевые (специально созданные в целях исследования) и наличные документы. По степени персонификации – личные (дневники, мемуары, письма) и безличные (статистические или событийные архивы, данные прессы, протоколы собраний). В зависимости от статуса документального источника – официальные и неофициальные. Особую группу документов образуют материалы средств массовой информации. Наконец, по источнику информации документы бывают первичные и вторичные. Вторичные представляют собой обработку, обобщение или описание данных первичных документов, созданных на основе наблюдения, опроса, регистрации событий³.

---

¹Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. С.108-109.

²Reinharz S. Feminist methods in social research. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P.145.

Преимущество документов, созданных независимо от задач исследователя, перед данными анкетных опросов и даже глубинными интервью состоит в том, что содержащаяся в них информация в большей степени связана с естественным контекстом реальности, чем с искусственной ситуацией опроса.

Развитие метода. Подходы к анализу текстов, предложенные в социологии Мартинье, нашли отклик в работе Иды Уэллс – учительницы, журналистки, лектора, исследовательницы и активистки. Уэллс была дочерью освобожденных рабов; в 1891 году она исследовала условия, при которых происходило линчевание чернокожих мужчин. Она начала свой анализ с того, что собрала все газетные публикации о линчевании, посетила места событий и проинтервьюировала свидетелей, а также изучила судебные документы. Обвинение, которое упоминалось в газетах, – изнасилование белых женщин – выдвигалось против чернокожих мужчин лишь в 1/3 случаев, и гораздо меньше обвиняемых было признано виновными на суде. Поводом к линчеванию служили словесные перепалки. Вывод, к которому пришла Уэллс: чернокожие мужчины были убиты из-за расовой ненависти к ним со стороны белых, а не по причине конкретных преступлений. Это исследование было опубликовано благодаря сбору пожертвований, организованному чернокожими женщинами. Ида Уэллс подчеркнула в своей публикации, что она полагалась на документальные материалы, написанные белыми. Тем самым она способствовала наиболее сложному процессу – пересмотру стереотипов доминирующей группой¹.

Типы материалов, используемых в современном контент-анализе. Контент-анализ – это систематическое изучение объектов (артефактов) или событий посредством их пересчета или интерпретации содержащихся в них тем. Культурные артефакты выступают объектом анализа социологов, историков, литературоведов, социальных антропологов и археологов. Такие культурные продукты имеются в каждом аспекте человеческой жизни: в относительно частных мирах, «высокой» культуре, популярной культуре, организационной жизни. Только воображение исследователя (вернее, недостаток этого воображения) может установить предел поиска культурных артефактов. В анализе «текстов» объектом, например, могут выступать детские книги, народные сказки, произведения искусства, художественная и любая другая литература, произведения детского творчества, мода, открытки, всевозможные руководства и инструкции, адресованные девочкам и женщинам (например, как стать хорошей хозяйкой), доски объявле-

---

³Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара: Самар. ун-т, 1995. С.131-132.

¹Reinharz S. Feminist methods in social research. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P.146.

ний, газеты, медицинские записи, научные публикации, учебники социологии, сборники афоризмов или цитат.

Особенность дневников в том, что они описывают жизненные события тогда, когда они происходят, тогда как в устных историях на воспоминания накладываются впечатления современности и срабатывает эффект места и времени. В биографическом интервью, как и в устной истории, исследователь различает два аспекта субъективного времени: «каково сегодняшнее видение прошлого и каковы были ощущения человека тогда, в момент совершения события, в прошлом»¹. Исследователь может использовать уже существующие доступные дневники или просить респондентов вести дневник в течение определенного времени. При этом предлагается примерная структура записей в целях исследования, но предусмотрены и любые другие заметки личного характера. На материале дневниковых записей возможно анализировать содержание повседневной жизни, бюджет времени, а также исследовать особенности практик и сообществ, скрытых от наблюдения. В тех случаях, когда респондент, заполняя дневник, следует схеме, предложенной исследователем, эти записи называются дневниковым интервью. Это интервью относится к полуструктурированным.

Письма выступают богатым источником информации и могут быть классифицированы следующим образом: церемониальные (по случаю официального события, праздника); информационные (детальный рассказ о жизни семьи, адресованный отсутствующему ее члену); сентиментальные (призванные оживить чувства человека безотносительно к какому-либо особому случаю); литературные (имеющие эстетические стороны); деловые. Эта классификация принадлежит У. Томасу и Ф. Знанецкому, активно использовавшим письма в своих исследованиях². При использовании писем необходимо помнить, что у него есть две референтных персоны – автор и адресат, на реакцию которого рассчитан стиль каждого письма, реакцию конкретного получателя; адресат наполовину определяет направленность и стиль письма.

При проведении контент-анализа в гендерной перспективе, например, можно выделять категории текстов, рассматривая отдельно те артефакты, что произведены женщинами, о женщинах или для женщин, мужчинами, о мужчинах или для мужчин, а также женщинами для мужчин и в других сочетаниях категорий. Иногда артефакт попадает в более чем одну категорию, если текст, скажем, написан женщинами о женщинах и для женщин. Так, канадская исследовательница Джоан Пеннелл анализировала идеоло-

---

¹Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. С.109.

²Цит. по: Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. С.11.

гию устава одного приюта для женщин, страдающих от семейного насилия¹.

Культурные артефакты являются продуктами индивидуальной деятельности, социальной организации, технологии и культурных паттернов. Интерпретации этих материалов, конечно, сами являются культурными артефактами. Поскольку культурных объектов существует великое множество, выделим четыре типа материалов, принципиально важных для гендерных исследований. Это записанные свидетельства (например, дневники, научные журналы, научная фантастика, граффити), нарративные и визуальные тексты (например, фильмы, телешоу, реклама, поздравительные открытки), материальная культура (например, музыка, технология, содержимое детской комнаты, коллекция книг) и поведенческие стили (например, манера одеваться, жесты, взгляды).

В процессе гендерно чувствительного контент-анализа может выявиться, что тот или иной текст транслирует сугубо патриархальные и даже женоненавистнические взгляды. С другой стороны, образец популярной культуры, выбранный для анализа, может проявить свою оппозиционную сущность по отношению к доминантной культуре. Популярные культуры, созданные или выбранные женщинами, могут отличаться сопротивлением или упругостью, независимостью от господства мужской культуры.

Ключевые характеристики культурных артефактов. Культурные артефакты обладают двумя отличительными особенностями. Во-первых, они натуралистичны, естественны, поскольку не были созданы намеренно в качестве объектов научного исследования. Во-вторых, они *не-интерактивны*, поскольку не требуют взаимодействия с людьми посредством наблюдения или беседы. Эмиль Дюркгейм, например, не обращался к интервью, а использовал статистику самоубийств, когда анализировал сплоченность общества. В то же время, исследователи могут применять и те материалы, которые как будто специально созданы для анализа того или иного вопроса. Примером подбора материалов двух типов в исследовании проблемы абортов будет использование: а) газетных статей и буклетов, листовок, брошюр и б) таких организационных документов, как протоколы собраний, уставы, списки основателей и спонсоров. К первой группе относятся документы, создающиеся специально для убеждения людей, следовательно, они рассчитаны на общественное внимание и могут как производиться, так и использоваться иными исследователями как аргументы научных публикаций. Документы второй группы не были изначально созданы в целях исследования, однако посредством их анализа можно установить, в чьих интересах производится и распространяется мнение о необходимости запретить или

---

¹Reinharz S. Feminist methods in social research. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P.149.

разрешить аборт. Подобное исследование провела американская социолог Кристин Лакер: она рассмотрела социальный состав движений «Про-лайф» и «Про-чойс» в ранний период их деятельности в 1960-е годы. Лакер объединила контент-анализ документов с продолжительными полуструктурированными интервью с 212 активистами, которые принимали участие в дебатах об абортах. Сопоставление материалов интервью с архивами и организационными текстами позволило ей понять связь между индивидуальными убеждениями и идеологиями организаций¹. Такое исследование носит название мультиметодического.

Анализ текстов как деконструкция. Термин контент-анализ по-разному определяется социальными учеными. Историки, например, применяют понятие архивных исследований, философы и литературоведы используют анализ текстов или литературную критику. Кроме того, различаются и теоретические перспективы к анализу культурных артефактов. В этом случае появляются дополнительные обозначения анализа текстов: дискурс-анализ, анализ риторики и деконструкция.

Ярким примером феминистской деконструкции служит проведенный Лорел Грэхам сравнительный анализ четырех текстов, созданных об одном и том же явлении – об одном годе жизни доктора наук Лиллианы Моллер Джилбрет, которая была пионером научного менеджмента. В качестве четырех текстов Грэхам взяла личные дневники Джилбрет, биографию, написанную ее коллегой Эдной Йост, книгу, опубликованную двумя детьми Джилбрет, и экранизацию этой книги. Такое прочтение одного и того же явления называется интертекстуальным, поскольку автор и читатель обращаются одновременно к четырем разным текстам, как бы вызывая их на диалог, на очную ставку. Грэхам рассматривает противоречия, содержащиеся внутри текстов, и несоответствия между текстами, считая их иллюстрацией всепроницающему действию патриархата и капитализма. Голос Джилбрет, который слышен в ее дневниках, прерывается доминантой внешних социальных сил, и ее жизнь приобретает новые очертания в биографии, книге и фильме².

Как упоминалось выше, помимо рекламы, газет, а также научных публикаций, гендерный анализ широко проводится на материале художественной литературы. Романы, написанные как мужчинами, так и женщинами, оказываются политическими текстами в социальном и индивидуальном аспектах, поскольку персонажи художественных произведений представляют собой источник формирования идентичности. Среди принципов социального анализа художественных произведений, которые применяются и при анализе текстов интервью – изучение лингвистического репертуара,

---

¹Reinharz S. Feminist methods in social research. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P.152.

²Ibid. P.153.

или тех тем, стереотипов и дихотомий, которые содержатся в речи героев. В этом случае единицей анализа выступает не сам человек, но его лингвистический репертуар и идеологические подтексты. В публикациях исследователи обязаны показывать как текст произведения, так и свой анализ, чтобы несоответствия были очевидны для читателя.

Истории, рассказанные людьми о собственной жизни, о сексуальных желаниях, фантазиях, переживаниях или трагедиях со страниц беллетристики или иллюстрированных журналов, в «ток-шоу» или документальных проблемных передачах, стали неотъемлемой частью современной культуры. Язык сексуальности, используемый в личном интервью или в художественном произведении, всегда содержит в себе напряженное противостояние микроструктур индивидуального опыта и макроконтестов социальности.

Количественный контент-анализ. Исследователи, собирающие культурные артефакты для социального анализа, могут интерпретировать их с применением количественных или качественных методов. Например, компьютерные программы, подсчитывающие частоту употребления слов, могут помочь нам обнажить скрытые механизмы, заложенные в большом количестве документов. Подобным образом может проводиться количественный контент-анализ авторства и содержания академических журнальных статей, например по вопросу о процентном соотношении мужчин и женщин среди авторов или в качестве объектов исследований, в аспекте применяемых методов и обращения авторов к гендерной проблематике. Канадский психолог Пола Каплан применила этот метод, чтобы продемонстрировать антагонизм психологов к матерям обследуемых детей: она проанализировала девять основных журналов в области исследований психического здоровья за три года в течение 1972–1982 годов, применив 63 категории для прочтения и классификации 125 статей в аспекте «обвинения матери». Другой пример – исследование американских исследовательниц Дайаны Скалли и Полин Барт. Они осуществили количественный контент-анализ учебников гинекологии и пришли к выводу, что портрет женщин в этих текстах рисуется как образ психически больного человека¹.

Результаты количественного контент-анализа могут затем использоваться для формулировки гипотез, имеющих отношение к гендерным исследованиям, к феминистским теориям и проблемам, а также для практической деятельности в целях социальных изменений. Статья «Репрезентация гендерных отношений в российской массовой печати», приведенная в этом разделе, является образцом того, как исследователь удачно сочетает элементы количественного контент-анализа и дискурс-анализа, который еще называется качественным, или интерпретативным, подходом к тексту.

---

¹Reinharz S. Feminist methods in social research. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P.158.

Качественный, или интерпретативный, контент-анализ. Исторические исследования полагаются на культурные артефакты при изучении жизни людей в прошлом. Артефакты в этом случае могут служить первичными источниками – сырыми историческими материалами – или вторичными, уже обработанными. Социальные ученые феминистского направления исследуют жизнь отдельных женщин и групп, отношений между мужчинами и женщинами или между женщинами, проблемы на пересечении расовой, гендерной, классовой и возрастной идентичности. Кроме того, ученые анализируют культурные артефакты, имеющие отношения к частной жизни, а также те идеи, институты и тех людей, которые в значительной степени повлияли на жизнь женщин в той или иной стране в определенный период времени. Документы, происходящие из публичной сферы (суд, правительство, церковь), являются *конвенциональными* источниками. Они подходят для изучения официальных событий, то есть тех, где преобладают мужчины. Если же мы хотим исследовать жизнь обычных женщин, для нас неочевидными станут личные письма, дневники, молитвы, вышивка и другие произведения женского творчества, автобиографии, устные истории, медицинские карты, письма к редактору журнала, художественная литература, написанная женщинами, произведения женского фольклора, тетради с песнями и кулинарными рецептами. Американский социолог Элизабет Хампстен отмечает, что голос женщин-рабочих не представлен нигде, кроме их личных писем, дневников и интервью с ними. Кроме того, экстраординарная, выдающаяся женщина и обычная женщина при более внимательном отношении могут оказаться не так уж сильно отличными друг от друга, как это может выглядеть на первый взгляд¹.

Феминистская теория используется здесь как основа интерпретации данных. Прочтение Гердой Лернер, историком и социологом, женских дневников поколебало гендерно нейтральное определение подросткового возраста: в то время, когда молодые мужчины переходят через подростничество к ответственной взрослости, молодые женщины проходят свой путь к зависимости, меняя свободу, которую они имели, будучи детьми, на ограничения и запреты, существующие для взрослых женщин. В другом исследовании Нэнси Котт обратила внимание, что личные документы женщин, опубликованные или хранящиеся в архивах, представляют собой письма и дневники молодых незамужних девушек в возрасте около 20 лет. Она пришла к выводу, что у девушек было больше времени или иное отношение к собственному времени и размышлению о себе, своем будущем, чем у замужних и более старших женщин. Эта исследовательница предлагает проводить триангуляцию, анализируя личные документы наряду с официальными, включая различные книги советов для женщин. В одном

---

¹Reinharz S. Feminist methods in social research. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P.160.

из своих качественных социологических исследований Шуламит Рейнхартц собрала рассказы женщин о неудачной беременности, записанные в дневниках, сочинениях и других личных документах. Затем она попыталась определить сходства и различия смысла неудачной беременности для женщин из различных мест, эпох и социальных страт. Оказалось, что разные женщины применяют различные категории для объяснения своей ситуации, говоря о причинах, последствиях, своем отношении к беременности и ее завершении, о той помощи, которую могут получить от окружающих¹.

Фольклористом и собирателем С.Б. Борисовым был исследован особый феномен: письменный жанр современного городского фольклора — рукописные девичьи рассказы о любви, представляющие собой «наивное творчество» подростков².

Приведем несколько примеров феминистского контент-анализа, проведенного новосибирскими учеными. Татьяна Барчунова исследовала представление женщин в символическом дискурсе националистической прессы. Виктимизация женщин, по словам исследовательницы, является концептуальным кластером, включающим понятия жертвы, жертвенности, защиты, вины. Сюда же Барчунова относит мотивы старения и старости, смерти, суицида. В газете «Завтра», как показало это исследование, содержатся не только многочисленные примеры виктимизированной репрезентации женщин, но и материалы, содержащие ее идеологическое обоснование со ссылками на «объективные» условия современной кризисной ситуации³.

Татьяна Максимова, проанализировав ряд женских романов и журналов, обнаружила тенденцию преобладающей представленности в этих текстах сексуальных и эмоциональных качеств любовной жизни в ущерб личностным и интеллектуальным. Журнальный материал включал как вербальные, так и визуальные тексты. Максимова пришла к выводу, что традиционно «неженские» качества не становятся гармоничной и неотъемлемой частью женщины и в «культурном ядре женского мира» в изданиях, которые делаются женщинами и для женщин. В ответ на феминистский вызов общества женская массовая литература и пресса поиронизировала над мужской половиной, опубликовав материалы и дискуссии по вопросам и правам пола, о возможностях сочетания независимости и традиционных брачных ценностей. Но чтобы отстоять свою независимость, по словам

---

¹Reinharz S. Feminist methods in social research. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P.160.

²Борисов С.Б. Рукописный девичий рассказ. М: Объединенное гуманитарное издательство, 2002

³Потолок пола: Сб. науч. и публицист. статей / Под ред. Т. В. Барчуновой. Новосибирск, 1998. С.89.

Максимовой, женщине придется противостоять устойчивым стереотипам маскулинной культуры¹.

Екатерина Таратута в своей статье проводит анализ произведений русской классики, на которых во многом построена школьная программа по литературе. В произведении И.С.Тургенева она проследила неоднозначное отношение писателя к героиням с социально активной жизненной позицией, обусловленной различием самих героинь. Наиболее распространенный тип отношения – скептично-ироничный. Автор пытается дискредитировать героиню как женщину: Авдотья Кукшина («Отцы и дети»), Суханчикова («Дым»). Другие героини вызывают удивление и восхищение Тургенева, а в некоторых случаях он рисует традиционный для русской литературы тип женщины как нравственного идеала в силу ее «исконного», «природного» и потому «истинного» мировоззрения: Елена Стахова («Накануне»), Наталья Ласунская («Рудин»), Лиза Калитина («Дворянское гнездо»). Женщины с активной социальной позицией прописаны карикатурно, поскольку декларируют свое отношение к конкретному социальному движению, такие женщины, как и мужчины, поданы у Тургенева в невыгодном свете, являясь второстепенными персонажами, как бы оттеняя главного героя – мужчину, который, впрочем, сам является рупором известных в обществе идей². Вместе с тем, параллельно эмансипации женщин – второстепенных персонажей, Таратута отмечает феминизацию главных героев Тургенева, их нерешительность и сомнения.

Лариса Косыгина³ провела гендерный анализ сборников анекдотов, изданных в период с 1990 по 1995 год. Исследовательница пришла к выводу, что в отличие от мужчин женщины из анекдотов положительно относятся к браку, они более терпеливы и не имеют права голоса в решении о разводе. Такова репрезентация, поданная в популярных текстах, но следующая цель Косыгиной – выявить, насколько влияют стереотипные образы мужчин и женщин на отношения между реальными людьми.

Анализ кинотекстов

В социокультурном анализе гендерных отношений важное место отведено анализу репрезентаций. Ведь типы идентичности, в том числе и гендерной, специфические для данной социальной общности и данного времени, входят в так называемую репрезентативную культуру общества, которая, в свою очередь, организует ориентацию и поведение людей в повседневной жизни. Это означает, что типы гендерной идентичности могут наблюдаться в повседневной жизни, а утверждения о них – верифицировать-

¹Там же. С.126-127.

²Потолок пола: Сб. науч. и публицист. статей / Под ред. Т. В. Барчуновой. Новосибирск, 1998. С.137-141.

³Там же. С.149-160.

ся или опровергаться обычными людьми, здравым смыслом. Идентичность, подчеркивающая уникальность индивида, есть социальный продукт, относительно стабильный элемент социальной реальности. Типы гендерной идентичности могут характеризовать половую принадлежность, сексуальные предпочтения, пересекаясь с профессиональным, семейным, образовательным, расово-этническим, экономическим и другими статусами. Эти определения влекут за собой множество символических предписаний относительно того, как себя вести, как выглядеть, на что рассчитывать в жизни, с кем общаться; они являются для людей чем-то вроде когнитивного путеводителя по жизни.

Репрезентации в визуальной культуре (кинематограф, живопись, реклама, медиа), дискурсы институциональных форм знания (например, медицина, психиатрия, сексология, социология, теология) влияют на социальные представления, направляя повседневные социальные практики, и тем самым конструируют саму сексуальность и субъекты сексуальности. В самом общем смысле «сексуальность» обычно означает биологически укорененный внутренний инстинкт или импульс (фрейдовский концепт либидо), сексуальную ориентацию индивида (гомосексуальность, гетеросексуальность) или сексуальную идентичность («ее сексуальность», «его сексуальность»). Однако в современных феминистских работах понятие сексуальности относится не только к индивидуальным эротическим желаниям, практикам и идентичностям, но также к дискурсам и тем социальным условиям, которые конструируют эротические возможности и определения женственности и мужественности в данное время, *здесь-и-теперь*.

В этой связи, например, интересны стратегии, сохранившиеся в научных и художественных текстах с прошлого по сей день и показывающие культурные практики гендерных отношений, те или иные паттерны сексуальности, образцы феминности и маскулинности как экзотическое, с диапазоном от эротического до странного, устрашающего и сверхъестественного. Фильмы и видеоклипы сегодня стали одним из самых популярных источников информации для социальных ученых на Западе и все чаще выступают материалом для социологического анализа отечественных исследователей. При этом используются не только любительские или научные фильмы – как, например, в случае видеointервью, – но и художественные киноленты, популярная видеопродукция. Андрей Дерябин провел анализ репрезентации гендерных отношений в русском музыкальном видео, показав соотношение доминантных и альтернативных смыслов в видеотексте. Ученый пользуется классификацией Стюарта Холла, одного из основателей Бирмингемской школы культурологических исследований. Согласно Холлу, существует два типа стратегий, при помощи которых зритель декодирует телевизионный дискурс: доминантное и альтернативное чтение. Кроме того, сам текст может быть преимущественно доминантным

или содержать альтернативные культурные практики. Если происходит доминантное чтение, текст ведет зрителя, который воспроизводит институциональную версию реальности, транслируемую медиумом. При этом существующий социальный порядок не подвергается сомнению, а напротив, утверждается и легитимируется. Примером может выступать советское кино, скажем, 30-х или 40-х годов и безоговорочное восприятие его многими советскими людьми в качестве правдивого и образцового изображения реальности. Во втором случае зритель признает легитимность доминирующих определений реальности, но учитывает и тот непосредственный социокультурный контекст, в котором пребывает конкретный индивид. Любой популярный продукт / текст, по словам Дерябина, с одной стороны, содержит доминантные смыслы и воспроизводит доминирующую идеологию, обыденные представления о социальной структуре и гендерных отношениях. С другой стороны, действительно популярный текст всегда содержит смыслы, в той или иной мере противостоящие доминантным социальным и гендерным практикам¹. Дерябин выбирает для анализа видеоклипы В. Сташевского и А. Варум, показывая, как неохотно присутствует в обоих случаях потенциал оппозиционного содержания и прочтения. В клипе Сташевского за внешней феминизированностью, сексапильностью и нарциссизмом «нового мужчины» скрывается отказ женщине в способности и праве принимать решение. У Варум – агрессия героини является протестной формой неповиновения, не претендующей на истинную эмансипацию².

Одно из направлений современной кинокритики³, – так называемый феминистский текстуальный анализ фильма – старается ответить на следующие вопросы: Кто выступает главным героем фильма, кто представляет оппозицию, какую функцию выполняет женский персонаж, а какую – мужской (и наоборот – как не функционируют женщины или мужчины, как они не представлены в фильме)? Каково социальное значение этих определений? В каких поворотах сюжета идет речь об отношениях глухих и слышащих, женщин и мужчин? Каковы способы визуальной репрезентации женщин? Насколько стереотипны и фиксированы образы женщин и мужчин, и как эти образы конструируются фильмом? Однако анализ, который начинается и заканчивается лишь кинотекстом, уязвим, поскольку заключает в скобки или игнорирует условия и контексты производства и восприятия этого произведения⁴. Очень многие киносюжеты выстроены в секвен-

---

¹Потолок пола: Сб. науч. и публицист. статей / Под ред. Т. В. Барчуновой. Новосибирск, 1998. С.129.

²Там же. С.135.

³ См. подробнее: *Ярская-Смирнова Е.Р.* Гендер, власть и кинематограф: основные направления феминистской кинокритики // Журнал социологии и социальной антропологии. №2, 2001. С.100-119

⁴ *Kuhn A.* Women's Pictures. London, New York: Verso. 1994. P.79.

цию шагов, близких типическому нарративу волшебной сказки¹: 1) Любимая девушка героя фильма попадает в беду и исчезает; 2) Герой встречает кого-нибудь, кто становится его помощником и другом; 3) Герой и помощник выполняют серию задач в поисках пропавшей возлюбленной; 4) Возлюбленная показывает свое настоящее лицо; 5) Герой оказывается оказываемся в руках злодеев; 5) Герой и помощник побеждают всех и приобретают новый статус.

Поскольку отправитель и получатель текста не всегда используют один и тот же код, чтобы зашифровать и читать сообщение, становится возможным зазор между авторским видением и зрительским восприятием фильма, происходит его интерпретация и реинтерпретация. Опубликованная книга, выпущенный в прокат фильм начинают свою собственную жизнь в качестве текста культуры. Поэтому имеет смысл говорить не только о различиях в понимании смысла текста автором и аудиториями, но и об эффекте взаимовлияний текста и контекста социальных, экономических, политических и культурных условий производства фильма, его распространения и восприятия. Тем самым предметная область кинокритики пересекается с социологией кино и социокультурным анализом репрезентаций, поскольку простирается за пределы текста, до отношений фильма и зрителя в контексте культуры.

Аннет Кун называет такой контекстуальный подход, основанный на семиотике и феминистском психоанализе, «делать видимым невидимое (Making Visible the Invisible)». Это социологическое феминистское прочтение фильма, которое выявляет способы конструирования «женщин» в кинообразах или нарративной структуре, помещая сюжет в конкретные социальные практики властных отношений, учитывая контекст производства фильма, типов социальных отношений. В этот процесс включены, например, отношения между способами производства фильма и формой его текстуральных структур. Исследования кино могут фокусироваться на текстах фильмов или на их социально-исторических, культурных контекстах, но в идеальном случае должны быть нацелены на выявление связи между ними. Впрочем, понятие контекста может различаться от политических, экономических условий до зрительских пристрастий, стилистических особенностей аудитории².

Дискурсивный анализ репрезентаций

С помощью приемов дискурс-анализа мы можем проанализировать репрезентации тех или иных сюжетов, например, женщин-террористок в российских СМИ, чтобы рассмотреть основные практики символической

¹ *Пропн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ. 1986.

² *Kuhn A.* Women's Pictures. London, New York: Verso. 1994. P.71.

контекстуализации данной темы, а также этические аспекты дискурсивных стратегий. Власть дефиниций, которой обладает газетная статья, будет раскрыта нами посредством качественного, или интерпретативного, содержательного анализа. Такой анализ представляет собой альтернативный способ чтения текстов по сравнению с обычным «сканированием» информации в повседневной ситуации, когда читатель принимает распознает лишь поверхностный слой преподносимых ему аргументов. Феминистская теория используется здесь как основа интерпретации данных.

Устоявшиеся языковые практики, содержательно и тематически определенные формы производства текстов отличаются своими правилами в том или ином научном, профессиональном, культурном сообществе. В современной социальной науке такие институционализированные формы и практики называются дискурсами.

В исследованиях дискурса именно контекст, а не сам текст является предметом анализа: «Анализ дискурса заключается в том, чтобы реконструировать процессы социальной объективации, коммуникации, легитимации смысловых структур на основе описания практики институтов, организаций соответствующих коллективных актеров и проанализировать социальное влияние этих процессов»¹. Речь идет о том, что текст анализируется не сам по себе как грамматическая форма, содержащая информацию о фактах, а в качестве социальной репрезентации.

Репрезентация, согласно С.Холлу, – это главная практика, благодаря которой создается общепринятое знание, составляющее ядро культуры; это производство смысла посредством языка². Язык как система репрезентации – это концептуальная смысловая карта, генерирующая ментальные связи между реально существующими объектами, абстрактными и вымышленными образами, работающая в процессах обмена смыслами и понятиями. Эти смыслы могут быть поняты только благодаря общему доступу создателей текста и его авторов к одной и той же культуре. Именно так работают дискурсы, создавая объяснения, понятные представителям той или иной профессиональной, национальной или любой другой культуры.

Дискурс-анализ предполагает рассмотрение как форм, так и функций языка, идентификацию лингвистических особенностей, которые, подобно социальным и культурным факторам, способствуют нашей интерпретации и пониманию различных текстов и типов языковой коммуникации. Влия-

¹ Мещеркина Е. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Введение в гендерные исследования. Ч.1/ Под ред.И.Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. С.219.

² Hall S. The Work of Representation // Representation: Cultural Representations and signifying practices. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage, 1997. P. 13.

ние более широкого дискурсивного контекста на смысл выражения эксплицируется посредством выяснения того, как возник и развивался данный дискурс, какие явные и латентные смыслы в нем содержатся, к каким выводам они приводят читателей¹, кто авторы текста и в какую деятельность они вовлечены, каковы характеристики их аудитории и основные каналы распространения информации. Немаловажным элементом дискурс-анализа является детальное рассмотрение риторических приемов, с помощью которых в тексте осуществляется аргументация.

Приведем несколько подходов, разработанных американскими исследователями еще в 1950-1970-е годы и модифицированных современными социологами в целях дискурс-анализа. Так, Стефен Тулмин² предлагает анализировать аргумент, разбивая его на следующие составные части: *утверждение* (главная мысль, которую автор пытается оправдать при помощи аргумента), *данные* (факты, на которых основан аргумент), *гарантия* (оценка легитимности аргумента на основе фактов), *поддержка* (дополнительные подтверждения гарантий, требуемые для той или иной конкретной аудитории), *модальный определитель* (указывает на степень уверенности автора в правоте аргумента), *опровержение* (используется в том случае, когда необходимо дискредитировать аргументы оппозиции). Три ключевых компонента в аргументации, по Тулмину, – это данные, утверждение и гарантия. Утверждение в тезисной форме говорит о том, какую идею проводит статья или какое убеждение или мнение защищает автор. Чтобы идеи могли получить поддержку аудитории, от автора требуются доказательства его правоты, в качестве которых выступают данные – факты и иные средства убеждения. Гарантии передаются союзами и другими частями речи, выражающими смысл связи, правила, принципа: *поскольку, потому что, ведь*.

Следующие три элемента можно выявить не в каждом образце аргументации. С целью снять потенциальные сомнения у аудитории, авторы применяют модальные определители, чтобы разъяснить свои идеи и удостоверить их истинность, в том числе, такие прилагательные и наречия, как *возможно, очевидно, обычно, типичный, как правило, многие, некоторые, иногда*. Эти элементы аргументации модифицируют смысл ключевых глаголов или существительных в предложении, дискурсивно повышая истинностный ранг утверждения. Речь не идет о том, что неистинное утверждение выдается субъектом дискурса за истинное. Утверждение, истинное в некотором пространстве мнений, убеждений, представлено как описыва-

---

¹ Мещеркина Е. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Введение в гендерные исследования. Ч.1/ Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. С.219-220

² Toulmin S. Uses of Argument. New York: Cambridge University Press, 1958.

ющее реальное положение дел в действительности¹. В поддержку валидности утверждения выступают и различного рода дополнительные свидетельства. В зависимости от аудитории, это могут быть эмоциональные призывы, цитаты известных людей или признанных экспертов, выражения, основанные на личном опыте и известности автора. Об элементе «опровержение» говорят в том случае, если автор сумеет дискредитировать оппозиционные аргументы, доказывая их нелогичность и несостоятельность, чем поддержит собственную позицию.

Несколько иной формат рефлексии смыслов и структур аргументации предложен Майклом Скривеном². Созданная им модель анализа предполагает несколько шагов: идентификация компонентов текста (слов и словосочетаний) в качестве единиц анализа; интерпретация смысла (почему автором выбирается именно это слово, каковы альтернативные формулировки); идентификация выводов, включая явные и скрытые; идентификация невысказанных предположений (более или менее определенных); оценивание предпосылок и выводов/заклучений (критика в более нейтральном смысле); рассмотрение других релевантных аргументов и контраргументов; общая оценка.

Средства массовой информации так же, как и другие дискурсивные формации, участвуют в производстве и воспроизводстве значений, укладываемых в типизированные схемы³. Если применить идеи В.Зверевой⁴ относительно телевидения к анализу печатных СМИ, то можно понять, что репортажи и аналитические статьи подразумевают отбор событий и их интерпретацию (осуществляемую уже при помощи называния произошедшего, интонации, придания им статуса «важного» или «второстепенного» и т. п.). Хотя газеты и призваны информировать зрителей, элементы развлекательности прессы, ее способность нравиться аудитории также немаловажны, поскольку печатные органы оцениваются рейтингами, а они, в свою очередь, влияют на доход издательства от размещения рекламы. Поэтому выбор материала и его трактовка ориентируются не только на интересы владельцев органа СМИ, но и на предпочтения публики, на ее желание или нежелание знать о чем-либо, сопротивление или приветствие какой-то позиции.

В связи с этим, репертуар и рамки интерпретаций, предлагаемые в

---

¹ Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып.1. Минск: Белорусский госуниверситет, 1998. С.155.

² *Scriven M. Reasoning.* New York: McGraw Hill, 1976.

³ *Мещеркина Е.* Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Введение в гендерные исследования. Ч.1/ Под ред.И.Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. С.218.

⁴ См. *Зверева В.* Репрезентация и реальность // Отечественные записки. №4, 2003. С.344.

СМИ, играет важную роль в процессе, посредством которого общество признает или игнорирует те или иные социальные проблемы в качестве фокуса конфликтных интересов, намерений и целей. Способы аргументации, например, в газетных статьях, адресованных массовой аудитории, отличаются от тех, что используются в научном дискурсе. Зачастую риторика газетных публикаций сближается с политической: авторы незаметно для себя (а чаще незаметно для адресата) мнение выдают за знание, соответствующую оценку объективируют и отождествляют с устоявшейся в обществе системой ценностей, играют категориями «я» и «мы»¹. При этом идеологические предпосылки, из которых исходят авторы статей в популярных СМИ, как правило, не разрушают, а воспроизводят сложившиеся в обществе социальные иерархии, чтобы сформировать отношения базового доверия в процессе коммуникации с читателем.

Одна из базовых социальных иерархий основана на противопоставлении мужского и женского. Авторы текстов в СМИ, сознательно или неосознанно стремясь вписаться в общепринятые нормы бытования, на символическом уровне осуществляют воспроизводство гендерной дихотомии. Современные исследования националистической прессы показывают, что виктимизация женщин в постсоветской прессе является концептуальным кластером, включающим дискурсивные коды жертвы, жертвенности, объекта защиты, вины². Как маргинальные, так и мейнстримные средства массовой информации производят гендер, задействуя однозначно относимую к тому ли иному полу символику, используя образы супермужчины и суперженщины, Барби и Шварценеггера, феминисток и традиционных женщин, тем самым «создают диапазон возможных выборов и показывают, каковы шансы мужчин и женщин в управлении порядком»³.

По данным американских исследователей⁴, при передаче телевизионных сообщений о преступности происходит культивирование политически адекватных ценностей, такие программы способствуют общей поддержке правовой системы и умеренно консервативных взглядов. Если предполо-

---

¹ Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып.1. Минск: Белорусский госуниверситет, 1998. С.150.

² Барчунова Т.В. Вариации в ж-мноре на темы газеты «Завтра» (женщины в символическом дискурсе националистической прессы) // Потолок пола / Под ред. Т.В.Барчуновой. Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, Ресурсный Центр гуманитарного образования, 1998. С.89.

³ Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч.1./Под ред. Жеребкиной И.А. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С.169.

⁴ Карлсон Дж. Телевизионное развлечение и политическая социализация // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС, 1999. С.232-233.

жить, что эти выводы имеют отношение и к эффектам, оказываемой прес-сой, то можно понять, что информация, передаваемая о терроризме, имеет целью поддержку существующей политической системы, укрепление конформизма в отношении социальных норм и ценностей. В таких сообщениях наиболее просто и очевидно показать, кто является агрессором и кто жертвой, кто обладает властью, а кто должен этой власти подчиняться¹.

Воспользуемся приемами М.Скривена и С.Тулмина и проанализируем начальные фразы статьи Р.Ямадаева²: *«Для чеченца использовать женщину в войне большой позор. Если мужчина позволяет женщине вмешиваться в обычную бытовую драку, про него у нас говорят: он сам не мужчина, хуже бабы»*. Для этого составим таблицу (см.Табл.1 в Приложении) из четырех столбцов, в которых будем размещать а) компоненты текста, б) комментарии о выборе автором данных слов и вытекающих из них значений, в) понятый нами контекст и альтернативные способы выражения (альтернативный wording), г) идентификацию явных и неявных предпосылок и выводов автора.

Интерпретация, получаемая из подробного анализа данного фрагмента текста, довольно обширна. оборот *«Для чеченца»* используется автором для передачи обобщенного понятия этнической принадлежности; применение единственного числа и мужского грамматического рода позволяет автору опираться одновременно на две мифологемы – «настоящего мужчины» и «чеченского народа». В тексте заложены парные оппозиции чеченец/другой и мужчина/не-мужчина. Мужчина-чеченец выступает ключевым дискурсивным кодом этого текста, причем автор имплицитно высказывается от лица всего чеченского народа, независимо от социально-демографических данных, в том числе, пола, места проживания, гражданства, субъективного отношения представителей данной этничности – конкретных чеченцев – к военным действиям.

Следующим компонентом текста выступает глагол *использовать*, который, как правило, в русском языке употребляется в отношении технологии или объекта, вещи, а в данном случае подчеркивает активную роль использующего субъекта и пассивный характер используемого объекта, отсутствие у этого объекта собственной воли, желания и выбора. Зная общий сюжет и социальный контекст повествования, мы можем задать уточняющие аналитические вопросы о роли этого глагола в создании смысла высказывания: использовать в качестве кого или чего – снаряда, бойца, прикрытия, аргумента? Отметим, что чеченские женщины и так самым се-

---

¹ Карлсон Дж. Телевизионное развлечение и политическая социализация // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС, 1999. С.230.

² Ямадаев Р. Они прячутся за женские спины, позор! // Комсомольская правда, 25 октября 2002.

рзным образом вовлечены в войну, но автор имеет в виду придание женщинам функциональной роли в военных действиях.

Еще одним ключевым кодом текста является *женщина* – это обобщенное понятие, подчеркивающее универсальность женской сущности. Автор строит аргументацию на явно выраженном противопоставлении мужчин и женщин, четких границах между мужской и женской сферами ответственности. Неявным образом проводится идея, что данное мнение – единственное и универсальное, а отклонение означает патологию.

Употребление существительного *война* демонстрирует нам, что автор считает войну и теракт эквивалентными понятиями. Скорее всего, автор говорит о «войне» в широком смысле, полагая ее мужским делом. По сути, речь идет о вопросе *участия женщин в любых военных действиях, включая теракты, в качестве бойцов и в других функциональных ролях*. Скрытым образом, но теракт в принципе не отрицается и не осуждается. Подвергается обструкции не сам акт терроризма, а привлечение к нему женщин – это, по словам автора, *большой позор*, который трактуется в этом контексте как ущерб традиционной мужественности, наносимый действиями, совершаемыми вопреки традициям и стереотипам. Прилагательное «большой», если рассуждать в терминах Тулмина, выполняет функцию модального определителя, усиливая легитимность утверждения.

Формула: *если мужчина позволяет женщине*, используемая во втором предложении рассматриваемого фрагмента, работает в качестве гарантии и служит логической аргументации подтекста «если мужчина так делает – он не мужчина». Кроме того, в этом случае есть и еще один смысл: мужчина решает, что женщине позволять, а что – нет. В этой фразе содержится дополнительная поддержка в развитие аргументации первого предложения: противопоставление настоящих мужчин и тех, кто, согласно автору, таковым не является. Критерием для различения правильных мужчин и немужчин, таким образом, служит та степень, с которой женщины допускаются в «мужскую» сферу ответственности. Глагол *вмешиваться* означает активное поведение, нарушающее обычный порядок и может быть передано близкими по смыслу словами *лезть не в свои дела, принимать участие вопреки правилам, решать по поводу своей роли самостоятельно, прерывать процесс*. Автор разделяет патриархатные установки относительно гендерных ролей: женщина – несамостоятельное существо, лишь мужчина, да и то, преступая обычаи, может позволить ей вмешаться или втянуть ее в мужские дела.

В качестве типично мужского дела в тексте приводится *обычная бытовая драка*. В этом обороте дважды подчеркивается обыденность физического насилия, которое делит общество на мужское и женское. С помощью этих модальных определителей физическое насилие выставляется привычным делом, эпизодом повседневной жизни в чеченском обществе. Кроме

того, подтекст сообщения дает нам понять, что повседневные конфликты, которые являются прерогативой мужчин, решаются с позиции силы. Явным образом автор основывается на предположении о специфике чеченской культуры, для которой физическое насилие – элемент повседневной жизни. Скрытым образом это наводит на мысль об опасности данной культуры, а также, что физическое насилие является (или должно быть) обычным делом для всех обществ и культур.

Про него у нас говорят работает как дополнительное свидетельство в пользу валидности утверждения: местоимение «мы» должно действовать суггестивно для простых людей из народа, по аналогии со ссылками на экспертов (экономистов, психологов, социологов), если бы текст был адресован образованному среднему классу. Субъект дискурса, присоединяясь к «своим», знает состояние вещей и объясняет это читателям, явным образом прибегая к непререкаемой власти авторитета народной мудрости, говоря от имени большинства. Тем самым одобряется чеченская традиция, которая бы ни за что не одобрила вовлечение женщин в войну, однако умалчивается о мнении чеченского народа по поводу теракта как такового.

Он сам не мужчина, хуже бабы – эта поговорка, имеющая смысл «сомнения в мужском достоинстве» подводит читателя к выводу о нелегитимности участия женщин в войне (включая теракты), имплицитным образом исходя из предположения о том, что женщина для этого непригодна. Женщина здесь – баба, которая при сравнении с «неправильным» мужчиной выигрывает лишь на смысловом континууме «плохое-хуже». Отметим, что Коран как идейная основа ислама, играющего важнейшую роль в чеченской культуре, содержит социальную доктрину, в которой женщина вообще не расценивается как недостойное и второстепенное существо. Сохранились хадисы Мухаммада, его изречения, посвященные женщинам, их достоинствам и способностям. Некоторые женские персонажи истории у мусульман почитаются вовсе не за их основные качества матерей и жен, а за ум, храбрость и даже воинские заслуги. Так, о третьей жене Мухаммада Айше было известно, что она активно боролась против Османа, она прославилась своими рассказами о пророке, оставив тысячу двести хадисов; пятая жена Зайнаб была умна и честолобива; Сафийа Бинт Абдель Мутталиб была первой мусульманкой, убившей язычника на войне, в битве при Ухуде, а Асма Бинт Абу Бакр была знаменита благодаря своей щедрости и разуму¹.

Рассматриваемая публикация² может служить ярким примером негативной и неэтичной тональности дискурса. Как утверждает Р.Ямадаев,

---

¹ См.: Мовсумова Л. Философский анализ женских образов в Коране. Баку: «Азербайджанская энциклопедия», 1997.

² Ямадаев Р. Они прячутся за женские спины, позор! // Комсомольская правда, 25 октября. 2002. С.4.

«Свой «бабий батальон» Бараев набирал, что называется, «с бору по сосенке». В основном, это женщины, у которых от смерти близких помутился рассудок, не сложилась личная жизнь. Есть и девицы откровенно лёгкого поведения. Они в Чечне – вроде бездомных собак. Так вот, первым легко задурить голову мыслями о мести, джихаде, священной войне. Вторым – репутация не позволяет вернуться к нормальной жизни». В рассуждениях автора, возводящего своё собственное мнение в ранг универсальной системы, фиксируется представление женщин как объектов действия, террористки здесь – знак непротивления, подчинённые, повинующиеся, страдательные – их собирают и скапливают «с миру по нитке», а Бараев – властный, деятельный собственник женского террористического «подразделения». Текст транслирует женоненавистнические, патриархатные убеждения, террористки показаны неразумными, помешанными, девиантами и изгоями.

Таким образом, здесь фиксируются стереотипные модели, трактующие привлечение женщин к участию в терактах в терминах моральной и психической патологии, позиционирующих их в качестве объектов мужского выбора: *«Скажу и об упрямстве чеченских женщин. Может быть, с ними и трудно будет договориться. Но ведь эти женщины там ничего не решают! Они там просто мясо, обвешанное взрывчаткой»¹.* Проанализировав другие газетные публикации², мы видим, что репрезентации женщин-террористок и мужчин-террористов в популярных СМИ существенно различаются. Женщины воплощают девиацию по отношению к мужчинам, поскольку демонстрируют сбой этнической идентичности, не соответствуют конфессиональным регламентам и отклоняются от гендерной нормы. При этом идеология журналистского дискурса связана с непризнанием женского участия в терроризме в качестве технологии боевых действий и апеллирует к устойчивым патриархатным объяснениям, позволяющим идентифицировать рассматриваемое явление в качестве патологии – «последнего аргумента» необъявленной войны. Особенностью пресс-дискуссий было осмысление темы женского участия в терактах на основе сравнений женщин с мужчинами – своеобразной «нормой» в мире терроризма. При этом отличительными характеристиками участниц теракта были показаны нерациональность, чрезмерная агрессивность, фанатичность и более высокая опасность, по сравнению с мужчинами.

Если судить по рассмотренным публикациям, то женщины-террористки – это инертная и вспомогательная часть террористической группы, в которую их набирают, а затем используют организаторы и собственники-

¹ Там же.

² Подробнее см.: Романов П.В., Щепланова В.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Женщины-террористки в интерпретативных моделях СМИ. Дискурс-анализ газетных публикаций // Полис. 2003. №6. С.144-154.

мужчины. Тексты статей во всех трех выбранных нами изданиях использовали парадигматическую структуру, включающие дихотомии приватное / публичное, эмоциональность / рациональность, подчинённое / властное, дом / война как разделённые символические территории и характеристики поведения, приписываемых соответственно женщинам и мужчинам. Согласно репрезентациям, террористки демонстрируют сбой этнической идентичности и отклоняются от конфессиональных норм. Как компетентные органы, так и эксперты по психологии и этнической культуре, а также журналисты продемонстрировали неготовность объяснять участие женщин в терактах с рациональных позиций. Средства массовой информации не решились признать, что те, кто ведут сегодня террористическую войну, приспособливаются к культурным ожиданиям своих противников, создавая новые технологии, трансформируя собственные человеческие ресурсы, пополняя свои ряды бойцами разнообразной внешности, женщинами и детьми.

Наверное, только особенности нашего восприятия, подчиняющегося привычным «правилам игры», не позволяют нам понять, почему это вдруг женщина стреляет и убивает, что это вовсе не особенность конкретной женщины, а логика войны, боевых действий. То ли из-за отсутствия научного анализа современных террористических технологий, то ли из-за желания огородить общество от этого знания, печатные СМИ довольствовались осуждением «плохих» и «неправильных» женщин, будто бы стремясь избежать когнитивного диссонанса и не желая воспринимать «странную» войну с рациональных позиций. Как показал анализ репрезентаций, российские спецслужбы, военные и журналисты в публичном дискурсе демонстрируют неготовность к восприятию женщин в качестве наемных убийц-профи и склонны объяснять этот феномен индивидуальными патологиями психиатрического или морального свойства.

Исследования СМИ в духе социального конструктивизма позволяют вскрыть приемы и проследить процессы создания социальных проблем средствами массовой коммуникации. При этом становится заметна конкуренция между социальными проблемами за место на «повестке дня», как и конкуренция между различными СМИ за монополию на право определять те или иные явления в качестве проблем или давать им особую политическую характеристику. Одним из непреднамеренных последствий медиаконструирования социальных проблем является «эмоциональное выгорание» аудитории – об этом пишет в своих работах казанский исследователь И. Ясавеев¹.

Источником информации в контент-анализе могут служить предметы обихода, инструменты повседневной деятельности специалиста какой-

---

¹ Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004.

либо профессии, одежда, история вещей или история дома¹. Список можно было бы продолжать бесконечно. Отметим, что контент-анализ вещественных документов, текстов может применяться в сочетании с другими методами, при этом важно, чтобы выбор используемого метода был обоснован, а анализ и интерпретация полученных данных логично связывались с исследовательской концепцией.

Кроме того, применяются фотографические и звукозаписывающие методы. В области визуальной антропологии и этнографического кино развиваются все более сложные методы, которые внедряются в исследовательский дизайн и анализ данных.

Визуальная антропология

Фотографии не так давно начали привлекать внимание социологов, тогда как социальные антропологи более активно и уже традиционно обращаются к этому источнику информации. Фотографии выступают одновременно как иллюстрация и визуальная репрезентация: «Запечатленный фотографией образ не только воспроизводит внешний вид человека, но и позволяет более наглядно представить образ той эпохи, которой он принадлежит: мелочи быта, одежду, настроение – дух времени»². Этот дух времени содержится в том, что именно стало вниманием фотографа, какое расположение фигур и какой ракурс он выбрал, что и в какой последовательности было отобрано для публикации в книге или журнале, помещено в семейный альбом или на рекламный щит. И хотя при прочтении фотодокументов широко применяется анализ невербального языка – языка тела, жестов, мимики и взглядов, большое значение имеет и то, какие надписи сопутствуют снимку, каково пространственное расположение фотографии, скажем, на газетной полосе и выбор субъекта (женщины, мужчины) в качестве означаемого.

Как полагает визуальный этнограф Сэра Пинк³, в современном контексте этнография и изучение визуальных форм (visual studies) могут существенно обогатить друг друга. Фотография, видео и электронные средства (медиа) все более внедряются в работу этнографов: в качестве культурных текстов; как репрезентации этнографического знания; как контексты культурного производства, социального взаимодействия и индивидуального опыта, которые сами по себе представляют сферы этнографической полевой работы. Визуальные образы и технологии сегодня формируют области, методы и медиа этнографических исследований и репрезентаций, как и темы университетских учебных курсов по визуальной антропологии, визуальной социологии или визуальной культуре. Одновременно, преимуще-

¹Там же. С.115.

²Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. С.113.

³ Pink S. Doing Visual Ethnography. London: Sage, 2001

ства этнографического подхода известны в образовательных программах по визуальному искусству и средствам (медиа) в таком, например, предмете, как «медиа этнография». Кроме того, этнографические исследовательские методы и антропологическая теория используется в развитии фотографической практики и репрезентации.

Научных подходов к социальному исследованию существует множество, и студенты, которые желают использовать визуальные методы, должны иметь хорошее знание о дебатах, которые окружают применение визуального в социальных исследованиях. Теоретические основания, к которым относятся конкретные методы и практики, должны быть эксплицитны, их следует подвергать сомнению, и именно по этой причине позитивистские и герменевтические подходы часто конфликтуют между собой. Как полагает С.Пинк, подход тех визуальных социологов, кто нацелен внедрить визуальное измерение в уже утвердившуюся методологию, основанную на «научном» подходе к социологии, не позволяют реализовать потенциал визуального в этнографии. Сторонники этой консервативной стратегии не видят всей ценности визуального для позитивистской социологии, где доминирует письменная речь, тем самым значение образов в исследованиях в рамках той социологии, которая отвергла значимость визуальных смыслов и недооценила их потенциал для репрезентации и создания новых типов этнографического знания.

Однако, имиджи не обязательно должны заменять слова в качестве доминантного способа исследования или репрезентации, скорее, их следует рассматривать как равноценно значимый элемент этнографического мира. Тем самым, визуальные образы, объекты, описания должны включаться тогда, когда это оправдано и возможно, и если это способствует прояснению. Образы не обязательно должны быть главным исследовательским методом или темой, но посредством их связи с другими чувственными, материальными и дискурсивными элементами исследования могут проявиться совершенно новые, ранее игнорируемые аспекты, в частности, можно лучше понять, что восприятие в незападных обществах осуществляется не только посредством зрения но и обоняния, осязания, вкуса и слуха». В некоторых проектах визуальное может стать более важным, чем сказанное или написанное слово, в других – нет. Поэтому не должно быть никакой иерархии знаний или средств для этнографической репрезентации, и никакие академические эпистемологии и конвенциональные академические способы репрезентации не должны использоваться, чтобы затенять и абстрагировать эпистемологии и реальность опыта местных людей. Скорее, они могут дополнять друг друга как разные типы этнографического знания, которое может быть переживаемым опытом и репрезентироваться спектром различных текстуальных, визуальных и других чувственных способов.

Антропология, социология, культурология (cultural studies), обучение и изучение фотографии, изучение масс медиа разделяют интерес к материальной культуре, практикам репрезентаций, интерпретациям культурных текстов и пониманию социальных отношений и индивидуального опыта, но каждая дисциплина предлагает ее собственное понимание визуального в культуре и обществе.

Антропология подчас объективирует культуру (например, искусство), отделяя ее от повседневной жизни, а культурология обращаются с людьми как с текстуальными объектами, а не с агентами. Конечно, знание о напряжении между текстом и повседневностью, не является исключительно антропологическим. В качестве связующего звена между культурологическими и антропологическими подходами выступает этнография, которая инкорпорирует визуальные имиджи и технологии. Этот подход признает переплетенность объектов, текстов, имиджей и технологий в повседневной жизни и идентичностях людей. Он нацелен не только на «изучение» социальных практик людей или на чтение культурных объектов или представлений, как если бы они были текстами, но на раскрытие того, как все разнообразные типы нарративов и дискурсов переплетаются с социальными отношениями, практиками и индивидуальными опытами, благодаря этому приобретая осмысленность.

Фотографическое исследование имеет длинную историю в социальной науке, начиная от колониальных архивов и архивов фотографий преступников, создаваемых в начале двадцатого века, до более современных исследований, в которых этнографы сотрудничали с информантами посредством фотографий для документирования аспектов их культур. Создание фотографических заметок зачастую было основано на предположении о том, что фотографируемые артефакты имеют законченные, зафиксированные символические смыслы. Например, проводя систематическое фотографическое исследование визуальных аспектов материального содержания и организации дома, можно ответить на вопросы, относящиеся к экономическому уровню домохозяйства, его стилю, декору, видам деятельности, особенностям его уклада и знакам гостеприимства и отдыха. Однако, подобные фотографические заметки ограничены, поскольку они не указывают, каким образом эти объекты становятся частью жизненного опыта или осмысливаются теми людьми, в чьей жизни они так или иначе фигурируют. В последние годы этот подход фотоисследования применялся в основном визуальными социологами. Например, исследования символизма материальных объектов в доме или материальной среды брюссельского офиса норвежской мультинациональной химической компании. Пауэлс стремился контекстуализировать его визуальное исследование через интервью и анализ других аспектов офисной жизни. Однако, по мнению С.Пинк, эти исследования, основанные на реалистском подходе к фоторе-

презентации, не полностью задействуют потенциал фотоисследования в этнографической работе, поскольку стремятся документировать визуальные факты и тем самым игнорируют идею о том, что фотографии сами являются субъективными репрезентациями.

Подход Д.Шварц¹ к фотоисследовательской работе в Североамериканской фермерской общине Ваукома (Waucoma) является примером более близкого сотрудничества с информантами. Шварц определяет ее исследовательские фотографии ни как «объективные визуальные документы», ни как «фотографическую истину». Напротив, они «представляют точку зрения». Она использовала сделанные ею исследовательские образы физической среды Ваукома наряду со старыми фотографиями того же места в интервью с местными жителями. Вместо того, чтобы основывать свой анализ образов на их содержании, она осуществляет интерпретацию на основе «инсайтов, полученных посредством этнографической полевой работы и реакций на них информантов». В этой работе Шварц стремилась изучать спектр смыслов, которые эти образы несли для разных членов сообщества. Тем самым она воплотила идею, что визуальные смыслы являются бесспорно ключевыми элементами ее исследовательского метода.

Фотоисследования как попытки репрезентировать физическое окружение, события или представления могут входить в метод рефлексивной этнографии. Однако, к таким фотографиям следует относиться как репрезентациям аспектов культуры, а не к записям целых культур или символов, которые содержат в себе полные или фиксированные смыслы. Это, кроме того, имеет значение для того способа, которым этнографы хранят, категоризируют и анализируют фотографии.

Партисипаторная и совместная (коллаборативная) фотография

Этнографы сотрудничают с информантами разнообразными способами для того, чтобы создать фотографии. Имеющиеся примеры включают работу фотографа с одним информантом, с группами, включенными в конкретный контекст креативных или церемониальных действий, или эклектичные взаимодействия в различных случаях и на событиях как часть более широкого этнографического проекта. Если фотографии созданы «в сотрудничестве», они сочетают в себе намерения как этнографа/фотографа, так и информанта, и должны репрезентировать результаты их договоренностей.

Совместная (коллаборативная) фотография, как правило, включает этнографов, которые тем или иным образом вовлекаются в фотографическую культуру их информантов. В некоторых случаях они могли бы включать попытку воспроизвести типы образов, популярных в фотографических

---

¹ Schwartz D. Waycoma Twilight: generalizations of the farm// Series on ethnographic inquiry. Washington DC: Smithsonian Institution Press, 1992

культурах информантов. В других проектах этнографы хотят создавать фотографии, которые относятся к местным фотографическим конвенциям, но также должны отвечать требованиям академической дисциплины. Намерения и цели исследователей и информантов сочетаются в их договоренностях, чтобы определять содержание фотографий способами, которые могут, разумеется, изменяться в различных проектах.

Например, информанты стремятся создавать семейные фотографии, образы, способные засвидетельствовать те или иные события, явления или статусы, они желают документировать локальные «традиции» или процесс работы, запечатлеть художественные выставки, создавать снимки в качестве сувениров или производить такие фотографии, которые могут использоваться для паблисити. Этнографы, в свою очередь, хотели бы создать образы, которые они могут опубликовать в академическом тексте или выставить на экспозиции. Они, по мысли С.Пинк, могут изучить местные фотографические стили, находя соответствие с конвенциями их академической дисциплины или производя образы, которые наследуют конкретную фотографическую традицию: например, реалистическая документация, экспрессивная или художественная фотография.

Существующие этнографические примеры указывают, что люди обычно быстро обучают потенциального фотографа тому, какие типы образов они хотели бы получить отснятыми. Иногда информанты фотографов требуют отказаться от убеждений, которые находятся в основе первоначальных интенций этнографов, и инициируют сдвиг в ожидаемых направлениях применения фотографии в качестве исследовательского метода. Например, соседи Сэры Пинк, когда она жила в Гвинее Бисау, очень хотели, чтобы та их фотографировала, и часто просили их снимать в моменты ее посещений. Однажды она пришла к ним на веранду утром, свет был очень хорош, но они сами не были готовы фотографироваться. Занятые работой, женщины были одеты в старую одежду, у них не было специально сделанных причесок. «Потом, потом», - повторяли они ей, говоря, что они придут ко мне домой, когда оденутся для фотографирования. Соседка Пинк однажды вечером зашла к ней домой, переодевшись из традиционной африканской одежды (в которой она носила воду), в красивую импортную европейскую футболку и юбку, в золотых серьгах и расчесав волосы. Она села за стол у Сэры дома, где та вела свой полевой дневник несколькими минутами ранее и приняла позу, взяв мою ручку, как будто бы она писала в моем блокноте. Сэра никогда раньше не видела свою соседку в такой позе. Она не смогла снять «документальные» образы повседневной жизни, на которые рассчитывала, но напротив, узнала, как местные женщины хотят репрезентировать себя через конкретный местный стиль портрета, практикуемого в фотостудиях и на публичных событиях и праздниках. Этот способ фотографирования позволил ей узнать о престижных элемен-

тах, которые высоко ценятся местными женщинами, и о том, как люди представляют их ожидания посредством их визуальных саморепрезентаций.

Вот еще несколько примеров, которые приводит С.Пинк в своей книге о визуальной этнографии.

Антрополог К.Пинни описывает, как в течение его полевой работы в Индии в 1982 году, он узнал, как местные люди хотели быть представлены через его попытки фотографировать его информантов по принципам его собственного эстетического дизайна. Он отмечает, как он фотографирует его соседа, подходящего под желаемый образ: «искренний, раскрывающий, выразительный образ тех людей, среди которых я жил». Это был снимок в полроста, снятый в поле около пяти вечера: «хорошее время схватить заходящее, растворяющееся солнце». Однако, его информант не был удовлетворен этим образом. Он «жаловался о тени, затемняющей его лицо, и отсутствии нижней половины его тела. Этот снимок был для него бесполезным». Информанты Пинни хотели получить фотографию другого типа, которую нужно было сделать в соответствии с другой процедурой. Эти фотографии «не могли быть сделаны быстро, так как требовалось много долгих подготовительных операций: одежду следовало сменить, волосы причесать и смазать маслом (а для женщин из высшей касты поудриться тальком, чтобы сделать кожу светлее)». Более того, их содержание и символизм соответствовали различным ожиданиям: «Эти фотографии должны быть в полный рост и симметричны, и пассивные, невыразительные лица и позы символизировали для меня в тот момент гашение именно того качества, который я так хотел запечатлеть на пленке»¹.

Здесь речь идет о том, что предпочитаемый информантами способ портретной съемки указывает на то, что у них существуют ожидания от фотографии, как на их персональные и культурные использования образов. В своих исследованиях Пинк стала больше внимания уделять персональным фотоколлекциям, которые показывали ей местные женщины, чтобы интерпретировать то, как они хотели, чтобы их фотографировали: «Принятие мною фотоэкспектаций местных людей в отношении портретной фотографии руководило моей собственной фотографической практикой. Например, я поняла, что если я проявлю и напечатаю мои фотографии в дорогом (примерно втрое дороже, чем в Великобритании) фотомагазине в Биссау – столичном городе, имиджи моих информантов будут передержаны, пред-

¹ Pinney C. Camera Indica: the social life of Indian photographers. London: Reacton Books, 1997.

ставляя их с более светлой кожей, чего они как раз и желали (видимо, это была практика местной фотолаборатории). Тем самым мой «визуальный исследовательский метод» был скорее оформлен моими интеракциями с местными людьми и институтами, а не предвзятым».

Этнографы часто фотографируют ритуалы или другие культурные действия. Например, Маркус Бэнкс¹ обнаружил, что во время его полевой работы в городской Индии многие из его фотографий были сделаны во время общинных ритуальных событий. Иногда его информанты активно «направляли» его фотографию.

Бэнкс описывает, как на одном событии его информанты настояли, чтобы он «сфотографировал женщину, оплатившую празднование, позирующую для снимка: следовало снять, как она накладывает ложку богатого десерта из йогурта на тарелку одного из участников застолья». Интерпретируя это фотографическое событие, Бэнкс показывает, как эта коллаборативная (совместная) фотография основывалась на его собственных знаниях и знаниях его информантов:

«Она [фотография] была сочинена и обрамлена в соответствии с моей собственной (до большой степени бессознательной) визуальной эстетикой и является частью созданного мною корпуса документальных имиджей этого праздника. Но она так же является легитимацией и конкретизацией социальных фактов так, как их видят мои друзья: того факта, что праздник имел социальное происхождение в агентстве одного человека (донор праздника), так же, как и by virtue религиозно и календарно предписанного периода поста, которые предшествовали празднику; того факта, что это был хороший праздник, на протяжении которого мы ели дорогой и высоко оцениваемый десерт из йогурта».

Маркус Бэнкс

Для Бэнкса «направленная» фотография стала способом визуализации и усиления его существующего этнографического знания, поскольку, как он говорит, «я «знал» эти социальные факты, так как мне их рассказали по другому случаю, но будучи направленным, чтобы заснять их на пленку, я оказался в курсе не только об их силе и ценности, но и о власти фотографии легитимировать их».

Анализируя контекст, в котором образы были сняты, и местные фотографические конвенции, можно приобрести более глубокое понимание и более содержательную визуальную репрезентацию значимости конкретных социальных отношений, саморепрезентаций и конкретных социаль-

¹ Banks M. Visual methods in Social research. London: Sage, 2001

ных практик.

Сотрудничая с информантами, чтобы создать имиджи, не следует предполагать, что этнограф будет принимать на себя ведущую роль фотографа. «Туземная» фотография также использовалась в некоторых работах, где этнографы просили информантов фотографироваться для них или вместе с ними. Социолог И.Кевин¹ использовал детскую фотографию, чтобы исследовать «детские перспективы», давая детям фотокамеру «поляроид» для съемки. Кевин указывает, что не содержание имиджей указывает на то, как дети видят мир (поскольку образы как правило представляли «мир туманно со странных углов»), но то, что использование ребенком камеры «основывается на четко определенном и внутренне связанном обрамлении мира».

Нарративный анализ интервью

Предмет нашего рассуждения – методология анализа нарративов, или нарративного анализа, который относится к феноменологическим методам изучения текста и языка, где, по словам Мерло-Понти², принято не трактовать язык как объект или вещь, а стремиться раскрыть говорящего субъекта со всеми имеющими смысл случайностями и нарушениями целостности. Постструктуралистские эпистемологические основания (мир открывается человеку лишь в виде рассказанных историй, и все, что доступно изучению, представляет собой текст) нарратологии, как теории повествования, оформились в конце 1960-х годов в результате пересмотра структуралистской доктрины с позиций коммуникативных представлений о природе и модусе существования искусства³.

Чтобы распознать глубинный смысл внешне наблюдаемых явлений, проверить и наиболее целостно, с учетом различных сторон явления, проинтерпретировать данные, полученные количественными методами, выявить или сформулировать социальную проблему так, как она рефлексится или конструируется людьми в реальности, нужны гибкие методы сбора и анализа социологической информации, отвечающие в то же время общим методологическим критериям научного знания.

Рефлексия присутствия наблюдателей, «третьих лиц» на любом уровне интерпретации, от непосредственного участия в опыте до акта устного

---

¹ Cavin E. In search of the viewfinder: a study of a child's perspective // Visual Sociology. Vol.9 №1. P.27-42.

² Мерло-Понти М. В защиту философии. М.: Изд-во гуманит. лит., 1996. С.52-74.

³ Ильин И.П. Нарратология // Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США. Концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М.: Интрада, 1996. С.74-79; Ильин И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М.: Интрада, 1996.

или письменного повествования и прочтения текста, наводит на мысль о том, что единственно правильной интерпретации события в принципе не существует: значимые другие – индивидуальные субъекты или социальные институты – своим символическим или реальным присутствием в ситуации рассказывания оказывают влияние на автора, нарратив и его интерпретацию аудиторией.

Примем за рабочее определение нарратива в социологии *разговор, специально организованный вокруг последовательных событий*. Полученные данные богаты деталями и приближены к тому, как воспринимается мир самим информантом¹. Еще одна важная черта нарратива, отмечаемая социологами и литературоведами, – это то, что присутствие рассказчика очень значимо. Именно это отличает нарратив от других речевых актов². Роль рассказчика настолько велика, что внимание слушателя буквально раскалывается между содержанием истории и человеком, ее представляющим. В текст повествования вплетается кон-текст: позиция рассказчика, конкретная ситуация рассказывания, присутствие слушателя, целый комплекс социальных, исторических, политических условий, и конкретное слово осуществляет «локализацию» и «темпорализацию» идеального смысла. Такой подход «здесь-и-теперь» к анализу языка отличается от каузальной философии, ничего не говорящей нам об отношениях с «другим» и природой в различных типах культур³. Напротив, в постпозитивистских исследованиях уже нет четкого различия между фактом и интерпретацией, здесь субъектность и воображение определяют, что включать, а что исключать из процесса наррации, в какой последовательности говорить о событиях, и что они должны означать.

Прошрое, или социальность, фильтрует, ограничивает наше восприятие. Эти фильтры необходимо учитывать при изучении вербальных, устных или письменных выражений индивидуального смысла, вроде бы представляющих собой окна во внутренний мир человека. По образному выражению Ж. Деррида, чистого окошка во внутренний мир человека просто не существует: и язык, и знаки, и процесс означивания во всех его формах, являясь текучим, нестабильным, построенным на следах других знаков и символических высказываний, затрудняют однозначное толкование наблюдаемых явлений, интенций или смыслов. Мир познаваем лишь в форме литературного дискурса: все то, что подвергается в том числе и научной интерпретации, представляет собой нарратив, а всякая наука является формой деятельности, порождающей художественные тексты (истории, повествования, или нарративы).

---

¹*Mishler E.G.* Research Interviewing. Context and Narrative. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. P.3.

²*Toolan M.J.* Narrative. A Critical Linguistic Introduction. London and New York: Routledge, 1988.

³*Мерло-Понти М.* В защиту философии. М.: Изд-во гуманит. лит., 1996. С.63.

В принципе, нарративный анализ не вписывается целиком ни в одну из отраслей научного знания. Очевидная междисциплинарность качественных методов позволяет приписать их к широкой области интерпретативного направления социальных наук. Нарративный анализ на Западе сегодня распространен в исследованиях по истории, антропологии и фольклору, психологии, социологии, социолингвистике¹. В отечественной науке поворот к интерпретативным методам уже начался. Об этом свидетельствует растущее число публикаций социологов, психологов, искусствоведов.

Социальные институты развиваются и изменяются при участии людей, а люди включены в отношения обмена, что касается и отношений «социолог – респондент». Вот почему, осуществляя нарративный анализ, социолог во многом полагается на собственные навыки эмпатии в качестве интервьюера или интерпретатора. Если рассказы информантов функционируют как иллюстрации к репрезентации социального мира аналитиком, такое отношение можно классифицировать как субъект-объектное; оно возникает, например, когда исследователь консультируется у респондентов по истории, нормам и динамике социокультурных изменений их сообщества.

Похожая ситуация, описанная этномузыковедом В.Н. Медведевой, сложилась в отношениях профессиональных музыкантов и народных исполнителей. Носители фольклора воспринимались в лучшем случае как информанты, а порой и как «отсталые», «некультурные» деревенские люди. Среди музыкантов часто звучали призывы: «Идите в народ! Научите его понимать наше искусство!».

Исследователи-фольклористы как бы моделировали «культурную реальность народной жизни, знакомя с этнографическими описаниями обрядов, бытованием различных фольклорных жанров, что основано прежде всего на выявлении коллективного художественного опыта... Разумеется, вне изучения коллективной деятельности невозможно выявить нормы фольклорного мышления. Вместе с тем... коллективность предстает в данном случае как бы со знаком минус, превращается в некий абстрактный стереотип, который обедняет живое проявление фольклорного опыта, заключенного в самой жизни людей, их памяти, судьбе»².

---

¹См., напр.: *Denzin N.K. Interpretive Biography // Qualitative Research Methods Series. Vol.17. SAGE University Paper, 1989; Qualitative Methods in Family Research / Gilgun J.F., Daly K., Handel G. (Eds) Newbury Park, London, New Delhi: SAGE, 1992; Interpreting Women's Lives. Feminist Theory and Personal Narratives / Personal Narratives Group (Ed) Indianapolis. Indiana University Press, 1989; Riessman C.K. Narrative Analysis // Qualitative Research Methods Series. Vol.30. SAGE University Paper, 1993; Silverman D. Interpreting Qualitative Data. Methods for Analysing Talk, Text and Interaction. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE, 1993.*

В другом направлении качественной социологии нарративы рассматриваются в качестве социальной практики, возникающей внутри и вследствие социального поля исследования, а информанты – это субъекты, чьи нарративы отражают, интерпретируют и конституируют социальную реальность в форме подлинной репрезентации. Вопрос истины, содержащейся в нарративах, уже стал традиционным предметом научной дискуссии. Ученые, работающие с нарративным анализом, по-разному подходят к вопросу об истине: одни утверждают, что язык репрезентирует реальность (нарративная последовательность воспроизводит произошедшие в жизни события в том же порядке), другие считают, что нарратив составляет, конституирует действительность (рассказывая, мы выделяем реальные явления из потока сознания). Иные утверждают, что рассказчики приукрашивают историю, чтобы быть более убедительными, привнося свои интересы, убеждения и ценности.

Проиллюстрировать эти разные точки зрения можно на примере исследований, в фокусе которых – проблемы семей с разными типами хронических заболеваний у детей. Д. Силверман отмечает общее в содержании материнских рассказов, несмотря на различные диагнозы у детей респондентов. Исследователи показывают, что первые столкновения родителей с медицинским персоналом часто вызывают психологические травмы у родителей, оказывая разрушающее воздействие на их последующие отношения с медиками.

По определению, нарратив рассматривается здесь как объяснение, опосредованное ситуацией интервью. При этом, говорят иные интерпретаторы, объяснение нацелено на демонстрацию статуса морально адекватного родительства посредством рассказывания «ужасной истории».

Иными словами, конструирование ужасной истории представляется некоторыми авторами эффективным для женщин способом продемонстрировать их моральную ответственность в соответствии с культурно заданными стереотипами. Как представляется, подобная позиция ученых сравнима с тем, что респондент как бы подозревается во лжи. Здесь можно привести аналогию с понятием обедняющей теории (Бахтин), где «субъект-участник события становится субъектом безучастного, чисто теоретического познания события»¹.

Тот факт, что всегда возможно рассказать об одних и тех же событиях совершенно по-разному, в зависимости от ценностных приоритетов рассказчика, не вызывает сомнений. Что касается рассказывания о сложных и беспокоящих событиях, здесь нужно помнить, что прошлое – это

---

²Медведева В.Н. Судьба и песня // Мир глазами музыканта: Статьи. Беседы. Публикации. М.: МГК, 1993. С.92-93.

¹Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С.79.

всегда селективная, избирательная реконструкция. Люди исключают из своих рассказов опыт, угрожающий их сегодняшней, утверждаемой ими идентичности. Однако для других авторов (такова и наша позиция) историческая истинность индивидуального объяснения не является главной задачей.

Рассказы информантов – это не просто отчеты о том, что произошло. Например, если матери конструируют свои нарративы так, что показывают в них себя в качестве единственного источника заботы о ребенке, то мы имеем дело с частичной опосредованностью их рассказов ситуацией интервью: они хотят, чтобы другие воспринимали их именно таким образом. Однако здесь не только происходит самописание субъекта. Нарратив понимается как «смысл преднарративного опыта», и акты самонаррации являются фундаментальными для возникновения и реальности существования этого субъекта¹. Например, в нашем исследовании нарратив матери ребенка-инвалида рассматривается как часть жизни, которая конструируется в процессе рассказывания о себе. При этом для нас важно то, что, хотя способы конструирования идентичности женщин в интервью различны, все они основаны на процедуре исключения.

Вообще, повествовательная идентичность, по мысли П. Рикера², – это форма идентичности, к которой человек способен прийти посредством повествовательной деятельности. Рассказывание жизненной истории дает возможность установления связей между постоянством и изменением, связей, которые соответствуют идентичности в смысле «самости». При этом, процесс восприятия повествования читателем, при котором рождаются многочисленные интерпретации, представляет идентификацию, вернее самоидентификацию через идентификацию другого (другой). Именно этот процесс называется Рикером рефигурацией в герменевтике восстановления смысла.

С этой позиции язык понимается не как инструмент для передачи истины, но как способ и условие конструирования смысла, то есть анализируется контекст мотивов. Эта позиция хорошо сформулирована группой авторов, называющих себя Группа персональных нарративов *Personal Narrative Group*³:

«Рассказывая свои жизни, люди порой лгут, многое забывают, преувеличивают, путаются и неверно истолковывают многие вещи. Однако они все равно открывают, обнаруживают истины. Эти истины не показывают прошлое так, «как оно на самом деле было», стремясь к идеалу объективности. Вместо этого они пред-

---

¹*Kerby A.P.* Narrative and the Self. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1991. P.3-4, 84.

²*Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. М.: КАМІ, 1995. С.19, 34.

³ Группа персональных нарративов

ставляют истину опыта. По сравнению с Истиной научного идеала, истины личных нарративов не открыты к доказательству и не самоочевидны. Мы можем понять их, только интерпретируя, уделяя пристальное внимание контекстам, в которых они сформировались, и мировоззрениям, которые повлияли на них»¹.

Чтобы понять человека, его внешний и внутренний мир, приблизиться к адекватному пониманию смыслов, которые человек вкладывает в различные суждения и действия, одно из первых необходимых усилий интерпретатора – суметь «расстаться с претензией на непосредственное понимание»². Изучение реальных людей, имеющих реальный жизненный опыт в реальном мире, происходит в нарративном анализе при помощи истолкования смысла, которым эти люди наделяют переживаемые ими события. Итак, познание интересубъективно, оно основывается на разделяемом опыте и знании, полученном из совместного переживания опыта. В свою очередь, интерпретация как акт конструирования смысла создает условия для понимания, актуализирует нашу способность постигать смыслы опыта, интерпретируемые другим человеком. Понимание оказывается в этой традиции интересубъективным, эмоциональным процессом. Социолог, таким образом, уже не может претендовать на единственно правильную интерпретацию социального факта. Респондент, ученый, читатель научной статьи уравниваются в праве на конструирование истины нарратива.

От чистого описания полученной информации можно осуществить переход к структуралистским и постструктуралистским способам прочтения смысловых кодов, вчувствования, герменевтического схватывания смысла текста, теоретического насыщения интерпретации. Таким образом, этнография, как еще называют социологическое описание данных, полученных с помощью качественной методологии, может оказаться близкой-к-опыту или далекой-от-опыта, по метафоре К.Гиртца, путающейся в частности местного и диалектного или выброшенной на отмель абстракций и удушающего научного жаргона³. Иное дело, что при этом почти всегда возникает круг герменевтической рефлексии: с одной стороны, необходимо смотреть на мир чужими глазами, дабы описать этот мир максимально приближенно к точке зрения респондента, а значит, вчувствоваться, идентифицироваться с другим; с другой, – важно провести анализ именно того способа, которым другой человек смотрит на мир, то есть дистанцироваться от тех, кого мы изучаем.

¹Interpreting Women's Lives. Ibid. P.261.

²Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Республика, 1993. С.391.

³Гиртц К. С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии // Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Институт социологии РАН, 1996. С.90-91.

Драматизм отношений индивидуальности и культуры достаточно подробно обсуждался в психоанализе и социологии. Говоря словами П. Бергера, человеческое достоинство – это вопрос социального позволения: ведь каждый раз, когда осуществляется сколько-нибудь значительное пересечение индивидуальных и социальных полюсов человеческой жизни, человек как бы пристально смотрит на себя в зеркало, пока не забудет, что у него вообще-то совсем другое лицо¹.

Такое отношение между обществом и идентичностью может быть обнаружено там, где по той или иной причине индивидуальная идентичность сильно изменяется. Трансформация идентичности, так же, как ее генезис и поддержание, есть социальный процесс, и то, что антропологи называют ритуалом перехода, включает аннулирование прежней идентичности (например, ребенка) и инициацию в новую идентичность (скажем, взрослого). Рассказывание историй можно проинтерпретировать как более мягкий ритуал перехода, и кажущаяся обыденность «наивных», повседневных повествований на самом деле погружена в контекст легитимных, даже сакральных ценностей.

Простейший нарратив можно представить состоящим из трех фаз (состояние-событие-состояние), причем отличие средней фазы – в ее активности, а третья часть представляет собой инверсию первой. Активная средняя часть как бы разрушает данный статус-кво, она, по словам Л. Мэлви², празднует трансгрессивное желание и организует его в стилизованную культурную форму нарратива. Средняя секция – это беспорядок, нарушающий изначальную статику, это неопределенность, а завершение рассказа интегрирует хаос в стабильность.

Тем самым именно ядро нарратива, его средняя секция есть фаза перехода, которая подобна переходному периоду в развитии общества, где социальные или экономические изменения должны быть в конце концов подавлены идеологическими требованиями порядка, приведены в рамки повседневной нормальности. Лиминальность средней фазы нарратива очень часто буквально маркируется упоминаниями движения в пространстве, путешествиями, приключениями, из ряда вон выходящими, исключительными событиями, где неизвестны правила и ожидания обычного состояния. За этими ритуалами перехода – *rites de passage*, – требующими определенной автономии, на протяжении которых личность оказывается в лиминальном отношении к миру, на ничьей земле, следуют ритуалы реинкорпорации – упорядочения состояния общества и индивида, но индивид уже выступает в новом статусе.

---

¹Berger P.L. Invitation to Sociology. A Humanistic Perspective. Penguin Books, 1991. P.121.

²Mulvey L. Visual and Other Pleasures. London: Macmillan, 1989. P.170-171.

Итак, нарратив – это такая форма повествования, которая никогда не теряет из вида два реально существующих полюса человеческой жизни: индивидуальный и социальный. Тем самым выражаются, во-первых, фазы необходимого отделения субъекта от группы и, во-вторых, его добровольного, контролируемого возвращения в группу. С этой точки зрения, главной целью наррации является не артикуляция обособленной личности, а осуществление связи между этими двумя полюсами¹. События, описываемые рассказчиком, – это этапы жизненного опыта, посредством которых субъект развивает в себе диалектику тождества и различия, исключения и участия. Именно поэтому анализ нарративов представляется методологически центральным звеном в исследовании проблемы нетипичной идентичности, позволяя связать полюс индивидуального переживания бытия не-таким, нетипичным, чужим, с одной стороны, и полюс институциональных смысловых пластов нетипичности, с другой.

Можно сказать, что логика конструируемого в нарративах жизненного смысла завязана вокруг той живой, подвижной, релятивной точки отсчета, где сходятся и сталкиваются, сопоставляются и противопоставляются силовые линии интернальной и экстернальной природы, типизируя действия и личности, чтобы тем самым осуществлять самотипизацию рассказчика. Любой нарратив представляет собой практику исключения – ведь и рассказываем мы об исключительных, хотя бы немногих, но из ряда вон выходящих событиях в нашей жизни. Особенно отчетливо логика исключения проявляется в нарративах тех, кто испытал серьезные потрясения, был свидетелем или участником пограничных, экстремальных ситуаций, пережил ненормативный травмирующий опыт.

При отборе нарративов для публикации исследователи исходят не только из желания представить типичные ситуации и проблемы семей, но стремятся показать их как возможное частное проявление социально-типичного². Кроме того, исследователей интересует методологический аспект анализа нарративов, в связи с чем осуществляется выбор фрагментов интервью, обладающих наиболее ярко выраженной нарративной структурой.

Аналитические подходы к материалу, собранному в нарративном интервью, во многом опираются на методологический континуум структурализма в социологии, социальной антропологии и лингвистике, социальной феноменологии знания и языка, активно оперируя концепциями постструктурализма и экзистенциализма. Существуют различные варианты дискурсивного анализа нарративов, в том числе, секвенционный анализ, в фокусе которого – логико-семантическая динамика повествования. Кроме того, це-

¹Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. Т.1. № 2. С.124-125.

²Судьбы людей: Россия XX век. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С.11.

лесообразно сочетать интерпретацию структуры и дискурсивный анализ текстов нарративов с информативным аспектом интервью.

По структуралистской традиции повествование следует *хронологической секвенции*: порядок событий движется линейно во времени, и порядок не может быть изменен без изменений последовательности событий в оригинальной семантической интерпретации. Представление о стреле времени повлияло на концепцию У. Лабова¹, и нарратив, в соответствии с этим определением, всегда отвечает на вопрос «а что случилось потом?» Другие теоретические школы ратуют за *секвенцию последствий*: одно событие влечет другое в нарративе, хотя связи могут не всегда быть хронологическими. Третьи утверждают *тематическую секвенцию*: эпизодический нарратив связан воедино темой, а не временем². В концепции Oevermann акцент делается на противоречии латентного и явного значений интеракции. Развитие значений происходит при анализе и понимается с точки зрения формальной логики как исключение или включение возможностей. Гипотеза структуры значения развивается до гипотезы случая или так называемой материальной (привязанной к полю) теории. К этому подходу близка «обоснованная теория» (grounded theory), предложенная Глэзером и Страуссом³, где абстракция осуществляется от «сырых данных» через коды, категории, представляющие главные аналитические идеи, к более крупным аналитическим схемам, теоретическим умозаключениям, касающимся полевого материала вплоть до общей теории, объясняющей более широкий структурный контекст.

В беседе рассказчики иногда сообщают слушателям о начале и завершении своей истории, употребляя особые слова. «Давным давно», «как-то раз», «и с тех пор они жили счастливо много лет» – классические примеры таких отметок «входа» и «выхода», благодаря которым история как бы заключается в скобки. Однако бывает, что рассказы, представленные в исследовательском интервью, не так четко выделяются, и обнаружение границ истории порой становится сложным интерпретативным процессом: ведь от того, когда рассказчик начинает и заканчивает нарратив, будут за-

---

¹Labov W. Speech actions and reactions in personal narrative // Analyzing Discourse: Text and Talk / Tannen D. (Ed) Washington, DC: Georgetown University Press, 1982. P.219-247; Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Essays on the verbal and visual arts / Helm J. (Ed) Seattle: University of Washington Press, 1967. P.12-44.

²См.: Riessman C.K. Narrative Analysis // Qualitative Research Methods Series. Vol.30. SAGE University Paper, 1993.

³Glaser B.G., Strauss A.L. The Discovery of Grounded Theory: Strategies of Qualitative Research. Chicago: Aldine and Atherton, 1968; см. также: Васильева Т.С. Основы качественного исследования: обоснованная теория // Методология и методы социологических исследований (итоги работы поисковых проектов 1992-1996 г.) М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С.56-65.

висеть форма и смысл повествования. Само же решение рассказчика отражает, насколько глубоко сам рассказчик, слушатель или интерпретатор является частью текста.

Фокус нарративного анализа, как это бывает и в других исследованиях качественного направления, зачастую проясняется, когда мы слышим или читаем, что говорят респонденты. Таким образом, изучение нарративов становится совместной деятельностью аналитика и рассказчика: ведь в процессе интеракции этих субъектов изменяются сами аналитические идеи! Когда анализируются расшифровки, черты дискурса зачастую как бы «выпрыгивают», стимулированные теоретическими интересами социолога и структурами «пред» интерпретации: «истолкование каждый раз основывается на некоторой предусмотрительности, которая все то, что предпринято в преднамерении, подгоняет в направлении какой-либо определенной истолковываемости. То понятие, что ухватывается в преднамерении и «предусмотрительно» оглядывается, становится постижимым благодаря истолкованию»¹.

Не все нарративы, записанные в интервью, представляют собой истории в лингвистическом смысле слова. Когда, например, мы слышим историю, мы ожидаем упоминание о главном герое, побуждающие условия и кульминационные события. Но не все нарративы (как и не всякая жизнь) принимают эту форму. Некоторые другие жанры включают обыденные нарративы (когда события происходят снова и снова, и в действии нет кульминации), гипотетические нарративы (описываются события, которые не произошли), нарративы, сосредоточенные вокруг темы (зарисовки прошедших событий, связанных между собой тематически). Тот или иной жанр заставляет нас по-разному относиться к ситуации, передавая точку зрения рассказчика.

Анализ текста не может быть просто отделен от транскрипции, или расшифровки. То, как мы организуем и реорганизуем текст интервью в свете наших теоретических изысканий, есть процесс проверки, уточнения и углубления нашего понимания того, что происходит в самом дискурсе. Во избежание тенденции прочтения нарратива только ради его содержания и столь же опасной тенденции прочитать его лишь как доказательство первичной теории, К.Риссман² рекомендует начать со структуры нарратива.

Упомянутый выше структурный подход Лабова является моделью анализа, которую можно применять в самом начале интерпретационного процесса. Нарративы, согласно его версии, обладают формальными свойствами, каждое из которых функционально. «Полный» нарратив включает шесть общих элементов: тезисы (краткое изложение существа дела), ориентацию (время, место, ситуация, участники), комплекс действий (послед-

¹Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Республика, 1993. С.11-12.

²Riessman C.K. Divorce Talk. New Brunswick and London, 1990.

довательность событий), оценку (значимость и смысл действия, отношение рассказчика к этому действию), резолюцию (что случилось в конце концов) и коду (возврат к настоящему времени).

Согласно этому подходу, который, на первый взгляд, относит нас к традиции структурализма, задачей является определение не только того, где начинается и заканчивается нарратив, но и какова роль слушателя (или вопросов) в его создании. Вслушиваясь в речевые отметки начала и конца повествования, можно определить относительно простые нарративы. Как только границы нарративного сегмента выбраны, можно переписать нарратив, пронумеровав строки. Попробуем применить подход Лабова и посмотрим, как организован нарратив, тем самым осуществим первый шаг к его интерпретации. Возьмем в качестве материала текст одного из наших интервью, изменив имя ребенка для соблюдения конфиденциальности. Как уже упоминалось, согласно этому подходу полные истории имеют определенный набор компонент, чьи функции - дать тезисы последующего текста (Т), ориентировать слушателя (ОС), представить комплексное действие (КД), оценить его значение (О) и показать разрешение ситуации (Р). Понятно, впрочем, что структура нарратива по-разному может быть представлена исследователями. Вопрос, что считать оценкой, а что – ориентацией, решается в зависимости от теоретических допущений и опыта ученого.

Транскрипция нарратива

1. И: На какие деньги Вы живете?
2. Р: На Митину пенсию.
3. И: Наверное, трудно?
4. Да, очень, не то слово. (Т)
5. Я еще когда работала, (О)
6. построила кооперативную квартиру, (ОС)
7. и сейчас она настолько дорогая, где-то под 60 тысяч в месяц
8. оплачивать ее. (ОС)
9. Это очень тяжело, не знаю, как я дальше буду. (О)
10. Я терять ее не могу, потому что Мите необходима квартира, нужно
11. создать ему условия. (ОС)
12. И не знаю, как я буду ее оплачивать. (О)
13. В общем, пока вот существуем. Что будет дальше – не знаю... (О)
14. Как-то мы с ним стали разговаривать, (Т)
15. что тебе тяжело придется, (Т)
16. он говорит: а мне не придется тяжело, (КД)
17. потому что ты умрешь, значит и я умру. Твоя смерть – это моя
18. смерть. (КД)
19. То есть, он прекрасно понимает. (О)

20. И потом, говорю, как ты будешь есть? (КД)
21. – «Я пойду к тете Лене, нашей соседке по квартире, чтоб она мне
22. сварила ведро каши» – (КД)
23. Кашу он еще может есть, – (ОС)
24. – «я буду неделю есть кашу; кончится, - я опять к ней постучу».
(Р)
25 Так вот и шутка, и слезы... (О)
-

Схема показывает, что респондент ориентирует слушателя на условия тяжелого материального положения, сопряженного с необходимостью дополнительных расходов, и дает оценку ситуации как основы безрадостного будущего. В то же время, горькая ирония, содержащаяся в том, как разрешается ситуация – по сути вопрос жизни и смерти, – утверждает повествовательную идентичность респондента, преодолевающую существующий порядок вещей, спорящую с легитимной безысходностью бытия. На фоне осознания всеобщей фатальности рассказчик своим горьким юмором выступает против авторитета судьбы. Высмеивая ситуации, пугающие его, человек как бы отстраняется, видит себя со стороны более сильным. Однако здесь присутствует не только потребность в преодолении страха. Сочетание смешного с ужасным, трагическим свидетельствует об ощущении рассказчиком нестабильности и зыбкости жизненной ситуации: так в личном нарративе преломляется драма модернизации общества¹.

Амбивалентность финальной оценки жизненной ситуации вписывает рассказанную историю в нецелостный, мучительный онтологический контекст. Отсутствие однозначной моральной оценки жизненного опыта в рассказе респондента пытается слушателя (или читателя), не отпуская, делая его самого объектом пристального внимания нарратива. Нарративы – это не просто набор фактов или объем информации, они структурируют опыт восприятия рассказчика и слушателя, организуют память, сегментируют и целенаправленно выстраивают каждое событие.

Существует также драматический метод анализа языка, представляющий иной структурный подход, который возможно применить к разнообразным нарративам, включая, конечно, и истории. Здесь главная идея в том, что грамматические ресурсы, применяемые индивидами для того, чтобы рассказывать убедительно, заключаются в пентаде терминов: действие, сцена, агент, обстоятельство, цель. Любое завершенное высказывание о мотивах даст так или иначе сформулированные ответы на следующие пять вопросов: что было сделано, где и когда, кто это сделал, как он или она сделали это и зачем. Еще один подход относится к социолингвистической традиции изучения устных жанров и фокусируется на изменениях тона, па-

---

¹Бутенко И.А. Из истории «черного» юмора // Социологические исследования. 1994. № 11. С.148-153.

узы и других черт речевой пунктуации, которые позволяют интерпретатору услышать, как группируются предложения.

Как организовано повествование? Почему информант рассказывает свою историю *именно так*, разговаривая с *этим* слушателем? Насколько возможно, следует начинать с внутренних смысловых пластов: со значений, закодированных в форме разговора и вырывающихся наружу, определив, например, подразумеваемые идеи, наделяющие беседу осмысленностью, в том числе и те, что принимаются говорящим и слушателем как самоочевидное. Рассказы людей совершаются в момент конкретной интеракции, но кроме нее в интерпретации важно учитывать социальные, культурные, институциональные дискурсы.

Исследователь не может обойти молчанием и вопросы, связанные с властью: эти интерпретативные проблемы важно затронуть в процессе анализа, обнаружить их для читателя. Прекрасные примеры нарративного анализа властных стратегий и дискурсивных практик на материале литературного текста и «наивного письма» дают недавно опубликованные работы отечественных авторов¹. Во многом отношения между родителями детей-инвалидов и специалистами строятся по принципу властной иерархии, об этом пишет, например, Дж.Рид². В наших интервью рассказы женщин о взаимодействии с медиками дают картину того, как отношения властного (врача) и безвластного, бессильного (матери) продуцируют ситуацию исключения:

...Невропатолог, у нее мы стояли на учете. Вот она сказала, что мальчик ей не нравится, за ним надо понаблюдать. Наблюдались мы в течение трех месяцев, а в три месяца она еще даже и не поставила нам диагноз. Сказала, что в четыре месяца точно определю, что с ним. В четыре месяца она поставила диагноз ДЦП у него, вот (пауза). Я не знала, что это такое, причем она мне сказала, что это диагноз – ДЦП – инвалид на всю жизнь. Причем такими словами сказала, что: не тратьте на него средств, он совершенно безнадежен, я Вам не советую никуда ездить. Причем я когда выходила из кабинета, Вы представляете, что это для меня такое было, такие слова. Я говорю, а чем же его, хоть чем-то можно лечить? Она говорит, ну, подавайте аминолон (пауза). Вот, это буквально ее слова. Вот и все, с этим я ушла из ее кабинета...

---

¹Козлова Н., Сандомирская И. «Наивное письмо» и производители нормы // Вопросы социологии. Вып.7. 1996. С.152-186; Шапинская В. Властные стратегии и дискурс любви в романе Гончарова «Обрыв» // Вопросы социологии. Вып.7. 1996. С.123-151.

²Read J. There Was Never Really Any Choice. The Experience of Mothers of Disabled Children in the United Kingdom // Women's Studies Int. Forum. Vol.14. 1991. 1 6. P.561-571.

Схема, по которой это осуществляется (диагноз патологии – депривация от информации – сепарация), напоминает триаду запрета в классической логике цензуры, которую Фуко выдвигает в качестве одной из основных черт *власти*: утверждение того, что данная вещь не разрешена, предупреждение ее высказывания, отрицание ее существования¹. Все эти формы запрета связаны между собой, каждая из них является одновременно условием и результатом для другой. Так *диагноз* буквально ставит запрет на ребенке, отказывая ему в социальной интеграции, при этом врач выступает в качестве агента социальной нормы, контролирующего, надзирающего и наказывающего. Он как бы приказывает «запереться и не выходить», а то, о чем следует молчать, изымается из реальности как табуированная вещь. «Вот и все», маркирующее выход из нарратива, одновременно сигнализирует о завершении процедуры *исключения*.

В традиции нарративного анализа Дензин² определяет подход к идентичности рассказчика, представляющий Я говорящего в нескольких формах: 1) феноменологическая, 2) лингвистическая, 3) материальная, 4) идеологическая, 5) Я-как-желание. *Я-как-желание* – это та сторона идентичности, которая строится за счет собственной телесности, плотскости, чувственности, сексуальности и телесного присутствия другого. Желание всегда избегает полного удовлетворения, так как желание есть голод, отсутствие, недостача. Эти персонификации или образы Я как мужского или женского попадают в три категории: (1) хорошее сексуальное Я, (2) дурное сексуальное Я, (3) не-сексуальное Я. Автобиографические и биографические нарративы фокусируются в той или иной форме на описании сексуальности в упоминаниях об отце, матери, женах, мужьях и возлюбленных. В нашем примере, как видно, репрезентируется образ «Не-сексуальной-Я», как бы давая определение, идентифицируя, *нормализуя* собственный жизненный опыт в нарративе:

Р: В то время у меня был муж. Вот...

И: А сейчас что?

Р: Ну потом, как говорится, просто-напросто такие дети никому не нужны. Понимаете как?

И: Что, ушел он от Вас?

Р: Ушел. Просто я сама... это... ну как сказать, сделала такие выводы, что лучше нам остаться одним, потому что такой образ жизни меня не устраивал. Понимаете как? Конечно, тут не столько ребенок, как говорится, и я была в не очень таком, как говорится, состоянии, да? Тут еще и ребенок

¹Foucault M. The History of Sexuality. Vol.1. An Introduction. London, New York: Penguin Books, 1978. P.84.

²Denzin N.K. Interpretive Biography // Qualitative Research Methods Series. Vol.17. SAGE University Paper, 1989. P.31-33.

такой больной. Он ко мне относился так... ну как это... как таковой семьи ему уже не надо было. Вы понимаете как? Я это понимала и просто-напросто я говорю, зачем просто мучиться, лучше мы с тобой разойдемся и все. Ну он, конечно, вначале не хотел, то есть вроде подумай, как ты будешь, что там? Ну, ничего...

Тем самым женщина лишает другого, в данном случае, супруга, права со-участия, разделения **ответственности**, права голоса в принятии решений. Он как бы исключается и не признается как субъект. Таким образом происходит инверсия **властных отношений**, о которой пишет J. Benjamin¹. Чтобы остановить этот цикл доминирования, женщины должны отстаивать свою субъектность и быть в состоянии предложить мужчинам новую возможность сталкиваться с внешним миром и выживать в присутствии равного другого (другой).

В нарративном анализе, как и в качественной методологии в целом, большую роль для выработки теории может сыграть совместное обсуждение текста несколькими учеными. Такой прием называется групповым анализом (team analysis) и представляет большой интерес. Основные этапы дискуссии строятся на принципах grounded theory и включают: 1) поиск кодов в тексте интервью, 2) составление диаграммы связей, смысловых отношений между кодами, 3) написание memos для центральных кодов с применением мысленного эксперимента, позволяющего выявить множество свойств, измерений и вариаций кода, а также дать их интерпретацию в контексте «сырых данных» и более широком структурном контексте, 4) формулировку аналитических вопросов и разработку категорий. В результате обнаружилось большое количество понятийных деталей, при этом рассматривались и фиксировались все варианты интерпретации. Групповая дискуссия способствовала хорошо разработанной интеграции кодовых понятий в гипотезы и повышала теоретическую чувствительность всей группы. Выработанные в результате группового анализа центральные категории представляют собой центральный феномен исследования – обоснованную теорию нетипичности.

На первом этапе выделяется как можно большее количество кодов, указывающих на далеко идущие смысловые пласты в тексте ответа респондента, вопроса интервьюера. Эти понятия могут быть связаны как с говорящим и ситуацией, так и другими людьми и контекстами. Кодом может быть как одно слово, так и группа слов.

Построение диаграммы связей между кодами, перегруппировка и укрупнение кодов, выбор центральных единиц и категорий анализа и написание memos для двух кодов – следующие этапы анализа.

---

¹Benjamin J. The Bonds of Love. Psychoanalysis, feminism, and the problem of domination. London: Virago Press Ltd, 1988.

Теоретические выводы, полученные в нарративном анализе, безусловно, впитывают в себя и результаты предшествующей исследовательской работы. Именно в работе с нарративным интервью ощущается постоянное напряжение нити, связующей кабинет ученого с полем реальной жизни, где звучат голоса других, цельных людей.

Как мы только что убедились, в нарративах звучит голос других людей, но ведь их опыт исследователю недоступен. Мы имеем дело с двусмысленными репрезентациями этого опыта – разговором, текстом, интеракцией и интерпретацией. Возможно ли при этом быть нейтральным и объективным, просто воспроизводить мир, не интерпретируя? Не является ли репрезентация замкнутым кругом, по которому движется исследователь в поисках смысла?

Прежде всего, и на это указывал еще Вебер, «здесь вообще не идет речь о каком-либо объективно «правильном» или метафизически постигнутом истинном смысле»¹: ведь то, что подразумевает важным и значимым один человек, может быть совершенно чуждо другому.

Интерпретируя выражение, мы вроде бы приближаемся к его смыслу, но смысл «нависает линией горизонта над формой выражения и, подобно горизонту, постоянно ускользает от нас, когда мы стремимся его достичь»². Рассуждение о неуловимости смысла здесь играет весьма позитивную роль, заставляя усомниться в универсальности, неколебимости какой-то одной истины и локализуя познавательную активность в пограничном пространстве. Горизонт, или рубеж, формы выражения (у Гадамера *fusion of horizons* – слияние горизонтов) всегда хранит следы ускользающего смысла, там, на границе соединяются территории разных субъектов, каждый из которых по-своему рисует карту мира. Именно здесь, по Бахтину, и появляется текст.

Здесь нам представляется важным упомянуть точку зрения Р. Барта³ на отношения Я-Другой как «потеря себя», в отличие от Бахтина, у которого эти отношения формосозидающие⁴. На первый взгляд, точка зрения Барта близка к позиции Бахтина. У обоих субъективное переживание себя определяется позицией собственного тела в мире и очень ограниченной перспективой этого тела, которая имеется у субъекта. В процессе иденти-

---

¹Вебер М. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.603.

²Подорога В.А. Выражение и смысл. М.: Ad Marginem, 1995. С.25-26.

³См.: Барт Р. Мифологии // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994. С.46-232; Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994. С.384-391.

⁴См.: Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979; Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С.281-307.

фикации, или создания Я, другой имеет огромную власть над субъектом в силу своей способности репрезентировать тело субъекта. Однако, в соответствии с версией Бахтина, это отношение зависимости субъекта от другого – любящее и желанное, тогда как у Барта эта зависимость причиняет боль, даже умерщвляет: субъект не может видеть себя никак иначе, кроме как в образе.

В отношении нарративного анализа эти две точки зрения представляют диалектику репрезентации, которая кому-то может показаться порочным кругом: ведь каждый акт интерпретации опыта, будь то рассказывание, написание, анализ или прочтение, с одной стороны, конституирует этот опыт, придавая ему смысл, а с другой, – урезывает, редуцирует, искажает, изменяет. Не менее характерно это и для той формы интерпретации, которая называется научным познанием, «тем более что предполагаемое данным уразумение к тому же движется в кругу самого обычного знания мира и людей». Однако, продолжает Хайдеггер, *«видеть в таком кругу «порочность» и усиленно отыскивать пути, на каких можно избежать его, и даже просто «ощущать» его как неизбежное несовершенство, значит не понимать понимания в самой его основе... «Круг» в понимании принадлежит структуре смысла, каковой феномен укоренен в экзистенциальной устроенности здесьбытия, в истолковывающем понимании»*¹.

Философствование необходимо социологу, когда тот, по словам Мерло-Понти, «берет на себя задачу не только констатировать факты, но и понимать их. Интерпретируя их, он уже становится философом»². Рассмотрим уровни интерпретации, возникающие в нарративном анализе. Хотя и с риском чрезмерного упрощения, представим, опираясь на рассуждение Рисман, что здесь существуют как минимум 5 уровней: 1) участие, 2) рассказывание, 3) фиксирование (запись), 4) анализ и 5) чтение:

«1. На первом уровне я – непосредственный участник опыта – рефлексирую, вспоминаю, накапливаю отдельные факты в наблюдениях. Я отбираю определенные образы, при этом надеюсь явления смыслом. Выбор уже присутствует в том, что именно я отмечаю из всего неотрефлексированного, первичного опыта. При этом, возможно, услышанное и увиденное будет доминировать над тем, что дается осязанием и обонянием. Гендерные аспекты будут привлекать мое внимание из-за моих теоретических интересов. Я активно конструирую реальность новыми способами на первом уровне репрезентации, каким для меня является размышление...

2. Следующий уровень – рассказывание от первого лица. Я описываю место, персонажей, организуя историю так, что стано-

¹Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Республика, 1993. С.14-15.

²Мерло-Понти М. В защиту философии. М.: Изд-во гуманит. лит., 1996. С.69.

вится ясной моя интерпретация событий. Мои друзья слушают, спрашивают, побуждают меня говорить больше о тех или иных моментах моего путешествия. Рассказывая и слушая, мы вместе создаем нарратив...

Смысл изменяется, поскольку конструируется уже в процессе интеракции. История рассказывается конкретным людям и может принять совершенно другой оборот, если аудитория изменится. Я репрезентирую опыт уже не нейтрально, а в ситуации общения с ментором, подругой, коллегой, теми, кто что-то значат для меня. Рассказывая о своем опыте, я одновременно создаю особый образ «Я», поскольку хочу, чтобы именно так меня видели мои знакомые. Как и все социальные акторы, я стремлюсь к тому, чтобы убедить остальных в моих позитивных качествах. Мой нарратив неизбежно становится самопрезентацией.

3. Запись, третий уровень репрезентации – неполная, частичная и селективная. Исследователи спорят сегодня, насколько детальной должна быть запись, «расшифровка». Как, например, лучше всего передать темп и ритм рассказа? Следует ли включать в расшифровку паузы, ошибки, ударения и акценты, междометия типа «хм», дискурсивные маркеры наподобие «знаете», «понимаете» или «так», «вот», наполняющие речь, а также другие знаки присутствия слушателя в нарративе? Следует ли располагать предложения на отдельных строках и проявлять ритмические и поэтические структуры языка, группируя строки? Это не просто вопросы технического характера: от выбора той или иной тактики записи в очень большой степени будет зависеть то, как читатель поймет нарратив.

4. Четвертый уровень репрезентации начинается, как только исследователь приступает к анализу расшифровок. Аналитик листает страницы с расшифровками интервью, пытаясь найти сходные фрагменты, некие основания, которые возможно объединить, суммировать, придать смысл и драматическое напряжение будущей книге. Ожидаемая реакция аудитории на всю работу, книгу, статью, несомненно, придает форму и задает автору условия того, что включить, а что исключить из текста. В конце концов ученый создает метаисторию, поскольку истолковывает смысл того или иного нарратива, редактируя и переформулируя в комментариях то, что было сказано в интервью, превращая первоначальный документ в некий гибрид. Вновь в текст вторгаются ценности исследователя, политика и теоретические убеждения.

5. Пятый уровень репрезентации осуществляется, когда написанный отчет попадает к читателю»¹.

Репрезентация, сделанная аналитиком – это все, что на данный момент есть у читателя. Здесь, по образному выражению М. Ямпольского, читатель как бы «вписывает в свое тело текст как лабиринт собственной памяти. Память текстов вписывается в опыт читательского тела как диаграмма»². С другой стороны, каждый текст является многоголосым, открытым для нескольких прочтений и реконструкций, а говоря словами Бахтина, «каждое большое и творческое словесное целое есть очень сложная и многоплановая система отношений. При творческом отношении к языку безголосых, ничьих слов нет. В каждом слове – голоса иногда бесконечно далекие, безымянные, почти неуловимые, и голоса близко, одновременно звучащие»³. Даже у одного и того же читателя работа может вызвать совершенно разные прочтения в различных исторических контекстах (представьте, например, «Анну Каренину», прочитанную до и после того, как развился современный феминизм). Написанные тексты созданы в пику одним и в поддержку других традиций и аудиторий, и эти контексты могут, в свою очередь, прибавляться читателем.

Смысл текста всегда уникален для каждого конкретного человека; а те истины, которые мы конструируем, являются осмысленными в специфических социальных средах и в ограниченных исторических условиях. По мнению Гадамера:

«...понимание не может быть лучшим, будь то в смысле лучшего фактического знания, достигнутого благодаря более отчетливым понятиям, будь то в смысле принципиального превосходства, которым обладает осознанное по сравнению с тем неосознанным, что свойственно всякому творчеству. Достаточно сказать, что мы понимаем иначе, если мы вообще понимаем»⁴.

Любое открытие в области культуры, психологических процессов или социальной структуры имеет значение на некотором отрезке исторического времени для субъектов, находящихся между собой в отношениях власти. В герменевтическом круге истолкования неперемutable условие - это постоянно совершающееся со-бытие субъектов, которое и становится предметом размышления нарратолога.

---

¹Riessman C.K. Narrative Analysis // Qualitative Research Methods Series. Vol.30. SAGE University Paper, 1993. P.8-22.

²Ямпольский М. Демон и лабиринт (Диаграммы, деформации, мимесис). М.: Новое литературное обозрение, 1996. С.306.

³Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С.303.

⁴Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. С.351.

Можно ли говорить о качестве исследования, относящегося к качественной социологической методологии? Существует по крайней мере четыре критерия *валидности нарративного анализа*⁵. Каждый из них предоставляет возможности оценивания, но имеет свои собственные проблемы. Во-первых, речь идет о критерии убедительности. Убедительность будет наибольшей там, где теоретические положения подтверждаются свидетельствами из рассказов информантов и где предлагаются альтернативные интерпретации данных.

Второй критерий – соответствие. Исследователь может показать результаты тем, чьи нарративы подвергались анализу, и если реконструкция смысла, проведенная ученым, узнаваема для самих респондентов, это значит, что соответствие достигается. Третий критерий валидности – связность. Этот критерий можно рассматривать на трех уровнях: глобальном, локальном и тематическом. Глобальная связность относится к общим целям, к которым стремится рассказчик в разговоре: например, интервьюируемый хочет рассказать историю о прошедших событиях. Локальная связность – это то, на что рассказчик пытается влиять в самом повествовании: например, применение лингвистических средств для связи одного события с другим. Так, использование контрастов, сопоставлений в нарративах о разводе в исследовании К.Риссман позволяло респондентам выразить их точку зрения на «нормальные» отношения в браке в сравнении с их собственным опытом. Тематическая связность подразумевает связность содержания: одна и та же тема (например, отсутствие интимности и дружеских отношений) вновь и вновь разрабатывается рассказчиком в ходе интервью. Последний критерий – прагматическое применение – показывает степень, с которой данное исследование становится основой работы других.

Вывод ясен: валидизация нарративного анализа не может быть сведена к набору формальных правил или стандартизированных технических процедур (которых, впрочем, также недостаточно и при валидизации количественных исследований). В интерпретативной работе нет канонов, рецептов и формул, и различные процедуры валидизации могут иметь неодинаковый эффект для тех или иных исследований. Например, даже если взгляды рассказчика и аналитика не совпадают, было бы полезно определить, узнаваем ли материал кейс стади для информанта. В случае сравнительных кейс стади подходящими критериями валидности могут стать убедительность и связность. Более общие теоретические выводы, вытекающие из нарративного анализа, могут быть проверены на валидность по степени

---

⁵См.: *Riessman C.K. Narrative Analysis // Qualitative Research Methods Series. Vol.30. SAGE University Paper, 1993; Silverman D. Interpreting Qualitative Data. Methods for Analysing Talk, Text and Interaction. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE, 1993; Васильева Т.С. Основы качественного исследования: обоснованная теория // Методология и методы социологических исследований. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С.56-65.*

их применимости в работах других авторов (прагматический критерий). Валидность интерпретативной работы – это подвижная, развивающаяся проблема, требующая внимания нарратологов.

Нарративный анализ не подходит для изучения большого числа безымянных, безликих субъектов. Его методы трудоемки и занимают много времени: они требуют внимания к нюансам речи, организации реакций, местным контекстам и социальным дискурсам, оформляющим сказанное и невысказанное. Нарративные методы можно сочетать с другими формами качественного анализа и даже с количественным анализом. Вместе с тем, задача комбинации методов требует серьезного эпистемологического обоснования, поскольку интерпретативная перспектива нарративного анализа очень сильно отличается от реалистических оснований многих других качественных и, конечно, количественных методов.

Исследователь, решившись на сочетание подходов, неизбежно приходит к необходимости философской рефлексии способа познания, сталкиваясь со сложными вопросами методологического характера в самом анализе и информируя о них читателя. При этом, важно помнить, что наука не может быть выражена одним-единственным универсальным голосом. Любая методологическая точка зрения частична, неполна и исторически ограничена. Необходима полифония репрезентаций, где нарративный анализ – не панацея, а всего лишь один подход, удобный в одних исследовательских ситуациях и неприменимый в других. Сосуществование различных голосов и уровней интерпретации свойственно и самому методу нарративного анализа. Если понимать нарративный анализ как со-бытие, то, перефразируя Бахтина, продуктивность метода будет состоять не в слиянии всех точек зрения воедино, но в «напряжении своей вненаходимости и неслиянности, в использовании ученым привилегии своего единственного места вне других людей»¹. Таким образом, качество нарративного анализа можно увидеть в том, как он позволяет осуществить систематическое изучение личного опыта и смысла, показать, как события конструируются активными субъектами.

Хотя в российской социологии еще не накоплен большой опыт применения этого метода, анализ повествовательных конструкторов постепенно проникает в социально-гуманитарные дисциплины и профессии, и нарративный анализ уже перестает быть провинцией литературной критики. Нарративный анализ – полезное дополнение в поле социальных наук, приносящее критический аромат в тех случаях, где иначе царил бы застой.

Изучение нарративов очень важно в исследовании социальной жизни: ведь сама культура говорит в личной истории. Средствами нарративного анализа возможно изучать гендерное неравенство, расовую дискримина-

---

¹Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С.78-79.

цию и другие практики власти. Эти проблемы или ситуации самими рассказчиками часто воспринимаются как должное, естественное, неизбежное, но с помощью анализа мы можем прояснить, насколько случайны применяемые термины и выражения с точки зрения культурной и исторической ситуации.

Нужно сказать, что, несмотря на кажущуюся универсальность нарративной формы дискурса, людям бывает чрезвычайно трудно говорить о некоторых событиях и переживаниях. Политические условия, социетальные табу могут не позволить человеку рассказывать о тех или иных ситуациях, случаях. Обычная реакция на страшные происшествия – вычеркивание их из памяти, нежелание знать и говорить о них. О пережитых политических путчах, войнах и сексуальных насилиях трудно как говорить, так и слушать. Здесь уместен пример Т. Бута¹, который предлагает применять нарративные методы в исследовании субъективного жизненного опыта людей, имеющих проблемы задержки развития, настаивая на необходимости услышать голоса тех, кто исключен, вытеснен на периферию отношений в обществе.

Исследователи-интервьюеры могут катализировать свидетельства и признания и, когда о таком опыте рассказывают, он становится для пережившего чем-то вроде «пред-нарратива». Пред-нарратив не развивается и не прогрессирует с течением времени, не обнаруживает чувств рассказчика или интерпретаций события. Люди придают смысл своему опыту, отливая его в форму нарратива. В особенности это присуще рассказам о трудных жизненных моментах, изменениях и о личных травмах. Все тяготы можно перенести, если мы сумеем уместить их в историю. Социальные работники, психотерапевты, представители социальных движений помогают людям говорить о своих травмах, объединяют, связывают переживших экстремальные события, вовлекают в социальное действие по позитивному изменению жизненной ситуации. Нарративный анализ выступает в этом случае мощным инструментом коммуникации, активизирующим взаимное участие субъектов и рассмотрение различных точек зрения в процессе исследования важных жизненных проблем, социальной терапии и реабилитации.

Этнографическое письмо

Мы уже обсуждали понятие этнография в значении письменного жанра. Как правило, антропологи мало внимания уделяли этнографиям как текстам, зачастую полагая этнографию синонимом полевых исследований или методом, а не продуктом исследований. Особенности этого жанра ме-

---

¹Booth T. Sounds of still voices: issues in the use of narrative methods with people who have learning difficulties // Disability and Society: Emerging Issues and Insights / Barton L. (Ed) New York, London: Longman, 1996. P.237-255.

нялись со сменой теоретико-методологических оснований антропологии.

Если в начале XX века рассуждения о культурной эволюции оказались в тени культурного релятивизма Франца Боаса и функционалистской социальной антропологии Б. Малиновского, А. Радклиффа-Брауна и М. Фортеса, то после 1945 года в антропологии доминирующее положение занимали два теоретических подхода: материалистический, позитивизм и структурализм. Американские антропологи Л. Уайт и Дж. Стьюард вместе со своими учениками, опираясь на археологические и этнографические материалы, начали разрабатывать материалистический (позитивистский, объективистский «научный») подход в изучении культурных систем, эволюционное развитие которых имело место в различных частях света. Тогда же благодаря деятельности К. Леви-Стросса значительное развитие получил структурализм, который обращает внимание на структуры, ментальные паттерны – как сознательные, так и бессознательные, – представляя культуру как систему, чья организация подобна организации языка. Предметом исследования структуралистов становятся мысли, идеи и те значения, которыми люди наделяют предметы и объекты окружающего мира. В результате мы получаем аналитическую модель, которая, впрочем, вовсе не обязательно совпадает с «туземной» моделью сознания¹.

В 1980-е гг. антропологи стали подвергать критике «этнографический реализм», который был принятым жанром этнографического письма в течение последних 60 лет, как в британских, так и американских кругах. Этот этнографический реализм, на который отчасти повлияла традиция дневников путешественников и отчасти научных монографий, предполагал соглашение не анализировать риторические или нарративные измерения этнографии. Все упомянутые подходы, несмотря на различия в методологии, отличались принципиальной установкой на научность и эмпиризм, при этом объективность антропологического исследования не ставилась под сомнение, как и вопрос о способах создания и задачах этнографического текста. Научный позитивизм, находящийся в основании объективистского метода, поддерживал представление о том, что антрополог способен объективно наблюдать и точно описывать этнографическое место действия, события, явления и смыслы человеческих взаимодействий. И несмотря на то, что описания различных наблюдателей иногда сильно различались, «стоило проанализировать всю имеющуюся этнографическую информацию по определенному обществу, и его общая конструкция обнаруживалась в различных источниках. Погружение такого материала в исторический контекст позволяло затем понять, в каком направлении шло раз-

---

¹ Рубел П., Чегринец М. Исследовательские стратегии в современной американской культурной антропологии: от «описания» к «письму» // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. № 2

витие этого общества»¹.

Ученым казалось, что они могут объективно фиксировать то, что им открывается в процессе полевой работы, и в результате работы с информантами воспроизвести в этнографических описаниях (этнографиях) «точку зрения туземца». Подобные описания считались объективными картинами народной жизни, на которых не вырисовываются субъективные предпочтения, впечатления и опыт самих исследователей. Между тем, личные интересы и собственные ценности могут противоречить или соответствовать целям этнографа. В любом случае, важно не отрицать личные интересы и ценности, а осознавать, как они влияют на исследование. Еще в 1960-е гг. появились первые публикации антропологических автобиографических текстов и дневников, например, работа К.Леви-Строса «Печальные тропики». И все же, такие тексты, скорее, оставались исключением из общего правила. Нашумевшая публикация дневников Б.Малиновского изменила ситуацию в корне, и теперь личность исследователя, его или ее субъективные устремления, установки и переживания оказались в центре этнографической рефлексии.

По выражению антрополога и писательницы в жанре фэнтези Урсулы ле Гуин, «антропологу редко удается не бросить тень на картину, которую он рисует». Эта «тень» есть не что иное, как субъективные интересы и взгляды, определяющие как возможности, так и ограничения перспективы, которые привносит в свой проект исследователь. Поэтому рефлексивность касается уже не только местных традиций и «туземного» знания, а особенностях полевой работы, которые так или иначе воздействуют на антрополога. Как пишут П.Рубел и М.Чегринец, подобный крен в исследовательской стратегии может быть выражен формулой «от участвующего (включенного) наблюдения - к наблюдению участия (включенности)»².

На смену этнографическому реализму в 1980-е гг. пришел жанр «экспериментальной этнографии», которая в недавние годы начала оперировать с нарративными формами и в более явном виде представила конвенции этнографического письма³. Экспериментальная этнография отчасти была стимулирована философией и теорией литературы, а отчасти – сомнением в традиционной мистификации «искусства этнографии», в котором отсутствовал пристальный анализ этой центральной для антропологии деятельности. Работы Клиффорда Гиртца оказали особое влияние на развитие экспериментальной этнографии, которая, хотя и продолжает исполнять

---

¹ Рубел П., Чегринец М. Исследовательские стратегии в современной американской культурной антропологии: от «описания» к «письму» // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. № 2

² Там же.

³ Seymour-Smith Ch. Ethnographic Writing // Macmillan Dictionary of Anthropology. London: Macmillan, 1986. P.98.

традиционную задачу интерпретации культуры, также становится форумом для теоретических, философских и эпистемологических дебатов. По мнению К.Гиртца, познавательный процесс в антропологии – это текстуализация, или процесс создания текста из наблюдений за культурой, участия в повседневной жизни сообщества. Само создание текста в условиях непосредственно полевой работы или при более поздней обработке дневников при этом понимается как особый этнографический опыт, как важнейшая методологическая проблема антропологии.

Начиная с 1980-х гг. постмодернистское движение в антропологии подвергло критике абсолютно все принципиальные установки традиционной антропологии: научность и объективность, эмпиризм и наблюдаемость факта (метод включенного наблюдения), репрезентативность и авторство этнографического текста. Взамен были предложены новые методы текстовой репрезентации, инновации, которые продолжают развиваться в работах антропологов, чувствительных к философским и литературным тенденциям.

Введение в этнографический текст литературного измерения расширяло проблемное поле и даже предметную область дисциплины, делая неизбежным превращение самого представляющего ее текста в самостоятельную проблему и предмет исследования.

Интерпретация служит средством постижения и одновременно формой репрезентации чужой культуры, поскольку она реконструирует для нас “точку зрения туземца”. В 1970-е годы Гирц начал критику объясняющих (структуралистских, этнонаучных) стратегий именно с точки зрения неудовлетворенности той степенью репрезентативности материала, которую они обеспечивали. В этой критике он отстаивал “точку зрения туземца”, т.е. адекватную репрезентацию действительности изучаемой культуры в качестве конечной цели антропологии. Однако при этом Гирц отнюдь не имел в виду, что в соответствии с этой конечной целью антропологии придется превратиться в средство непосредственного самовыражения “туземца” или непосредственной самопрезентации Другого. Подчеркивая близость некоторых сторон интерпретации литературному творчеству, этнографического текста - беллетристике, Гирц решал задачи прояснения и разработки технологий и процедур этого, если и не вполне научного, но все же репрезентирующего средства антропологии.

Делая вслед за интерпретативной антропологией шаг в разоблачении принципиальной нерепрезентативности (или, точнее, само-репрезентативности) традиционного антропологического текста, антропологи критического (постмодернистского) направления приходили, в отличие от Гирца, к необходимости радикального отказа от

самого приема описания чужой культуры как Другой. Устранение кода Я - Другой из эвристической конструкции антропологии и замена его более сложной конструкцией сопровождались усложнением концепции репрезентации у одних авторов, логически последовательным снятием самой проблемы и задачи репрезентации - у других.

Один из вариантов решения этого вопроса дает методология эвристического примитивизма. Эта позиция закрепляется в формулировке “Другие Голоса” и в принципиальном предпочтении термина “этнографии” (во множественном числе) термину “антропология”, что означает ориентацию на такие параметры текста, как непосредственность и сиюминутность репрезентации, “микроскопичность” поля зрения, заменяющие традиционные параметры научности. Вообще становятся ненужными и даже представляются вредными задачи этического, или анализирующего подхода, нарушающие внутреннюю природу культурного явления, травмирующие его “нежную” субстанцию. Задачи антропологии разворачиваются в эмическом плане культурной действительности: важна не полнота этнографического описания, объясняющая модель или глубина семантической перспективы интерпретации - важно, чтобы антропология точно и правильно *представляла* изучаемую культуру, служила средством выражения ее. Здесь “правильно” означает не “верно”, а “непосредственно”; “точно” - не “полно и в деталях”, а как бы в “живом” виде.

В связи с этим новые детали культурной жизни, прежде не подвергавшиеся антропологическому анализу, попадают в поле зрения и внимания антропологов. Ведь важна не структурная значимость или семантическая содержательность детали, а ее репрезентативность - способность донести до нас целостность чужого культурного опыта. В этом смысле, прежде маргинальные детали культурной действительности, такие, как вкус, запах или звук и их конструкции, возможно, могут служить лучшим проводником в опыте чужой культуры, лучшим каналом ее репрезентации. Использование таких деталей должно придать антропологии более эвокативную, индуцирующую форму, пробуждающую и побуждающую к работе воображение как автора, так и читателя антропологического текста.

Исследовательская стратегия, выраженная формулой “другие голоса”, напротив, дает нам усложненный вариант концепции репрезентации. С точки зрения этой стратегии, прежние традиционные этнографии были поставлены под сомнение на том основании, что в них получал звучание только голос автора, полевого исследователя, и значительно реже - голоса информантов. Голоса женщин, а также

представителей каких-либо иных групп, помимо бигменов, вождей и шаманов, служивших обычно главными информантами, были слышны в этих этнографиях очень редко. Теперь этнографии должны были стать поливокальными или полифоничными, воплощающими в себе голоса, идеи и мнения множества людей, входящих в состав группы. (Безусловно, помимо прочего в этом отражается ориентация на более внимательное отношение к гендерным ролям, а также интересы феминистской антропологии.) Обсуждение этого вопроса в антропологической литературе, как правило, опирается на привлечение идей Михаила Бахтина, без ссылок на имя которого не обходится ни один из пишущих на эту тему авторов. Одним из лучших примеров поливокального текста может служить книга Р. Прайса об исторических представлениях афро-американцев, построенная как собрание разрозненных рассказов информантов, которому автор сознательно не стремился придать отшлифованную собственным монологом форму: книга, полная пустот, указывающая своей формой на невозможность полного знания о чужой культуре и демонстрирующая путь, ведущий к частичному знанию о ней.

Подобное решение проблемы репрезентации трансформирует традиционные представления об авторстве этнографического текста, превращая бывших информантов в законных соавторов или вообще устраняя понятие авторства. Новый этнографический текст становится многомерным, всегда открытым и незавершенным, он сам превращается в культурный артефакт и процесс¹.

Книга американского антрополога Флоринды Доннер, являющейся ученицей и соратницей известного калифорнийского антрополога Карлоса Кастонеды, «Шабону» является ярким примером современного этнографического письма. Она выступает одновременно и научным текстом, и художественным повествованием. В ней, кроме прочего, поднимается ряд важных методологических проблем, актуальных для любого социального учебного, ставящего своей целью понять культуру того сообщества, которое является объектом исследования, независимо от того, происходит ли исследование в центре Москвы или на краю изученного европейцами мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Текст

Контент-анализ

Культурный артефакт

---

¹ Рубел П., Чегринец М. Исследовательские стратегии в современной американской культурной антропологии: от “описания” к “письму” // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. № 2

Визуальная этнография
Партисипаторная фотография
Нарративный анализ
Этнографическое письмо

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Дайте характеристику анализу текстов как методу исследования в социальной антропологии.
2. Расскажите о методе нарративного анализа.
3. Как применить приемы визуальной этнографии для изучения городской бедности и социальной политики в отношении бедности?
4. Дайте примеры и характеристику этнографического описания.

КЕЙСЫ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

1. Проанализируйте различные виды опубликованных текстов, чтобы выявить функции фигурирующих в них персонажей: статью в газете, статью в глянцевого журнала, популярную литературу для женщин и мужчин, сборник анекдотов.
2. Проведите анализ содержания текстов в перспективе современной гендерной теории, а также в аспекте расовых и этнических различий.
3. Сделайте расшифровку интервью и проанализируйте этот текст, найдите ключевые коды и сделайте их интерпретацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. том 1. № 1
2. Борисов С.Б. Рукописный девичий рассказ. М: Объединенное гуманитарное издательство, 2002
3. Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях / Под ред. М. Малышевой. М.: МЦГИ, 1997.
4. Журженко Т.Ю. О междисциплинарном подходе, профессионализме и научной объективности в гендерных исследованиях // Социально-правовой статус женщины в исторической ретроспективе: Материалы международ. науч. конф. Иваново, 1997.
5. Зверева В. Репрезентация и реальность // *Отечественные записки*. 2003. № 4.
6. Козлова Н.Н. Сцены из частной жизни периода «застоя»: семейная переписка // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.П. 1999. № 3.

7. Малышева М.М. Анализ качественных данных в гендерных исследованиях // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2001. С.146-168.
8. Маслова О.М. Качественная и количественная социология. Методология и методы // Социология 4М. 1995. № 5-6. С.5-15.
9. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып.1. Минск: Белорусский госуниверситет, 1998.
10. Мещеркина Е. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения. – Жеребкина И. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч.1. Харьков, СПб: Алетейя. 2001.
11. Мещеркина Е.Ю. Качественные методы в гендерной социологии // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2001. С.169-187.
12. Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социс. 1998. № 6. С.119-129.
13. Потолок пола: Сб. науч. и публицист. статей / Под ред. Т.В. Барчуновой. Новосибирск, 1998.
14. Романов П.В., Щебланова В.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Женщины-террористки в интерпретативных моделях СМИ. Дискурс-анализ газетных публикаций // Полис. 2003. №6. С.144-154.
15. Романов П.В. Феминистская этнография: обзор основных концепций, методов сбора данных и политик интерпретаций // Гендерные исследования. № 6 (1/2001). С.322-335.
16. Рубел П., Чегринцев М. Исследовательские стратегии в современной американской культурной антропологии: от “описания” к “письму” // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. № 2
17. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
18. Щебланова В., Ярская-Смирнова Е., Романов П. Женское лицо необъявленной войны (теракт на Дубровке) // Гендерные исследования. 2004. №10. С. 99-113
19. Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара: Самар. ун-т, 1995.
20. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С.38-61.
21. Ярская-Смирнова Е.Р., Карпова Г.Г. Символический репертуар государственной политики: Международный женский день в российской прессе, 1920-2001 гг. // Социальная история. Ежегодник. 2003: Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л.Пушкаревой. М.:

РОССПЭН, 2003. С.488-510.

Тема 3.3. Антропология в обществе: развитие метода и этика

Прикладные, акционистские, партисипаторные исследования. Этика полевого исследования

Прикладные, акционистские, партисипаторные исследования

Важную роль играют не социальная критика сама по себе, а прикладные исследования, проведение оценки эффективности действующих и экспертизы планируемых проектов с позиций нон-дискриминации. Выше уже шла речь о прикладной антропологии и ее проектах. В таких исследованиях ключевыми понятиями являются: *неравенство, доступность, соблюдение прав человека и достижение социальной справедливости*. Антропологическая методология становится в подобных проектах опорой грамотного и непредвзятого анализа при условии, если он осуществляется профессионально подготовленным исследователем, действующим предпочтительно от имени независимой аналитической группы или консалтинговой организации, университета или научного центра. Социальный антрополог, подготовленный в области исследований социальной политики и социальных сервисов, проектов и программ, может стать квалифицированным исполнителем подобных заказов.

Прикладное социальное исследование – это приложение теорий, понятий, методов к анализу социальных проблем с целью произвести результаты, которые могли бы повлиять на их решение посредством внедрения в практику социальной работы, образования, трудовых отношений, городского планирования, социального управления и социальной политики.

Разновидностью прикладного исследования (applied research) является *акционистское*. В акционистском исследовании (action research) важно внедрить результаты в определенные действия, акционистское исследование выступает непосредственным катализатором конкретных преобразований, акций, коллективных выступлений или обращений, реальной деятельности, ведущей к позитивным изменениям. Этот подход получил развитие и нашел применение в сфере образования и менеджмента предприятий, социальной работы и социального управления. Термин «акционистское ис-

следование» еще в 1944 году был предложен социальным психологом Куртом Левином, которому принадлежит мысль о том, что лучший способ изучить социальные системы – это изменить их. Другая идея состоит в том, что, проходя через процесс коллективного исследования, индивиды в большей степени готовы воспринимать изменения.

Несмотря на то, что выводы прикладного и акционистского социального исследования часто ведут к пересмотру понятий и способов решения социальных проблем, трудностью внедрения этих результатов является их формулирование в научных терминах, несколько удаленных от возможностей и потребностей реальной практики, от непосредственных задач социально-политического контекста. В связи с этим говорят о необходимости выработки конкретных рекомендаций, написанных сжатым и простым языком, имеющих удобный и привлекательный вид «рецептов», готовых для применения в повседневной деятельности практиков или управленцев, в краткосрочных курсах повышения квалификации или интенсивных тренингах.

Следует отметить, что во всех упомянутых выше типах исследований предполагалось более или менее четкое разделение ролей между исследователем и заказчиком, исследователем и исследуемыми людьми. Те, кого мы исследуем, фактически лишены возможности влиять на процесс написания нами научной статьи или на создание пакета рекомендаций. Однако есть и другие подходы, в которых принципиально важным является то, что исследование, как и рекомендации, разрабатывается представителями сообщества, той группы, которая испытывает проблемы и стремится к их разрешению. Такие исследования базируются на понятии *критического знания*. Современный немецкий философ Ю. Хабермас говорит о критическом типе знания, которое возникает из рефлексии и действия, позволяя поставить вопрос о том, что такое право и справедливость, и побуждая нас занять активную ценностную позицию. Такой подход реализуется в партиципаторных исследованиях, чрезвычайно актуальных сегодня в феминистских исследованиях социальной политики и социального обслуживания, как и в практике гендерно чувствительной социальной работы.

Слово «исследование» обычно вызывает в воображении образ лаборатории и научных экспериментов; экспертов-исследователей, вооруженных анкетами и путеводителями интервью; бесконечную статистику или другие «исчисляемые» выражения реальности. Для многих из нас, работающих в системе образования, социальной защиты, в социальных науках, сегодня ясно, что такой подход создает дистанцию между нами и теми людьми, с которыми мы работаем. Он скорее ставит академическую задачу, чем выстраивает основу для социальных изменений, и довольно часто ограничивает наше понимание социальной реальности. Партиципаторный (от англ. participation – участие) подход обеспечивает альтернативный под-

ход к исследованию, поскольку подразумевает скорее «исследование совместно с кем-либо», чем «изучение кого-то» или «для кого-то». Этот подход основывается на принципе, что простые люди так же, как и профессионалы, способны к критическому мышлению и анализу, что их знания содержательны и ценны для образования или социального развития.

Осознание этих возможностей привело к разработке и широкому распространению в прикладной антропологии, а также в социологии, социальной работе, в образовании методов партисипаторного исследования.

Партисипаторное исследование – это рефлексивный способ наделять людей способностью и властью предпринимать эффективные действия с целью улучшить их жизненную ситуацию посредством интеллектуальной деятельности. При таком подходе сами участники организации проводят анализ проблемы, а исследователь лишь фасилитирует этот процесс, избегая акцентировать свою роль как эксперта.

Партисипаторное исследование (participatory research) применяется в работе с общественностью, в организациях и группах, если адресуемая проблема имеет социальный характер. Это средство для передачи исследовательских возможностей в руки тех, кто депривирован и бесправен, чтобы они могли изменить свою жизнь самостоятельно ради самих себя. При этом люди получают ответственность как за производство знания, так и его использование. Понятие *осознания*, предложенное бразильским специалистом в области образования Пауло Фрэйром, является ключевым в партисипаторном исследовании. Это понятие означает, что люди, вовлеченные в глубокий анализ их собственной реальности, развивают понимание и способность действовать в направлении улучшения своей реальности.

Наиболее очевидное свойство партисипаторного исследования, которое отличает его от более традиционных видов научной работы, – это активное участие представителей организации или сообщества в исследовательском процессе. Цель партисипаторного исследования – способствовать усилению и мобилизации ресурсов простых людей, активизировать их потенциал, быть катализатором продвижения потенциала лидерства в организации или местном сообществе. В таком исследовании могут применяться разнообразные методы сбора и анализа данных. Важно, чтобы все участники четко понимали характер и смысл получаемой информации, знали, как ее применить, могли планировать действия, которые стоит предпринять, чтобы разрешить проблему. Партисипаторное исследование применяется в таких формах социальной работы, как работа с сообществом (community work), работа в группе, в том числе, в группе самопомощи. Международный совет по образованию для взрослых в Онтарио (Канада) и

Общество партисипаторных исследований в Азии в Новом Дели (Индия) – вот лишь некоторые из многочисленных организаций, которые осуществляют продвижение этого метода на протяжении ряда лет. Партисипаторное исследование применялось в феминистских и других эмансипирующих проектах в различных странах, например, в США, Канаде, Индии, Никарагуа, Филиппинах.

Существует такая разновидность партисипаторного исследования, как *партисипаторное акционистское исследование*. Развитие этого подхода также было вызвано потребностью в «альтернативных» подходах к социальному исследованию и в социальных действиях, ориентированных на активизацию местного сообщества. Примером подобного исследования служит работа французского социолога Алена Турена, который определяет свой метод как социологическую интервенцию, в процессе которой социальные акторы пытаются осознать мотивы своего поведения, собственную значимость и ответственность. При этом они не становятся объектами исследования, а предстают в качестве носителей определенного вида деятельности.

Подходы партисипаторного исследования, являясь инструментальными в аспекте осуществления изменений на индивидуальном уровне, также делают акцент на важности коллективов людей в понимании и трансформировании социальной реальности. Практика показывает, что процесс коллективного открытия и принятия решений мобилизует индивидов принимать изменения с большей готовностью. Партисипаторные исследования стали популярной стратегией мобилизации и организации сообщества, особенно среди угнетенных секторов общества, например, в сельской местности или среди женщин, инвалидов, этнических меньшинств, детей и подростков.

В роли исследователя, который фасилитирует процессы осознания и мобилизации ресурсов в той или иной группе или сообществе, может выступать социальный работник. Данный метод воплощен в уже упоминавшихся группах самопомощи, роста сознания, в социальной работе с сообществом, в частности, в активизации таких негосударственных образований, как ассоциации жильцов, в работе по активизации объединений жителей микрорайона, выступающих за нормализацию работы жилищно-коммунальной сферы, за чистоту и безопасность окружающей среды.

Партисипаторный подход предоставляет целый ряд приемов для развития демократических процессов и децентрализации контроля не только в исследованиях, непосредственно связанных с социальным развитием и социальной работой, но и в образовании. Что касается преподавателей, приверженных данному методу, – они включают учащихся в разработку учебного плана или программы курса, а также применяют в своей педагогической деятельности такие приемы, которые позволяют повысить участие

студентов в поиске, производстве и рефлексии знания по предмету. Сегодня все больше стран переходят в своих учреждениях среднего и высшего образования к модели проблемно-ориентированного обучения (problem-based learning). В этой модели преподаватель играет роль инструктора, дающего стимульный материал и задание, а студенты самостоятельно распределяют функции внутри своей группы, управляют процессом поиска, обобщения и представления информации. Преподаватель вмешивается очень редко – лишь в тех случаях, когда студентам требуется консультация или когда происходит сбой в процессах самоуправления ввиду неопытности учащихся. Данный метод с особым успехом используется на занятиях по социальным и гуманитарным предметам, где требуется развитие независимого, критического мышления, навыков индивидуальной и коллективной работы, ответственности и интереса к новому знанию, где так важен опыт самостоятельных открытий, отстаивания и пересмотра своего мнения. В преподавании социальной работы партисипаторные методы просто необходимы. Благодаря таким методам студенты могут приобрести профессиональные качества самостоятельного анализа, коллективного принятия решений и работы в группе.

Этика социальной антропологии

Профессиональную этику можно определить как совокупность моральных норм, которые определяют отношение человека к своему профессиональному долгу и регулируют нравственные отношения людей в трудовой сфере. Содержанием профессиональной этики сегодня являются кодексы поведения, предписывающие определенный тип нравственных взаимоотношений между людьми и способы обоснования данных кодексов.

Когда говорят о профессиональной этике социальной антропологии, так же, как и о профессиональной этике врача, юриста, других специалистов, предполагают, что у профессиональных сообществ есть согласованные моральные обязательства, правила, клятвы или кодексы этики. Антропологи, как и любые другие профессионалы, принимают на себя обязательства перед профессиональным сообществом, перед своей научной дисциплиной, в более широком смысле – перед обществом и культурой, другими биологическими видами и окружающей средой.

Проблема моральной легитимации поведения стоит как перед учеными, ведущими полевые исследования, так и прикладными антропологами, которые занимаются применением уже известных антропологических знаний или разрабатывают специальные методы для решения определенных практических задач, «чтобы помочь решить человеческие проблемы и способствовать изменениям»¹.

---

¹Chambers E. Applied Anthropology: A Practical Guide. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1985. P.8.

С самого начала своего возникновения в качестве самостоятельной дисциплины антропология была ориентирована на этику и прикладную роль в аспектах социальной политики и управления. Интересно, что А.Р. Рэдклифф-Браун был вдохновлен на изучение «примитивных» народов советом известного русского анархиста князя Петра Кропоткина, для которого такие народы проявляли систему организации, способную представить исключительный пример в мире, где доминируют автократия и национализм¹.

Развитие теоретических оснований антропологии сопровождалось пересмотром этических принципов профессии, в частности, отношений между учеными и исследуемым народом. Для одной из первых теоретических перспектив антропологии – эволюционизма – характерно представление о линейном процессе развития общества и культуры, где некоторые народы считаются «примитивными», отсталыми, «недоразвитыми», а другие – развитыми и демонстрирующими высокие темпы экономического роста. Поэтому в отношениях между ранними антропологами эволюционистского толка и изучаемыми сообществами присутствовала логика модернизации.

Напомним, что в 20-30-е годы XX в. в Европе сложилось новое теоретическое направление антропологии – функционализм, а в США приобретают вес исторический партикуляризм и системный подход, близкий функционализму. Для этих направлений было характерно стремление сохранить культуру не тронутой, исследовать, каким образом общество сохраняет стабильность при помощи своих институтов. Эти исследователи разделяли убеждение, что все народы имеют полную и равноценную культуру, а каждая культура имеет уникальную историю; подвергая критике представления о «примитивных» народах и идеи расового детерминизма, характерные для ранних антропологических описаний. Этический постулат культурного релятивизма, на котором строили свои исследования Ф. Боас, М. Мид, Б. Малиновский и другие антропологи, гласил, что каждая культура имеет свою систему ценностей, и понять их можно лишь, погрузившись в изучаемое сообщество, изучив его язык и восприняв убеждения его представителей.

В конце 60-70-е гг. XX в. складываются такие важные направления антропологической мысли, как критическая и марксистская антропология, задачей которых является изучение структур власти, ведущих к разрушению или модификации отдельной культуры (народа, группы). Сторонники критической перспективы антропологического анализа подвергли критике политическую ангажированность прикладных антропологических проектов.

---

¹Wax M.L. Some Issues and Sources on Ethics in Anthropology // Handbook on Ethical Issues in Anthropology. <http://www.aaanet.org/committees/ethics>.

Напомним, что непосредственно после Нюрнбергского процесса и благодаря ему возникло мощное социальное движение, делающее акцент на индивидуальной моральной ответственности, безотносительно к диктату чиновников государства или других организованных органов. Отсюда сложилась регулирующая система, охватывающая все науки, изучающие людей, которые могли быть подвергнуты процедурам, имеющим рискованный характер, которые могли нанести вред ничему не подозревающим об этом людям¹.

Во многих странах, где действуют профессиональные ассоциации, регламентирующие поведение ученых, сегодня сложился фиксированный набор требований, касающихся тех наук, объектом которых являются люди (медицина, социология, антропология, психология и другие). Эти требования включают конфиденциальность, запрет нанесения вреда, эксплуатации, нарушения права на приватность.

Этика полевого исследования требует, чтобы информанты или те люди, о которых говорится в публикациях на основе собранных данных, дали свое согласие на обнародование их подлинных имен, названия организации и города, где эта организация находится. Часто исследователи – социальные антропологи, социологи – прибегают к зашифровке всех наименований, используя псевдонимы, чтобы достичь анонимности информации. Исследователь, кроме того, должен решить, в какой мере он расскажет о себе и об исследовании.

Относительно применения участвующего наблюдения мнения исследователей расходятся. Одни придерживаются жестких позиций, в частности, относительно того, что в любом случае необходимо сообщать представителям изучаемых сообществ о проводимом наблюдении. Другие полагают, что в отличие от экспериментальной психологии или медицины, участвующие наблюдатели не имеют дела с людьми как объектами исследования. Если методологический идеал естественно-научного испытателя состоит в дистанции, существующей между субъектом и объектами исследования, то в социально-гуманитарных науках подвергается сомнению даже само объектно-субъектное разделение. В связи с этим, как полагает, в частности, Д. Йоргенсен², не существует никаких особых этических обязательств, помимо тех, что возникают в повседневных обстоятельствах общения людей. При этом, разумеется, исследователь отвечает за свои действия, но не обязательно должен информировать людей об исследовательских намерениях или защищать их от возможного вреда.

Как быть, если наблюдатель фиксирует факты жестокого обращения с обитателями дома-интерната со стороны персонала? Не лучше ли исследовать криминальные субкультуры «под прикрытием» или необходимо пре-

---

¹Wax M.L. Some Issues and Sources on Ethics in Anthropology //Handbook on Ethical Issues in Anthropology. <http://www.aaanet.org/committees/ethics>.

²Jorgensen D. Participant Observation. London: Sage, 1989.

давать огласке свою роль исследователя? Интересы каких людей следует защищать и от кого? Нужно ли защищать интересы наркоторговцев или других преступников? Стоит ли охранять людей от их собственных убеждений (например, представителей фундаменталистских религиозных движений или последователей оккультизма)? Моральность полевых исследований «под прикрытием» остается ключевой проблемой антропологической этики.

Согласно атрибутивному подходу к анализу профессионализации¹, этический кодекс является важным атрибутом профессии. За принятие кодекса и обсуждение спорных этических ситуаций отвечают профессиональные ассоциации, а также этические комиссии, создаваемые за рубежом во всех университетах, где изучаются науки, имеющие дело с людьми как объектами исследований – медицина, психология, социология, антропология и так далее. В Приложении приводится этический кодекс Американской антропологической ассоциации², в котором изложены важные принципы, необходимые для развития и поддержания этических основ всей антропологической работы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Прикладное исследование
Акционистское исследование
Партисипаторное исследование
Этика

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. В чем состоят задачи прикладного социального исследования? На каких теоретических идеях основаны партисипаторные и акционистские исследования? Предложите свою идею партисипаторного и акционистского исследования.
2. Дайте примеры и характеристику этнографического описания.
3. Как применить приемы визуальной этнографии в акционистском партисипаторном социальном исследовании?
4. Как изменялись представления об этике антропологии?
5. Как связаны методы полевых исследований и проблемы этики? В чем состоят основные этические принципы антропологии?

---

¹Ярская-Смирнова Е.Р. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. 2001. № 5. С.86-95.

²Кодекс этики Американской антропологической ассоциации (Пер. с англ. Е. Ярской-Смирновой) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. С.173-180.

6. Что такое информированное согласие?
7. Каковы основные правила академической этики в антропологии?

КЕЙСЫ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

1. Изучите Кодекс Американской антропологической ассоциации, приведенный в Приложении. Раскройте основные этические дилеммы между необходимостью поиска новых знаний, обязательствами перед спонсорами и клиентами, изучаемыми людьми, сообществами, биологическими видами и материалами.
2. В малых группы выработайте способы и формы достижения информированного согласия.
3. Обсудите дилеммы, возникающие при соблюдении принципов конфиденциальности и анонимности на примере ваших собственных исследований или на материалах кейс-стади.

Практикум «Этические и психологические проблемы полевого исследования»

В парах выполните задание. Один из вас пусть придумает ответ, а второй пусть даст критику и предложит альтернативный ответ.

№ 1. Как обсуждать в группе со студентами интимную (приватную) информацию, которую они получили, взяв интервью?

№ 2. Что делать, если респондент в ситуации интервью не замечает интервьюера, смотрит в стену или в окно и разговаривает сам с собой или с микрофоном?

№ 3. Что делать, если в комнате во время интервью находится третий человек (помимо интервьюера и респондента)?

№ 4. Как быть, если респондент отказывается дать интервью?

№ 5. Что предпринять, если, проводя исследование в интернате для детей с умственной отсталостью, Вы обнаружили факты жестокого обращения с ними со стороны персонала?

№ 6. Как быть, если проводя исследование субкультуры подростков, употребляющих наркотики, Вы узнали, что один из них только начинает прибегать к психоактивным веществам?

№ 7. Следует ли на интервью с женщиной направлять интервьюера-женщину? Должен ли у мужчины брать интервью мужчина?

№ 8. Что делать, если респондент принял роль интервьюера и ведет, контролирует ситуацию, задает вопросы сам, говорит то, что хочет сам, и не желает отвечать на те вопросы, которые нужны исследователю?

№ 9. Следует ли заключать с респондентом устное соглашение-контракт о целях и границах использования интервью?

№ 10. Стоит ли в преподавании качественных методов соблюдать ту же ролевую структуру, что и в процессе интервью: интервьюер/респондент = преподаватель / студент ? Или наоборот?

№ 11. Следует ли (и если да, то каким-то образом) оплачивать респонденту его/ее интервью?

№ 12. Следует ли интервьюеру стремиться к эмоциональному «присоединению» к респонденту?

№ 13. Как быть, если при исследовании в организации Вы замечаете, что там происходит раскол, и все ожидают от Вас присоединения к той либо к другой стороне?

№ 14. Если в интервью Вы ведете респондента, задавая ему вопросы, означает ли это контроль и манипуляцию?

ЛИТЕРАТУРА

1. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс. 1995.
2. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. СПб., 1997.
3. Биографический метод в социологии: история, методология, практика /Ред. кол. Мещеркина Е.Ю., Семенова В.В. М.: Ин-т социологии РАН, 1994.
4. Буравой М. Углубленное кейс-стади // Рубеж. 1997, №10-11. С.154-147.
5. Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя //Вопросы социологии. Т.1. 1992. №2. С.123-130.
6. Васильева Т.С. Основы качественного исследования: обоснованная теория //Методология и методы социологических исследований (итоги работы поисковых проектов 1992-1996г.) М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С.56-65.
7. Веселкова Н.В. Методические принципы полуформализованных интервью //Социология: 4 М. 1995. № 5-6. С.28-48.
8. Веселкова Н.В. Полуформализованное интервью // Социологический журнал. 1994. №3. С.103-110.
9. Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях / Под ред. М. Малышевой. М., 1997. <http://gender.ru/>
10. Гиртц К. Насыщенное описание: о природе понимания в культурной антропологии // Антология исследований культуры. Т.1. СПб: Университетская книга, 1997.
11. Иванов М.А. Беседа как метод исследования // Социологические исследования. №4. 1989. С. 106-111.

12. Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
13. Кодекс этики Американской антропологической ассоциации (пер. с англ. Е.Ярской-Смирновой) // Журнал социологии и социальной антропологии. №1, 2000. С.173-180.
14. Козенко А.В., Моногарова Л.Ф. Эпистемология этнологии // Этнографическое обозрение. Рейнхарц С. Феминистское мультиметодное исследование // Гендерные исследования. №5 (2/2000). С. 190-210.
15. Кольцова Е.Ю. Производство новостей: скрытый механизм контроля // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том II. № 3 (7). С.87-95
16. Куропятник А.И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.III. №2, 2000
17. Ньюман Л. Полевое исследование // Социол. исслед. 1999. № 4.
18. Права человека и межнациональные отношения. Москва: Институт государства и права РАН, 1999
19. Романов П.В. Методологическая эволюция социально-антропологических исследований организаций // Журнал социологии и социальной антропологии. №4, 1999.
20. Романов П.В. Феминистская этнография: метод сбора данных и политика интерпретаций // Гендерные исследования. №4, 2001. С.322-335
21. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Делать знакомое неизвестным. Этнографический метод в социологии // Социологический журнал, №1/2, 1998. С.145-160
22. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Профессиональная этика в социальной антропологии // Современная этика: российская реальность и прогнозы. Казань: Таглимат ИЭУП, 2003. С.197-204. (в соавт. с П.Романовым)
23. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
24. Сергеев Н.М. Этика соавторства и этика цитирования. Российский химический журнал, №6, 1999 (http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/MEN/GEN_ETHICS.HTM)
25. Скворцов Н.Г. Этничность, раса и способ производства: неомарксистская перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.I. №1, 1998
26. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е.Ярской-Смирновой и П.Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002. Введение, раздел III, заключение.

27. Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара: Самар. ун-т, 1995.
28. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995.
29. Ярская-Смирнова Е.Р. Биоэтика социальной медицины // Современная этика: российская реальность и прогнозы. Казань: Таглимат ИЭУП, 2003. С.148-154
30. Ярская-Смирнова Е.Р. Мужество инвалидности // О муже(N)ственности. Сб. статей под ред С. Ушакина. Москва: Новое литературное обозрение, 2001
31. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С.38-61.
32. Ярская-Смирнова Е. Одежда для Адама и Евы. Гендерные эссе. М.: ИНИОН РАН, 2000.
33. Ярская-Смирнова Е. Профессиональная этика социальной работы. М.: Ключ-С, 1999

Заключение

Сегодня, когда Россия переживает серьезные трансформации, очень важно подходить к исследованию общественных явлений и процессов с учетом культурных особенностей этого этапа. Процессы трансформации затрагивают общество в целом и каждого индивида в отдельности, социальные институты, практики и процессы видоизменяются, приобретают новые черты. При этом важнейшей перспективой научного анализа выступает социально-антропологический подход. Антропология представляет широкую перспективу в исследовании проблем человека и общества, помогая нам лучше понять обычаи и нравы людей из других стран и своих сограждан.

В методологии социально-антропологических исследований важный акцент сделан на качественных методах сбора эмпирических данных в целях анализа современных социальных явлений. В отечественных социальных науках качественной методологии до последнего времени уделялось недостаточно внимания. В связи с этим освоение методов современной социальной антропологии предполагает изучение теоретических оснований интерпретативной методологии качественных исследований в области социальной антропологии и социологии; обзор основных концепций и тематизации эмпирических исследований, разнообразных приемов полевой работы, подходов к анализу, интерпретации и описанию полученных результатов, отработку навыков сбора и обработки эмпирических данных с использованием этнографического подхода.

В последние пятнадцать лет этнографы все чаще используют все более многообразные методы, цели анализа, теоретические подходы и стили подачи данных. Современная этнография варьируется в пределах интенсивно расширяющихся предметных областей, ограниченных лишь разнообразием опыта современной жизни, точек зрения, с которых может быть сделано этнографическое наблюдение, и богатством выборов стилей жизни, доступных в современном обществе.

В этом учебном пособии раскрыты лишь некоторые современные направления и школы социальной антропологии. Многие другие интересные разработки отечественных и зарубежных антропологов и этнографов ждут своего описания. Надеемся, что преподаватели и студенты, которые будут применять это учебное пособие, внесут вклад в развитие современной социальной антропологии своими исследованиями и новыми публикациями.

Социальная антропология – новая для России наука и учебная дисциплина, которая позволяет увидеть мир с неожиданной стороны, признать разнообразие человеческих культур, взаимосвязь экономических, социально-политических и религиозных систем. Для российских антропологов сегодня актуальными являются следующие задачи: способствовать упрочению профессиональных связей междисциплинарного характера, объединяющихся вокруг социально-антропологической тематики, развитию социально-антропологического анализа посредством организации академической дискуссии, фасилитировать обмен новыми теоретическими и эмпирическими данными по вопросам становления социальной антропологии как научной отрасли и учебной дисциплины.

Приложение. Кодекс этики Американской антропологической ассоциации¹

I. Преамбула

Антропологи-исследователи, преподаватели, практикующие врачи или юристы — представители разных сообществ, у которых есть собственные моральные правила или кодексы этики. Антропологи, как и многие другие люди, имеют моральные обязательства перед своей семьей, религиозными объединениями и местными сообществами, а также перед своей профессией. Кроме того, они имеют обязательства перед своей научной дисциплиной, в более широком смысле — перед обществом и культурой, перед всем родом человеческим, другими биологическими видами и окружающей средой. Кроме того, у антропологов, ведущих полевые исследования, могут установиться близкие отношения с теми людьми или животными, с которыми они работают; тем самым возникает еще один уровень этических проблем.

В таком сложном комплексе обязательств неизбежны определенные затруднения, недоразумения, даже конфликты, и возникает потребность делать выбор между порой несовместимыми ценностями. Антропологи ответственны за “схватку” с такими трудностями и стремятся разрешить их в соответствии с заявленными здесь принципами. Цель этого Кодекса состоит в том, чтобы способствовать дискуссии и развитию образования в области этических вопросов антропологии. Американская Антропологическая Ассоциация (ААА) не признает неэтичного поведения.

Руководящие принципы этого Кодекса обеспечивают антрополога инструментом, необходимым для того, чтобы участвовать в развитии и поддержании этических основ всей антропологической работы.

II. Введение

Антропология — мультидисциплинарная область науки и образования, которая предполагает изучение всех аспектов человечества — археологического, биологического, лингвистического и социокультурного. Антропология укоренена в естественных, социальных и гуманитарных науках, существует на различных уровнях — фундаментальные и прикладные исследования, научная интерпретация.

В качестве основной организации, представляющей антропологию во всем ее размахе, Американская Антропологическая Ассоциация основывается на положении о том, что производство и правильное использование знания (т.е. публикация, обучение, развитие программ и информационная

---

¹ Кодекс этики Американской антропологической ассоциации (пер.с англ. Е.Ярской-Смирновой) // Журнал социологии и социальной антропологии. №1, 2000. С.173-180

политика) о народах мира, как в прошлом, так и в настоящем, является достойной целью; что производство антропологического знания — динамический процесс, использующий много различных и всегда развивающихся подходов; и что по моральным и практическим причинам производство и использование знания должно осуществляться этично.

Миссия Американской Антропологической Ассоциации состоит в том, чтобы развивать все аспекты антропологического исследования и способствовать распространению антропологического знания через публикации, обучение, образование и практическое внедрение. Важная часть этой миссии состоит в том, чтобы знакомить членов ААА с этическими обязательствами и проблемами, связанными с производством, распространением и использованием антропологического знания.

Цель этого Кодекса состоит в том, чтобы обеспечить членов ААА и других заинтересованных лиц руководящими принципами по осуществлению этического выбора в ходе их антропологической работы. В связи с тем, что антропологи могут оказаться в сложных ситуациях и под действием более чем одного этического стандарта, Кодекс этики ААА обеспечивает основание, а не строгую формулу, для принятия решений.

У лиц, использующих Кодекс как руководство для этического выбора или для обучения, поощряется поиск примеров и подходящих случаев для обогащения своих знаний.

Антропологи обязаны быть информированными относительно этических кодексов, касающихся их работы, и должны периодически проходить тренинг по актуальным вопросам исследовательской деятельности и этики. Кроме того, отделения и кафедры, предлагающие степень по антропологии, должны включать в качестве обязательного тренинг по этике в свои учебные планы.

Никакой кодекс или набор руководящих принципов не может предположить уникальные обстоятельства или конкретные действия в определенных ситуациях. Каждый антрополог должен стремиться делать тщательно обдуманый этический выбор и уметь разъяснить факты и проблемы, на которых основан этот выбор. Данные руководящие принципы, следовательно, охватывают общий контекст, приоритеты и отношения, которые должны быть рассмотрены в принятии этического решения в антропологической работе.

III. Исследование

Как в проектной заявке, так и при выполнении исследования, антропологи не должны скрывать цель(и), возможные воздействия и источник(и) поддержки исследовательских проектов в отношениях с фондами и спонсорами, коллегами, изучаемыми лицами или теми, кто предоставляет информацию, а также с некоторыми сторонами, затронутыми исследованием. Исследователи должны планировать использование и распространение результатов своей работы соответствующим образом и своевременно. Иссле-

дование, соответствующее этим ожиданиям, является этическим независимо от источника финансирования (государственный или частный) или цели (т.е. “прикладное”, “фундаментальное”, “чистое” или “запатентованное”).

Антропологи должны осознавать опасность такой ситуации, когда по условиям участия в исследовании требуется пойти на компромисс с антропологической этикой. Антропологу также следует знать надлежащие требования добропорядочного гражданства или отношений гость–хозяин. Активный вклад и лидерство в стремлении оформить государственные или негосударственные инициативы и действия могут быть настолько же оправданными с этической точки зрения, как и неучастие в действии, отказ от сотрудничества, разрыв отношений в зависимости от ситуации.

Подобные принципы действуют и для антропологов, работающих на не-антропологические организации — государственные или частные.

А. Ответственность за людей и животных, с которыми работают антропологи и чьи жизни и культуры они изучают

1. Антропологи-исследователи имеют основные этические обязательства перед изучаемыми людьми, биологическими видами и материалами и перед людьми, с которыми они работают. Эти обязательства могут превысить по значимости цель поиска нового знания и могут привести к решениям не предпринять или прекратить исследовательский проект, если основное обязательство находится в противоречии с другими обязанностями, например, перед спонсорами или клиентами. Упомянутые этические обязательства включают следующие.

— Избегать нанесения вреда или неправильного обращения, понимая, что развитие знания может привести к изменению, которое может быть положительным или отрицательным для людей или животных, с которыми антропологи работают или кого изучают.

— Уважать благополучие людей и приматов.

— Работать на долгосрочное сохранение археологических, ископаемых и исторических артефактов.

— Активно консультироваться с людьми или группой(ами), которых касается исследование, с целью установления рабочих отношений, выгодных для всех вовлеченных сторон.

2. Антропологи должны делать все от них зависящее, чтобы гарантировать, что их исследование не вредит безопасности, достоинству или частной жизни людей, с которыми они работают, проводят исследование или в отношении которых осуществляют другие профессиональные действия. Антропологи, работающие с животными, должны делать все от них зависящее, чтобы гарантировать, что исследование не вредит безопасности, психологическому благополучию или выживанию животных или иных биологических видов, с которыми они работают.

3. Антропологи должны определить заранее, желают ли их хозяева (у которых они остановились во время полевой работы) или лица, предостав-

ляющие информацию, сохранить анонимность или получить известность, и делают все, что в их силах, чтобы исполнить эти пожелания. Ученые должны представить участникам их исследования возможные последствия такого выбора и пояснить, что, несмотря на все их усилия, анонимность может быть раскрыта, а широкое признание может не состояться.

4. Антропологи должны заранее получить информированное согласие изучаемых лиц, информантов, людей, владеющих изучаемыми материалами или контролирующими к ним доступ, или каких-либо других заинтересованных лиц, которые могут быть как-то затронуты исследованием. Очевидно, что степень и широта требуемого информированного согласия будут зависеть от характера проекта и могут быть изменены в соответствии с требованиями других кодексов этики, законов и обычаев страны или сообщества, в котором исследование осуществляется.

Кроме того, очевидно, что процесс достижения информированного согласия является динамическим и непрерывным; этот процесс должен быть начат еще на стадии планирования проекта и продолжаться в процессе выполнения проекта посредством диалога и переговоров с изучаемыми людьми. Исследователи отвечают за определение и исполнение различных кодексов информированного согласия, законов и правил, воздействующих на их проекты.

Информированное согласие в этом кодексе не обязательно подразумевает или требует специфической письменной или подписанной формы. Речь идет не о формате, а о качестве согласия.

5. Антропологи, которые установили близкие и длительные отношения (договорные) с индивидуальными лицами, обеспечивающими информацию, или с хозяевами должны твердо придерживаться обязательств открытости и информированного согласия, при этом внимательно и с уважением достигать соглашения о границах отношений.

6. Хотя антропологи могут лично извлекать пользу от своей работы, они не должны эксплуатировать индивидов, группы, животных, культурные или биологические материалы. Они должны признавать свой долг перед обществами, в которых работают, и обязательство взаимности перед изучаемыми людьми, которое следует выполнять соответствующими способами.

В. Ответственность перед исследованиями и наукой

1. Антропологи должны знать, что будут сталкиваться с этическими дилеммами на каждой стадии их работы, и должны предпринимать все возможные усилия, чтобы предвосхитить потенциальные этические требования и конфликты уже на стадии подготовки предложений и в процессе осуществления проекта. В каждой исследовательской заявке должен быть раздел, поднимающий возможные этические вопросы и отвечающий на них.

2. Антропологи несут ответственность за целостность и репутацию их дисциплины, науки и исследований. Таким образом, антропологи подчине-

ны общим моральным правилам научного и академического поведения: они не должны обманывать или сознательно искажать (изготавливать свидетельства, фальсифицировать данные, производить плагиат); не следует скрывать неправильное поведение или затруднять научно-исследовательскую деятельность других коллег.

3. Антропологи должны делать все, чтобы сохранить возможность будущих полевых исследователей по продолжению исследований в том же поле.

4. Антропологи-исследователи должны использовать результаты своей работы соответствующим образом, и всякий раз, когда можно, распространять результаты среди научно-исследовательского сообщества.

5. Антропологи должны серьезно рассматривать все разумные просьбы о доступе к их данным и другим исследовательским материалам в целях исследования. Они должны также делать все возможное, чтобы гарантировать сохранность их полевых данных для использования потомками.

С. Ответственность перед общественностью

1. Антропологи должны делать результаты их исследования доступными спонсорам, студентам, политикам, лицам, ответственным за принятие решений, и другим не-антропологам. При этом они должны быть правдивыми; они не только ответственны за содержание фактического содержания их заявлений, но также должны тщательно рассматривать социальное и политическое значение той информации, которую они распространяют. Они должны делать все, что в их силах, чтобы гарантировать, что такая информация будет понята правильно и в соответствующем контексте, что она будет использоваться с ответственностью.

Они должны делать ясной эмпирическую основу их отчетов, быть искренними относительно своей квалификации, идеологических, этических или политических принципов, признавать и разъяснять пределы антропологической экспертизы. В то же время, они должны осознавать возможный вред, который их информация может нанести тем людям, которых они изучают или с которыми они работают, а также коллегам.

2. Антропологи могут сделать своим выбором деятельность по защите прав человека за рамками распространения результатов исследования. Это — индивидуальное решение, а не этическая ответственность.

IV. Образование

Ответственность перед студентами и стажерами

При соблюдении этических и юридических кодексов, управляющих отношениями между преподавателями/наставниками и студентами/стажерами в учебных заведениях или представителями более широких организаций, преподаватели антропологии должны быть особенно чувствительны к тому, как применяются такие кодексы в преподавании дисциплины (например, когда обучение предполагает близкий контакт со студентами/стажерами в ситуации полевой работы). Существуют широко признанные предпи-

сания, которым должны следовать преподаватели антропологии подобно другим учителям и наставникам.

1. Учителя и наставники должны преподавать такими способами, которые исключают дискриминацию на основе пола, семейного положения, “расы”, социального класса, политических убеждений, инвалидности, религии, этничности, национальности, сексуальной ориентации, возраста или других критериев, нерелевантных с точки зрения академической успеваемости.

2. Обязанности преподавателя и наставника: непрерывно стремиться к совершенствованию обучающих технологий; быть доступным для студентов и стажеров, реагировать на их интересы; давать студентам и стажерам реалистические рекомендации относительно возможностей их карьеры; добросовестно руководить, поощрять и поддерживать учебу и практику студентов и стажеров; быть справедливым, незамедлительным и надежным в оценках; помогать студентам и стажерам добиваться поддержки исследований и в поиске работы.

3. Учителя и наставники должны акцентировать для студентов и стажеров этические проблемы, потенциально существующие на каждой стадии антропологической работы; поощрять их осмысливать этот и другие кодексы; поощрять диалог с коллегами по этическим проблемам; и не поощрять участие в этически сомнительных проектах.

4. Учителя и наставники должны публично признавать помощь студентов и стажеров в исследовании и подготовке их работы; давать соответствующую оценку соавторской работе студентов и стажеров; поощрять публикацию достойных статей студента и стажера; компенсировать справедливым образом студентам и стажерам их затраты в участии во всей профессиональной деятельности.

5. Учителя и наставники должны остерегаться эксплуатации и серьезных конфликтов интересов, которые могут иметь место, если они вступят в сексуальные отношения со студентами и стажерами. Они должны избегать сексуальных связей с теми студентами и стажерами, образование и профессиональный тренинг которых находятся в зоне их ответственности.

V. Практическое внедрение

1. Одни и те же этические руководящие принципы относятся ко всей антропологической работе. Это значит, что и при написании заявки, и в процессе исследования антропологи должны быть открытыми относительно цели(ей), потенциальных воздействий и источника(ов) поддержки данной работы с фондами и спонсорами, коллегами, изучаемыми людьми или информантами, а также другими заинтересованными сторонами, которых касается исследование. Прикладные антропологи должны планировать использование результатов их работы (публикации, преподавание, развитие образовательных и социальных программ, развитие законодательства) соответствующим образом и своевременно. В тех ситуациях, в которых при-

меняется антропологическое знание, антропологи несут ту же ответственность быть открытыми и искренними относительно их навыков и намерений, контролируют влияние своей работы на всех людей, которых затрагивает исследование.

Антропологи могут быть вовлечены во многие виды работы, воздействовать на лица и группы с разнообразными и порой конфликтующими интересами. Каждый антрополог должен делать тщательно продуманный этический выбор и быть готовым к разъяснению предположений, фактов и проблем, на основании которых был сделан этот выбор.

2. Во всех деловых отношениях с работодателями лица, нанятые для проведения антропологических исследований или применения антропологических знаний, должны быть честными относительно собственной квалификации, способностей и намерений. Перед тем, как принять на себя любые профессиональные обязательства, они должны рассмотреть цели предполагаемого работодателя, учитывая его прошлые действия и будущие цели. Работая на государственное агентство или частный бизнес, они должны быть особенно осторожны, чтобы не принимать предлагаемые условия вопреки профессиональной этике или другим важным обязательствам.

3. Прикладные антропологи, как и любые антропологи, должны знать об опасности компрометации антропологической этики, что должно являться условием их участия в исследовании или практике. Они должны также знать надлежащие требования гостеприимства, добропорядочного гражданства и статуса гостя. Проактивный вклад и лидерство в оформлении государственных и негосударственных инициатив и действий может быть также оправдан с этической точки зрения, как и неучастие в действии, расторжение отношений или не-сотрудничество, в зависимости от обстоятельств.

VI. Заключение

Антропологическое исследование, образование и практика, подобно любым человеческим действиям, создают ситуацию выбора, за который антропологи несут индивидуальную и коллективную этическую ответственность. Поскольку антропологи представляют разнообразные группы и подчиняются многим этическим кодексам, выбор иногда приходится делать не только между различными обязательствами, представленными в этом кодексе, но также между обязательствами этого кодекса и требованиями других статусов или ролей. Данный кодекс не диктует выбор и не предлагает санкции. Скорее, он предназначен для того, чтобы способствовать обсуждению и обеспечивать общие руководящие принципы для принятия этически ответственных решений.

Таблица 1. Дискурс-анализ аргумента по Скривену

Текст: Для чеченца использовать женщину в войне большой позор. Если мужчина позволяет женщине вмешиваться в обычную бытовую драку, про него у нас говорят: он сам не мужчина, хуже бабы («Они прячутся за женские спины. Позор!») (Комсомольская правда, 25.10.2002).

Таблица 1

Текст Разбить текст на компоненты	Комментарий о выборе слов и вытекающих из них значений	Подтекст Перефразировать текст, чтобы показать, как выбор слов влияет на смысл. Рассмотреть альтернативные взгляды	Идентификация предпосылок и выводов Указать, какие предпосылки и выводы являются явными, а какие скрытыми
Для чеченца	Обобщенное понятие этнической принадлежности, мужской грамм.род. Возможно, за этими понятиями стоят мифологемы «настоящего мужчины» и «чеченского народа». Смысл: <i>Для истинного, настоящего чеченского мужчины</i>	<i>Для любого другого – не для чеченца – это было бы в порядке вещей, но это был бы не мужчина в чеченском понимании</i> <i>Для истинного мужчины, как и для чеченского народа в целом</i>	Автор скрытым образом пишет от лица всего чеченского народа, независимо от соц.-дем.данных, в т.ч. пола, места проживания, гражданства, субъективного отношения к военным действиям представителей данной этничности.
Использовать	Глагол, употребляемый в отношении технологии или объекта, вещи. В данном случае подчеркивает активную роль субъекта и пассивный характер объекта, отсутствие у этого объекта собственной воли, желания и выбора Использовать в качестве кого или чего: снаряда? бойца? Прикрытия? аргумента?	<i>Вовлекать</i> <i>Привлекать</i>	Женщины и так вовлечены в войну, но автор имеет в виду придание женщинам функциональной роли в военных действиях

Женщину	Обобщенное понятие, подчеркивает универсальность женской сущности Смысл: <i>женщину вообще, любую женщину, все женщины в сущности одинаковы</i>	<i>каких бы то ни было женщин</i>	Автор строит аргументацию на явно выражаемом противопоставлении мужчин и женщин, четких границах между мужской и женской сферами ответственности. Неявным образом проводится идея, что данное мнение – единственное и универсальное. Отклонение означает патологию.
в войне	В какой войне? Возможно, война и теракт считаются здесь эквивалентными? Война как мужское дело	<i>к участию в любых военных действиях, включая теракты, в качестве бойцов и в других функциональных ролях</i>	Скрытым образом, но теракт в принципе не отрицается и не осуждается. Автор говорит о «войне» в широком смысле.
Большой позор.	Осуждение, но с чьей стороны? Ущерб традиционной мужественности Действие вопреки традициям и стереотипам	<i>Социально не одобряемое поведение</i>	Опять автор, говоря в обобщенных категориях, от имени всего народа осуждает привлечение женщин к активному участию в вооруженных действиях
Если мужчина позволяет женщине	Формула «если...то» служит логической аргументации «если мужчина так делает – он не мужчина» Женщинам вообще-то не многое дозволено Мужчина решает, что женщине позволять, а что – нет	<i>Если мы будем допускать, что женщина</i>	Развитие аргументации первого предложения: противопоставление настоящих мужчин и тех, кто, согласно автору, таковым не является. Критерий для различения – допуск женщин в мужскую сферу.
Вмешиваться	Глагол, означающий активное поведение, нарушающее обычный порядок Все же бывает, что женщина и вмешивается Смысл: <i>лезть не в свои дела, принимать участие вопреки правилам, решать по поводу своей роли самостоятельно, прерывать процесс</i>	<i>Станет принимать участие в разрешении конфликтов</i>	Автор явно разделяет патриархатные установки относительно гендерных ролей: женщина – несамостоятельное существо, лишь мужчина может, преступая обычаи, позволить ей вмешаться или втянуть ее в мужские дела.
в обычную	Обычную для кого? Только для чеченцев или	<i>даже в повседневных кон-</i>	Явным образом автор основывается на

бытовую драку	<p>для всех?</p> <p>Дважды подчеркивается обыденность и повседневность физического насилия, которое делит общество на мужское и женское.</p> <p>Физическое насилие – обычное дело, эпизод повседневной жизни</p> <p>Есть повседневные конфликты, которые являются прерогативой мужчин. Такие конфликты решаются с позиции силы.</p>	<p><i>фликтах, возникающих между мужчинами,</i></p>	<p>предположении о специфике чеченской культуры, для которой свойственно физическое насилие как элемент повседневной жизни. Скрытым образом это наводит на мысль об опасности данной культуры. С другой стороны, скрытым образом, это наводит на мысль о том, что физическое насилие является (или должно быть) обычным делом для всех обществ и культур.</p>
про него у нас говорят:	<p>Кто говорит?</p> <p>Народная мудрость, традиция</p> <p>«у нас» - «мы» как сила авторитета, большинства</p> <p>Должно действовать суггестивно, по аналогии со ссылками на экспертов (экономистов, психологов, социологов), если текст адресован образованному среднему классу.</p>	<p><i>Совершенно очевидно, что от этого</i></p>	<p>Автор явным образом основывается на непререкаемой власти авторитета народной традиции, говорит от имени большинства. Оправдание чеченского народа, который бы ни за что не одобрил вовлечение женщин в войну.</p> <p>Умолчание о мнении чеченского народа по поводу теракта как такового.</p>
Он сам не мужчина, хуже бабы	<p>Женщина – плохое, но есть и те, кто еще хуже</p>	<p><i>Пострадает наше мужское достоинство</i></p>	<p>Автор подводит читателя к выводу о нелегитимности участия женщин в войне (включая теракты), скрытым образом исходя из предположения о том, что женщина для этого непригодна</p>

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Понятие антропологии. Ее место в системе наук и практике. Социальная антропология как наука и учебная дисциплина: объект исследования и предметное поле. Соотношение с другими гуманитарными дисциплинами: философией, социологией, культурологией, социальной психологией; единство и различие понятий цивилизация и культура. Некоторые понятия антропологии: антропогенез; человек, личность, индивидуальность; архетипы культуры; ментальность	3
МОДУЛЬ 1.....	11
Социальная антропология: основные направления и школы.....	11
Тема 1.1. Социальная антропология: истоки и эволюция.....	11
Особенности социальной и культурной антропологии, этнологии и этнографии. Основные парадигмы и школы социальной антропологии. Эволюционизм. Функционализм. Социокультурный процесс. Марксистская и критическая антропология. Структурализм. Семиотика. Интерпретативная антропология. Перспективы <i>emic</i> и <i>etic</i> . Исследования повседневности.	11
Тема 1.2. Этнография как метод исследований.....	51
Понятие «этнографии». Развитие этнографического подхода в социальных науках. «Журнал современной этнографии». Развитие социально-антропологического подхода в современной России.....	51
МОДУЛЬ 2.....	72
Современные направления социально-антропологического знания.....	72
Тема 2.1. Медицинская антропология.....	72
Основные направления медицинской антропологии: этномедицинское, биомедицинское, экологическое, критическое, прикладное. Разнообразие представлений о болезни. Антропологическая критика медиализации социальных проблем.....	72
Тема 2.2. Феминистская антропология.....	93
История феминистской антропологии. Основные направления современной феминистской антропологии. Социокультурный анализ гендерной стратификации. Репрезентация гендера в культуре. Феминистская этнография. Феминистский анализ труда.....	93
Тема 2.3. Организационная антропология.....	139
Определение, основные понятия и история антропологии организаций. Английская школа антропологии организаций. Современные этнографические исследования в организациях. Организационная культура. Российские исследования организационной культуры. Феминистский анализ трудовых отношений. Методологические основания исследований организационной	

культуры. Символическое пространство организационной культуры. Социальная антропология образовательного учреждения: понятие скрытого учебного плана.....	139
Тема 2.4. Городская антропология.....	195
Основные понятия и сюжеты городской антропологии. Народно-городской континуум. Чикагская школа городской антропологии. Шанти-тауны. Факторы социальной дифференциации в городском пространстве. Понятия девиации, маргинальности и Другого в социально-антропологических исследованиях. Исследования этничности и этнической идентичности. Примордиализм. Этноцентризм. Культурный релятивизм. Проблемы толерантности.....	195
Тема 2.5. Прикладная антропология.....	236
Определение прикладной антропологии. Этапы развития прикладной антропологии. Понятие развития в прикладной антропологии. Аккультурация. Отечественный опыт прикладной антропологии. Экологическое направление прикладной антропологии. Акционистская антропология. Будущее прикладной антропологии. Антропологические основания социальной работы. Антропология прав человека	236
МОДУЛЬ 3.....	275
Антропологическое исследование.....	275
Тема 3.1. Методы исследований в социальной антропологии.....	275
Этнографическая полевая работа. Качественные исследования. Полевые исследования. Методы исследования. Исследовательский процесс. Начало полевого исследования. От контекста к проблеме. Метод участвующего наблюдения. Участие в повседневной жизни. Валидность и надежность участвующего наблюдения. Метод интервью	275
Тема 3.2. Тексты в социальной антропологии	303
Анализ текстов: развитие метода, типы материалов. Культурные артефакты как тексты. Анализ текстов как деконструкция. Качественный и количественный контент-анализ. Анализ визуальных текстов. Визуальная антропология. Фото-исследование. Партисипаторная фотография. Нарративный анализ интервью. Валидность нарративного анализа. Этнографическое письмо.....	303
Тема 3.3. Антропология в обществе: развитие метода и этика...361	361
Прикладные, акционистские, партисипаторные исследования. Этика полевого исследования.....	361
Заключение.....	373
Приложение. Кодекс этики Американской антропологической ассоциации.....	375

Учебное издание

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна
РОМАНОВ Павел Васильевич

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Учебное пособие

Редактор О.А. Панина
Компьютерная верстка Ю.Л. Жупиловой